

ALEX ELLIOTT

SHE'S A KENNEDY.
HE'S A U.S. SENATOR.
TOGETHER, THEY'RE
GOING TO MAKE
HISTORY

VETTING THE **SENATOR**

DIRTY LITTLE SECRETS

Внутри, я умираю, как хочу прикоснуться к Беннетту. Просто коснуться. Я слегка наклоняюсь, давая ему понять... что? Он прекрасно жесток. Проведя с ним неделю, я уже горела в огне. Я потерялась в нем. Действительно потерялась во время его избирательной кампании, начиная с прошлого четверга. Мы приземлились в Вашингтоне несколько минут назад, и это не должно было начинаться как еще один эпизод «в чужой монастырь...» Если бы желания могли так легко сбываться, то я бы хотела, чтобы мы продолжали идти по дорожке, раскрывая те тайны — тем более, если это наша дорожка с особым вкусом темного, извилистого, болезненного.

Старик Фрейд возможно был прав. Без защитника во мне был вакуум. Но не с Беном Крича «да», я не опустошена. Все было бы прекрасно, если бы он не был моим начальником. Итаааааак, я не просто на грани. Я вкусила запретный плод...открыла глаза и хочу еще плотских утех. Первобытный секс, граничащий с насилием и это единственное, что может утолить мой голод. Я уже почти на грани безумия. Весь мой причудливый опыт с Беннеттом можно описать как сборник «Как провалить свою карьеру в Конгрессе».

Одна бессонная ночь превратилась в семь дней непрекращающегося жесткого траха — ну вы поняли. Да?

Это должно было закончиться в Бинтауне (неофициальное название Бостона). Это что — то вроде сделки, если бы у нас была хоть капля здравомыслия между нами. Не тогда, когда мы приземлились в аэропорту Рейгана и смотрели друг на друга всепоглощающими взглядами. Не тогда, когда на мне пара зажимов для сосков, которые он купил в Бостоне и надел мне сегодня утром в нашем номере отеля. И, естественно, не тогда, когда я протянула ему свой адрес. Адрес, который был написан на смятой бумажке, в моей липкой от пота ладони.

В то время, пока мы стоим рядом, а его рука гладит мою, конвейерная лента с багажом снова оживает. В свою очередь я «случайно» прислоняюсь плечом к нему, дожидаясь, пока появится его чемодан. Наклонившись, Бен хватает его за ручку и поднимает с конвейера.

Я вижу рыжего мужчину со значком избирательной кампании Бена, он подходит к нам, широко улыбаясь.

— Как полет? Не могу припомнить то, чтобы вы исчезли из вида надолго, — Беннетт смотрит на него и улыбается: — Оливер, я отлично провел время.

— Нора сказала, чтобы я был здесь, а когда она щелкает пальцами, ну вы знаете какой эффект это производит. Рассказывайте. Какие новости? — спрашивает Оливер.

— Эта поездка оказалась самой лучшей. Плодотворная. Информативная. И я снова готов к работе, — отвечает Бен и смеется, сверкнув при этом своими темными глазами на меня. От его взгляда все внутри меня делает сальто, подтверждая, что связь между нами неразрывная. Грубая. Связывающая.

Выражение его лица становится ледяным. Закрытое от всех, отрешенное от всего, когда он смотрит на Оливера. Удар по моим чувствам. Как будто другой Стоун стоит рядом. Недостигаемый. Я понимаю. Он — Сенатор, а я его стажер. Вот так это было вне нашей с ним постели.

— Мисс Кеннеди, — говорит он, обращаясь с жестом ко мне. — Знакомьтесь, Оливер

Прайс. Он поможет вам здесь обустроиться.

Я шагаю вперед.

— Привет, Оливер.

— Рад знакомству и добро пожаловать в Вашингтон. Новый стажер Конгресса? — В голосе Прайса слышатся южные нотки штата Джорджия и он снова расплывается в широкой улыбке.

— Да. Бостонский Колледж, — говорит Беннетт сухо, беря в руку сумку с ноутбуком и кивая Оливеру. — Этот парень мой помощник — конгрессмена — номер — один и когда мне нужен менеджер для проведения выборочной кампании — он тут как тут. Мы давно вместе.

— Впечатляет, — я гляжу на них.

Беннетт смотрит на меня, и на секунду я замираю, глядя в зеленые омуты. Те, что заставляли меня сдаваться, делали меня покорной пленницей, когда он трахал меня часами напролет в течение той недели и еще один раз сегодня утром. Он вколачивался в меня так сильно и глубоко, клянусь я до сих пор чувствую егодвигающегося в и из меня, как будто он пробил брешь в стене моей души — вот так яростно все было у нас.

— Начиная с Афин... (город в штате Джорджия) и даже за пределами Атланты, — Оливер фыркает, возвращая меня из мыслей. — Мисс Кеннеди, были когда — нибудь в южных штатах?

— Конечно, да. Жила когда — то недолго. Я больше люблю Атланту. Пожалуйста, зови меня Ксавия.

— Ксавия, — повторяет он мое имя и протягивает руку. — Нора рассказала мне о тебе. Не беспокойся.

— Великолепно, — Я пожимаю ему руку и пока мы обмениваемся рукопожатиями, я бормочу что — то на вроде — рада познакомиться. — находясь в замешательстве.

Он отпускает мою руку и продолжает собирать вещи своего начальника. Обе сумки.

Я отступаю, беспокоясь, что помешаюсь ему. Беннетт усмехается. Это напоминает мне, как мы с ним встретились впервые — я прогуливалась и не знала, чем заняться. Мы говорили об этом. Я знаю план, а еще у меня в руках проклятая бумажка. Почему же я медлю и не отдаю ее ему?

Черт, я не могу стоять здесь так просто и страстно желать Бена.

— Увидимся, — быстро сказала я. — С обоими. Завтра. — Я заставляю себя улыбнуться, как будто так же легко, как познакомиться с кем — то — без проблем. Никто, кроме меня сейчас не знает, что мое сердце бьется так сильно, как будто готово выскочить.

— По пятницам — свободный день, — отвечает Оливер. — Я не знаю, сколько Нора запланировала.

— Много всего, жду с нетерпением случая. Окей. Ни свет ни заря. Я лучше пойду, — Я бормочу, беря свою сумку. Закидываю сумку на плечо и разворачиваюсь, улавливая звук, как будто я задела что — то. Оглянувшись, я вижу удивленный взгляд Беннетта. Дерьмо, я задела его за руку или грудь.

— Где твоя соседка по комнате? — Он всего лишь приподнял бровь, и я уже горю. Мое лицо, возможно, отражает 17 оттенков стыда.

— Она должна была ехать на занятия, а я поймаю такси. — Я стараюсь скрыть свою реакцию, пытаюсь сохранить вежливое выражение лица. Беннетт — мой начальник. Человек, у которого я буду учиться. Умелый учитель. Убедительный. Повторяю еще раз!

— Мы доведем тебя, — отвечает он, как всегда командным тоном и я сглатываю, борясь с желанием чтобы доказать, что это не просто жест вежливости с его стороны.

— Спасибо. Это более чем... — Я выпускаю ручку сумки, затем разжимаю ладонь, открывая бумажку с адресом. Я так нервничаю, что не могу вспомнить адрес. Я смотрю на бумажку и выдавливаю: — Logan Circle.

— Это потрясающее место, — говорит Оливер, наклоняясь вперед. — Постой, дай помогу тебе с багажом. Помню свой первый день в Вашингтоне. Кажется, прошла целая вечность.

— Я сама. — Берусь за ручку чемодана, крепко держа его, как будто я храню в нем какие — то тайны.

— Оливер, заканчивай с ее чемоданами, а я разберусь со своими, — приказывает Бен своему помощнику.

— Но... — замолчав на полуслове, вижу, как он смотрит на меня своим тяжелым взглядом.

— Да? — Его зрачки расширяются. Уголок губ слегка поднимается вверх.

Как будто мы в Бостоне. Любое возражение с моей стороны будет встречено предупреждением с его стороны и последующей умелой поркой моей задницы. Меня бросает в жар от представленного. Я не свожу с него глаз. Оливер стоит за ним и вероятно видит нашу с ним игру взглядов. Все и вся должно быть без сучка и задоринки между нами, я борюсь со своим выражением лица.

Глаза спокойные.

Челюсть не падает на пол.

Не слишком ли наклоняю голову?

Господи, мои щеки горят, в то время как я пытаюсь изображать спокойствие — даже мысли об этом становятся опасными. Мои внутренности стянуло узлом, а я нахожусь в Вашингтоне всего менее часа. Святые небеса — если это всего десятая часть того, что будет происходить в офисе Бена, то я готова к гонке всей моей жизни!

Поднимая взгляд на тележки, которые стоят у стены, я напоминаю себе не забывать дышать.

— Нам нужна тележка, — говорю я фальшиво спокойным голосом и смотрю в лицо Беннетта. — Там есть несколько свободных.

— Сейчас возьмем, — говорит он, забирая мою сумку у меня с плеча и я застываю в то время, как его пальцы касаются меня.

До того как он касается меня, я снимаю сумку и отдаю ее в его протянутую руку. На долю секунды усмешка на его лице становится шире — а затем она исчезает.

Мы меняемся местами, выбирая, кто что возьмет, и то, что мы стоим так близко и не можем дотронуться друг до друга еще даже хуже, чем танцевать кадрили в тесном шкафу. Мы просто смотрим друг на друга.

— Где точно ты живешь? — говорит Беннетт низким ласковым голосом — или может мне это просто кажется.

— «Р-стрит», Северо — Запад. Но я могу приступить к работе прямо сегодня, — отвечаю я беспечно, указывая на записку. Он берет записку, задевая меня и я, затаив дыхание, чувствую, как покалывание взмывает вверх по руке.

— Ух ты. А ты горячая. Первый день в городе и уже готова в бой. — Оливер смеется и трясет головой, лавируя с двумя чемоданами и ручной кладью. — Машина у обочины.

Если б только Оливер знал, как близок в описании к тому, что я чувствую.

Стоя спиной к помощнику, Беннетт смотрит на меня стальным взглядом.

— Ты появишься завтра и этого будет вполне достаточно. Обустройся пока.

Случайно или нет, но мы работаем так, как будто у нас понедельник каждый день.

— Не позволяй ему пугать тебя, — парирует Оливер в то время, как мы продвигаемся к выходу. У нас есть счастливый час [Прим. пер. — «Раз в неделю, обычно в пятницу после рабочего дня, во многих барах — ресторанах выставляют бесплатную закуску — это и есть счастливый час»] и ты приглашена.

Черный внедорожник стоит у обочины. Пара полицейских сосредотачивает свои взгляды на нас, и одна из них дует в свисток, заставляя машину проезжать. Вторая улыбается и подходит.

— Сенатор Стоун. Давайте поможем вам выбраться отсюда.

— Спасибо. Сегодня очень многолюдно.

Она кивает, глядя на него сквозь оправу своих солнцезащитных очков, и соблазнительно улыбается.

— На следующей неделе начинаются занятия у школьников, и, пока они не начались, туристы возвращаются домой.

— Ну, тогда понятно. — Он отдает Оливеру сумку. Я еще никогда не видела, чтобы столько человек встречали кого — то с таким удовольствием. Ошеломительные улыбки, смех и удивительно, как голова Беннетта еще не стала размером с Фенуэй — Парк.

Женщина полицейский окидывает его взглядом, который не заметит даже слепой.

— Хорошего дня, сэр.

Сэр? То, как она его называет, вырывает меня из раздумий. Беннетт никак не реагирует, а я да. Сэр. Более чем почтительно. Я его называю так, когда голая и учусь искусству подчинения. Я нахожу это довольно сложным заданием.

— Мисс Кеннеди, сюда, — Он открывает заднюю дверь и похлопывает по сиденью. — После вас.

Я прохожу около него, и он подходит ближе. Он прикрывает меня своим телом, в то время как я зажата между ним и дверью. Мы стоим на обочине, зажата им, я вся в огне, полностью сгораю. Он мог бы прикоснуться ко мне, но он этого не делает. Я вижу его руки. Одна на двери, другая на дверном проеме.

Фактически, он поймал меня, используя свое огромное тело, оставляя мне путь к отступлению только заднее сиденье. Я жажду прижаться к нему, почувствовать его губы на моих губах — на моей коже — между моих ног. Я не смею взглянуть вверх или нарушу стратегию, рискуя сделать то, что я по договоренности не должна делать — прилюдно коснуться его и удовлетворить свою потребность в нем.

— Запрыгивай, — бормочет он.

Я продвигаюсь на сиденье, он садится следом.

Я отодвигаюсь, он придвигается ко мне. В тот же момент он захлопывает дверь одновременно с Оливером, закрывающим багажник. Он прижимается к моей ноге, поглаживая пальцами мое бедро, придвигая меня ближе к себе. Он запускает свою руку мне под юбку, скользя пальцами вверх, в то время как я инстинктивно сжимаю ноги.

— Бен — нетт, — бормочу я.

— Раскройся. Сейчас же!

— Но...

— Если ты не хочешь, чтобы весь аэропорт узнал, что я делаю, подчинись.

Оливер проходит слева от меня, не заглядывая вовнутрь, и я вздрагиваю.

— Пожалуйста, — стону я.

Не говоря ни слова, Беннетт продвигает руку выше между моих ног, и я задерживаю дыхание, делая, что он говорит — раздвигаю ноги для него.

Я дрожу, пока он, поглаживая большим пальцем между моих бедер, смотрит на меня.

— Клянусь, я бы мог трахнуть тебя. Прямо сейчас. Очень жестко. — шипит он сквозь зубы. — Но проблема в том, что если я начну, то сомневаюсь, что меня можно будет остановить в течение нескольких часов.

Окна затонированны. Перегородка между передним и задним сиденьем поднята. Помощник Бена останавливается, перешучиваясь с женщиной — полицейским. Через секунду он запрыгнет на переднее сиденье. Мы со Стоуном сделаем это, сидя на заднем сиденье, в то время как водитель ходит вокруг нас — но мы не нарушаем правила соглашения.

Мы можем сделать это. Тихо, я повторяю это себе как мантру в то время, как пальцы Беннетта пробираются все выше и выше по бедру. Но, во — первых, у меня тоже есть право голоса.

— Постой... — Я заканчиваю то, что очевидно он оставил недосказанным. — Мы в твоём городе, и мы должны помнить правила. И то, что мы сейчас делаем, не соответствует им.

— Кса... Я хочу тебя так сильно, как никто другой. Отдайся мне, как я прошу. Сними блузку. Я хочу увидеть твои сиськи. — Он потирает кожу внутренней части бедер, сильно, сжимая у меня между ног, и запускает пальцы под кружево трусиков. Он дотрагивается до моих складочек — я мокрая и теку.

Я потираюсь об его палец и крошечный комочек нервов на клиторе взрывается ослепительной вспышкой.

— Черт, — ускоряется он и я делаю как он говорит, снимая блузку и обнажая полностью кружевной бюстгалтер. — На тебе зажимы. Господи, я бы трахнул твою грудь, твою задницу и твою киску, если бы мы были в Доме сейчас. Сними лифчик, я хочу сосать твои соски.

— Это безумие, — шепчу я, глядя неотрывно на него в то время как он щипает меня за клитор и я кончаю на его руку. — Я не могу.

— Ты. Можешь. — Он переводит взгляд и вставляет пальцы в мою дырочку, я начинаю дрожать.

— О — о—о — о—о, — проглатываю стон, затопленная волной похоти, опасаясь, что в любой момент Оливер откроет водительскую дверь. Я вцепляюсь в руку Бена, пытаюсь остановить его, но он и не думает этого делать.

Он оглядывается на меня, прижимаясь ближе, глядя на меня тяжелым взглядом.

— Я очень хорошо знаю, что тебе надо. Даже не вздумай сдерживаться. А сейчас объезжай мой гребаный палец.

Он грубо погружает пальцы в меня, в то время как мои мышцы сжимаются. Я раздвигаю широко ноги, желая, чтобы он входил глубже. Я качаю бедрами, страстно желая в то же время, чтобы он нашел и продолжил массировать ту самую точку «Джи», заставляя меня прикусывать верхнюю губу, чтобы не прокричать его имя. Вспышка блаженного возбуждения омывает меня. Я на грани, готова разлететься на кусочки, но он

останавливается, убирает палец и хмуро смотрит на меня.

— Ну? — спрашивает он. — Я был предельно ясен, говоря о том, что ты должна оголить свою грудь. И на будущее, ты не подчинилась мне.

Полагаю, что так и есть. Он указал мне на то, что я не доверяю ему. Он мне нужен. Я должна иметь его. Я стянула вниз чашечки лифчика, накрывая грудь пальцами. Цепочка, соединяющая зажимы для сосков, которую он надел мне, повисла между моих сисек.

— Услуга за услугу? — я фокусируюсь на Оливере, который, кажется, флиртует с полицейскими, затем быстро прижимаюсь к Бену. Я раздвигаю ноги еще шире, как будто я сексуально — озабоченная наркоманка. — Ты хочешь кое — чего. Что ж, Сенатор, я тоже.

Он мрачно смеется.

— Решайся, малышка. Опустит руки и я дам тебе, что ты хочешь.

— Договорились. — Я опускаю ладони на сиденье, грудь оголена, он хрюкает в знак удовлетворения.

Бен вставляет целых два пальца в мою киску. Он проталкивает свою руку сильнее, быстрее, прикусывая губу и глядя мне в лицо.

— Кончи для меня, Кса. Кончи на мои чертовы пальцы, малышка.

Широко расставив ноги, я сжимаю бедра и разлетаюсь. Он вколачивается своей большой ладонью в мои складочки, заставляя меня принять два его пальца. Все время. Жестко — его рука сильно и беспощадно бьется между моих ног. И я готова кончить. Я вцепляюсь в его мускулистый бицепс, утыкаясь лицом, тихо крича его имя.

Он все еще беспощаден, хотя я еще не пришла в себя. Взяв обе мои груди, он всасывает один из возбужденных сосков в свой теплый и влажный рот. Где — то посреди крышесносного удовольствия, он дергает цепочку, доставляя немного боли моим соскам, и я разлетаюсь на осколки.

— Беннетт, — я выдыхаю его имя, в то время как ослепляющая эйфория взрывается в моем мозгу и моя киска рада тому освобождению, которое он доставил.

— Прекрасно, — отвечает он, погружая свои пальцы снова и снова в меня. Капельки пота стекают между его бровей тогда, когда он сосредоточенно трахает меня пальцами среди бела дня.

Потоком возбуждение поднимается внизу живота, сжигая мои чувства, и я взлетаю... перенесенная на вершину страсти такой острой и захватывающей, что я делаю то, что он говорит, и бурно кончаю. Мои мышцы сжимаются вокруг его пальцев, и я впиваюсь в сиденье руками. Я не смею даже отвести взгляд от него. Он дает мне понять, что разрыв зрительного контакта равносителен неподчинению и я могу заработать порку, которую он устроит мне, продолжая считать каждой мой проступок.

Его темно — зеленые глаза сверкают искрами, его зрачки превратились в черные океаны, он достает пальцы из моей киски, слизывая мои соки с наманикюренных пальцев. Вынимает платок из кармана пиджака и вытирает пальцы, а затем вытирает у меня между ног.

— Пить будешь? — он произносит это так, как будто мы обсуждаем идеи предвыборной кампании, а не находимся в состоянии головокружительного оргазма. Его эрекция упирается в ширинку, и я четко могу представить, как расстегиваю ее и освобождаю его член. Он прав. Если мы начнем трахаться, то никогда не сможем остановиться.

— Нет. Я в порядке.

Он ухмыляется.

— Лучше, чем просто хорошо. У тебя самая сладкая киска и соски. Быстрее бы уже суббота, чтобы я полностью попробовал тебя всю. Часами. И мы снова пересмотрим твой акт неповиновения, Мисс «Услуга за услугу». Он достает бутылку воды из встроенного кулера над консолью и отворачивает крышку. Прислоняя бутылку к губам, он делает глоток, а затем протягивает мне.

— Уверена?

— Да. Уверена. — «Ошеломлена» — это лучшее описание, но он единственный из всех людей, кому не надо дополнительной подпитки для его огромного эго.

Откинувшись обратно на спинку сиденья, он вытаскивает папку из своего кейса и опускает свои солнечные очки.

— Радуйся, что я не разложил тебя на заднем сиденье и хорошенько не оттрахал. Но я все еще могу так сделать, если ты не перестанешь так смотреть.

Оливер открывает дверь и садится за руль. Через интерком он спрашивает:

— Куда ехать, Ксавия?

У Беннетта есть листок с адресом.

— 1211 Р-Стрит, северо — запад, — Громко говорит он адрес по памяти, даже не глядя в мою сторону. — Какое расчетное время прибытия?

— Подожди немного, пока я задам адрес, — говорит Оливер и затем отвечает: — Тридцать две минуты до Капитолийского Холма.

Я трясую головой.

— Разве мы не в пяти милях от твоего офиса? Вы можете высадить меня после.

Бен выдыхает и это выглядит как недовольное рычание. Он отключает интерком, наклоняясь ко мне ближе.

— Когда же ты научишься? Это в два раза меньше, чем десять минут. Думаю, что ты должна быть более убедительной. Когда дело касается тебя — я главный. — Он касается моей шеи, скользя костяшками вниз по моей челюсти и глядя сквозь оправу своих солнечных очков некоторое время. Его губы приближаются к моим. — Повторяй за мной. — Да. Сэр.

Дрожь пробегает по моей коже.

— Да, сэр, — шепчу я.

Усмехнувшись, он нажимает на кнопку интеркома, отстегиваясь.

— Я могу потерпеть. Оливер, давай доберемся туда.

Я оставил Ксавию этим утром и у меня было такое чувство, что я что — то не сделал. Девять часов назад я попробовал ее киску. Мою киску в свете приближающейся субботы. В ночь, когда я предъявлю права на нее и привяжу к себе как свою сабу. Закрываю глаза, вспоминая, как выносящее мозг чувствуется ее шелковая мягкость, сжимающаяся вокруг моих пальцев, запах ее возбуждения заполняет мою голову. Ее губки вокруг моего члена — полностью высасывающие меня, пока мы едем сквозь пробки Вашингтона — фантастический способ начать душе-продажный день в Конгрессе.

Тогда я был тверд, но сейчас, сидя в своем автомобиле, я еще тверже. Я снаружи ее чертовой квартиры, делая то, что, бл*дь, я даже не могу описать. Сажу в засаде — вот как можно назвать мои действия. Безумие — другой прекрасный термин.

Сегодня вечер четверга и я, вместо того, чтобы зависать вместе с моими партнерами по бизнесу в Клубе, припарковался на Логан Сёкл, не имея никакого плана. Мои яйца посинели, как будто я не трахался несколько дней. Даже не спрашивайте о моем члене. Этот

ублюдков тверже стали.

Я голоден. Я хочу, чтобы Ксавия объезжала меня пока я не кончу в нее, выкрикивая ее имя и пробуя на вкус ее сочный ротик.

Она там наверху, в своей новой квартире ...за тем, как я думаю окном. Квартира «5А».

Я нашел информацию в интернете и определился с планировкой. Пять этажей и на один из них я таращился уже двадцать минут. Если б у меня было серое вещество в голове, я бы купил себе бинокль, чтобы лучше видеть.

Откидываясь назад, я с силой начинаю жевать жевательную резинку, в то же время, наблюдая за теньями в квартире, отбрасывающие темные пятна на стены. Пока что Ксавия не подходила достаточно близко к окну или балкону, и я не мог получить то, что желал. Всего лишь взглянуть на нее.

Я не могу подняться к ней. Она не одна. Она живет с девушкой, которая по счастливой случайности сыграла роль в нашей с ней встрече.

Клубом «Мидтаун» владеет конгрессмен Лоу, ее дядя и новый член Дома. Причина, по которой я потребовал полную проверку на совпадения.

Брук Тейт. Ее соседка по комнате, принцесса трастового фонда, студентка университета Джорджа Вашингтона. Арчер, мой знакомый, который предоставляет мне самые низменные и грязные секреты на любого мне необходимого, добыл мне достаточно исчерпывающее дерьмо на Мисс Тейт.

Если Кеннеди происходит из старого финансового рода, то Тейт — из нуворишей в сияющей безвкусной алмазной диадеме.

Средняя Америка оказывает сильное влияние на американскую мечту последние два поколения. Мисс Тейт как раз такая. Не лучшие оценки в Университете Дж. Вашингтона, студентка четвертого курса юридического факультета, брала год на реабилитацию и еще один, чтобы объехать Европу и как ни странно, Средний Восток. Мисс Тейт злоупотребляет алкоголем, легкими наркотиками и мужчинами в возрасте. Она кинула принца или двух. Обоих. Неофициальная записка Арчера мне — у нее пристрастие к «папочкам».

Ричард Тейт, ее отец, человек стоящий за управлением данными, выпускник Стенфорда, гений, совершивший революцию в компьютерных операционных системах и король программного обеспечения. Не мелкая сошка.

Конгрессмен Рик, как известно, уволился два года назад и путешествует вокруг света в качестве благотворительного кочевника с тех пор, как мать девушки бросила их. Обычное дело, он оставил своей единственной дочери огромное наследство, в то время как, по моей информации, он осел в Лхасе в Норбулинке, летней резиденции Далай Ламы, с целью найти самого себя.

Полагаю, я должен быть благодарен. Квартира находится не так далеко от моей квартиры в Джорджтауне и при желании, я могу включить в мою утреннюю пробежку этот маршрут, что может перейти в вечерний бег, бл*дь!

День расплаты.

Здесь мой стажер наверху за дверями лобби. Я ерзаю на сиденьи, натягивая козырек своей бейсболки, и сильно жую жевательную резинку, чтобы не раскрошить свои коренные зубы.

Кеннеди вместе с темноволосой девушкой — молодой девушкой, напоминающую ту с фотографии из отчета Арчера, выходят из здания. Что надето на Кса? Короткое платье.... слишком сильно открывающее ее длинные ноги. Господи Иисусе. Я взглянул на ее туфли и

вцепился в дверную ручку, сжимая холодный металл под пальцами. У меня было пять секунд, может меньше, чтобы продемонстрировать, как далеко за грань дозволенного я зашел.

Что, бл*дь, я ей скажу? Я был тут недалеко?

На обочине не было ни одной ожидающей машины. Тогда куда, к черту, они собрались! Но они не собираются ехать на такси. Они не бродят вокруг. Дерьмо! Я слегка приоткрываю дверь и смотрю, как они идут вниз по кварталу. Здесь вокруг много магазинов, ресторанов и баров.

Мой телефон гаснет, и я проклиная, что моя машина стоит прямо к ним передом. Закрывая дверь, пару секунд я не смотрю за Кеннеди. Когда ее светлая голова исчезает из виду, мои кишки сворачиваются в узел.

Мой телефон снова вибрирует.

— Да? — рычу я в трубку на своего партнера по бизнесу в клубе.

— Что ж пошел ты тоже, приятель! — трещит в трубку Картер. — Я в Доме. Забавно тебя нет.

— Джекс, я буду позже.

— Тебя нет в офисе. Я звонил. — Джексон Картер, спикер палаты Соединенных Штатов и он изводит мою задницу по без повода, кроме этого мы близки с ним как братья и являемся владельцами странного элитного Клуба.

— Нет, ублюдок. Не в офисе. Что? Беспокоишься, что я не смогу сделать работу Итана? Пусть лучше это будет не так, как в прошлый раз. Скажи мне, что игр со свечами не будет.

— Нет, он завязал с воском.

— Итак... зачем звонишь?

— Хороший вопрос. Ты участвуешь сегодня? Итана не будет. Ты знаешь, что делать.

— Я понял к чему ты. — Его слова ясны как день. Он хочет знать, буду ли я присутствовать на совместном мероприятии — большой жеребьевке для членов клуба, чтобы увидеть как два Дома становятся сабами — и я не изменю своему слову — скажу тоже самое, что я планировал сказать по поводу менажа с вовлечением мужчин. — Я буду там. Не важно, что у Итана на счетах, он должно быть ошибается.

— Ты не можешь обвинять меня в том, что я спросил. Поскольку ты возвращаешься в Дом, ты наверняка захочешь провести кое — какие сессии. Он использует P.V. (возможно, он имеет в виду электронную почту, в том смысле, что ничего им о нем кроме эл. адреса неизвестно) и обещает только удовлетворение для всех участвующих. Если тебе интересно, у нас есть несколько особенных членов этим вечером.

Должно быть что — то особенное, если будет использована вертушка, соединенная с фиолетовой палочкой. Электростимуляция и Итан — это одно и тоже, приравненное к играм на грани безопасности.

— В моем списке нет ни одного члена клуба с особыми правами. Итак, кто это? — спрашиваю я.

Он выдыхает, а я перевожу снова свое внимание на улицу, запоминая окрестности в непосредственной близости вокруг дома Ксавии.

— Орел, — Он использует секретное кодовое слово для обозначения президента и в моей голове как будто взрывается бомба.

— Вот, б*дь! Когда он объявился снова? — Я откидываюсь на сиденьи — все это означает, что сегодня произойдет нечто действительно дерьмовое.

— Звонил агент. Вчера.

— Ты не думал, что нам стоит встретиться с ним? Как мы обеспечим безопасность?

— Ты ведь знаешь, он со своей службой безопасности. Слушай, ты все еще планируешь свое маленькое, неофициальное превышение дозволенного... в этот выходной?

Что ж, бл*ь!

— Нужна особая причина, раз ты спрашиваешь? — Я медленно закрываю глаза, чувствуя жжение из — за того, что пароль «орел» активирован.

Если он будет рядом, то, что я планирую, может быть рискованным. Я не могу притворяться, что я не нарушаю основное правило: ни с кем из сотрудников. У нас есть несколько особых правил в Доме, хотя с Ксавией я нарушил их практически все. Джекс даже не знает, что она мой стажер — и не узнает, если я постараюсь.

— Просто уточняю расписание. Ты ведь не собираешься все снова отменить?

— Заткнись, к чертовой матери! — Он слегка струсил и я понял.

— Просто предполагаю, недели, что тебя не было, было достаточно?

После того как я резко продлил свою последнюю кампанию, чтобы побыть с Кса, я более, чем уверен, что я хочу... что мне надо. Ее в качестве моей сабы. Б*дь.

— Да, достаточно, — ответил я. — Ты все еще знакомишься случайно?

В эту субботу он будет выступать в качестве зрителя для Ксавии. Проводит ее в клуб. Подготовит ее для меня, снимая с нее одежду, связывая ее запястья, и проведет ее на сцену, где она будет стоять голая, ожидая меня — в течение аукциона на котором я буду делать ставку против членов клуба, заявляя на нее права. Владея ей.

— Я ж давал тебе слово, не так ли? — утверждает он. — Члены клуба едва не лопнули от злости, когда я вынужден был сказать им, что ты не сможешь сделать это, после объявления о твоём возвращении.

— Они справятся. Мы командуем, а не они, — я ворчу, а затем добавляю. — Суть в том, что я хочу, чтобы моя гостья была все время в маске.

— Все время?

— Да, я позабочусь о ее удостоверении личности и данных на нее. — Нет слов, чтобы описать, как все внутри меня скрутилось. Я не думаю, что это хорошо, но и с выходящим из — под моего контроля голодом к Ксавии, чувствую себя плохо. Идея разделить даже самую мельчайший, не значительный кусочек ее в клубе, заставляет мою задницу пылать, и я не могу избавиться от мысли, что меня душит моя жадность.

— Где она будет? Я не понял.

— Отель «Франклин». Она будет в лобби. Ожидать. Позаботишься о ней, Джекс.

— Бен, я понял все, что ты даже не сказал. С тобой происходит в последнее время что — то, и я слышу резкость в твоём голосе и, и это ... необычно. Вот почему я хочу знать, что все — таки происходит.

Я ни перед чем не останавливаюсь, размещая Кса в частном люксе одного из самых дорогих отелей Вашингтона. В люксе, которым владеет клуб и который используется только для особых саб и частных встреч. Нас семь партнеров дома — мы все конгрессмены, соучредители и все мы — крутые Дома. Мы никогда открыто не говорим об отеле. Просто так мы его не посещаем. Я не был там с прошлого года. Он находится недалеко и когда нам нужен номер люкс, мы рассылаем сообщение каждому из нас путем зашифрованной почты, что номер занят.

— Смотри за ней. Не позволяй никому дотрагиваться до нее, или я обещаю, я доберусь

до каждого лично, и меня не волнует, если тайная гребанная служба будет иметь к этому дело и причастна.

— Твою мать. Звучит так, как будто ты преступил черту. Со времен Гарварда ты ни разу, НИ РАЗУ не хотел рисковать.

Черт возьми! Мы говорим по сотовому и я прерываю его.

— Картер! Ты не мой гребанный смотритель.

— Ты прав. Я не он, — отвечает он с хрипотцой в голосе.

Я слишком эмоционально реагирую и срываюсь на нем.

— Слушай, я скоро буду. И спасибо, приятель.

— Без проблем. Просто приезжай. — Джекс отключается, я завожу двигатель и прочесываю улицы, разыскивая свою блондинку. Все бы отдал, чтобы провести с ней ночь, вместо того, чтобы ехать в Мериленд. Посещение Дома, после моего перерыва, и я возвращаюсь в субботу вечером туда в качестве Дома.

Следующей ночью я буду вместе с Мисс Кеннеди, владеть ей, обучать дисциплине, растягивать ее для своего удовольствия перед всем клубом. Я сжимаю челюсть, представляя ее красные ягодицы, влажную киску, а ее губы называют меня «Мастер» в то время, как я трахаю ее часами, а остальные наблюдают за нами. Немыслимо, что я должен буду делить ее, но это единственный способ иметь вкусный — торт — по — имени — Ксавия и поедать ее... находясь в Вашингтоне.

Я сжимаю руль, чувствуя как правила Клуба сжигают меня. Те, к разработке которых я когда — то приложил руку.

Если бы я не был владельцем клуба, я бы совершил что — то невероятно глупое, но что? Привезти ее к себе? Почему бы не дать объявление в газете «Вашингтон Пост» и не подбросить идею для скандала о своем жестком, темном, грубом сексе на грани безопасного с женщиной, которая является моей стажеркой? Я могу погубить свою карьеру и быть свободным.

Б*дь! Я знаю Ксавию девять гребанных дней, и я падаю вниз.

Время сконцентрироваться на том, что мне надо сделать сегодня вечером — игнорировать свое разочарование. Благодаря Арчеру, файлы на членов Клуба обновляются и он посылает мне все, стоит мне только пошевелить задницей.

Я управляю частью «закулисья Клуба» храня данные на всех, кто становится его членом. Один промах и мы исключаем провинившегося из членов Клуба. Если членство аннулировано — то никаких вопросов, соглашение нашего Клуба нерушимо.

Все знают цену.

Моя обязанность быть форменным мудаком и я также финансирую добычу информации, как способ обеспечить нашу безопасность.

Я знаю все дерьмо о каждом. Кто как ни я знает, что стоит кому — то сказать не то и не тому человеку, как все мы станем громкими заголовками новостных лент. Частный клуб, который существует как элитная площадка для избранных Конгресса, я не шучу. Ни Джекс и не кто — либо еще из владельцев Клуба не знают этого. Вот почему, после того, как отключаюсь, я швыряю свой мобильник на сиденье рядом, дотягиваюсь до бардачка, достаю новый купленный телефон. Тот, который нельзя отследить. Арчер уверил меня. В нем только один внесенный номер. Ксавиа С.Кеннеди.

Скользя пальцем по экрану, я тешу идею позвонить ей. Проверить ее.

Просто проведи по этому гребанному экрану. Спросить ее, что она делает — я так

близок сделать это, но нет. Проклиная себя, я убираю телефон обратно в бардачок и вдавливаю педаль газа в пол.

Я разберусь со всем дерьмом, а когда вернусь в свою квартиру, позвоню Кса. Буду дрочить и кончу в то время, как она будет говорить со мной своим соблазнительным голосом, рассказывая, что, черт возьми, она делала весь день.

Глава 2

ПОПРОСИ МЕНЯ.

Прошлая ночь была выдающейся. И именно то, что мне надо. Беннетт был прав, давая мне выходной. Устроиться в квартире Брук, а затем встретиться с Джоном в соседнем ресторане — было тем, что доктор прописал. К концу вечера мы перекочевали своей «платонической троицей» в соседний бар, где вместе с хозяевами и несколькими дюжинами постоянных клиентов пили «Джек Дэниэлс», наблюдая как Рэд Сокс надирала задницу, а Джон и я скандировали, или по — настоящему кричали «Кунг Фу Панда», каждый раз как Сандавал собирался бить битой.

К концу вечера я охрипла, но была расслаблена, веря в то, что переезд в Вашингтон был моим лучшим решением в жизни. Джон остался в такси прямо перед домом Брук, а я поднялась наверх. Уже позже, когда я лежала одна, уткнувшись в постель и скучая по Беннетту, звук моего телефона прервал мои мечты быть кожа — к-коже с моим Сенатором. Я дотянулась до своего мобильного, который лежал на ночном столике. Ответила. Уже было за полночь, и на другом конце была тишина. Странно, я лежала в темноте, пока мои, наполненные алкоголем мозги, сконцентрировались. Могла поклясться... это было безумием.

— Б, — вылетело из моих губ, но я замолчала, когда голос, как сирена завыл в моей голове, заставляя меня заткнуться. Возможно, ошиблись номером, хотя номер не определился. Так странно... может, это мое разыгравшееся воображение.

Сейчас утро и я пересекаю атриум внутри здания имени Рассела, где находится офис Сенатора Беннетта. Я заглушила все свои воспоминания. Очистила разум.

— Мисс, мне нужен Ваш пропуск, — говорит мне охранник.

— Извините. Я новенькая. — Я открываю свою сумочку и достаю водительские права.

— Подойдите сюда. Вы посетитель? — Он берет мои права и начинает записывать в журнал.

— Стажер. У Сенатора Стоуна. — Чувствую, как во мне растет дрожь. Я прикусываю щеку, чтобы предотвратить свою странную реакцию на малейшее упоминание имени Беннетта. Господи, только б мне не закончить как Брук. Представьте себе девушку с красивым бизнесменом в возрасте между 38 и 52 годами, который находится на вершине своей капиталистической игры в какой —нибудь удачной компании из ТОП-500, если так, то она попала. Глаза горят, губы приоткрыты, готова сгинуть.

Я жду, осматривая лобби, в то время как охранник готовит мой бейдж посетителя. Дежурят три охранника. Один на металлоискателе, другой проверяющий длинную очередь людей, которые открывают свои кейсы, сумочки, сумки и затем выкладывают свои кошельки, мобильные, ключи в корзины. И третий занимается мной.

— Все готово. — Он возвращает мои права вместе с пропуском посетителя и направляет

меня к очереди.

Очередь двигается быстро, в то же время я заставляю себя дышать. Чем ближе я подхожу, тем больше мои легкие требуют вдоха, прохожу сквозь металлоискатель.

На другой стороне я сгребаю свою сумку и ключи, затем несусь по полированному мраморному полу, следуя за толпой до лифтов. В центре лобби огромная ротонда — величественная, и мне бы хотелось, чтобы у меня было больше времени, чтобы просто насладиться тем, как все это может внушить трепет в то время, когда она была создана. Меня поражает ослепительно белая мраморная статуя, вырезанная знаменитым скульптором Фредериком Хартом — еще одним уроженцем штата Джорджия, как и Бен, склонному к чувственному.

Люди говорят в полголоса, это как постоянный шум, и я напоминаю себе просто держать в голове обычные, здравые мысли. Никто и не догадывается, что менее, чем 24 часа назад голова Беннетт была у меня между ног.

Заходя в лифт, мне даже не надо просить нажать кнопку четвертого этажа, все кнопки на панели светятся. Я отступаю в сторону, затем дальше назад, так как все больше и больше народу заходит, до тех пор, пока мы не прижаты друг другу и уже больше никто не влезет. Двери закрываются и мой желудок падает. Лифт медленно поднимается. Это не похоже на езду рывками, но скажите это бабочкам, которые порхают в моем животе. С каждым этажом, рой бабочек в моей грудной клетке двигается все быстрее и быстрее. Когда открываются двери на нужном мне этаже, я, практически, наступаю на пятки шестерым, идущим впереди меня.

Я смотрю на надписи на стене, сворачиваю направо, по коридору к офису Беннетта, комната «416». Черт побери! Где должны быть таблички с номерами — там пусто. Похоже, их убрали. Я считаю и по пути представляю его кабинет, останавливаюсь, держась за ручку, меня беспокоит то, что мое лицо горит. Я вся расклеилась, полностью противоположно тому, как расслаблена я была прошлой ночью.

Перед тем, как войти, я замираю и закрываю глаза, молясь, чтобы мои щеки не покраснели еще больше. По другую сторону двери слышны голоса, то громче, то тише. Не спорящие, но на грани. Дверная ручка выскальзывает из моей руки и я замираю, глядя с открытым ртом на женщину, с волосами цвета бургундского вина и такой белой фарфоровой кожей, что я вряд ли когда — либо видела такой цвет кожи, мой взгляд моментально переключается на ее возмущенную позу, в то время как она замирает напротив меня.

— Это офис Сенатора Стоуна? — спрашиваю.

— Вам повезло. Да. — Отвечает она, приподнимая бровь. Она быстро фыркает. — Простите.

Господи, надеюсь, она не Нора и затем замечаю Сенаторский значок на лацкане ее пиджака. Я отхожу в сторону, в то время как она проходит мимо меня, стуча каблуками по мраморному полу. Я вхожу в приемную, ступая по темно — синему ковровому покрытию, неожиданно вижу стены из красного дерева, на которых висит поразительный старинный американский флаг в рамке.

— Сенатор Варнер — о, простите, Вы не она. — Ко мне подходит женщина, носящая в один из значков, обозначающих принадлежность к избирательной кампании Беннетта. — Чем могу помочь?

— Я ищу Миссис Суон.

— Вы Мисс Кеннеди? Не так ли? — она прикрывает на секунду рот, когда смеется.

— Да. — Отвечаю я, желая добавить еще что — нибудь, но у меня все во рту пересохло. Женщина упомянула имя Сенатора Энджелы Варнер. Она конгрессмен, попавшая под подозрение в смерти известного бизнесмена в прошлом году. Он рьяно поддерживал кампанию Варнер — Джон сказал, они были любовниками.

— Я как раз собиралась пойти в дамскую комнату, но не сейчас. Я — Нора. Рада познакомиться, проходи.

— Наконец — то, — говорю с облегчением. — Всегда приятно познакомиться лично.

— Согласна. Мне повезло, у меня была фотография с коктейльной вечеринки. Могла бы найти тебя в толпе. Легко.

— Правда. Нас было много.

Она улыбается, наклоняя голову.

— Твое имя упоминали.

Мое лицо вытягивается, я помню, но ничего не говорю. Вместо этого, я смотрю, как Нора отходит вовнутрь. Зона приемной является еще одной версией прекрасной архитектуры во всем здании. Этот офис является частью здания 1909 года постройки, а над длинным столом, который находится в конференц — зале, висит хрустальная люстра. Я читала, что Беннетту был выделен один из самых больших офисов, благодаря тому, что он принимал участие в работе нескольких комитетов. Нора садится за большой деревянный стол и нажимает на клавишу компьютера. Являясь административным помощником и составителем расписания Бена, у нее не один, а целых три монитора. Она быстро печатает и принтер выдает пачку листов.

Нора берет листы и быстро скрепляет их, затем хватает шнурок.

— Твое расписание и удостоверение. Ты должна сходить и получить официальное удостоверение, после того, как посетишь отдел кадров. Это позволит тебе входить и выходить из здания, не останавливаясь каждый раз для проверки.

Она возможно 1,65 на каблуках и очень энергичная, она плюхается в кресло и подмигивает мне.

— Я просто знала, что ты должна была приехать в Вашингтон.

— Это вопрос? — я скольжу рукой по шнурку.

— О, не обращай на меня внимание. — Она пожимает плечами, направляясь в сторону коридора. — Я говорю, что думаю до того, как мой мозг успеет проверить, насколько это позволено озвучивать.

— Лучше, чем быть лицемером. — отвечаю я.

— Иногда я так не думаю. В конце концов...смотри куда мы пришли, — Она фыркает. — Давай разместим тебя. Пошли.

— Разве я работаю не в одном кабинете с другими стажерами?

Ее глаза сверкнули и уголки губ изогнулись.

— Не совсем. Особые распоряжения от нашего босса. Сюда.

Из всего, что я знаю, кабинеты для сотрудников находятся рядом и я не понимаю, куда мы направляемся, следуя за ней дальше по помещению.

— Ты не должна показывать мне здесь все. Я имею в виду ты шла куда — то.

— Я вовсе не собираюсь показывать тебе все. Я веду тебя в твой кабинет.

— Кабинет?

— Мира, наш руководитель по связям с общественностью, отсутствует. Она в декретном отпуске и ты сядешь за ее место. Если ты решишь остаться после лета, мы найдем другое

рабочее место. Все нормально? — Она открывает дверь в кабинет.

— Да. Но я не особенная. Любое место подойдет.

Она мельком смотрит на меня и улыбается так, как будто не верит мне, может, она и права. Из дверного проема я выглядываю на соседнюю дверь...она больше других и отделана темным деревом. Мое сердцебиение, которое успокоилось до нормального ритма, снова начинает набирать обороты в груди. Мне не нужна неоновая вывеска или указатели, чтобы понять, кто сидит за этой дверью. Выглядит так, как будто я здесь... а он там. И это правда!

Мои руки становятся холодными и я снова обращаю свое внимание на Нору. Она рассказывает, кто останется к концу лета. В понедельник намечена встреча в комнате для переговоров этажом ниже...

— Ты будешь присутствовать с Беном и было бы неплохо, чтобы ты была в курсе. Начнем с начала, черт побери... до того, как ты присоединилась к нам, чем ты занималась в Бостоне — полагаю, что работала явно не с нуля. В любом случае, ты сможешь заставить нашего босса есть у тебя с рук. Он может укусить, но ты можешь приручить его. Я слышала.

Я моргаю, входя в кабинет. Она, должно быть, говорит о чем — то другом, сильно отличающемся от всплывающих в моей голове образов.

— Рада делать все, что нужно.

— Это все наглая ложь, — слышу знакомый низкий голос позади. — Я всех кусаю.

— Господи, Бен! — громко вскрикивает Нора. — Как долго ты там стоишь?

Разворачиваясь, чувствую, что мой пульс учащается и замирает. Он ухмыляется, и наши взгляды пересекаются. Соединяются. — Достаточно давно, чтобы услышать что — то новое, чем то, что я невероятная задница. Добро пожаловать в Конгресс, — говорит он, не отрываясь, глядя мне в глаза. — Нора, на будущее, Мисс Кеннеди уже кормит меня... со своей руки.

И что мне делать? Я просто не могу здесь стоять и пялиться. Нора поворачивается к компьютеру и включает его.

— Спасибо. Ты очень добра, — бормочу я.

Он подходит ближе.

— Итак... что думаешь об этом?

Я пытаюсь проглотить ком, застрявший у меня в горле, и произношу.

— Здание великолепно.

Он пробегается вниз по моему платью взглядом.

— Это не единственное, чем стоит наслаждаться. — Когда он поднимает глаза, наши взгляды снова встречаются и я чувствую что наша связь неразрывна, как будто внутри меня несутся электрические разряды.

— Босс, Ваша встреча с Вице — президентом через 24 минуты. Необходимый файл на вашем столе.

— Я буду вовремя, Нора. Расслабься. — Он подмигивает мне и я приказываю себе перестать таращиться на него. — Если у вас возникнут вопросы, Мисс Кеннеди, найдите меня. Я здесь рядом.

Какое — то время мы стоим неподвижно, но затем Нора говорит что — то о брифинге и он отдает ей указания, в то время как мышцы на его челюсти сжимаются.

Он одет в темно — синий костюм и модный красный галстук, его глаза мерцают в приглушенном свете ламп кабинета. Заставляю себя повернуться и успокоиться, но мгновенье я наслаждаюсь тем, как он уходит к себе в кабинет. Темные волосы зачесаны

назад, а ткань его дорогого пиджака обтягивает плечи. Когда все же я поворачиваюсь, Нора ждет и говорит:

— Он что — то... правда?

— Надеюсь, я справлюсь, — выдавливаю я, молясь скрыть сою дрожь.

— Просто введи логин и смени пароль, — сообщает она. — И дыши глубоко. И все будет хорошо. Уверяю.

Обнаружить Ксавию внутри моего кабинета было уже достаточным для того, что моя нужда в ней возросла — полный пиз*ц.

Я хочу ее... я хочу зарыться в нее по самые яйца.

После того, как я почти услышал ее голос, произносящий мое имя — это не утолило мой голод к ней, но я был на грани. Я звонил ей — проверяя ее. Услышав ее голос, мягкий и хриплый на другом конце провода, он опьянил меня... Я страстно желал ее, сидя в своей машине. Второй раз за ночь я находился снаружи у ее квартиры. Твердый и изголодавшийся, желая, чтобы она объезжала меня.

Сейчас, отворачиваясь от нее на сообщение, преследующее через мои вены. Если бы не было Норы, я бы затолкнул Кса в кабинет и к черту правила. Я хочу вкусить ее ротик.

Она в соседнем от меня кабинете и я не хочу оставлять ее. Но Нора идет за мной по пятам, глядя на меня так, как будто я умалишенный.

— Бен. Ты слишком близко принимаешь это.

— Вице — президент еще дома. Возможно, все еще в домашнем халате, — Я специально «забыл» файл на своем столе и возвращаюсь, спасибо Кса, что она чрезвычайно пунктуальна. — Я в порядке.

— Господи, ты едва шевелишься, — издевается Нора. — Хочешь, я позвоню ее помощнику и выторгую для тебя еще пару минут?

Мы оба выходим из моего кабинета, обратно в коридор, как раз к двери, где сидит Кса. Нора сосредотачивается на ней и присоединяется к моей маленькой сабе, что — то делая за ее компьютером.

— Нет. Я скоро вернусь, — говорю я, мельком глядя на ножки Ксавии.

— Нет, не вернетесь, сели сейчас же не уйдете отсюда, — произносит Нора, затем обращается к Кса.

— Пароль — это твой социальный номер.

— У меня всплыло сообщение об ошибке, — отвечает Кса и скрещивает ноги. Подол ее юбки скользит вверх по бедру, дразня меня кусочком кружева — ее подвязки. Я глазею, надеясь, что ее юбка поднимется еще выше.

Сжимаю зубы, притворяясь, что смотрю на папку в руках. Слишком давно ее бедра не были широко раздвинуты для меня, и я считаю секунды до того, как буду вылизывать ее киску, посасывая ее клитор и заставляя ее кричать мое имя. Представляю ее красивые лодыжки, широко связанные, и делаю для себя заметку купить моток шелковой веревки, которая не повредит ее нежной коже.

— Дамы. — Я прохожу мимо открытой двери и направляюсь в приемную. На столе Норы я вижу записку, написанную знакомым подчерком. Энджела Варнер. Сенатор Варнер — моя последняя саба — женщина, которая вела двойную игру против меня, и почти устроила мне скандал, но вовремя остановилась.

Б*дь. Я положил файл и взял записку, в которой она просила меня о встрече. Я достал

свой телефон, чтобы набрать совершенно бесполезное сообщение Норе, но черт.

Энджела — слишком пассивно — агрессивная. Лучше встретиться с ней лицом к лицу. Что, к чертовой матери, она хочет?

— Дверь там! — Нора щелкает пальцами.

— Я уйду. На встречу с Варнер не больше пяти минут.

— Бен. Я займусь этим.

Моя машина внизу и дорога до дома Вице — президента займет пятнадцать минут, где я должен сделать вид, будто не помню, что видел ее заместителя руководителя штаба прошлой ночью. Голой и готовой быть трахнутой Итаном, начиная с воскресенья, любым способом, связанная с кляпом во рту и анально — оттраханной во время секса втроем. Это то, в чем Итан хорош. Видимо, используя колоды, что было использовано только по особой просьбе. Итан хорош в постановке. Очевидно, с Орлом на палубе все всегда удачно получалось. [Прим. пер. — Орел — позывной одного из персонажей]

Я осматриваю остальных, находящихся в конференц — зале и останавливаюсь. Кроме Вирджинии Райн здесь небольшая группа людей, они все перестают говорить, глядя в мою сторону.

— Сенатор Стоун! — громко объявляет Вирджиния. — Добро пожаловать!

— Доброе утро, мадам Вице — президент, — формально отвечаю я.

— Кофе? Завтрак?

— Кофе. Черный, — говорю я, расстегивая пиджак и садясь за стол.

Она представляет всех и я воздерживаюсь от каких — либо комментариев, пока слушаю, как присутствующие представляются и как ни странно указывают на свою квалификацию. Еще одна пиар — команда, нанятая для коучинга руководителей, интересно, зачем они здесь? Эта предварительная встреча, на которой мы с Вирджинией хотели обсудить серьезность моего положения в качестве ее соратника и планы на будущее. Мне протягивают ноутбук. Медиа — специалист, который сидит слева от меня, говорит о моей избирательной привлекательности и объясняет проведенное им исследование.

— Сенатор Стоун? — знакомый женский голос пронзает мое сознание и я поднимаю взгляд к кристально синим озерам. Ксавия заходит в комнату в сопровождении помощника Вирджинии. Она стоит рядом со мной и я встаю, напоминая себе не касаться ее.

— Мисс Кенеди, — говорю я и не могу сдержать улыбки, глядя на нее.

— Ваша папка, сэр.

Сэр. Боже Всемогуший. Мой член дергается при звуке голоса Кса и я заставляю себя не думать ни о чем, кроме как о том, чтобы сказать ей «спасибо»... я смотрю на ее ротик, когда она высовывает язычок — язычок с пирсингом — облизывая изнутри свою верхнюю губку.

— Спасибо, — рычу я, готовый вытащить ее из конференц — зала на заднее сиденье моей машины. Как она так быстро добралась сюда? Тут я вспоминаю о метро, соединяющем здания Капитолия. Я не пользуюсь им, но большинство персонала да, передвигаясь между офисами Конгресса.

— Пожалуйста, — кивает она, поворачивается на каблуках и выходит из комнаты.

Она ушла слишком быстро, а я стою, продолжая глазеть.

— Новый стажер, — комментирует Вице — президент. — Кеннеди?

— Ксавия Стилман Кеннеди из Бостона, — то, как я говорю это, звучит словно шелк и сталь, вылетая из моих губ. Слова мягкие и острые. Я опускаюсь в кресло, пытаюсь сосредоточиться.

— Она падчерица Патрика. — Подтверждает Райан то, что я уже знаю. Ее слова взвешены, в то время как она изучает меня через стол.

Я напряжен, когда смотрю на нее. Коротко отвечаю:

— Да, все верно.

— Интересно, насчет ее связей. Все демократы.

— Ну, вы же знаете? Стажерам надо стажироваться, — Мои мышцы шеи и плеч напрягаются. Все за столом молчат, Райан наклоняется вперед, сложив руки. — Я не буду лгать, Сенатор. Я слышала, что она часть Вашей команды.

— Вы слышали? — спрашиваю я, выигрывая тем самым время, что подумать, что сказать дальше.

Она улыбается, словно чеширский кот и кислород покидает мои легкие.

— Новости распространяются быстро. Ее семья. Пресса. Вы понимаете.

— Суть в том, что не понимаю. Стажеры не моя забота. — То, что я сказал частично чушь собачья. Семья Кса беспокоит ее. Она моя забота. Интерес Райана раздражает меня. Ксавия — не должна быть заботой Вице — президента и не должна находиться на радаре Вирджинии.

— Правда? — Ее глаза недоверчиво расширяются.

— Мадам Вице — президент я прибыл сюда обсудить Ваше предложение. Не моих сотрудников и не их семейную принадлежность.

— Эти оба фактора возможно взаимосвязаны, — отвечает она, сцепляя пальцы так изыскано, что я просто ненавижу это.

Б*дь! Остынь! Я не принимаю во внимание то, что она сказала до этого, кидая взгляд на часы, затем опять на нее, выказывая на свое недовольство.

— До сих пор нет. Стилманы и Кеннеди не являются нашими соратниками. Я бы предпочел разобраться с более насущными делами. У нас с Вами расписание встреч расписано. У меня несколько встреч сегодня утром, так же как и у Вас, я уверен. — Я толкаю папку в сторону Райан, с подборкой списка имен сторонников, как она просила, на которых я значительно повлиял, не голосовавших за президента. — Приступим?

— Мы не можем быть сторонниками черно — белой партийной принадлежности. Вы всегда успешно добиваетесь того, что все сомневающиеся становятся на Вашу сторону. Новыми сторонниками. Меня тут осенило, и я хочу услышать Ваше мнение. — Она надевает очки, а ее помощник ставит чашку свежего кофе напротив меня.

— Благодарю, — бормочу я и открываю ноутбук.

Просматривая первую страницу, я сжимаю пальцами скрепку. Вся моя история, начиная с Гарварда. Я не хочу перечитывать рапорт об аресте. Это дерьмо случилось, когда я участвовал в пьяной драке в доме Братства. Не я один, но я разнес это место. Парочку из нас увели в наручниках. Никого не волновало, что мы пытались спасти девушку от жестокого избиения пьяными членами братства. Парни, которые были причастны к этому, позвонили своим родителям и им сошло с рук. Девушке заплатили определенную сумму. Колледж получил крупное пожертвование. Были арестованы три студента. Обвинены. Наказаны.

Я был одним из них.

С меня сняли обвинения. В конечном итоге, запись о моем аресте была вычеркнута и опечатана, но на это потребовались годы и мои усилия.

— Если таким образом, Вы намекаете, что нашли другого соратника, Вы могли бы сказать, — говорю я, встречаясь с милой улыбкой Вирджинии.

— Наоборот, Сенатор. Вы мне очень интересны в качестве моего соратника. Мы здесь, чтобы избавиться от любого компромата. Определите Ваш список основных целей и объедините с моими.

— У вас и у меня разные избирательные кампании. То, что Вы предлагаете, требует найма специалистов по информационным технологиям, которые разбираются в социальных сетях.

— Поверьте, Сенатор. Одну минутку. Доктор Мазина введет Вас в курс дела. — Вице — президент встает, жестом указывая в сторону одной из своих помощниц. Я перевожу взгляд на женщину, которая представилась как д — р Мазина, а затем на Райан, которая сейчас шепчет какие — то указания своей сотруднице.

— Я готов. Это займет всего несколько минут. — Мужчина быстро смотрит в мою сторону, кивает и выходит из комнаты.

— Позвольте, Сенатор Стоун? — Доктор Мазина, профессор Принстонского Университета улыбается, сверля меня взглядом, не моргая. Она щелкает по экрану и начинается презентация. Слайд с моим именем содержит график, изображающем отношения избирателей. Я читаю список и мои брови лезут вверх. Спустя час я чувствую себя подушечкой для булавок, в то время как каждый присутствующий обсуждает меня как будто я пародия на себя.

— Итак, видите, Сенатор. — Вирджиния снова двигается в кресле. Мы будем обращаться с тобой деликатно, если ты будешь моим соратником. За нами партия и полное ее одобрение. Мы готовы сделать заявление.

— За исключением того, что Вы хотите, чтобы я ...что? — Я хмурюсь, тщетно пытаюсь не смотреть с ненавистью. Это часть политики мне ненавистна. Кровопийца!

— Так как мы не можем ожидать того, что ты женишься на следующей неделе, мы должны представить тебя как семейного человека. Кто — то должен поверить.

— Вы ведете себя так, как будто я недавно ограбил банк. — Я откидываюсь в кресле, сжимая подлокотники и уже готов сказать Вирджинии, выкинуть эту идею.

— В любом случае, на самом деле это еще хуже.

— Я не понимаю, — сжимаю челюсти, переводя взгляд с нее на других, сидящих за столом. Что, черт возьми, она задумала?

— Мы хотим, чтобы ты был не просто самым сексуальным Сенатором по версии журнала «Космо». Беннетт, ты должен обозначить это как главное и это должно быть основой. — Она поднимают руку, прежде чем я хочу что — либо возразить.

— Все ... Дайте нам минутку.

Как по волшебству, все находящиеся в комнате, выходят. Оставшись одни, я вижу ее выжидающий взгляд.

— Что Вы предлагаете? — спрашиваю я.

— Когда последний раз ты ходил на свидание? Настоящее свидание? Или хотя бы у тебя была настоящая девушка?

Я разочарованно выдыхаю. Я не могу вспомнить, когда был на свидании. Слишком давно, чтобы это было правдой, и я уже не помню подробностей. Райан знает, что у меня нет подружки, но ей не нужны данные. Ей нужен сюжет.

— Давно, — наконец говорю я.

Вирджиния встает со своего кресла и снимает очки. Постукивая дужками очков по челюсти, она широко улыбается.

— Иногда нам надо давать средствам массовой информации пищу, чтобы мы могли разжечь интерес у потенциальных избирателей ... и у меня есть план, который вполне жизнеспособен. Когда меня изберут, я не стану меньше заботиться о том, есть ли или с кем ты встречаешься. Ты не убежденный холостяк и чем ты занимаешься за закрытыми дверями — это только твое дело. Никто не обвинит тебя в наличии любовницы, если у тебя она есть. Ну и что!

Я четко понимаю свои возможности. У Вице — президента есть записи моего ареста и, исходя из опыта работы с ней в Конгрессе, она — странновата, но у нее не возникает проблем, когда надо играть жестко. Я прикидываю, насколько рапорт об аресте может повлиять, если он всплывет. Это вызовет поток дерьма, но не более, с чем я не смог бы справиться. Е*ть, сейчас это оправданный риск, чтобы вести себя так. Хотя я сижу здесь не только из — за рапорта об аресте, хотя мог бы сказать Вице — президенту отвалить. Вирджиния Райан обладает хваткой питбуля. Могу уйти, но она будет копать. И копать. Пока Кса в Вашингтоне, мои планы на счет нас подвергаются риску. Только из — за Ксавии я сижу здесь, просчитывая свой следующий шаг.

— И какова же твоя хорошая мысль? — спрашиваю.

Стук в дверь останавливает ее.

— Мадам Вице — президент, вот предварительный отчет, который Вы просили, — входит помощник Вирджинии, держа в руках светлую желто — коричневую папку и радостно восклицает: — Вы были правы.

— Подтвердилось? — Она не сводит взгляд с меня, в то время как помощник покидает комнату. — Бен, просто выслушай меня, ради укрепления твоей политической карьеры. Я тут подумала. Здесь есть кое — что.

— Короче, к чему ты клонишь?

— Мисс Кеннеди. Она твой стажер. Просто. Почему бы не назначить свидание ей? Правда, ты сможешь получить небывалую выгоду. — Спрашивает Райан в упор.

— Простите? — Я оцепенел в кресле.

— Она великолепна. Если ты согласен, то все, что тебе нужно — это притвориться. Не навсегда. Всего лишь год, в итоге мы будем обязаны Кеннеди.

— Это бред.

— У тебя отвращение к ней?

Я хриплю сквозь зубы.

— Конечно, нет.

— Сенатор... почему бы не позволить решать Мисс Кеннеди?

Мой пульс взмывает. Я точно знаю, что Ксавия хочет быть свободна от своей семьи, особенно от Грейс и Стэна Стилманов, которые верят в то, что у каждого есть ценник и его можно купить. Господи, разрешить Вице — президенту быть обязанной Кса. Если я открою эту дверь для моей — скоро — станет — сабой, то вовлеку ее в паутину, которая разрушит нас... Вице — президента... веру Американского народа.

Если я обуздаю свой голод, претендуя на Ксавию, тогда все будет великолепно. Моя маленькая невинная стажерка сможет сорвать большой куш. Она сможет устроить свое будущее. Бл*дь! Это решение должна сделать только Кса...

— Я спрошу Мисс Кеннеди, но Вы должны знать, она порвала со своей семьей и очень чувствительна к этому вопросу.

Райан смеется.

— Ты взял ее, зная это?

— Да, — говорю я осторожно. — Послушайте, Нора работает со стажерами. Сейчас лето и нам не хватает стажеров, как у всех в Конгрессе. Мисс Кеннеди обратилась к нам и она обладает той самой оригинально — напористой внешней стороной.

Вирджиния смотрит на меня, подняв бровь.

— Поверьте мне, Сенатор, она обладает более, чем просто внешней стороной.

Глава 3

ОПРЕДЕЛЯЯ РЕАЛЬНОСТЬ.

Я спешу в офис с полными руками раздаточного материала для встречи Беннетта с иностранными коллегами Южной Америки и Карибского бассейна в понедельник в рамках круглого стола в надежде на то, что Нора еще там.

Несколько человек, находящихся в коридоре, окликают меня по имени. Я оборачиваюсь. Но они уже уходят. Я разворачиваюсь и задеваю кого — то локтем. Черт!

— Уоу. Потихе, — слышу я.

Взглянув вверх, поверх очков, я вижу Оливера. Его лицо искажается гримасой, в то время как он держится за бок.

— Ты в порядке? — пишу я.

Он смеется, убирая руку — конечно с ним все в порядке, он разыгрывает меня.

— Как прошел первый день?

— Суматошно. Но я освоюсь. В случае чего, я могу стать просто копировальщиком. — Я смотрю на стопку бумаг в руках.

— Помочь? — Он протягивает руки.

— Нет... хотя, можешь придержать дверь.

— Упрямец, — Он идет рядом, придерживая для меня дверь кабинета. — Но я слышал много хорошего про тебя.

— От кого? — нервно смеюсь.

— От нее, — Он указывает подбородком на Нору. — Вы все назначили на понедельник?

— Да. Встретимся внизу.

— Хорошо. Тогда я пошел. Не забудь, сегодня «счастливей час»!

— Конечно. Ты тоже, — говорю и улыбаюсь.

Он поднимает кулак и я, переложив документы в другую руку, отбиваю ему в ответ. Оливер машет рукой Норе, перед тем как уйти, а я несусь делать дальше свою работу.

У меня ушло 15 минут, чтобы понять, как работает копировальный аппарат, а потом его заклинило, но вскоре все пошло как по маслу. Времени уже больше пяти и сегодня дует порывистый ветер, который до сих пор не стих. Мне открыли доступ к компьютерной системе, пока я ездила в дом Вице — президента. Я присутствовала на брифинге для сотрудников, на котором анализировали программу Беннетта вместе с приоритетами Конгресса. Каждый день начинается с подобных встреч, в следующую среду будет моя очередь нести завтрак. Я снова поехала на метро, соединяющее наше здание с другими важными офисами Конгресса, быстро добралась до офиса Сенатора в Дирксене, простояла в очереди почти час, так как у меня все еще пропуск интерна.

Нора смотрит на меня из — за своего стола, в то время когда я вхожу в приемную.

— Давай обсудим расписание. Есть минутка?

— Конечно, — фыркаю я.

Ее пальцы порхают над клавиатурой, и она щелкает по календарю Беннетта. Он полностью забит. Увеличив окошко с надписью «Понедельник» на своем мониторе, она поворачивается ко мне.

— В понедельник утром ты спустишься вниз в зал, который находится рядом в комнате для переговоров и поможешь все там приготовить. Там будет встреча с прессой. Для них временно поставим стулья. Если кто — то захочет сесть поближе, надо будет их остановить. Они не стесняются подбираться ближе. Так как нет Миры, Оливер и его команда будут там, но если ты увидишь, что кто — то из прессы пытается попытать свою удачу, будь с ними жесткой.

— Это я умею, — я останавливаюсь напротив нее. — Я работала журналистом, буду начеку.

— Беннетт остается на сцене после вступительной речи и тогда начнется свободное общение. Это не как во время предвыборной кампании. Некоторые из присутствующих, но их немного, могут его ужасно встретить. Держи ухо остро и руку на пульсе, пока будет проходить круглый стол. — Она замолкает и я киваю.

Я провожу рукой по пачке раздаточного материала.

— Материал готов. И я тоже.

Она выдыхает и прикусывает краешек губы, скрещивая руки на груди.

— Не пойми меня неправильно, но тебе лучше сохранить нейтралитет в обозначении своего мнения.

— Насколько «жаркими» будут обсуждения? — мои туфли жмут, но я игнорирую боль в ступнях, ожидая ее ответа.

— Иногда. Довольно «жаркие». — Она смотрит на потолок довольно долго, и я не знаю, что именно она имеет в виду. Она снова смотрит на меня, и взгляд ее становится тяжелым. — Все эти политические круглые столы, когда они проводятся вместе с прессой и относятся к экономике и внешней политике, могут быть «жаркими». Обычная политическая игра в воздушный бой и все присутствующие конгрессмены здесь только для того, чтобы получить поддержку избирателей. Не верь им. Увидишь, как они враждуют, иногда представители Конгресса могут быть беспощадными. Но на утро следующего дня эти люди вместе играют в теннис или идут друг к другу на вечеринку в честь дня рождения.

— Хочешь сказать, что это политика, — ухмыляюсь я. — Поверь мне. У меня большой опыт в общении с людьми, которые говорят одно, а думают другое. Расслабься.

— Не спорю, — у нее отвисает челюсть, а глаза расширяются. — Я имею в виду, что ты родом из влиятельной семьи. И, конечно, ты в курсе.

Я закатываю глаза.

— Мягко сказано, но ты права. Моя семья — это уменьшенная версия того, как выглядит политическая борьба на юге страны. Или ее испорченная версия. Как бы то ни было — я не наивная девочка и спасибо, что предупредила. — Мы обе хохочем.

— Окей, — Нора достает свою сумочку. — Сегодня пятница и уже пять. Пора. Мы все встречаемся в кафе «У Рафферти». Заканчивай и давай уберемся уже отсюда.

— Увидимся там. Я хочу еще убрать все это и прибраться на своем столе. Похоже, будто ураган прошелся по кабинету, в котором я сейчас работаю.

— Не волнуйся, — заверяет меня Нора, затем встряхивает головой. — Поверь, так и

будет. Ты знаешь, где находится бар?

— Дюпонт — сёркл. Все в порядке. Мне приходило множество разных сообщений в течение дня. — Мой телефон постоянно получает обновления, начиная с событий в комитете до того, какие рогаики и пончики должны быть на брифинге сотрудников офиса в понедельник утром. Смотрю, как Нора нацепляет солнцезащитные очки.

— Ты отлично справилась сегодня. На случай, если мы не встретимся сегодня, то приятных выходных. У тебя есть мой номер телефона, в случае возникновения вопросов, которые не смогут подождать до понедельника.

— Иди уже. Я скоро. — Я быстро ухожу от нее, широко улыбаясь. Войдя в свой временный кабинет, я кладу стопку материалов на стол и тут оживает мой телефон. Вытаскиваю его, смотрю на экран и вижу селфи от Джона с вопросом «Как прошел твой первый день?»

Я снимаю очки и отправляю ему свое селфи сообщением: «Великолепно!»

— Что смешного? — Беннетт стоит в дверном проеме. Наши взгляды встречаются, и во мне зарождается желание. Оно усиливается и мне страстно хочется оказаться как можно ближе к Беннетту.

— Эй, — шепчу я. — Это всего лишь сообщение. От Джона.

Внезапно, стены, стол, горы папок... все, что находится между нами, исчезает, в то время как он стоит, навалившись на дверной проем, глядя на меня так же, как он смотрел тогда в первый раз, когда я увидела его через танцпол в клубе Нью — Йорка. Я сплываю, напоминая себе о том, что мой мозг должен работать.

— О, значит, вы встречаетесь позже? — его глаза становятся темнее, пока он смотрит на меня.

— Нет. Мы ходили поужинать...вчера. — Это выглядит так нелепо. Мы не можем касаться друг друга и должны говорить на значительном расстоянии, мне очень сильно хочется ему все сказать... но я не могу.

— Нам надо кое — что обсудить. Сейчас, если можешь. Есть время? — спрашивает он.

— Конечно. О чем? — я заправляю прядку за ухо, надеясь, что жар, который поднимается по моей шее, спадет.

Он отстраняется от дверного проема и переводит свой взгляд с меня на ковер. Беннетт запускает пальцы в волосы, затем снова пристально смотрит на меня. Пока нет Норы, он не сводит свой пристальный взгляд с меня, и я чувствую, как все мое тело вспыхивает.

— Пойдем ко мне, — он кивает в направлении своего кабинета, в тоже время ослабляя галстук и расстегивая верхнюю пуговицу рубахи, продолжая смотреть на меня очень внимательно.

— Мне взять блокнот для записи?

— Нет, это ненадолго, — бормочет Беннетт, указывая на свой кабинет.

Я выхожу и не могу скрыть дрожь возбуждения, которая стрелой пробегает по моей спине. Когда я прохожу мимо Беннетта, меня поражает то, как он себя ведет, он напряжен, очевидно, что его что — то тревожит.

— Что случилось? — У меня скручивает желудок, и я останавливаюсь, не желая отводить от него взгляд... сейчас мы стоим ближе, чем стояли днем, но не настолько близко.

— У меня к тебе серьезное предложение, которое нам надо обсудить. Это может стать для тебя шансом, — Уголки его губ слегка изгибаются. Когда он говорит это мне. — Выпьешь?

— Шанс? — О чем это он?

Он проводит пальцами вдоль моих плеч, затем опускает их. Если я обернусь, я окажусь очень близко к нему и что тогда? Вдруг дверь в кабинет откроется, а тут мы... в нескольких сантиметрах друг от друга, сложно будет не заметить, что что — то между нами не так.

— Поговорим у меня.

Я молча соглашаюсь, Беннетт направляет меня к себе в кабинет и тут я слышу свое имя, мягким шепотом слетающее с его губ.

— Ксавия, б*дь.

Мое сердце подпрыгивает, я и поворачиваю ручку в его кабинет, не дожидаясь, когда он сделает это сам. Я впервые в его кабинете...

— Ух ты, ну и вид, — быстро говорю я, глядя на Авеню Конституции и далее на Капитолий.

Вид потрясающий и я стою, замерев от всплывшего образа с открытки до тех пор, пока не слышу, как Беннетт закрывает за нами дверь. Я чувствую, как жар и голод исходят волнами от его тела и впитывается в мою кожу. Стон возникает в моем горле, до того как он касается меня, в тот момент, когда это происходит — я готова на все и вся. Его вкус... то, как он дразнит своим ртом, или сильно тянет за волосы, или трахает меня, жестко отшлепав по заднице, что он недавно и сделал.

Сначала, его прикосновение твердое и становится еще сильнее, притягивая меня к себе своими большими ладонями, сжимая мои ягодицы. Наши тела прижимаются и я взвиваюсь, страстно желая его.

— Детка, — стонет он мне в затылок.

— Беннетт, я хочу тебя. — Мои глаза медленно закрываются, наслаждаясь эротической чувственностью, которую доставляет мне этот человек, каждый раз, когда его пальцы касаются меня.

Он обвивает рукой меня за талию, а второй рукой собирает мои волосы в кулак. Я в ловушке, издаю стон и моя голова кружится от предвкушения. Он прижимается, влажно целуя меня в шею, а затем прокладывает дорожку вверх и поднимает руку к моей груди. Он сжимает ее, одновременно откидывая волосы, и я таю.

Я уже на взводе, готова к его дикому, жесткому сексу.

— Еще, — не могу сдержать стон.

— Не снимай это, или, я клянусь, ты очень пожалеешь об этом. — Он тянет за цепочку, которая соединяет соски и это движение причиняет мне боль, не сильную.

— Может, сделаем это? — предлагаю я, а его пальцы сдавливают, сильно сжимают мои груди и в то же время он посасывает мою кожу. Затем сильно кусает.

— Ты чертовки грязно выражаешься. Да? — Он щипает меня за соски, сжимая обе мои груди вместе, и я слышу глубокий смех. — Ты хочешь, чтобы мой член долбил тебя.

Вместо ответа я просовываю руки под его пиджак, хватаю его за ремень, затем провожу пальчиками по его выдающейся выпуклости и сильно сжимаю.

Он перестает посасывать мою шею и он со свистом произносит мое имя:

— Ксавия. Умоляй меня своим грязным маленьким ротиком.

— Ты мне нужен, — хнычу я. Мою кожу обдает жаром. Мне больше ничего не надо, кроме его члена, вонзающегося в меня.

Он сильно хватает меня за волосы.

— Умоляй меня.

Мое тело трепещет от того, как резко он это произносит и от того, что он требует меня умолять его. Это вовсе не номер в отеле Бостона, где он заставил меня умолять его — громко. Мы в его кабинете.

— Ты серьезно? — шумно выдыхаю я.

Из его горла вылетает ласковый смех в тот момент, когда он сильно сжимает мои волосы и тянет мою голову к себе на плечо. Все мои мышцы скручиваются в тугий узел, мое желание стремительно растет и я жажду, чтобы он проявил всю ту жестокость, которую он предлагает мне.

Он задевает своей щекой мою челюсть, а его щетина царапает мои нервные окончания, а губы скользят по моему уху.

— Разве я не сказал тебе «умолять меня»?

Пульсирующая вспышка гнева вспыхнула глубоко во мне.

— Пожалуйста, трахните меня, Сэр.

— Громче, Кса. Эта комната звуконепроницаема.

— Пожалуйста, трахните меня. Сэр! — рычу я.

— Тебя стоит трахнуть, но ты также должна помнить, кто здесь командует. — Он отпускает мои волосы и разворачивает меня к себе. Наши взгляды встречаются. Сцепляются. — Когда я говорю тебе, чтобы ты меня умоляла, тебе, б*дь, лучше делать это сразу. Что касается сегодняшнего случая, то ты не заслужила моего члена.

— Нет. Нет. НЕТ! — кричу я. Он прав. Я на грани и страстно хочу его.

— Достаточно, — предупреждающе шепчет он, выгибая бровь.

Я сглатываю, когда он дотрагивается ладонью до моей груди, поигрывая большими пальцами моими сосками, я дико желаю, чтобы он поцеловал их.

— Пожалуйста.

— Ты дикая и не послушная.

— Ты мучаешь и дразнишь меня.

— Господи, ты хоть что —нибудь помнишь из Бостона?

— Многое. В этом и проблема.

— Поцелуй меня так, как я учил тебя, — приказывает он, и когда я выполняю, он закручивает цепочку между зажимами моих сосков. Я кусаю его за губу, а он дергает за цепочку, и я кричу от резкой боли. Я желаю его до дрожи и боли, желаю сжимать его член, желаю его жаждущий рот и зубы на моем теле, в то время как он трахает меня так жестко, что я полностью распадаюсь на кусочки.

Он отстраняется от моих губ.

— Скоро я буду обладать тобой. Учить тебя. Приручать тебя. Ты и понятия не имеешь, что значит быть полностью моей.

— Сэр, почему бы Вам не показать мне? — намекая, шепчу я ему в губы, глядя пальчиками его член, чувствуя через брюки, как он напряжен.

— Не трави меня, Кса. Я уже на грани, чтобы не взять и не трахнуть твой прекрасный ротик. Так чертовски близок! — он обхватывает своей рукой мою и потирает моей ладонью свою выпуклость вверх и вниз. О, да, он четко дает понять мне, как он изголодался — но он также сдерживается.

Я сжимаю пальцы над ним, поглаживая его сильнее, но это не достаточно, чтобы он начал действовать и доставил мне боль, граничащую с наслаждением, которую он научил меня жаждать, и я рычу от отчаяния:

— Пожалуйста, это ведь не очередной урок, да?

— Что конкретно ты хочешь, малышка? — Его слова покалывают мою кожу, а он берет меня за грудь.

— Тебя. Сосущего меня за соски, пока я не сошла с ума, впиваясь ногтями тебе в спину.

— Неверно. Это не то, что тебе надо. Тебе нужна дисциплина. Я дам тебе, что ты хочешь, но тебе придется подождать, пока мы не поговорим. Понятно? — его теплое дыхание касается моей кожи, оставляя легкий поцелуй на моей коже.

— Нет. Ты мне нужен. Сейчас! — Я в замешательстве от ощущения, которое навалилось на меня, мы вроде вместе — но все еще порознь. Его прикосновение, его поцелуй, его тело искушают меня, и я безудержно дрожу.

Как он не понимает, что доводит меня до безумия. Мое тело, словно дрожащее месиво. Я бы уже могла объезжать его. Мое тело его. А он жестко вдавливался бы у меня между ног и — вот, где он должен сейчас быть. Жестко и сильно трахающим меня.

Мускул на его челюсти дергается.

— Кса, мы кое — что должны обсудить, это случилось недавно. Я не собираюсь трахать тебя, пока ты не примешь решение.

Глядя на него, я опешила от его торжественного выражения лица. Я стараюсь говорить связно.

— Звучит серьезно.

— М — м—м. — Он отводит от меня взгляд.

— Ты должна меня выслушать. Давай присядем. Выслушай меня, только спокойно.

От того, что свет падает из окна, его зрачки становятся похожими на большие темные озера... Я прячу свое беспокойство поглубже, чтобы оно не отравляло мои мысли.

— Если это разговор в стиле «мне очень жаль, но у нас ничего не выйдет», то я бы предпочла постоять.

— Это зависит от тебя. Возможно, ты скажешь мне это после того, как услышишь то, что я хочу тебе сказать.

— Этого не будет, сэр.

— Ты несправима для той, кто не может чертовски правильно умолять и чтобы тебе стать сабой, нужно приложить максимум усилий. — Он наклоняется и скользит своими губами по моим.

Я не очень хочу разговаривать. Единственное, что мне надо — это сплести наши тела. Я приоткрываю губы, страстно желая почувствовать его теплоту, влажный язык у себя во рту. Вместо медленного и спокойного поцелуя, он подхватывает меня и прижимает меня спиной к двери. Это поцелуй совсем не похож на нежный, скорее на лихорадочное изучение друг друга. Наши языки танцуют, требовательно сплетаясь, я прикусываю его губу, сильно желая, чтобы он сделал что — то неопишное со мной. Я глажу его сквозь пиджак, крепко держу его за лацканы, тесно прижимаюсь, чтобы устоять.

Когда он поднимает голову, я чуть ли не задыхаюсь, готова скинуть свою одежду при слове «действуй».

— Я хочу тебя, и это не утверждение, — говорю я, подходя к нему.

Он обхватывает мое запястье и сжимает.

— Во — первых, ты должна услышать то, что я должен сказать. Тебе. Давай выпьем и разберемся со всем этим. — Он произносит это серьезно и пристально смотрит на меня. То как он сжимает челюсть, заставляет меня сделать то же самое. Чтобы он не хотел мне

сказать — это серьезно.

— Отлично. Уже пять часов и сегодня пятница. Давай воспользуемся твоим офисом.

— Господи. Звучит очень даже ничего, чтобы начать таким образом наш уик — энд. —

Беннетт смеется, но его смех звучит глухо.

Его смех не затронул его глаза — и на секунду — в его глазах мелькает искорка боли. Мы смотрим, не мигая друг на друга, и сила, которую он источает, зарождает боль глубоко у меня в груди.

— Я вовсе не это имела в виду... — Отлично, это наглая ложь. Я полностью за то, чтобы «воспользоваться» его кабинетом, занимаясь безумным сексом — с-вырыванием — волос. Но на его лице опять мелькнуло это нескрываемое выражение. То, с каким он смотрел на меня там в Бостоне. Боль, смешанная с чем — то темным. Сейчас это выражение было как — то со мной связано. Снова в моей груди возникает сильный приступ боли. Я стараюсь отодвинуть все, что я чувствую подальше. Спрятать эмоции. Что мне сделать, чтобы освободить его от той темноты, которая исходит от него? — Беннетт, все в порядке?

— Солнце. Не дай своему воображению разыграться. — Он целует меня в кончик носа и ослабляет хватку на моей руке. То место, где он только что касался меня, покалывает. Я подхожу вместе с ним к столу и он открывает выдвижной ящик, доставая оттуда бутылку Macallan. На столе стоят стаканы, Беннетт наливает щедрую порцию виски в каждый. Он подает один мне, а второй берет себе. — За тщательно обдуманное решение.

— Действительно. — произношу хрипло, чокаясь с ним. — Это новая тенденция?

— Точно, — отвечает он и поднимает стакан, глядя на меня сквозь стакан.

Я пробую, виски качественный, я и выпиваю залпом. Виски скользит, словно бархатный по моему горлу, а затем я чувствую, как он обжигает сначала мое горло, а потом и желудок. Я не ела, поэтому я чувствую, будто мне в желудок закинули взрывчатку, а не виски.

— Вау, — задыхаясь, ставлю стакан на стол.

Алкоголь слегка ударяет в голову. Я держусь за стол, поднимаю взгляд и вижу, как Беннетт смотрит на меня. Он выпивает свою порцию и ставит свой стакан рядом с моим. Молча наклоняется вперед и целует меня, нежно кусая меня за нижнюю губу. Чувство такое острое, что я начинаю стонать его имя.

— Ты не представляешь, сколько раз за день я думал о том, как я целую и трахаю твой нахальный ротик, — шепчет он. Его слова ласкают мою кожу, скользят внутри меня, и сплетаются в завитки нежности от легкого опьянения после виски.

Я выпиваю свой напиток и веду Ксавию к дивану, мои мышцы напрягаются также как и мой член, в тот момент, когда она садится на кожаный диван. Я представляю себе, как развожу ее ноги и толкаюсь в нее до тех пор, пока мы оба не истощимся. Ради ее же блага, мне надо держать себя в руках.

— Как ты знаешь, у меня была встреча с Вице — президентом. — Я сажусь поближе к ней, тщательно выбирая слова, и беру ее за руку. — Я решил, что приму ее предложение.

— О боже. В этот момент большинство людей скакали вокруг тебя туда — сюда. Почему я испытываю чувство страха?

— Я считаю, что поговорка «не лезть вперед батьки в пекло» очень точная. Мне сложно было согласиться.

— Прощу тебя, хватит тянуть. Просто скажи мне, о чем ты там думаешь.

Я бы ничего не хотел ей говорить. О чем, б*дь, я думаю? Если честно, это была хорошая

идея. Если она решит, что завтра в Доме ничего не произойдет...тогда я слечу с катушек. Я не могу работать с ней и не иметь доступа к ее телу — в любом случае, она мне нужна. Я сдерживал себя с того момента как мы покинули Бостон, всего лишь с единственной целью. Привести ее в Дом и заявить на нее права. С каждым шагом все ближе и ближе, и все это выглядит так, как будто в моей голове что — то щелкает.

Я не могу представить себе, будто я встречаюсь с ней в обычном смысле этого слова. Она нужна мне связанная, умоляющая и широко раскрытая. С того момента как мы встретились, у меня была определена цель и ее конечная точка находилась как раз передо мной. Распластанная Ксавия, в то время как я беру ее — словно песня в моей голове, жидкий огонь, несущийся по телу. У нас должна будет быть Секретная служба, защищающая нас от моих соседей — идиотов, прессы, которые будут преследовать нас, если мы примем план Вице — президента со всеми этими свиданиями, известными как постоянные романтические и, мать их, ванильные.

Эта безобидная идея никогда не осуществится, если это будет означать голая — Ксавия — в-постели моей квартиры. Нам нужно будет местечко, в котором мы сможем не беспокоиться о том, как жестко, громко или грубо мы будем трахаться. Я чешу щеку.

— Пиар команда Райан полагает, что для того, чтобы я соответствовал образу, мне надо будет..., — я остановился, подбирая нужные слова.

— Что предлагает ее пиар команда?

— Подругу, — произношу я и смотрю, как глаза Кса становятся размером с блюдце.

— Что? — заикаясь произносит она.

Стиснув зубы, я шепчу тот бред, который я поклялся озвучить ей.

— Они нашли мне подругу.

— И ты согласился?

— Нет. Вот поэтому мы с тобой и разговариваем сейчас, — я еще не закончил, а она уже вскочила с дивана. Она выглядит очень расстроенной, а ее глаза сверкают синим пламенем, когда она смотрит на меня. Но вместо того, чтобы что — то ответить, она поворачивается и направляется к дверям.

— Кса. Остановись. — Я срываюсь с дивана и в три огромных шага настигаю ее и снова произношу, — Б*дь, остановись!

— Отеб*сь. Сенатор, — рычит она, не останавливаясь.

В моей голове возникает всего одна мысль: эта девчонка не уйдет. После всего того, что произошло сегодня, я на грани того, чтобы оттащить ее обратно на диван, оголить ее зад и уложить к себе на колени. Она направляется к двери, чтобы открыть ее, но я ставлю руки около нее так, что она оказывается пойманной с обеих сторон будто в ловушку.

— Неужели тебе не интересно кого подобрала команда Вице — президента в качестве моей подруги?

— И знать не хочу, — выплевывает она. — Причина номер 666, почему стажерам не следует трахаться со своим боссом!

Ее трясет и я опускаю руки ей на плечи, затем спускаюсь вдоль ее рук. Обхватываю запястья и отцепляю ее пальцы от дверной ручки.

— Нет. Ты узнаешь. — Я разворачиваю ее и наблюдаю за ней, кусающей губу. Господи, я хочу раздеть ее и провести следующие часов десять, наслаждаясь ее телом. Б*дь, как она умудряется так влиять на меня? Поднеся ее руки к губам, я начинаю целовать ее ладошки, но она отказывается смотреть на меня. — Детка. Посмотри на меня.

— Нет, — она упрямо качает головой и я глубоко вздыхаю, давая ей время. Ее аромат наполняет воздух между нами, и мой член пульсирует, жажда освобождения. Господи Иисусе, я хочу быть в ней... все время.

— Это ты, — говорю ей, поднимая руку к ее щеке и беря ее за подбородок. — Ты.

Ее глаза, словно жидкие аквамарины, она моргает и по щеке скатывается слеза. Она без очков и я провожу пальцем по мокрой дорожке, безумно желая знать, что творится у нее в голове. Я даю ей время переварить услышанное. Черт, сама идея о том, что мы встречаемся застала меня врасплох и все еще не укладывается у меня в голове.

— Я должна быть твоей девушкой? Что Вице — президент думает об этом... что я готова и жду не дожусь? Откуда она вообще знает обо мне?

— Когда я приехал к ней сегодня, ее пиар команда была во все оружии. Я думаю, что Вирджиния не совсем верила в эту идею... до тех пор, пока ты не появилась в комнате. Вице — президент — ястреб, она все видит. Ее специальность — синтезировать спонтанные идеи. Черт, отойди же от этой гребанной стены!

— Что я такого сделала, что заставило ее предложить нечто подобное?

— Честно, я думаю, твоя биография.

Она смотрит вниз на свой бейдж, и когда поднимает свой взгляд на меня, качает головой. — Моя фамилия ничего ей не говорит. Возможно, она ошибается, думая, что у меня политические корни. Ты знаешь, я не одна из них. Господи, я поссорилась с бабушкой и дедом после нашего с тобой разговора на прошлой неделе. Ничего на этом не закончится. Кеннеди и Стилманы держатся вместе. С момента «сухого закона» они всегда были вместе, прикрывая друг другу спины. Ты не представляешь себе, какого это или как далеко они смогут зайти!

— Могу, — спокойно говорю.

Она качает головой.

— Сомневаюсь.

Я сильнее сжимаю ее руки. Могу ли я доверять ей?

— Мы с тобой как два айсберга. Откололись от своих семей. Моя семья всегда и везде. Начиная с Гражданской войны и по сей день они находятся во главе некоторых районов штата Джорджия. Они также живут в своем маленьком мирке. Старожилы со своим дерьмом Ку — клукс — клана. — Все вокруг нас исчезает. Я слегка касаюсь ее кожи, вырисовывая круги, произношу. — Ты видела мои шрамы. Помнишь, я говорил тебе, что они остались после случая на охоте с моим дядей.

— Да, — она моргает.

— Б*дь. Нужно ли мне впустить ее? Рассказать ей больше, чем она уже знает. Я набираю воздух в легкие. — Это был не просто случай на охоте. Мой дядя... брат отца похитил меня, когда мне было четыре. Он посадил меня в машину. Он был обдолбан наркотиками. Я был с ним около двух недель в декабре. Он творил вещи... — закрываю глаза, сжимая челюсть. Я весь покрываюсь холодным потом. Сердце грохочет. В то время как образы всплывают в голове оно грохочет так сильно и быстро, — б*дь! Я заталкиваю воспоминания подальше в глубины своего сознания и хрипло шепчу: — Вот откуда эти шрамы.

Когда я смотрю на нее, у нее такое выражение лица, будто она только что видела автомобильную катастрофу.

— О, Господи!

— Меня спасли. Но это стало причиной, почему я так отношусь к людям. Особенно к женщинам, — произношу я.

Она касается моего лица.

— Ты прекрасен... для меня.

Какое — то время мы просто смотрим друг на друга. Боль в кристально синих глазах Кса разбивает меня. Обжигающие садистские образы пряжек от ремня, кровь и нож, оставляющий на моей коже порезы, всплывают в моей голове. Ее уязвимость, шелковистая мягкость — это мой огонь, на который я, как мотылек лечу. Это ловушка. Моя слабость. То, чем я желаю обладать. Закрываю глаза. Хочу, чтобы мрак стер все воспоминания. Я не могу рассказать ей всей правды. Мне на помощь пришли родственники со стороны матери — они пришли и нашли убежище моего дяди. Никто кроме моей семьи не знает, что меня похитили. Лишь один человек знает, как жестоко был убит мой дядя. Никто, мать твою, не знает секрет, который я храню, до сих пор.

— Мы оба в ссоре с нашими семьями. Поверь мне, я прекрасно знаю, каким гвоздем в заднице может быть семья. — говорю ей.

Она кивает, скользя рукой по моей груди.

— Что дальше?

До нашего отъезда из Бостона, Ксавия позвонила своим бабушке и деду. Я не знаю, о чем они говорили и какая у них была реакция, но судя по ее покрасневшимся щекам, могу себе представить что, чтобы она ни сказала — это давно пора было сделать. Я понимаю, что все в восторге от ее семьи, но для меня, лучше меньше да лучше. Будет намного проще делать с ней то, что я хочу, если никто из нас не будет привлекать особого внимания. Любой человек или общество являются еще одной ловушкой, с которой нам придется иметь дело. Если она сможет разорвать все связи со своей семьей так, как это сделал я, б*дь, я не буду против.

— Я сказал Райан, что встречаться с тобой это хорошая идея, но она дала мне понять, что это не мне решать. Отнюдь не мне.

— Да. Не тебе. Ты можешь сказать «нет» и отвергнуть ее предложение за нас обоих.

— Конечно, могу, тогда я не стану баллотироваться на должность Вице — президента.

— Так это из — за меня? Баллотироваться или нет?

— Я не собираюсь встречаться ни с какой другой женщиной. Ты единственная, кого я хочу, в этом случае у нас с тобой будут хоть какие — то гарантии.

— За нами будет наблюдать весь мир.

— Секретная служба не будет крутиться вокруг нас. Если тебе так важно... учитывая твоё недавнее стремление к независимости от своей семьи. — Я смотрю на нее сверху вниз, замерев, зная, что благими намерениями выстлана дорога в ад. — Вирджиния Райан считает, что ты сделаешь это для нее в качестве личного одолжения. И она хочет, чтобы я донес до тебя, что она у тебя в долгу.

— Вице — президент сказала это? — Бровь Ксавии изогнулась.

— Да. Она бы хотела пообедать в воскресенье, чтобы обсудить, как нам все это уладить. — Я снова беру Кса за руки и глажу ее запястья. Нежно. Она моя.

— Что насчет завтрашней ночи?

Я смотрю в глаза девушки, они проникают в меня ... глубоко. Я поднимаю ее руки над головой.

— Тебе решать.

— А мы можем делать и то и другое? — Говорит она с придыханием. Вопрос... соблазнительный.

Какое — то мгновение мы смотрим друг на друга.

— Ты хочешь быть моей сабой и притворяться моей подружкой?

— Что значит «притворяться?» — Ее глаза опасно сверкают, разжигая во мне желание, обладать ей полностью.

Она должна знать, как безумно меня влечет к ней. Если она еще не поняла, я прижимаю свой твердый как камень член к ней и рычу.

— Нет. Быть настоящей.

— А «ненастоящая» включает в себя секс в твоём клубе? — Она закусывает губу.

Я смеюсь. Еб*мать.

— Мы зря тратим силы. Ты вообще понимаешь, насколько это может быть опасно?

— Почему? Мы уже взрослые люди.

— Детка, все те люди, которых ты увидишь сегодня вечером тоже взрослые, и все они хотят держать свою частную жизнь под замком. Ты должна молчать. Даже, если ФБР будет допрашивать тебя. Никто не должен знать, что это ты. Это означает, что ты должна быть инкогнито в клубе. Ты точно хочешь этого, потому что оба варианта не приемлемы. Один неверный шаг и мы пропали.

Застонав, она смотрит на меня.

— А что насчет тебя. Люди ведь знают тебя.

— Это является частью нашей дилеммы. Но у меня в запасе очень много информации на каждого члена клуба, чтобы уравнивать риски, связанные со мной. — Когда она опускает взгляд, я весь напряжен. Я наклоняюсь ближе, поднимая ее руки еще выше. У нее перехватывает дыхание, а грудь поднимается. — Смотри на меня. Все время.

— Что ты собираешься делать?

— Немного практики. Чтобы ты была готова к завтрашнему дню.

— Мой зад все еще болит, — шепчет она.

— На нем мои следы, — произношу шепотом около ее губ. — Я только начал.

— Не мучай меня.

— Ошибаешься, — обрушиваясь своими губами на ее, говорю я и захватываю обе ее руки в свою. Взяв в кулак ее волосы, я прижимаюсь бедрами к ней, давая понять ей, насколько я голоден, как будто грубое поведение с ней сможет успокоить боль, растущую внутри меня, требуя удовлетворения. — И еще. Ты не будешь стажером.

— Что? — выпаливает она, стараясь освободиться. — Ты меня увольняешь?

— Нет! — Я раздвигаю ее ноги своими, отпускаю ее волосы, чтобы дотянуться до подола ее платья. — Ты будешь частью моей команды. Оплачиваемой частью. Будет не так много поводов для нарушения правил.

— Все же... ты собираешься заполучить чьи — то женские трусики, — заканчивает она.

Отстраняясь от нее всего лишь на несколько миллиметров, чтобы просунуть руку между нашими телами, я пропускаю палец под кружево и резко отвечаю.

— Да. Но не твои.

Она извивается рядом со мной.

— Дай дотронуться до тебя. До твоих волос. Ради Бога!

Своим словами она подстегивает меня. Она сдается и тем самым дает мне то, что я страстно желаю.

— Вижу, что я добился того, чего хотел. Завтра, никаких споров. Никаких ответов с твоей стороны, или вскоре ты узнаешь, что происходит с сабами, которые теряют над собой контроль. Хочешь узнать?

— Я согласна на все, что Вы предлагаете, Сенатор!

Я бы все отдал, чтобы видеть ее со связанными запястьями. Трахать ее связанной на скамье, или привязанной к кресту или кровати. Не важно, я хочу, чтобы она умоляла меня ущипнуть ее за соски, в то время как я трахаю ее грудь. Как я буду наслаждаться, засовывая свой член в ее сладкий ротик, когда она будет сосать мою головку.

Я отпускаю ее запястья и смотрю ей в лицо.

— Тебе нужно преподать небольшой урок, чтобы ты могла контролировать свой прекрасный ротик. Встань на колени и раскрой губки, умоляя меня о члене, — я выплевываю слова, в то время как расстегиваю молнию на ширинке и достаю свой член.

Медленно она опускается на ковер. Я закрываю дверь на замок и не могу поверить, что мне уже тяжело себя сдерживать.

— Пожалуйста, Сэр, — громко произносит она, но ее тон дерзок.

— Еще раз. Сложи руки у груди. Умоляй. Меня. — Я беру ее лицо в свои руки, заставляя ее смотреть на меня. Она медленно вдыхает, как будто борется с собой. — Ты знаешь, что надо сделать. Сделай, сейчас же.

Глядя на нее, я нежно глажу пальцем ее щеку, и ее плечи расслабляются.

— Сэр, научите меня контролировать себя. Пожалуйста, разрешите мне пососать Ваш член!

— Твоя просьба звучит уже лучше, чем до этого. — Ухмыляясь, приближаю свой член к ней. — Лизни. — Прикосновение ее язычка к головке заставляет меня задрожать. Грубо. Жестко, вот как я хочу ее — и я резко выдавливаю из себя. — Еще. Лизи мой член так, как я учил тебя!

Она проводит своим язычком с пирсингом по головке, слизывая выделившуюся жидкость. Затем прячет язычок, смакуя мое возбуждение и наши взгляды встречаются. Черт, я должен трахнуть ее. Владеть ей. Я запускаю пальцы ей в волосы, проталкивая глубже.

— Соси его. Все время.

Она скользит своим мягким влажным ротиком вокруг головки и обхватывает его полностью. Сладкими, словно зефирка, губками. Она сосет мой член и подводит меня к краю... мне этого мало. Она дразнит меня, и я еще крепче сжимаю ее волосы в своем кулаке.

— Открой рот. Шире. Расслабь челюсть. — Я заставляю ее взять меня глубже, до самого горла. Двигая бедрами, я проталкиваю член глубже в ее горло, жестко трахая ее прекрасный ротик. — Вот так. Давай посмотрим, как я обладаю твоим грязным ротиком.

Ока кивает и проводит своим язычком с пирсингом по моему члену, обвивая руками мои бедра. Я дико хочу ее — глубоко погрузиться в нее. Больше нет сил терпеть. Я не могу остановиться и прежде, чем я могу понять, что происходит, притягиваю ее. Я должен войти в нее. Обладать ей.

— Я еще не закончила, — шепчет она своими пухлыми губками.

— Да, ты права. Я собираюсь засунуть свой член в тебя так глубоко, что в следующий раз ты дважды подумаешь прежде, чем бросить мне вызов, малышка. — Я уже готов трахнуть ее здесь у стены. Я снова становлюсь диким, как будто это поможет мне освободиться от напряжения из — за ее влияния на меня. Я не могу остановиться и закидываю ее ногу, затем провожу членом около входа в ее киску и с силой вонзаюсь в ее тугую плоть. — Бл*ь! Кса!

Я грязно ругаюсь не просто из — за умопомрачительного интенсивного удовольствия, которое пронесется через все клетки моего тела, а от того особенного чувства свободы, с которым я могу трахаться с этой девушкой. В любой момент любого дня, до безумия хочу обладать ей.

— Пожалуйста... Бен, — я чувствую, как ее киска дрожит вокруг моего члена и я приподнимаю ее выше.

Закинув ее вторую ногу, я вонзаюсь в нее и в этот момент она стонет, выкрикивая мое имя снова и снова. Она хнычет и это звук эротичного опустошения, я готов взорваться сильно и быстро. Я накрываю ее губы своими, проглатываю ее стоны...ее вкус. Если бы время было на моей стороне, я бы наслаждался ей все время. Всей. Чертовски. Моей. Ее губы мягкие, гладкие и открытые. Она просовывает свой язычок и я жадно пробую его, в то время как трахаю ее. Снова и снова врываюсь в ее киску, а она впивается в мои волосы. Мы безудержно трахаемся. Но этого не достаточно — только не после всего, что произошло сегодня. Обвив меня ногами, я переношу Ксавию к дивану.

— Пожалуйста. Не останавливайся, — молит она. Ее слова действуют на меня и мне не остается, ничего кроме как дать ей все, что она хочет.

— Шшшш, — рычу я, обрушиваясь на ее губы, и просовываю язык между ее губ, в тот же момент беру ее запястья в одну руку.

Опершись на подлокотник, я вколачиваюсь в нее. Прижимая ее своим телом, начинаю совершать сильные толчки, граничащие с болью. Это словно первобытный трах, так мы ощущаем друг друга.

Я выгибаюсь, погружаясь в ее скользкую киску, которая чувствуется необычайно узкой. Снова и снова я погружаюсь в нее, подстегиваемый ее криками. С каждым ударом я все глубже вхожу в нее, еще сильнее и сильнее. Она напрягается, выгибается на диване — мышцы ее тела напрягаются, а влагалище сжимает мой жаждущий освобождения член. Обхватив ее, я откидываюсь назад и я полностью вгоняю от безудержного возбуждения в нее свой член. Еб*ть, я так хочу кончить! Оргазм настигает меня и пронесется по всем клеткам моего тела.

— Сэр! — выкрикивает она, воздух резко покидает мои легкие и приводя меня к краю. Ее имя срывается с моих губ и я бурно кончаю в нее.

Глава 4

ВХОД.

— Ты точно уверена, что не хочешь пойти со мной? — спрашивает Брук, входя в комнату и держа в руках умопомрачительные туфли на шпильках и не менее обалденное коктейльное платье.

— Быть третьей лишней на твоём свидании? Нет уж. Все в порядке. У меня очень много работы на сегодня. — Хлопаю рукой по папке, лежащей у меня на коленях.

— На этот раз режиссер. Вокруг него всегда люди. ШИКАРНЫЕ. ИНТЕРЕСНЫЕ ЛЮДИ!

Моя бровь изгибается.

— Все — те — не надежные — товарищи — это твоя мечта. Не моя.

Моя соседка пожимает плечами.

— Не затрахай их, пока не попробуешь несколько. — Она смеется и машет мне из коридора, поправляя свою сумочку. Как только закрывается дверь, я соскакиваю с дивана и бегу через коридор к себе в спальню. Остается меньше двух часов до того, как я должна быть в лобби отеля, из которого меня заберет, присланный за мной, автомобиль Бена. Наконец — то Брук ушла и я смогу придумать, что мне сделать со своими волосами.

Час спустя, я наконец — то одета, мои волосы забраны под гладкий парик, и я еду в такси, направляющемся в отель Франклина. Я выхожу из такси и двигаюсь ко входу.

— Чем я могу Вам помочь? — спрашивает швейцар.

— Да... Я. — Черт. У него в руках планшет и он терпеливо ждет, когда я смогу все объяснить. — У меня назначена встреча в лобби.

— Как Вас зовут?

Я сомневаюсь. Беннетт попросил меня использовать вымышленное имя, если кто —нибудь спросит меня.

— Мисс. Иксесс, — отвечаю, глядя ему в глаза.

— О, да. Ваш номер готов. — Он переводит взгляд на портье, который стоит рядом с ним. — Проводи Мисс Иксесс на стойку регистрации.

— Благодарю, — бормочу я, смущенная тем, что мне предоставлен номер в этом роскошном отеле. Я не могу позвонить Бену и спросить его, поэтому я следую вовнутрь. Машина прибудет за мной через двадцать минут, поэтому у меня есть еще время.

Уже в номере — нет, не так. В номере люкс. Даже для такого роскошного отеля, этот номер люкс чересчур шикарен. Многочисленные произведения искусства украшают стены. Мне нравится, как сочетаются музейные, и современные скульптурные статуэтки, которые расставлены тут и там. На столике в ведерке со льдом стоит бутылка шампанского, рядом с ним единственный хрустальный фужер и красная роза в вазе. Я нюхаю розу, вдыхая приторно — сладкий аромат.

Я опускаю сумку на пол и наливаю себе бокал шампанского. В одиночестве, потягивая напиток и выхожу на террасу, наслаждаясь видом на Вашингтон. Прислонившись к перилам, я вздрагиваю, когда звонит мой телефон. Вытаскивая его из кармана пиджака, я замечаю, что это номер Джона, светящийся на экране.

— Эй, привет, — говорю я, перед этим сделав глоток шампанского.

— Выступающий чертовски горяч, мне надо с кем —нибудь трахнуть. Ты свободна сегодня вечером, чтобы сходить выпить и потанцевать? — нараспев произносит он.

— Ты сегодня работал? — я чувствую укол вины.

— Черт, да. Картер созвал всех, и бл*дь, мне тоже надо будет притворяться стажером, чтобы добыть информацию на него. Сегодня я сделал несколько серьезных знакомств. Господи, я хочу отпраздновать.

Я держусь за перила и смотрю на улицу вниз.

— Джон. Будь осторожен. Сплетни очень быстро распространяются. Ты сам мне это говорил.

— Ну, дорогая, я проверил эти источники. Достаточно того, что я сыт скандальными подробностями, которыми я поделился с моим редактором.

— И? — Я замираю, ожидая услышать какие грязные подробности он нарыл. Джон — это журналистский эквивалент собаки «Редбон кунхаунд» в вынюхивании улик... секретов.

— Мне разрешили копаться в грязном белье Капитолия. Даже выделяют деньги на это. Картер — это альфа — самец Капитолийского Холма и моего редактора это бесит, но сейчас

я собираюсь куда — нибудь. Мне нужен секс. Ты дома?

— Ммм, нет... Я ухожу, — Да, стоя на балконе, это первое, что приходит мне на ум. Если бы Джон накопал что — либо даже слегка касающееся Беннетта, он бы уже сказал. Не важно, чтобы не происходило у Джексона Картера, может, он просто изменяет своей любовнице. Я играючи покручиваю фужер между пальцев и замечаю, что на фужере остался след от моей красной помады.

— И чем ты сейчас занимаешься? — с издевкой в голосе произносит он.

— Да так, девчачьими делами, — захожу внутрь и открываю косметичку. — Ищу себе что — нибудь новенькое из одежды. Косметики. Занимаюсь шопингом с Брук. Сейчас мы идем смотреть новый фильм с Дженифер Лоуренс, — произношу я, и мой взгляд опускается на открытую газету на столе рядом со мной.

Держа в руке помаду, я хожу вдоль выхода на балкон, молясь, чтобы он не встретил мою соседку по комнате сегодня вечером и не прихватил меня за задницу за мою откровенную ложь.

— Ха. Очень похоже на романтическую комедию.

Джон, хоть он и является тем кто «за», чтобы вести образ жизни гея, не любитель девчачьих фильмов. Пусть он и гей, но он не неженка. Может, он и выглядит агрессивно со всеми своими татуировками на руках и обычно на его лице небольшая щетина, чтобы выглядеть немного мрачно, никто, кроме меня не знает, что он очень опрятный малый. Весь такой в застегнутой — на — все — пуговицы — рубаше — с-бабочкой — и-в твидовом пиджаке — самец.

— О, так и есть, — я отвечаю. — Ты знаешь, как Брук любит такие фильмы. — Оправдания. Вранье. Я кручусь влево и вправо. Фактически, я становлюсь королевой по «запудриванию» мозгов. Без сомнения, он не хочет идти на этот девчачий фильм.

— Ладно, беглянка, тогда я оставляю вас. Скажи Брукмайстер, что нам надо пообедать как — нибудь. В ближайшем будущем. И на этот раз поближе, в моем районе.

Мы прощаемся и я обещаю перезвонить ему завтра. Как? Не имею понятия.

Я заново наношу слой помады, поправляю парик, убирая прядь иссиня — черных волос с глаз, и ищу свой пиджак. Черт, лучше снять его. Я складываю и накидываю его на руку, затем беру свою сумку, достаю ключ, и устремляюсь к лифту. Пока еду в лифте, я сжимаю магнитную карту — ключ, будто это спасательный круг, а потом опускаю его в сумку. Выйдя из лифта, я занимаю место в лобби, замечая, как люди смотрят в мою сторону в течение нескольких минут.

Все в холле исчезает в тот момент, когда я чувствую беспокойство при виде гладкого черного автомобиля, подъезжающего снаружи, и мне становится интересно, может, это за мной. Беннетт трахал меня вчера в своем кабинете, а после, мы уютно устроились на диване. С его членом внутри меня, он объяснил мне план действий.

В первую очередь, у меня будет водитель и еще один мужчина. Смотритель.

Он заставил меня повторить мои действия, пока я буду сидеть в лобби, до тех пор, пока не приедет водитель и не найдет меня. Смотритель... он будет присматривать за мной — мы заедем за ним позже. Как только мы встретимся с ним, я буду делать именно то, что говорит мой Смотритель. Если у меня будут вопросы, он на них отвечать не будет.

Он дал четкие указания. Мой взгляд должен быть опущен. Все время... за исключением времени, когда я с Беннеттом, я бы хотела получить урок покорности без него.

Меня пробивает дрожь, когда я встаю со стула. Ничего не могу с собой поделать и не

отрываю взгляд от двери, взволнованно ожидая увидеть лицо того, кто за мной приехал. Я слышу звук... хлопок двери... и я дышу с трудом, опустив глаза вниз. Черт, я не дам какому — то «смотрителю» повод отшлепать меня по заднице за это... ну или чего еще похуже того.

Открывается входная дверь и я стараюсь смотреть на свои туфли, а не обращать внимание на стук каблучков, того, кто только что вошел. Он направляется в мою сторону — прямо слева от входа. Капельки пота стекают у меня по вискам. Я помню... взгляд на туфли! На пересекающиеся ленты красной кожи на моих лодыжках. Лак на ногтях напоминает цвет спелого красного яблока. Эти ленточки перекрещиваются, обвивая мои икры.

Шаги становятся ближе и я стою, качаясь на своих 15 сантиметровых каблучках. Мне потребовалось больше часа, чтобы придумать, что надеть. Если я собиралась сделать это, тогда Боже, мне лучше сделать это с особым шиком. В любом случае, либо пан либо пропал. Мое платье, словно неоновая вывеска, с надписью «трахни меня». Это черное, облегающее, будто вторая кожа платье с красной блестящей жемчужной пуговицей, с помощью которой и держаться лямки на шее.

Я прижимаюсь лодыжками к стулу, наблюдая, как со стуком по лобби идут мужские туфли. Звук шагов отдается резким звуком в моем сознании. Его туфли появляются в поле моего зрения. Черная кожа. Идеально начищенные. Дорогие оксфорды. Отвороты его брюк отутюжены, и не даже не глядя, я представляю, что он одет в сшитый на заказ костюм. Бен сказал, что «водитель» найдет и заберет меня из лобби — и, тем не менее, у меня складывается мнение, что этот человек больше, чем просто водитель.

— Мисс Иксес? — спрашивает он низким твердым голосом. Я киваю и он берет мою сумку. — Прощу за мной.

Чувствуя неловкость, я слеую за ним на улицу. Летом в Вашингтоне бывает тепло, а сегодня небо безоблачно. Вечерний бриз ласкает мою кожу. Когда водитель открывает дверь на заднее сиденье, я проскальзываю вовнутрь, закрыв глаза, не желая поддаваться искушению, узнать кто он.

Перегородка, разделяющая водителя и пассажира, поднята. Машина отъезжает от отеля и я выглядываю в окно, ожидая увидеть улицу, автомобили, людей, идущих по тротуару. Но я не вижу ничего, кроме своего отражения. Широко открытые глаза... возбужденные глаза. Окна сильно затонированы — полностью непрозрачные.

— Мисс Кеннеди, на сиденье рядом с вами есть маска. Пожалуйста, наденьте ее. — Голос водителя звучит через интерком.

Маска лежит рядом со мной, там, где он и сказал. Я беру обычный кусок черного атласа, трогая пальцами гладкую ткань. Я прикладываю маску к лицу, завожу концы под свой парик, и обнаруживаю, что на ней нет прорезей для глаз — вернее они есть, но они закрыты лоскутом атласа. Пока я размышляю обо всем этом с завязанными глазами, и следует ли мне ее снять, водитель снова начинает говорить.

— Мисс Иксес, мы собираемся въехать в подземный гараж. Не волнуйтесь, если вскоре мы остановимся.

Легко ему говорить. Мне не нравится ничего не видеть, тем более в таком виде я встречаюсь со своим Смотрителем.

— Спасибо, — бормочу я и стараюсь смахнуть прядь волос, которая щекочет мне лицо. Я опускаю руки и глажу пальцами край кожаного сиденья, а затем решаю, что лучше положить руки на колени. Но уже скоро, я разжимаю руки, когда машина сворачивает. Инстинктивно, я расставляю руки в сторону, в поисках, за что бы схватиться, чтобы не

упасть. В конечном итоге, я держусь за дверную панель, и в этот момент машина останавливается.

Пассажирская дверь напротив меня открывается, и кто — то проскальзывает на сиденье рядом. Я поворачиваю голову, еще сильнее желая знать, что мне делать в присутствии незнакомца... моего Смотрителя. Дверь закрывается, и я вздрагиваю.

— Добрый вечер, Мисс Иксес, — Характерный мужской голос, намеренно искаженный, обращается ко мне, и я машинально киваю. Его прикосновение теплое, он обхватывает мою руку своей. Звучит звуковой сигнал. — Мы готовы, — отвечает он.

Автомобиль снова трогается. Мы выезжаем из гаража, я так думаю... мы едем в Дом. Мое сердцебиение отдается в ушах. Я чересчур сосредоточена на происходящем настолько, что мои волосы по всему телу встают дыбом. В салоне прохладно. Мою загорелую кожу обдувает холодком и я чувствую, как он бежит по спине, вызывая мурашки вдоль плеч и рук.

Мигая, я вижу щелку на своей маске. Руки мужчины, сидящем на заднем сидении, свободно лежат на его бедре. Его предплечья загорелые и мускулистые. Он в темных джинсах, а на запястье — Ролексы. Вот и все, что мне известно про него.

— Дорогая, я собираюсь прикоснуться к твоей голове, — говорит он. — Хочу поправить повязку. Повернись влево.

Я поворачиваюсь, и он начинает смеяться.

— Нет, налево с твоей стороны, — произносит он.

Задыхаясь, я быстро указываю подбородком в сторону моего другого плеча. Во рту пересохло. Лучше промолчать и я говорю себе расслабиться. Дыши. Я направляюсь к Беннетту.

Он начинает развязывать ленточки, и поправляет мой парик. То, как ведет себя мой Смотритель, касаясь таких незначительных деталей, полагаю для него является нормой. Все мои светлые волосы спрятаны и аккуратно закреплены. Я замираю, когда он прикасается к моей голове.

Он останавливается и выдыхает. Его дыхание обдувает мою кожу.

— Ваш Дом хочет, чтобы ваши волосы были спрятаны. Мне надо хорошенько спрятать их, чтобы маска плотно была на месте. Дайте мне знать, если будет неудобно. — Его пальцы слегка касаются моих волос, это выглядит так, как обычно бывает, когда человек не знает, что делать с ними, я по — прежнему застыла и не дышу в то время, когда он поправляет маску.

— Садись поудобнее, — говорит он, помогая мне устроиться. — Желаете что — нибудь выпить? У нас здесь полный бар...или может воды.

Я качаю головой, но затем вспоминаю инструкции Беннетта о том, как отвечать этому человеку.

— Нет, спасибо, Смотритель.

Он тихо смеется.

— Твой Дом будет приятно удивлен тем, что ты вспомнила, как обращаться ко мне, не напоминая тебе об этом... — он проводит пальцами по моей щеке. — Твое лицо, хоть и красивое произведение искусства, должно выражать подчинение. Ты здесь не для того, чтобы доказать свою точку зрения. Эгоистичной гордости нет места в мире, куда тыходишь. Держи голову...вот так.

Он опускает мой подбородок так, что я почти касаюсь им груди.

— Благодарю, — произношу я деревянным голосом, и добавляю. — Смотритель.

— Ты решительна. Поверь мне. Расслабься. Сегодня вечером ты получишь больше наслаждения, если расслабишься. И доверяй тем, кто будет рядом.

У меня совсем нет чувства осторожности, я сижу здесь с завязанными глазами, а рядом мужчина с протяжным Техасским акцентом, который, кажется, наслаждается этой частью введения игры. Он наклоняется.

— Разве я говорю слишком быстро, сладенькая?

— Нет, Смотритель. Я... — Что, черт возьми, я должна ответить ему? — Я постараюсь и расслаблюсь. Спасибо.

— Если конечно, тебе нравится быть послушной. Да?

— Нет, не нравится, Смотритель, — заверяю его, инстинктивно вздергивая подбородок. Мой желудок скручивает. Он играет со мной или проверяет меня?

— Ну, это мы еще посмотрим. — Он мрачно смеется, крепко сжимая мой подбородок, резко опуская мое лицо вниз. — А пока, я предлагаю тебе помнить мои указания, Мисс Иксес.

Он отпускает мое лицо и, кажется, двигается на сиденьи. Я выдыхаю, мое лицо покалывает в том месте, где он прикасался. Я слышу, будто звенит колокольчик. Затем стук и жужжание. Его сотовый?

— Точно по расписанию. Ты шутишь? — Он вздыхает... громко. — Ну, это не соответствует правилам. Инструкциям. Хорошо, из всех, ты обязан это знать. Сделаю.

Мой Смотритель чем — то недоволен и выдохнув, он, наконец, расслабляется. Кожаное сиденье проминается и он что — то начинает наливать. Останавливается и снова начинает наливать.

— Дорогая, выпей это.

Я не хочу ничего пить — или хочу? Я протягиваю руки и он помогает мне обхватить стакан. Подняв его, я останавливаюсь и замираю. Чувствую губами прохладу хрустального стакана и втягиваю аромат дорого выдержанного виски. Я думаю о Беннетте и о том, что вообще происходит. Я пробую и выпиваю залпом, тут же чувствуя, будто в меня залили галлон чистого бензина. Из — за маски у меня щиплет глаза. Я закрываю глаза, останавливая слезы, которые готовы побежать. Ведь Смотритель не будет рассказывать, что я плакала во время поездки.

Спиртное согревает мой желудок и вскоре я чувствую тепло, которое распространяется внутри меня по мышцам. Погрузившись в мысли, я частично слушаю, как мой Смотритель отвечает один за другим на телефонные звонки. Иногда он отвечает резко; в другой раз, он смеется и его протяжное произношение становится более выраженным.

— Мы только что прибыли к боковому входу, — он резко отвечает кому — то по другую сторону телефона, и я сажусь. Я еще не совсем осознала, что автомобиль остановился. — Встретимся внутри, — говорит он.

Дверь открывается.

— Мисс Иксес, разрешите, — Это снова водитель — я думаю. Он поддерживает меня за локоть.

Меня ведут, может быть, шесть или семь шагов по тротуару, а затем говорят сделать шаг на ступеньку.

— Ступенька, — говорит мужчина снова. — И еще. Ступенька.

Мы внутри. Дверь закрывается и на мое плечо опускается рука, и еще одна, небольшая, на мою спину.

— Сюда, — указывает Смотритель.

Я двигаюсь рядом с ним. Мне не страшно от его прикосновений... похоже, как будто врач прикасается или, может быть, мне так кажется из — за того, что я слегка выпила. В любом случае, я чувствую себя неловко, двигаясь с завязанными глазами. Ничего не видеть не совсем уж и плохо. На данный момент, если бы я увидела комнату, наполненную кнутами, наручниками, и цепями, я бы спятила.

Мы останавливаемся, открывается дверь, и женщина наклоняется ближе. Она что целует Смотрителя? Я слышу ее мурлыкающий голос в соблазнительном приветствии.

— Добрый вечер, Джекс. О, прости... Кэш.

Джекс? Я правильно ее расслышала? Беннетт сказал, что этот частный клуб строго для членов Капитолия. Есть только один конгрессмен... я точно знаю, кого зовут Джекс. Джексон Картер. Не так много политиков, которых так зовут и они из Техаса? О. Всемогуший. Ептвою. Бог!

Я отступаю, так как моя температура тела падает на добрых десять градусов. Холод пеленой накрывает мою кожу и я отскакиваю, выдерживая руку из его хватки.

— Эй, — шепчет Джекс. — Что случилось?

Мои мысли закручиваются вихрем и я концентрируюсь на одной из них. Каковы шансы Джона узнать о существовании этого места, а его новым источником информации может быть Смотритель? Забудь о том, чтобы быть расслабленной! У меня снова появляется чувство, будто мое тело состоит из щепок, готовых рассыпаться.

— Мы здесь одни? — Забывая покорную позу и то, что мое лицо должно выражать скромность. Я готова сорвать свою маску.

— Ты знаешь правила. Ты не задаешь вопросы. Что случилось Мисс Иксес?

Я не могу озвучить то, что Джон обрабатывает его, притворяясь стажером в офисе этого человека, и ведет слежку конкретно за этим человеком, что может вызвать горячий интерес огромного числа читателей. Если он выведет кого — нибудь с Холма на чистую воду, то получит толчок для того, чтобы попасть в серьезные журналистские круги. Возможно, он не получит Пулитцеровскую премию, но он сможет завоевать признание.

— Ничего, — выдавливаю я. — Просто нервничаю, Смотритель. Спасибо, что спросили. Он не отвечает... поначалу.

— Я хочу, чтобы ты сделала глубокий вдох. Не прекращай вдыхать, пока я не скажу. Медленно. Размеренно. Давай, — приказывает он авторитетным тоном.

Я глубоко вдыхаю, пропуская воздух между губ пока он не говорит мне остановиться.

— Задержи его, — командует резко Джекс, я сжимаю мышцы живота в ожидании. Жду. Жду, пока, наконец, он не говорит: — Выдыхай.

Я выдыхаю и он кладет обе свои руки на мои.

— У нас впереди длинная ночь. Тебе нужен кислород. Это простой трюк, если ты воспользуешься им. Собственно говоря, если я узнаю, что ты задержала свое сладенькое дыхание, я буду первым человеком, кто испробует твой прекрасный зад. Это моя привилегия, как твоего Смотрителя, и даже если твой Дом не собирается тебя делить ни с кем, я буду делать то, что в твоих же интересах. Не его.

Я хмурюсь. Он бы сделал все что угодно, чтобы напрямую побороться с Беннеттом? Это вовсе не разумный план, которому надо следовать.

— Я буду помнить про дыхание, — заявляю я и демонстрирую, делая глубокий вдох, а затем другой. — Спасибо, Смотритель.

— Твой псевдоним соответствует тебе [Прим. пер. — здесь автор имеет в виду игру слов в оригинале «Miss Excess» можно перевести как «Мисс Крайность» или «Мисс Озорство»] маленькая саба.

Что он имеет в виду? Но мои мысли обрываются. Он кладет свои руки на меня, расстегивая застежку сзади, и внезапно платье соскальзывает с верхней части моего тела.

Прикрывая свою обнаженную грудь, я отстраняюсь на пару шагов назад. Я ахаю:

— Стоп!

Беннетт предупредил меня насчет используемых слов, но не совсем точно. Мой Смотритель подготовит меня. Я не знаю, почему я решила, что я буду одета. Но я должна быть абсолютно голой — мое сердце грохочет не переставая. Ничто не сравнится с тем, как все это сводит меня с ума.

— Не так быстро, — говорит Джекс, в тоже время спуская мягкую, шелковую материю с моих плеч. Он слегка поворачивает меня, а затем его пальцы вновь поднимают мой подбородок. Он крепко держит меня. Снимая его, он берется за мое платье и ловко опускает его на мои бедра, расстегивая молнию. Он держит меня за руку и говорит: — Перешагни, — в то время как мое платье спадает с меня, скользя вдоль моих ног на пол.

Я чувствую, как меня закрывает ткань накидки и делаю, как мне сказано, шагая, не видя, что Джекс ведет меня вперед. Его руки раздвигают складки накидки, надетой на меня, чувствуя, как воздух охлаждает мою кожу. Его руки скользят вдоль моего бедра, теребя резинку трусиков, и мои мышцы живота сжимаются. Он молчаливо тянет их вниз. Прилив тепла, словно вздымающиеся штормовые облака поднимаются вверх от лопаток, прожигая путь, и достигая моего лица. Суда по его движениям, я понимаю, что сейчас он стоит на коленях, спуская мои трусики вниз по бедрам.

Он берет мою руку, все еще стягивая мои трусики, которые скользят по коленям к лодыжкам и снова говорит мне:

— Перешагни.

Я голая и с завязанными глазами, на мне плащ, маска и каблуки. Продолжая трястись, будто лист в ужасный шторм, я смущена в высшей степени из — за того, что я нахожусь с незнакомцем, чье лицо сейчас в нескольких сантиметрах от моей промежности. Я задерживаю дыхание, молясь, чтобы это поскорее закончилось. Полы моего плаща снова закрываются, и я ахаю от облегчения.

— Подними руки. За спиной. — По звуку его голоса я понимаю, что Джекс стоит позади меня, и я делаю, как он говорит, я чувствую, что что — то металлическое — холодное и крепко облегающее опускается сначала на одно запястье, а затем на другое. Я в наручниках и он кладет что — то маленькое мне в руку.

— Ключ. Ты отдашь его своему Дому, — говорит он и я понимаю.

Беннетт сказал, что я должна буду что — то предложить ему в знак своей покорности. Этот ключ является символическим действием, означающим мое желание, чтобы он освободил мои запястья.

— Пора, — объявляет Джекс.

Я отгоняю слезы и сглатываю, сомневаясь в своем решении. Во всем, начиная с того, чтобы быть раздетой незнакомцем — это не моя идея, как и в том, что можно хорошо провести субботний вечер улюлюкая и громко крича, а в действительности будучи выведенной в маске на сцену, в то время как люди будут смотреть на меня, и осознание этого кажется в сто раз более нервирующим и... я замираю.

Вокруг меня стоит гул и по раздающимся шагам, я понимаю что, в комнате мы больше не одни.

— Так, у нас новенькая? — Раздается рядом мужской голос, и я вздрагиваю.

— Ага. Как тебе тусовка? — Спрашивает Джекс невозмутимо.

— Все так же, как и накануне, — Голос человека глубокий, но мягкий, с властной нотой. Это качество, которое мне нравится в голосе Беннетта и Джекса, и такой же у этого человека. Возможно, они партнеры — те, о ком Бен говорит как о других Домах.

— Сообщение со сцены. Не снимай с сабы накидку.

— Поверь мне, — парирует Джекс. — Я уже всего наслушался. Этот аукцион обещает войти в историю. Здорово, что это первый вечер, после возвращения Бена обратно. Готов предположить, что есть несколько серьезно настроенных членов клуба. Честно говоря, я не знаю, что из этого выйдет. Если кто —нибудь захочет получить ее первым, то этот аукцион перерастет в настоящий хаос.

— Я понял тебя, но они пляшут под его дудку. У них нет ничего на него.

— Скорее под кнут, которым он прикладывается, — фыркает Джекс.

— Клуб уже готов, — отвечает другой человек.

— Давай посмотрим. Все ли службы безопасности на своих местах? — Джекс держит меня за локоть.

— Да, — говорит мужчина. — Как только Орел будет в гнезде, все подъезды и выезды будут заблокированы.

Они говорят приглушенными голосами. Как обычно деловым тоном, но их уверенная речь не помогает моему животу не скручиваться в тугий узел. Становится еще хуже, когда меня выводят из комнаты. Двигаясь по обе стороны от меня, Джекс и второй мужчина держат меня за локти, сопровождая, как я думаю в зал, где люди толкаются и извиняются. Мы идем вперед, затем поворачиваем, а затем оказываемся в что — то типа лабиринта, где я слышу приглушенные голоса. Кто — то стонет, слышны звуки порки, кто — то мычит, в то время как мы проходим мимо дверей, и я полагаю, это те комнаты, где происходит все, что угодно. Беннетт сказал мне, что есть комната, где нет никаких дверей. Должно быть, это она и есть.

Насколько я знаю, все комнаты Дома, за исключением одной открыты для просмотра. В некоторых частных комнатах есть окна, доступные только Домам и их сабам. Бен обещал мне, что мы не будем ни в одном из открытых пространств клуба. В наш первый раз у нас будет столько уединенности для утверждения своих прав на сабу, насколько это возможно получить в Доме, это означает, что с одной стороны будет находиться зеркало, а с другой стороны, люди которые буду смотреть.

Мои сопровождающие остановились и из крошечной щелки сбоку маски, я вижу, что освещение отличается. Рассеянное. Тусклое. Но вокруг нас что — то потрескивает. Голоса говорящих приглушенные. Я слышу какой — то звук, хрустальный звон и бесконечный смех.

— Мы проведем тебя на три ступеньки вверх на сцену и ты должна встать на колени, — советует мне Джекс. — Подожди, пока твой Дом не обратится к тебе. Делай так, как он велит, или ты будешь наказана. Прямо тут на сцене. Поняла?

— Да, Смотритель, — шепчу я хрипло, чувствуя, как слабеют мои колени.

Если бы не двое мужчин по обе стороны от меня и их властная хватка на моих руках, я бы ни в жизни не сделала эти три шага. И вот я на сцене и как мне сказано, с их помощью, встаю на колени, чувствуя жесткий пол. Я качаюсь на коленях, чувствуя себя ужасно, в то же

время дергая за наручники. Шум голосов становится все громче, и по доносящемуся гулу голосов я могу понять, что речь идет обо мне.

Мужчины и женщины обсуждают мою роль в виде сабы и чтобы они хотели сделать со мной. Как бы они находили удовольствие в моем теле. Как бы они делили меня.

Вместо того, чтобы сидеть с кротким понурым выражением сабы, я вздергиваю подбородок. Может быть, я и с завязанными глазами и мои руки скованны за спиной, но, черт возьми, я не собираюсь делать вид, что у кого — то в этой комнате есть гребанный шанс делать со мной все, что угодно!

— Ради всего святого, — слышу я рычание Беннетта и его шаги, раздающиеся с конца сцены. — Похоже, что ты хочешь завоевать мир, моя маленькая саба.

Глава 5

НАРУШАЯ ПРАВИЛА.

Двигаясь, отсчитывая ступеньки до сцены, у меня возникает сильное желание сплевать. Дом настолько переполнен, что яблоку негде упасть. Я одет в черную футболку, кожаные брюки и мотоциклетные ботинки, выходя на сцену, все мое внимание сосредоточено на Ксавии. Несколько минут назад, я видел, как ее ввели вовнутрь Джекс и Ноа. Моя челюсть по — прежнему сжата. Я напоминаю себе, что она вошла на сцену без каких — либо инцидентов. До сих пор никто не сделал ошибки всей своей жизни, прикасаясь к ней.

То, что Джекс раздевает ее — уже достаточно, чтобы довести меня до предела, но, по крайней мере, в нем я уверен — он смотрит на мужчин, а на нее он не взглянет. Конечно, за пределами нашего клуба, никто не обсуждает, что спикер Палаты представителей гей. Уверен, что Джекс будет засовывать свой член в женщину, но только в том случае, если в этой игре будет принимать участие и мужчина. В конечном итоге вся эта игра закончится тем, что он кончит в этого чувака. Доверил бы я Кса кому —нибудь другому? У меня только один ответ. Ебтвою, нет!

Сегодня я перечитал, точнее тщательно прочесал и проанализировал законы клуба «Дом» и регламент его членов, пока не нашел кое — что. Идеальный вариант, который я смогу использовать, чтобы сорвать эту церемонию в виде аукциона, на котором становятся настоящими сабами. В моем кармане достаточно денег, чтобы остаться в выигрыше сегодня вечером. Утверждая свои права на нее, в качестве ее Дома — необузданно, все это долгое время, пока будет проходить обучение, будет означать, что мы здесь будем в течение следующих трех месяцев. Мы сможем обойти законы клуба, с которыми нам придется иметь дело... в конце концов.

После того, как я вижу Ксавию, входящую в главный бар, я напрягаюсь и становлюсь чересчур бдителен. Честно говоря, я не представляю себя с ней в течение следующих трех минут... пока она не вздергивает свой подбородок в знак непокорности. И, бл*дь, все вокруг исчезает, кроме того факта, что эта девушка совсем не умеет сдерживать свою спесь, одновременно подтверждая мое решение.

— Ради любви к Богу. Похоже, ты собираешься завоевать мир, маленькая саба, — я рычу, двигаясь через сцену, и останавливаюсь прямо перед ней.

У нее завязаны глаза, но ее упрямство проявляется в каждом движении, которое она совершает. Черный парик, обрамляющий ее высокие скулы, ее светящуюся кожу и ее полный

рот словно сокровище, которым, я жажду овладеть. Я протягиваю руку и провожу пальцем по ее лицу, губам, и нажимаю, чтобы она раскрыла рот. Мой член твердеет и я уже готов. Готов полностью принять ее подчинение. Я снова вернулся к такой жизни и проголодался, желая принять командование над своей мятежной маленькой сабой.

Я убираю полоску материала, которая скрывает ее глаза. Синее синего, и когда ткань убрана, она моргает. Наши взгляды встречаются и я чувствую толчок возбуждения, проносающегося сквозь меня. Другой рукой, я обхватываю ее подбородок, в то же самое время она подается вперед.

— Ты принадлежишь мне, — говорю я.

Ее подбородок дрожит, и я жду, кажется целую вечность, ее ответа. Она отвечает шепотом:

— Да, Мастер.

Электрический разряд проносится через мои нервные окончания. Воздух вокруг нас потрескивает. Сцена, люди, клуб становятся незначительными для нас. Все мое внимание полностью сосредоточено только на ней.

— Смотритель, сделай все необходимые объявления, — я обращаюсь к Джексу тихим голосом, который выходит из меня как рычание. Я обвожу всех присутствующих взглядом, не терпящим никаких возражений в случае с тем, что сейчас будет объявлено. Выражение наших с Кса лиц показывает равнодушие и полное пренебрежение ко всему, что может дать понять, что мы с ней пара. Громкий ропот разлетается по всей комнате — они не показывают своего откровенного «нет» — но все присутствующие должно быть удивлены, почему я не снимаю плащ и маску со стоящей передо мной на коленях женщины.

Хорошо, сегодня вечером они удивятся.

Джексон Картер торжественно кивает и сообщает всем присутствующим, что первый аукцион этой ночи не состоится, так как я использовал привилегию как Дома клуба, заявляя права на эту сабу. Ограничивая любой доступ к ней. Накладывая запрет любому члену на то, чтобы ее выбрать.

— Ты полностью собираешься соблюдать условия, изложенные в регламенте нашего клуба? — спрашивает меня Джекс. Прилюдно мы создаем прецедент своим поведением. Слышится ропот неверия среди присутствующих, громко начинают двигать стульями... и вдруг, Джекс поднимает и ударяет молотком. — Тишина. — Он смотрит на охрану в темных костюмах, стоящих по всему периметру комнаты, и на тех, которые размещены по обе стороны от сцены. Один лишь знак и члены будут удалены по любому поводу.

— Да. В обязательном порядке. Эта саба моя. Только моя и только я буду обучать ее, — отвечаю я ему.

Если я отступлю — нарушу требования этого договора, это означает, что я потеряю свой вес здесь. Еще один Дом клуба может вмешаться и захотеть владеть моей сабой. Не имеет значения, что другие владельцы и я — друзья или работаем вместе на Холме в Объединенном Экономическом Комитете. Неважно, что мы прикрываем друг друга все эти годы, и стали ближе, чем братья.

— Это ее контракт? — Джекс открывает сложенный документ, лежащий на кафедре. Это единственный, который я предоставил ему и он не оформлен.

— Собственноручно подписан сабой, — отвечаю я, солгав, крепко сжав зубы. — Саба согласна с регламентом клуба.

Сегодня вечером я даю Ксавии шанс понять, приемлем ли ей мой способ господства и

является ли это тем, что она действительно жалает. Если нет — то по сути, я облажался. Джекс не будет разглашать этот факт. У меня есть двадцать четыре часа, чтобы предоставить ему оформленный сабой контракт или отказаться от партнерства.

— Очень хорошо, — кивает он. — Заявляй на нее права.

Заявление прав на сабмиссива подразумевает одну цель: предоставление сабмиссиву все, в чем она или он нуждается. Без вопросов, я приобретаю средство для удовлетворения своего чересчур — завышенного голода — но, по сути, вся власть исходит от подчинения Ксавии.

Я выбрал скользкий путь и один неверный шаг откроет дверь другому доминанту, который будет владеть телом этой девушки, пока я вынужден буду смотреть... и терпеть. Мышцы тела стянуло узлом при мысли о другом, прикасающемся к ней — этот день никогда не наступит!

Кса качается, и я тянусь к ее плечу, чтобы удержать ее дрожащее тело.

— Ты в порядке? — рычу я сквозь стиснутые зубы. Я твердый, возбужденный, и я хочу, чтобы она обвила свои губки вокруг моей головки.

— Да, сэр, — Она смотрит прямо мне в глаза. Мы смотрим друг на друга, и, словно дерзкая девчонка, она медленно, вызывающе облизывает губы. Увидев ее язычок — язычок с пирсингом, танцующим над ее мягкими, словно лепесток розы, губами, я понимаю, что назад дороги нет.

Сегодня у нас будет возможность определить, насколько она готова отдать себя мне. Следующий шаг — это судьбоносный момент.

Мы обсудили, как я буду заявлять на нее права. Она интересовалась вопросами, которые я буду задавать, и как ей следует отвечать, как она будет обращаться ко мне, и что я буду делать. Тогда какого хера я медлю? Либо я заявляю на нее права либо мы расходимся. Третьего не дано. В моем мире нет ванильных свиданий. Это место, где мы с ней можем находиться, не боясь возникновения скандала. Вместе мы будем творить историю — но только эти стены будут свидетелями всего.

— У тебя есть какие — либо вопросы по поводу условий договора клуба?

— Нет, сэр.

— Согласна ли ты на мое полное господство над тобой?

— Да, Сэр.

— В любой момент ты можешь прекратить сцену.

— Я понимаю, сэр.

— Ты моя, саба. Моя собственность. Полностью моя и я владею тобой и до тех пор, пока наш контракт в силе, ты будешь обращаться ко мне «Мастер».

— Мастер, я ваша собственность. Спасибо, что принимаете меня.

— Открой свой ротик и продемонстрируй всем присутствующим, как ты принадлежишь мне. Подчинись мне, — Я расстегиваю молнию и освобождаю свой член.

Она приподнимает голову и я, слегка нажимаю своей округлой головкой на ее губки, оставляя на них свою смазку. Она открывает свой розовый, блестящий ротик, и я проглатываю стон, сковавший мое горло, в то время как она облизывает мой член своим язычком с пирсингом. Я сдерживаю себя, скользя только кончиком своего члена в ее горячий ротик, и качаю сильнее бедрами, входя все дальше и глубже.

Запуская руки в ее волосы, я обхватываю ее затылок, одновременно трахая ее рот, демонстрируя всем присутствующим, что может случиться с новым сабмиссивом, кто

бездумно начинает вечер, бросая вызов. Либо так, либо быть раздетой и проведенной через всех присутствующих, давая всем находящимся в зале возможность прикоснуться... поласкать ее.

Нет нужды смотреть по сторонам, чтобы увидеть, как некоторые из присутствующих членов клуба вероятнее всего мастурбируют, используя свои руки, трахая себя, или используют своих сабмиссивов, которые стоят перед ними на коленях, отсасывая и низвергая их в ад. Это единственный момент в течение всей ночи, когда остальным разрешено заниматься сексом в основном помещении гостиной, помимо тех, кто находится на сцене. Несколько женщин — Доминатрикс, членов клуба, с которыми я знаком, резко выкрикивают, требуя, чтобы я сильнее засовывал свой член в горло Кса.

Мои пальцы вцепились в ее парик в то время, как я удерживаю ее, чтобы получить удовольствие. Она не их. Поначалу я двигаюсь медленными толчками в идеальном ротике этой девушки, но как только жидкое пламя разгорается во мне и потом взрывается у меня под кожей, я начинаю толкаться все сильнее и быстрее.

— Расслабь свой ротик, — приказываю ей, и она кивает, начиная сосать с еще большей интенсивностью, ее голова поднимается вверх и вниз вокруг головки.

Кса щелкает свой язычком с металлическим шариком на его кончике и мучительно проводит по задней части моего члена и я погружаюсь всей своей длиной в ее ротик. Внутрь и наружу, с громким хлопанием я вставляю свой член, заставляя ее принять меня больше. Мое тело деревенеет, мышцы плеч и бедра сжимаются. Срань Господня!

— Я скоро кончу, саба, — Наконец я кончаю. Я выстреливаю горячую струю ей в рот, но она не собирается жалеть меня.

— Ммм, — она мурлычет над моим членом, заглатывая сперму, и продолжает сосать мою головку, проводя своим язычком вдоль всей моей длины.

Все мои мышцы сокращаются, в то время как очередной спазм взрывает меня, и я с силой загоняю свой член еще глубже в ее рот. Я владею ей. Властвую над ней. Заставляю ее покорится, принять каждый сантиметр моего члена. Я резко дергаюсь, полностью переставая дышать в тот момент, когда оргазм проходит сквозь мой позвоночник и скопившееся возбуждение выстреливает из моего члена, изливаясь в нее. Я снова вхожу и выхожу из ее теплого влажного ротика, затем подаюсь вперед, проталкивая свой член глубоко в ее глотку. Вспышка огня прожигает мои мышцы в тот момент, когда удовольствие ослепляет меня, заполняя мой мозг.

— Кса, — стон срывается с моих губ, я держу ее и наблюдаю за ее губами, скрывающими мой член. Доли секунд и я полностью погружен в ее ротике, находясь глубоко в ее глотке, я наблюдаю за ней и наши взгляды встречаются.

Она невероятна, сжимая губы вокруг моего члена, в то время когда мой член появляется из ее жадного рта. Я заставляю себя выпрямиться, тяжело дыша, убираю свой полностью эрегированный член обратно в кожаные штаны, страстно желая ее под собой связанной и открытой для меня. Я тянусь вниз, осторожно поднимая ее, ее руки в наручниках, закрепленных за спиной. Как только мы оказываемся рядом друг с другом, я уже не в силах сдерживаться, наклоняюсь вперед, целуя ее влажные губки на глазах всех присутствующих. Слышны удары кулаков по столам и вспышка недовольных возгласов перетекает в ожесточенные крики, принадлежащие, скорее всего к другим Домам, злящихся, за то, что их так сильно обломали.

— Кто — то не совсем недоволен, — шепчет она напротив моих губ. Ее трахабельный

ротик искривляется в сладкой ухмылке. — У меня кое — что есть для тебя. В моей руке.

Я притягиваю ее к себе, она представленная Дому не совсем обычным способом сабмиссив.

— Мне наплевать на них, — говорю я, обвивая ее руками, и ища ее ладонь. Я вытаскиваю ключ из ее рук, расстегиваю наручники, растирая пальцами красные отметины, оставшиеся на ее коже. Это в последний раз, когда я вижу отпечатки от металла на ее красивой коже.

Я бросаю наручники на кафедру, в этот момент Джекс стучит молотком, требуя восстановить порядок.

— Шумная компания, — мой голос звучит резко и наши взгляды встречаются.

В ответ он усмехается.

— Парень, ты всегда производишь такой эффект на людей. Сейчас тоже самое, не так ли?

Я не отвечаю. Веду Ксавию со сцены, я провожу ее мимо столов, наклоняясь ближе, и говорю ей, чтобы она смотрела прямо перед собой, а не вниз.

— Но это совсем то, что мой зритель сказал делать, — сообщает она мне.

Я рычу:

— Разве он твой Дом?

Перед выходом, она перестает смотреть вперед своим непреклонным взглядом и, оглянувшись на меня, приоткрыв рот, отвечает:

— Нет. Но я не понимаю.

Я вывожу ее за пределы основной комнаты, затем притягиваю ее к себе. Держа ее за скрытые плащом плечи, я потираю пальцами вдоль ее ключицы, покрытой шелковистой материей.

— Я восхищаюсь твоей силой. Я здесь не для того, чтобы сломать тебя, а научить. Запомни это. Уроки один и два. Ты готова для очередного. Да?

— Поэтому я и здесь. Пожалуйста, научи меня. — Кажется, из — за маски мне видно, как ее глаза светятся, и я наклоняю ее подбородок, вглядываясь в нее какое — то время, впитывая ее красоту.

В коридоре значительно тише и я наклоняюсь ближе, шепча:

— Никогда не теряй свою главную силу. Никогда. Это то, что привлекло меня в тебе в первую очередь. Есть разница между тем, как ты обладаешь самоконтролем и тем, как ты полагаешься на меня. Я буду подталкивать тебя и, несомненно, ты будешь подстраиваться, но никогда не обесценивай свои возможности. Это реальная сила. Бамбук против дуба. Что сильнее?

— Ты мне это говоришь из — за того, что мы идем кое — куда? — Она осматривает коридор, оформленный зеркалами, а затем ее взгляд возвращается ко мне.

— Я даю тебе советы, в то же время, показывая, что я вижу тебя. Я хочу тебя. Я здесь не для того, чтобы уничтожить то, чего я желаю и чем очень сильно восхищаюсь. Ты первая саба, на которую я заявил свои права таким образом. — Мои слова непроизвольно вылетели, пока я сам не понял куда веду. Если я буду слишком много говорить, она может не справиться с этим. У меня не было времени, чтобы обсудить небольшие изменения в планах и сейчас она не понимает, как все это может выйти из — под контроля.

Я не смогу не сказать ей, если она задаст вопрос о том, куда мы направляемся. Я плету интриги, и парадокс в том, что я жажду, чтобы между нами все было честно. Но как же я

могу быть с ней честен, если мы ставим себя на показ? Слишком быстро, я начинаю это осознавать — с ней я жажду чего — то, что я не в состоянии выразить словами... Я даже не могу определить что, черт возьми это, чего я так желаю.

Я тяну ее за руку, ведя дальше по коридору. Мы поворачиваем за угол затем еще за один, уводя ее подальше от комнаты, которую я изначально зарезервировал. Прошли годы, с тех пор как я вернулся в этот отдельный коридор. Вместо того, чтобы руководствоваться заведенным порядком, я меняю свой чертов план и спрашиваю:

— Чего ты действительно хочешь? Для нас двоих?

Она удивленно моргает, глядя на меня, и ей требуется доля секунды, чтобы понять, что я только что спросил. Именно эта ее сторона держит меня за задницу. Ее спокойствие, полная противоположность тому, какая она дикая и необузданная... Та, какой она была некоторое время назад — там, на сцене, делающая мне минет. Очевидно, мы оба были в заднице, нарушая границы дозволенного.

— Я никогда не делала ничего необычного. Этот ново. Но с тобой, я почувствовала что — то невероятное там на сцене. Я никогда не предполагала, что можно стать кем — то, кому безразлично, что в помещении есть еще кто — либо, кроме него самого. Я хочу этого все время, — признается она.

Ебать. Я вдыхаю и опускаю на нее взгляд, мысленно впитывая ее разрешение. Мои глаза резко опускаются по ее шее, к темнеющему синяку. Мой засос. Я оставил свой след. Ее гладкая бледная кожа, шелковистая на ощупь, и я вижу, как дрожит ее пульс. Я стараюсь удержаться, чтобы не коснуться ее, не прижаться к этой бесподобной точке на ее шее.

— Я смогу помочь тебе раскрыть эту часть твоей личности. Если ты будешь повиноваться мне беспрекословно, — Снова ложь слетает с моих губ, и я крепко сжимаю зубы. Я принял решение и я не собираюсь делить ее или нас обоих с остальной частью клуба. Не сегодня. Я предоставлю ей то, что она хочет за исключением частной комнаты, полной членов Дома. — Вы должны спросить меня, Мастер? — Она касается моей руки, посылая разряд, который пробегает по всей моей коже.

— Безусловно, да, — бормочу я, больше ничего не говоря, иначе у меня будут еще более серьезные неприятности. — С этого момента, ты будешь делать все, что я говорю, или у тебя будут очень серьезные неприятности.

Я останавливаюсь перед закрытой дверью. Охрана снаружи отсутствует, но вдоль коридора есть скрытые камеры. Эта часть клуба звуконепроницаема. Скоро все произойдет. Я прижимаю большой палец к панели безопасности, пока не загорается зеленая лампочка. Открыв дверь, я пропускаю ее вперед, не обращая внимания на появившееся отчаяние, которое застилает мой взор при виде людей, собирающихся в конце коридора.

Появляется Джекс, он тихо присвистывает.

— Побудь здесь, — командным тоном говорю Кса в то время, когда она входит.

Я шагаю обратно в коридор, сосредотачивая свое внимание на Джексе. Мы встречаемся взглядами, с его губ готов сорваться вопрос. Я киваю, подтверждая, что я использую только приватную комнату в Доме. Не ту, где как я предполагаю, уже собралась толпа и ждет, чтобы посмотреть, как я буду клеймить свою сабу. Свяжу ее. Отшлепаю ее. Жестко оттрахаю ее.

Я вижу, как он тяжело вздыхает, когда что — то говорит Ною. Голова другого моего партнера по бизнесу резко опускается и он поворачивается, чтобы посмотреть в сторону коридора. Он ухмыляется, его взгляд на меня мимолетен, но все же в нем читается улыбка. У

них есть, за что злиться на меня, все это из моей выходки. Закрыв дверь, я запираю ее на засов, и ввожу код, разобрав перед этим панель безопасности, чтобы предотвратить всякое проникновение посторонних внутрь комнаты.

— Сюда, маленькая саба. — Я беру Кса за ее тоненькую ручку.

Я следую вдоль коридора. В конце коридора, свет тусклее и вскоре становится видно дверь. Бен открывает ее, проводит меня вовнутрь, но я слышу шум, доносящийся оттуда, откуда мы пришли.

— Все в порядке? — спрашиваю я, когда он поворачивается.

В ответ он поднимает бровь.

— Тебя что — то беспокоит?

— Мастер... — я останавливаюсь, затем качаю головой. Поверь мне. Его слова. Вопрос или заявление. Я сказала, что согласна, хотя в действительности я противоречу сама себе, задавая эти вопросы, которые возникают в моей голове, а потом бездумно вылетают из моих уст. — Ничего.

Стараюсь воздержаться от возникающих в моей голове тысячи и одного вопроса, я наблюдаю за тем, как он берет в руки зажигалку и начинает зажигать свечу, потом еще одну и еще. Я глубоко вздыхаю, стараясь успокоиться, будто это возможно. Прямо сейчас в отдельной комнате, по ту сторону двустороннего зеркала, собрались члены Клуба. Я обвожу взглядом комнату, пытаюсь найти окно для подсматривания.

Эта комната с одной стороны просторная, оформлена в виде элегантной спальни. С другой — это зона отдыха с диваном, бар со спиртным и несколько столов. Без сомнения, этот пышно обставленный номер предназначен для проведения сцен в естественных условиях. В воздухе витает аромат сандала. Вокруг в большом количестве мягкий бархат и роскошный шелк. Все предназначено, чтобы обострить все чувства. Комната отличается от остальной части клуба, оформленной суперсовременными каменными поверхностями, хрустальными люстрами, и наполненной величественной кожаной мебелью.

Часть, где находится спальня, разделена внушительных размеров кроватью с балдахинном и с зеркалами на потолке. Кровать заправлена шелковыми простынями и плюшевыми одеялами винного цвета, напоминая мне комнату, которая будет у меня, за исключением того, что на ней отсутствует огромное количество подушек. Валики лежат на своем месте, а затем мое внимание концентрируется на крюке и зажимах, висящих в изголовье, которые выделяются и блестят.

Вокруг горят свечи, излучая теплое сияние. Металлические поверхности ловят и отбрасывают блеск от свечей. Множество мерцающих огоньков, и они отражаются в глазах Беннетта, когда он стоит передо мной, развязывая шнурочки на моем шелковом плаще. Я прижимаюсь к его теплой ладони, которая скользит по моим плечам, в тот момент, когда плащ раскрывается и падает вниз. Его рука тяжелая, и я рада, когда свободного края ткань спадает с моего тела, растекаясь у моих ног. На мне ничего нет, кроме туфель, маски и парика — я обнажена перед ним, а теперь и другие могут наблюдать за нами. Я дрожу, но вздергиваю свой подбородок, отказываясь думать ни о ком другом, кроме как о человеке передо мной.

Мерцающие тени играют на его точеных чертах.

— Ты помнишь, как ты ускользнула от меня? — Он обхватывает мой подбородок, и я кожей чувствую, как по моему телу побежали мурашки.

— Да, Мастер, — говорю я.

— Видишь это? — Он указывает в сторону. Там стоит скамейка — обитая мягкой кроваво — красной кожей с манжетами, похожими на те, что предназначены для фиксации ног, а с другой стороны для запястий. — Я хочу, чтобы ты раскрылась для меня. Стала полностью моей без остатка.

Разве это не то, кем я была все это время? Возможно, он не знает, как сильно он влияет на меня и в тот момент, когда я смотрю ему в глаза, я очень сильно хочу сказать ему. Правда, хочу. Я молча, киваю.

Он тянет рубашку вверх, снимая ее через голову, показывая свой торс, являющийся скульптурной работой, состоящей из жестких мышц. На нем кожаные брюки, рубашка отсутствует, он прижимает меня к своему рифленому прессу в форме буквы V. На его верхней части туловища очень много шрамов, его тело иссечено плетью — все это напоминание о его болезненном прошлом, в этот момент мою грудь сдавливает.

Я не могу помочь, но изгибаюсь, в то время, как он скользит пальцами по моим бедрам, ниже к моему свежэпилированному холмику.

— Ты сделала все в соответствии моим инструкциям, — шепчет он, и от его слов все между ног у меня начинает ныть и расцветать от его прикосновения.

— В соответствии с Вашими указаниями, Мастер.

— Я — я... — Я поднимаю глаза, как бы подыскивая слова. Нервничая, я кошусь на богато украшенное зеркало — смотровое окно — я в замешательстве от всего того, что чувствую. Как я могу не замечать тех, кто наблюдает за нами? Я разрываюсь, жаждая его. Страстно желая этого.

Бен обхватывает мой подбородок, возвращая мое внимание обратно к нему.

— То, что ты искала, находится прямо здесь. Между нами. Внутри нас. Не позволяй своему вниманию отвлекать тебя. Сосредоточься на мне, маленькая саба. Ты моя.

Его слова наполнены звуком его авторитетного голоса подобно плотному плащу, обвивающему меня, и я смотрю в его глаза, впитывая его силу и уверенность.

Я забываю обо всем в тот миг, когда он смотрит на меня.

— Мастер, я готова.

Уголки его рта искривляются в выражении полной удовлетворенности.

— Позволь мне помочь тебе обрести то, что ты ищешь.

Ааа, я не замечаю его иронии. Этот урок заключается в том, как найти себя — я должна хотеть потерять себя. Искать изнутри, то, что я, полагаю, потеряла.

Проводив меня к скамейке, он наклоняет мое тело на обитую кожей поверхность, закрепив мои запястья и лодыжки кожаными манжетами. Он поднимает тонкую трость.

— Это трость, — говорит он, как ни в чем не бывало и показывает мне приспособление. — Хочешь подержать или потрогать его?

Я смотрю на нее потом на него, закусив губу, чтобы заставить мой подбородок перестать дрожать, натягивая манжеты на руках, демонстрируя тем тот факт, что я не совсем свободна, чтобы начать изучать его шпучки Дома, которые он намеревается использовать для того, чтобы преподать мне урок, в котором я нуждаюсь.

— Нет, спасибо, Мастер.

— Тогда начнем, — отвечает он. — Для начала ты должна попросить меня наказать тебя. Ты будешь считать каждый раз, как я ударю тебя и будешь благодарить меня. Поняла?

— Да. Мастер.

— Прежде чем в следующий раз ты решишь исчезнуть, ты должна будешь спрашивать у меня. Никогда не убегай снова. Теперь попроси меня помочь тебе узнать, как вести себя. Наши взгляды встречаются, и это ощущается также сильно, как прикосновение... так сильно, словно поцелуй.

— Пожалуйста, помогите мне, — тихо говорю я.

— Громче, саба, — рычит он.

— Пожалуйста, научите меня держать себя в руках!

Он подходит ко мне, наматывает мои волосы на кулак, сильно дергает их и рычит мне в ухо.

— Не достаточно хорошо. Я хочу, чтобы весь Дом слышал, как ты умоляешь меня! Это так ты подчиняешься мне. Из — за этого у тебя будут проблемы.

Я смотрю в его глаза, которые очаровывают меня и делаю так, как он просит, уступая и громко умоляя его научить и наказать меня. Он кивает в немом удовлетворении и отступает из моего поля зрения. Я слышу свист и затем чувствую жгучую боль. Правая часть моей задницы горит. Сжимаю пальцы в кулаки и готовлюсь получить следующий удар по другой половине.

— Ты ничего не забыла? — Он подходит к краю скамейки, возвышаясь надо мной.

Дерьмо! Дерьмо.

— Один. Спасибо, Мастер.

— Это то, что я хочу слышать. — Он смахивает волосы с моих глаз. — Больше никаких напоминаний о последствиях.

Он снова ударяет тонкой деревянной тростью по моей коже, и я считаю, мой ответ вырывается из моего рта, в то время как боль распространяется от места, которое горит огнем, поднимаясь вдоль всей моей кожи.

— Два. Спасибо. Вам. Мастер.

Он хрипит и обрушивает удары на мою задницу, распределяя быстрые удары то по одной стороне, то по другой. Я считаю и благодарю его. Снова и снова. Еще один свист разрывает воздух, и я напрягаюсь. Мои руки, спина, живот, и дальше, мои ноги избиты.

Снова, он ударяет кончиком трости по моей ягодице, и я сжимаюсь, чувствуя обжигающую боль, скрипя зубами произношу:

— Пятнадцать, спасибо... Мастер.

— Ты хорошо справляешься. — Он замолкает, проводя ладонью вдоль по воспаленной коже около моей кисти и я, будто кошка во время течки, приподнимаю свой зад.

Все происходит слишком быстро, он встает сзади меня и громко шлепает меня по заднице. Мышцы плеч напрягаются еще сильнее и я крепко сжимаю руки, стараясь резко не тянуть связанные в запястьях руки. Было бы бессмысленно демонстрировать свою слабость. Я не сдамся. Ни за что.

И еще раз, затем еще несколько раз, он поднимает и опускает руку. Свист рассекает воздух и снова трость жалит мою кожу.

Я крепко закрываю глаза. Мой мозг гудит — я переполнена разными чувствами.

— Двадцать два, — шепчу я. — Спасибо вам, Мастер.

Я уже изнемогаю от вспышек боли, отзывающейся по всему моему телу.

— Громче, — строго произносит он, ударяя тростью двойным щелчком по моей нижней части.

— Двадцать три. Спасибо, Мастер. — еле слышно шепчу я.

Я нахожусь в полусознательном состоянии в то время, как он ударяет по моей заднице, а я выкрикиваю цифры, благодаря его и, обещая себе, что не буду плакать или умолять его о меньшем наказании. Не тогда, когда смотрят другие. Я могу только предполагать, что подразумевается под всем, когда покорная саба Дома плачет. Для него, я буду сильной, и холодное ощущение ужаса пробегает по всей моей коже. Еще один удара тростью, пламенно обжигающий мою задницу, я почти рядом... очень близко... чтобы сломаться.

— Ну? — спрашивает он низким, глубоким голосом. — Или нам следует начать с начала?

Я кусаю нижнюю губу, на этот раз сильнее, в то время как мои мышцы дрожат. Я заставляю себя дышать. Медленно и равномерно вдыхаю. Мой разум находится в смятении, на долю секунды отключается.

— Тридцать три. Спасибо, Мастер, — выдыхаю я. Я в полусознательном состоянии, но и я не плачу, или, что еще хуже, умоляю его прекратить, что большая часть меня уже готова сделать... если бы мы не были в комнате с зеркалом, за которым стояли и смотрели люди!

Он останавливается, его руки гладят меня по заднице.

— Великолепная, — хрипло говорит он, раздвигая мои ягодицы и удерживая их разведенными. Я чувствую, как он опускается своими пальцами вниз, раздвигая мои складочки. Одним резким толчком он входит своим пальцем внутрь меня. — Твоя киска такая мокрая, маленькая саба.

— Пожалуйста, — слова с шипением слетают с моих губ.

— Скоро, — обещает он хриплым голосом. — Скоро я вознагражу тебя.

Он вставляет свой палец в меня, потом два пальца и продолжает до тех пор, пока я не оказываюсь на краю и не начинаю видеть звезды, которые все сильнее и сильнее поглощают меня. Он сгибает пальцы внутри меня и находит ту самую точку, которая сводит меня с ума.

— Умоляй меня дать тебе мой член, — шепчет он, сжимая в кулак мои волосы.

— Пожалуйста, — я трюсь об его пальцы, пока он скользит в меня. Каждый его толчок такой же обжигающий, как и удар трости по моей коже. Я подставляю, выгнувшись, свои бедра, совершенно не думая. Он дает мне то, что я хочу.

— Трахни меня, — со стоном слова вылетают из меня.

— Нет. Не сейчас. — Он вынимает пальцы и отпускает меня.

Раздается свист трости, я чувствую, как она жалит снизу, поднимаясь выше, я выгибаюсь вверх охваченная похотью и желанием. Я разлетаюсь на осколки, готовая, чтобы он подвел меня к краю наслаждения. Каждый удар подводит меня на шаг ближе. Я считаю. Благодарю его. Он снова ударяет. Боль растекается по всей моей коже. Спасения нет. Я вздрагиваю и опускаю голову.

— Я... — мое сердце колотится. Я где — то не здесь. Невесомая. Он нужен мне и я шепчу, — Пожалуйста.

Он подходит ко мне, опустив лицо к моему уху.

— Ответь мне... мне следует остановиться?

Я готова сделать это. Меня трясет, я закрываю глаза, слезы текут и грозят хлынуть из моих глаз. Его пальцы пробегают по моим губам.

— Красивая. Ты такая сильная. Охренительная. Моя.

С трудом сглотнув, я отчаянно пытаюсь найти опору. Я открываю глаза и встречаюсь с его взглядом цвета темно — зеленого стекла. Я впитываю его силу. Я могу это сделать.

— Сорок пять. Спасибо, Мастер.

— Ты моя сладкая половинка. Ты почти сделала это. Поверь мне, — бормочет он, поднимаясь вверх и отходя в сторону.

Я чувствую еще пять быстрых ударов тростью, и я чувствую, что сломалась. Я теряю над собой контроль и совершенно не боюсь этого. Я не могу объяснить это чувство блаженства, также как то, что я нахожусь в его власти. Выпоров меня тростью и мастерски доставив мне крышесносный оргазм, который все повторяется и повторяется.

— Пятьдесят. Спасибо. Мастер. — Мои слова превращаются в еле слышный приглушенный вздох.

Все, что я жажду рассказать ему, застревает у меня в горле от нахлынувших эмоций, которые я боюсь показать. Они могут прорваться наружу и их увидят в комнате, я знаю, что они там, в переполненной людьми комнате, хоть я и не вижу их. Эти эмоции, которые он вызывает, должны оставаться незамеченными для тех, кто находится там, в комнате, я сглатываю, пряча подальше в глубь себя, то что я давно хочу сказать ему... я открыта для него. Он завладел моими чувствами. Каждой моей клеточкой. Я его. Вся. Навсегда.

Он кладет трость на стол в сторону, и наклоняется ко мне, прижимаясь к моей заднице. Я ощущаю его член, который оказывается около моей киски. Моя истерзанная задница горит огнем, в то самое время как она обхватывает и раздвигает ее.

— Скоро, я буду наслаждаться, клеймя твою тугую маленькую попку. Не сегодня. Ты хочешь, чтобы я трахнул тебя в твою киску?

— Да, пожалуйста.

— Тебе следует лучше умолять меня. — Предупреждает он.

— Мастер, трахните меня. Пожалуйста, — хнычу я, пытаюсь встать шире. Наши тела сливаются, он разводит мои складочки, и одним рывком входит в меня.

Его толчки жесткие, доминирующие и он обхватывает руками мои бедра, шепча мое имя, именно так, как только он меня называет,

— Кса. — Затем он шипит: — Шшш.

Он заставляет меня принять всего его, с силой вдавливаясь в меня, а я, молча умоляю его, чтобы он трахнул меня грубо. Пожалуйста, Мастер.

Я чувствую, как его пальцы скользят вокруг моей шеи, сжимая и плотно обхватывая.

— Вот так. Откройся для меня. Ты принадлежишь мне, — шепчет он возле моего уха.

— Да. Сильнее. — О, боже — какой это кайф. Он сжимает сильнее и врезается в меня. Искры удовольствия пульсируют во мне, и я сжимаю свои бедра, извиваясь вокруг его члена.

Все в комнате становится мутным, в то время как он вонзает всю свою длину в меня, и я начинаю выкрикивать его имя. Нереальный восторг затуманивает мой мозг. Бесконечно черный. Совершенный ...но постепенно он проходит.

Беннетт ослабляет свою хватку на моей шее, и закрывает мой рот ладонью, не давая мне выкрикивать его имя. Дрожа, я балансирую на краю, готовая разлететься на мелкие частички. Я выгибаюсь, но он резко прижимает меня, похожий на демона, пока он трахает меня и заставляет молчать, прижимая меня к скамейке.

— Возьми все, что я даю тебе! — приказывает он.

Сладкое темное удовольствие растекается по мне, и я чувствую, как моя влага от оргазма омывает его член. Он убирает свою хватку с моего лица, и опускает свои руки на мои бедра, загоняя член внутрь меня, долбясь в меня и вздрагивая, пока кончает. Его тело жестко двигается надо мной, и затем он выдыхает, накрывая своей грудью меня.

— Ты такая грязная девчонка, — шепчет он, кусая мою шею. Его руки опускаются по

моим к запястьям, освобождая одну, а затем другую. Он потирает руками отметки, она красные, а мои руки онемели. Я чувствую трепет, когда он прикасается ко мне, целует меня в плечо. Мою шею. Всю меня.

Он скользит своим твердым телом вдоль моего и пальцами расстегивает оковы на моих лодыжках. Я хочу подняться, но он останавливает меня.

— Останься на месте. Я должен позаботиться о тебе.

Он берет бутылку с соседней полки и выливает немного себе на ладонь. Затем распределяет ее по своим большим рукам и обходит меня сзади. Бен кладет свои ладони на мои бедра, и я облегченно вздыхаю. Жидкость охлаждает, он гладит мою воспаленную кожу. Массирует мои ягодицы и аромат мяты наполняет воздух. И снова, он сжимает бутылку и снова гладит меня, раздвигая мои ягодицы, издавая чисто мужской рык благоговения.

— Невероятно.

— Я могу встать? — Мои ноги освобождены и я неуверенно раскачиваюсь, пока он берет меня на руки.

— Я держу тебя. — Его губы обхватывают мои, превращаясь в дразнящий поцелуй. — И я еще не закончил с тобой. Скажи мне, как сильно ты хочешь, чтобы тебя трахнули.

— Очень. Сильно! — шепчу я.

Кладя меня на кровать, он берет мое лицо в свои руки, и возобновляет наш поцелуй. Он лижет, сосет и кусает мои губы, обрушиваясь на них. Он крепко держит меня, слегка наклоняя мое лицо, и наши глаза встречаются. Его глаза зеленовато — дымчатого цвета. Насыщенного цвета. Похоже на то, будто я смотрю в пылающий огонь, в то время когда он смотрит на меня сверху вниз. Он поднимается и я тянусь к нему, но он делает это слишком быстро и отходит назад. Мой взор скользит вниз по его телу, останавливаясь на выпуклости в его кожаных штанах, в этот момент он наблюдает за мной, поглаживая верх и вниз свой член ладонью.

— О чем ты думаешь, грязная девчонка?

Без рубашки, его рельефные мышцы представляют собой игру тени и света, и если бы я могла дотянуться до него, то я бы опрокинула его обратно на кровать. Расстегнула бы его молнию и скакала бы на нем, запрокинув назад голову, выкрикивая его имя.

— Я хочу оседлать твой член.

Он берет бутылку виски и щедро наливает себе в стакан на три или около того пальца. Затем подходит к краю кровати, и протягивает стакан к моим губам, наклоняя его, до тех пор, пока виски не смачивает мои губы и не начинает течь в мой рот.

— О, правда... правда? — говорит он. — Даже после того, как я просто наказал тебя и оттрахал?

Он поднимает стакан и делает глоток. Стоя с расстегнутой ширинкой, с манящей дорожкой из волос именно в том самом месте, он продолжает нещадно дразнить меня. Все время, пока он заявлял на меня права, стоя там, на сцене, и держа мою голову так, чтобы я брала его член глубоко в глотку, заставляя меня взять его, у меня был превосходный обзор на его гладко выбритый пах. Его странные шрамы вдоль его паха были такими же, что и на его руках. Те шрамы, которые как он говорит, были нанесены его дядей, обдолбанным наркотиками, и похитившим его, когда ему было четыре года, и сделавшим с ним эти вещи. Несколько недель в декабре, когда другие дети мечтали о Санте, вот какой была его жизнь? Господи, не могу поверить, что его отец не нашел после всего случившегося этого ублюдка и не убил его. Или его мать не сделала этого. Я бы сделала. Я чувствую себя защищенной

Беннеттом, и все же мы здесь. Даже представ перед всеми, мы можем сохранить наш секрет.

Так много тайн.

Какие из них реальны?

Я не знаю. Сейчас не время решать. Я снова смотрю на своего Мастера. Он единственный, кто имеет значение.

— Я не единственная, кто готов к этому. — говорю я.

Поставив стакан, он снимает с себя ботинки, затем спускает по своему умопомрачительному телу кожаные штаны. Его эрекция выступает вперед — свободная и толстая. Длинная. Снова готовая продолжить, граничащее с безумием, трахом... и снова за нами будут наблюдать.

Он берет в руки тонкий кусок ткани — шарф. Мое сердце грохочет о грудную клетку и я задыхаюсь от желания, пока он обвивает мягкий шелк вокруг моих запястий. Он проводит рукой вдоль моего тела и тянется за стаканом виски.

— Не двигайся, или я отведу тебя обратно на скамейку. В следующий раз я возьму хлыст для твоей идеальной задницы. Поняла?

— Да, Мастер. — Я скрещиваю руки на груди, а он медленно и осторожно льет виски на мой живот. Его член напрягается, и кристально чистая капелька появляется на его конце.

Облизнув губы, я чувствую острое желание пососать его толстый член, и начинаю дрожать, чувствуя, как слюна наполняет мой рот. Он отшвыривает напиток, и опускается, разводя шире мои ноги плечами.

— Скажи это, — приказывает он, раскрывая сильнее мои складочки. — Умоляй меня как своего Дома.

— Пососите меня. Сильно, Мастер. — Моя киска пульсирует от жгучей боли, которую он причиняет.

Раскрыв мои складочки двумя пальцами, он прижимается своим теплым ртом к моей сладости и я сжимаюсь, чувствуя как искры удовольствия толчками зарождаются в моем теле. Мы встречаемся взглядами и он проводит своим влажным языком по моей киске, замирает, а затем прикусывает мой клитор. Он собирает кончиком языка каждую капельку виски с моего пупка.

— Мастер... — каждая мышца в моем теле напрягается. Я словно распалась на кусочки, но стараюсь удержаться, чтобы не подтолкнуть свои бедра в желании получить больше. Я хочу всего его.

Сдерживаясь, он проводит языком по моей гладко эпилированной шелке.

— Еб*ть, я люблю твою киску, — рычит он.

Я напрягаюсь, забывая дышать, чувствуя, как каждая клеточка горит под моей кожей, каждый раз, когда его язык совершает круговые движения по моей плоти. Неумолимо он прокладывает путь вверх, всасывая капельки виски с моей кожи. Держа меня за бедро, он ласкает языком мой пупок и вставляет палец в мою киску. Я выгибаюсь ему навстречу. Тысячи звезд вспыхивают у меня в глазах, в то время как он продолжает меня трахать своим пальцем и кусает за живот. Я уже близка и не в силах остановиться.

— Пожалуйста! — еле кричу я и он смеется, его смех тепло вибрирует, будто тихое землетрясение на моей коже.

— Кончи для меня. — Он разводит мои ноги в стороны, обрушивая свои губы на низ моего живота, мои складочки, и затем целует мой клитор.

Он трахает меня, засовывая свой язык глубоко в меня, жестко и собственнически. Снова

и снова, он сосет мою плоть, покусывая мой клитор, широко раздвигая мои ноги, делая меня максимально открытой, и не жалея меня. Каждое движение его языка — вспышка экстаза, и я кричу, пока он прижимает меня к кровати. Он заставляет меня отдаться ему. И я делаю это.

С Беном, я ничего не скрываю или не сдерживаюсь, и на этот раз, я, бл*ь, полностью даю себе свободу. Я ныряю и чувствую, будто падаю.

— Грязная девчонка, теперь ты готова оседлать меня. — Он поднимается вверх по кровати, оказывается рядом со мной, усаживая меня сверху, а сам ложится на спину.

В эротическом тумане, я сажусь на него, широко разведя ноги, он берет свой член, проводя широкой головкой по моей чувствительной плоти, сильная дрожь, которую я сдерживала с того момента, как он забрался на эту кровать, одолевает меня, и мои мышцы начинают дрожать.

— Боже мой... Невероятное ощущение.

Я сумбурно провожу ладонями по его груди, пока он входит в меня. Мое тело свободно и расслабленно скользит вниз по всей его длине, закусив губу, в то время как он трется о мою G — точку. Он не грубый и не похож на дикаря — он нежен и я чувствую каждый сантиметр его невероятного члена, в то время как он проталкивает всю свою длину дальше внутрь меня.

— Чувствуешь, как я глубоко в тебе? — стонет он, сжав бедра. — Объезжай меня, маленькая саба.

— Так? — Я настолько мокрая, когда сжимаюсь вокруг его члена.

Испепеляющее удовольствием омывает меня, его руки, сжимающие мои бедра, придают мне силу, он тянет меня вверх, и потом быстро опускает вниз на его жезл. Он практически выходит из меня, а затем я сжимаю бедра, двигаясь неторопливо и размеренно... переходя к резким и быстрым движениям.

Беннетт направляет меня, входя в меня, его мышцы резко очерчены венами, уходящими вниз по рукам.

— Вот так. Трахай меня. Сильнее!

Мы находимся в чувственном безумии. Безудержно и да, я чувствую себя настолько раскованно в том, как я сжимаюсь вокруг него. Его руки двигаются по мне, сминая мою грудь и зажимая мои соски. Каждое движение его пальцев совпадает с его толчками. Я не могу сдержать водоворот эротического блаженства, возникающего внутри меня.

— Мастер! — Я выгибаю шею от ощущения разрастающегося блаженства, сковывающего мышцы.

— Не кончай. Не сейчас. — Он обхватывает мои бедра и без предупреждения переворачивает меня. Сейчас он главный. Он закидывает мои лодыжки себе на плечи и всаживает свой член по самые яйца в меня. Обхватив меня, он резко двигает бедрами во мне. — Тебя именно так надо трахать. Каждую ночь. Мною. Только мною.

— Да, Мастер, — шепчу я в ответ.

Мы смотрим друг на друга. Его глаза мерцают огнем, когда он с громкими хлопками входит в меня. Держась за изголовье кровати одной рукой, Бен всаживает свой член все глубже и глубже в меня, задевая мою G — точку. Все сильнее и жесточеннее он вбивает свой член в меня, помечая меня, пока я уже не в силах сдержать полу — крик, произнося его имя. Я совершенно не сильна в подчинении, но разве это важно? Он внутри меня, доминирует над моим телом и разумом, и я сжимаюсь вокруг него, чувствуя еще один сладостный оргазм, назревающий во мне и разлетающийся на миллион осколков,

сверкающих от экстаза, который мчится сквозь меня — так много всего сразу.

Он наклоняется, чувственно целуя меня и опускаясь на меня. Связанными запястьями я провожу по его груди, оставляя царапины на нем, помечая его, давая понять, что он мой. Я умоляю его о большем, дать мне все, что у него есть, и его сильные толчки заставляют кровать скрипеть громче, в то время, как он входит все сильнее в меня. Его мышцы напрягаются, образуя четкие рельефы, по которым я могу провести пальцами. Дрожа вокруг его члена, я обхватываю руками его рельефные мышцы своими ладонями, в тот момент, когда он вдальбливается в меня и вздрагивает — его мышцы превращаются в жесткие линии.

— Малышка, — он произносит это мягко в мой рот, кончая глубоко, глубоко в меня.

Глава 6

НАСКОЛЬКО ТЫ МОЖЕШЬ ПОДЧИНИТЬСЯ?

Спустя семь часов, Ксавия возвращается обратно к себе в квартиру. Эта ночь... я почесываю лицо, пытаюсь дать название тому, что мы сделали.

Прошлой ночью, могу дать свои яйца на отсечение, моя маленькая практикантка нервничала — Господи, я был на грани того, чтобы прекратить все, наблюдая за ней, стоящей на коленях на сцене. Члены клуба хлопали меня по спине, предлагая мне поделиться ей, предлагали неприличную сумму денег, немой мимолетный взгляд и выгода, которая у меня будет... все явно не представляет для меня интереса. Я в шоке от Кса — она беспрекословно подчинилась мне.

Сидя в машине, я смотрю на тени в ее квартире. Я знаю, что мне следует уехать. Сорок минут назад я усадил ее, с завязанными глазами, в частный автомобиль, доверив водителю отвезти ее — вот же, бл*дь. Я идиот, пристрелите меня. Следовать за ней сюда — это нарушение нашей договоренности о том, как мы должны вести себя. Скажите это моему члену. Этот мой чертов отросток явно хочет большего от нее. Вечер дикого траха, но я снова готов к очередному раунду.

Через девять часов, я заберу ее и мы поедем к Вице — президенту на обед. Черт, мне нужно уезжать. Сейчас же, ублюдок! Мой телефон гудит и я отвечаю на звонок.

— Да?

— Где ты, черт возьми? — спрашивает Джекс.

— На пути домой. А что? — Я вставляю ключ в замок зажигания и поворачиваю его. Двигатель начинает урчать. Я готов рвануть, переключая передачи.

— Здесь у тебя собрался целый фан — клуб.

Я мельком смотрю в зеркала бокового вида, удостоверюсь в безопасности.

— Хреново им.

— Серьезно, Бен. Они хотят, присутствовать на том шоу, которое ты и Мисс Иксс сотворили прошлой ночью. На кону приличные деньги.

Я не какой — то там кусок мяса. После того, как меня похитили и удерживали против моей воли, я закрываю глаза и отказываюсь вспоминать то дерьмо, через которое я прошел.

— Б*дь, я когда —нибудь продавался?

— Черт, такого предложения больше не будет. Не позволяйте гордости встать на пути! Мы могли бы совершить взаимобмен. Поставить нашу собственную охрану вместо того, чтобы быть обязанным начальству.

— Я не единственный, кто хотел, чтобы Орел был у нас в гнезде. У тебя ничего нет на меня.

— Есть, спорим на твой член, ублюдок, — рывкает он, но я не реагирую.

Я не позволю чему — либо вывести меня из себя. Я никогда не позволял, но Джексон Картер узнал всего лишь несколько нелицеприятных фактов из моей гребанной жизни. Понятия не имею как. Все записи в полицейском участке отсутствуют. Мой отец сделал все, чтобы скрыть это, но каким — то образом Джексу удалось что — то раздобыть, так же как и получается у меня. Мы — это те, кто специализируется на получении достаточного количества сведений о тех, кто находится рядом с нами, чтобы быть уверенными, что они будут молчать. Наверное, поэтому мы с ним закадычные друзья.

— Хватит нести чушь. — Я снова смотрю на окна квартиры Ксавии. Они темны и мое сердце начинает колотиться. Она в постели. В безопасности. С ней все в порядке. Сейчас я могу включить передачу и уехать.

— То, что вы сделали... я не могу описать словами ту суматоху, что вы устроили. Устроить представление на сцене. Я никогда не видел столько раздраженных людей. Они были готовы штурмовать коридор, требуя, чтобы мы сняли дверь с петель.

— Хорошо, что этого не случилось, — я сухо отвечаю. Мои мышцы напряжены. Впервые в жизни страх вспышкой медленно проползает сквозь мое подсознание. словно предчувствие, что что — то ужасное может произойти... а потом оно исчезает.

— Кстати, этот поступок, в конце концов, был гениальным. Но, дерьмо, попробуй сказать это агентам Секретной службы, которые готовы пройти сквозь стены. Эти ублюдки из кожи вон вылезут, чтобы прославить себя. Они готовы отдать свои жизни. А что такое дверь? — Он мрачно смеется.

Я ощущаю, как мои внутренности стягивает узлом. Второй раз менее, чем за десять секунд. Ощущение словно меня сейчас вырвет!

— Ну, раз уж мы заговорили о сведениях, — я произношу это серьезно. На самом деле, кровь глухо пульсирует у меня в висках. — Я, недолго думая, отменю наше бесстрашное членство, если он сам или кто — либо еще аннулирует мои полномочия!

— Только ты у нас с яйцами, кто просто может допустить возможность сделать подобное.

— Более, чем просто допустить. Я серьезно, Джекс. Либо мы оба будем настаивать на этом, либо мы все в жопе. Мы владельцы этого клуба. Ответь мне честно, чей приказ ты будешь выполнять? — На этот раз, у меня явное ощущение, что между нами возникла трещина в нашем понимании как управлять клубом. — Чей? — Я еще раз повторяю, когда он не отвечает мне сразу.

— Бенедетто Антонио Стоун, — серьезно говорит он. — Я не буду достаивать этот вопрос ответом. Что с тобой? Может быть, это реальная проблема, которую необходимо решить.

Я застываю. Джекс единственный человек (кроме моей мамы), который постоянно использует итальянский вариант моего имени, чтобы сделать замечание. Что бы она подумала о Ксавии, будь она жива? Наверное, обожала бы ее. Я сжимаю челюсти от резкой боли в моей груди.

— Похоже, у нас у обоих сегодня утром не будет ответов на вопросы.

Он тяжело вздыхает, и я знаю, что мы оба закоренелые полуночники.

— Возвращаясь назад к делам Дома. Может, нам, возможно, следует нанять менеджера

по расписанию?

— Опять ты об этом? — сейчас у нас есть водители, охрана, обслуживающий персонал, сотрудники, обслуживающие прилегающую территорию, команда уборщиков, бухгалтер, запасная группа для проведения представлений, и несколько консультантов. Наша компьютерная система позволяет членам клуба проводить онлайн — планирования. — Тебя не устраивает то, как у нас все организовано сейчас? — ворчу я.

— Потому что все у нас чересчур забронировано и не доукомплектовано. Время в той комнате, в конце коридора, которой вам посчастливилось воспользоваться, сейчас плотно расписано. Раньше мы не могли о ней упоминать. Мы должны расширяться и обсудить варианты. Предлагаю дополнительный обслуживающий персонал, и нам нужно встретиться и проголосовать по вопросу найма управляющего клубом.

— Если мы не будем осторожными, то предстоящее расширение, которое мы хотим устроить, может привести нас к краху. Это совсем не та ситуация, когда мы можем подать объявления в Вашингтон Пост.

— Бен, вчера вечером, у барменов был большой спрос на выпивку. Мне пришлось приключиться. Ты не единственный человек, кто работал прошлую ночь. Все Дома участвовали, и мы никогда не делали подобного прежде. Все комнаты были заняты. И на следующий месяц они тоже все заказаны. Наконец — то.

Что касается Дома, то, что мы с Ксавией сделали можно сравнить с действиями в области наказания и доминирования. Она стояла спиной к зрителям, и то, как я удерживал ее за лицо — и о, да, то, что члены клуба видели мельком, была чертова покорность.

— Черт возьми, мы скрыли это. Они реагируют так, будто мы были в темнице и я обнажил ее. Просто, чего хотят члены клуба, я никого не приглашал на свою частную вечеринку? Этого не будет, потому что у них нет права смотреть на тело моей сабы или присутствовать тогда, когда я безжалостно ее трахаю? Есть и другие Дома, которые устраивают куда более щекотливые сцены. Шесть ночей подряд, каждую неделю.

Год назад, у меня появилась возможность выпустить свой адреналин, сделав из меня жестокого Дома. Это была единственная причина, по которой я согласился быть совладельцем этого клуба. Огромные деньги, но постоянно требуемое внимание, не сравнится с платой в плане времени и хлопот, а сейчас с Кса... я перевожу взгляд на ее квартиру. Очевидно, что мое внимание в другом месте.

— Ты знаешь, как это работает. Наговорить кучу всякой херни, что они могут, а чего нет, Господи. Это все, что эти болваны хотят.

— Имущие и неимущие, — огрызаюсь я.

— Только не надо о женских прелестях, — радостно произносит он.

Давление в моей голове растет. Я закрываю глаза, потирая пальцами лоб. Мне надо вернуть его на путь истинный.

— Не ставь в мое расписание ничего, кроме сессий с моей сабой. Я вернулся, но я больше не оказываю услуги.

— Черт! Ты что, издеваешься?

Моргая, я сжимаю челюсти.

— Слушай, ты предложил идею расширения, поэтому, если нам нужно нанять другого Дома...

— Отвали, — он прерывает меня.

— Я не желаю слушать этот ерунду. В чем загвоздка, Бен, помимо твоей личной

истории? Еще вчера ты готов был отступить и уйти? К нам поступают всевозможные предложения с просьбой разрешить наблюдать за сессиями — тебя и твоей сабы. Всякие предложения. Будь умнее. Ты мог бы стать очень, очень богатым человеком.

— Я думаю, ты понятия не имеешь, кто такая Мисс Иксесс вне Дома.

Тишина. Стук. Потом еще один до того, как Джекс начинает говорить.

— Если ты имеешь в виду, что она обладает связями, разве в этом есть что — то новое?

— На этот раз. Да. — Я включаю передачу, оглядываю улицу, и отъезжаю. Я кидаю последний взгляд на ее окна, и уезжаю прочь.

— Стоит ли мне напомнить тебе о нарушении правил? — Его голос становится тихим. — Если она работает...

— Не произноси этого, — рычу я. Мы оба осознаем, что хоть мы меняем телефоны каждую неделю, наши линии не защищены, когда президент США является одним из наших безымянных членов клуба... — Насколько высоко исходит эта просьба... ее приоритетность? Я не дурак, Джекс. Ты что — то «темнишь», и это больше, чем гребанная оплата или подробности об охране. Ублюдок, у тебя одного из всех нас есть серьезные политические устремления.

— Ну, б*дь! Бен, ты не можешь быть единственным чертовым Домом, который умело взбирается по ступенькам Белого дома... Мистер Вице — президент!

Я сбавляю скорость, поворачивая за угол, и направляюсь в сторону своей квартиры, увеличивая скорость так, что слышен визг колес. Устремляясь вниз по улице, я яростно несусь. В прошлом, Джекс и я сталкивались лбами, не настолько разъяренно или никогда не были вне себя, исторгая пламя.

— Очевидно, — я рычу сквозь зубы, — У нас обоих есть вопросы. Какого х*я ты на самом деле хочешь?

— Ты, правда, хочешь знать?

— Господи! Если ты играешь в какие — то игры, как мне стоит реагировать?

— Возьми мою ночь.

— Твоя ночь... в эту среду? — Я ошарашен. Джекс не пропускал ни одной ночи за эти два года. Он всегда мчится обратно, где бы он ни был. И это само по себе бьет все рекорды. Если он говорит, что он собирается сделать что — то, поверьте — он это делает. Никто не задает ему вопросы — он заслужил всеобщее уважение. В отличие от меня. Я нарушил правила, и сейчас разрушаю свой стереотип «я — воплощение того что я человек слова а не дела».

— Мы с тобой день и ночь, — отвечаю я, разжимая челюсть. Я притормаживаю, чтобы не получить штраф за превышение скорости. Это полный пи*ц и именно так, порой и выглядят наши с ним отношения. Он как будто заранее знает, что гложет меня и подкидывает решение. Только теперь, я жажду проводить больше времени с Ксавией — я не совсем уверен, что это означает проводить больше времени в Доме.

— Слушай, мы можем встретиться и обсудить это за обедом? — Этот шифр мы используем, когда нам надо встретиться без лишних ушей. У него есть что — то, о чем он хочет поведать, будучи Председателем Дома.

Я хочу Ксавию, и Джекс, предлагая нам еще одну ночь, ошарашивает меня.

— Говори время и место, — отвечаю я.

— У тебя круглый стол в понедельник, так как насчет вторника? В час. Пообедаем? В ресторане O'Malley's. Наверху.

— Я буду там. — Дерьмо. Когда у нас действительно полный пи*ц, мы идем в O'Malley's, Два раза в день его проверяют агенты ЦРУ и это единственное место, где несколько из нас, твердо уверенные, что это действительно безопасное место, могут все обсудить. В приоритете обеды, конечно, на Холмах или в Доме.

Я сижу в своей машине, но в отличие от прошлых разов, я не скрываюсь. Я не прячусь, находясь через дорогу, выслеживая свою сабу. Сегодня воскресенье, и я только что из душа, побрился, и припарковался на стоянке перед входом в дом, где находится квартира Ксавии, швейцар на входе приветствует меня, приподняв шляпу. Она выходит из лобби и эта постоянная боль в груди снова вспыхивает. Я открываю дверь машины и обхожу ее, чтобы поприветствовать Ксавию. Мы встречаемся взглядами, и я напоминаю себе закрыть рот, так как чувствую, будто он от удивления «валяется» на асфальте.

— Классная тачка, — говорит она, разглядывая мою машину. — Тебе подходит.

— Ну да, нормальная. — Я открываю ей дверь, улыбаясь, глядя вниз на ее лицо. Она подходит ко мне, но не касается меня, достаточно близко, чтобы я ощутил уже знакомый мне аромат, который как магнит действует на осязание — меня тянет к ней. Я хватаюсь за дверь — если я не буду держаться, то я притяну ее к себе и поцелую так, что, я уверен, для обслуживающего персонала их дома будет понятно, что она моя. — Ты великолепна, — тихо говорю я и это — до боли так.

На ней кружевное, кремового цвета, летнее платье до колена, ее волосы забраны в хвост, а крошечные бантики на плечах чуть ли не умоляют быть развязанными.

— Спасибо. Вы тоже невероятно привлекательно выглядите, Сенатор.

— Я хочу... — я смотрю на ее губы и она легонько щелкает пальцами, вызывая ухмыляясь.

— Я здесь? Разве вы не получили свою долю удовольствия прошлой ночью? — Ее идеально очерченные брови изгибаются, и, нахмурившись, я рычу.

— Даже близко нет. — Когда я сжимаю ее локоть, прикасаясь пальцами к ее коже, мы оба выдыхаем и наши взгляды снова встречаются. Вдруг, разряд электричества проносится по моим венам, разжигая мой голод к ней. Однако, в отличие от энергии, которая свободно высвобождается, моя жажда к ней просто так не пройдет. Не иссякнет. Меня затягивает в черную дыру, причиной которой является она.

Я жажду ее.

Голой.

Под собой.

После прошлой ночи, б*дь, я не знаю — я будто сумасшедший псих, и это все из — за нее. Чем больше мы раздвигаем границы, тем сильнее голос в глубине моего подсознания шепчет, чтобы я нашел, где проходят наши границы. По правде говоря, стоя рядом с ней сейчас в солнечном свете, я боюсь что, этих границ нет. Я дам ей все, что она попросит. Я готов пойти за ней хоть куда — и я начинаю понимать, что это не поддается объяснению.

Помогая ей сесть на переднее сиденье, я оцениваю, сколько у нас есть времени, прежде чем мы официально опоздаем на встречу в Военно — морской обсерватории США.

— Нам надо поговорить.

Кса смотрит мне в лицо.

— Ты говоришь это... слишком часто.

— Потому, что все у нас очень сложно, — отвечаю я, выпуская ее руку и закрывая дверь.

Я решаю не надевать свои солнцезащитные очки. Я хочу видеть ее, и представляю, что после того, что я собираюсь сказать, она оценит то, что я не прячу глаза за парой темных линз. Я думал над предложением Джекса несколько часов. Только так я могу справиться со своим голодом к Кса и остаться в своем уме.

Скорее всего, мы быстрее попадем в список идиотов Капитолия, занимаясь необузданным сексом в моем офисе, нежели, если меня поймают «занюхивающим» дорожку наркоты прямо в Овальном кабинете. Любой папарацци находится в постоянной готовности найти что — то нелепое, что может совершить конгрессмен. Это обязательное условие его работы. Правило номер один: не брать взятки... а то поймают. Правило номер два: не быть пойманным, с выставленным из штанов членом. Не важно, жена ли, любовница или твой интерн. Засуньте его. И терпите.

Садясь за руль, я встречаюсь с ней взглядом.

— Вот, — говорит она, передавая мне конверт, не такой как в первый раз, когда она протянула мне такой несколько недель назад. Господи, мы столько с ней прошли вместе и у меня такое ощущение, будто мы знаем друг друга всю вечность.

— Это? — Я спрашиваю.

— Договор клуба. Все подписано. Спасибо, что дал мне время подумать. Я в деле. Стоп — слово и все такое.

— Член клуба номер сто одиннадцать, — отвечаю я. — Ты когда — нибудь представляла себе, что тот поцелуй в клубе свел бы нас вместе?

Она мягко смеется.

— Желала, я понимаю, что фраза «нам нужно поговорить» как — то связана с прошлой ночью. Что случилось?

— Все прошло довольно гладко, не так ли? — Я кладу конверт между своим сиденьем и консолью, затем включаю передачу. Я сразу переключаюсь на третью, проехав квартал, где находится ее дом, и притормаживаю.

— Что — то серьезное? — Ее глаза расширяются. Кристально синие встречаются с моими.

Самые синее из синих глаза, которые я когда — либо встречал и я наклоняюсь через консоль. — Мне кое — что нужно. — Я протягиваю руку, и пробегаю пальцами по ее затылку. Я подвигаюсь к ней ближе, пока между нами не остается минимальное расстояние. — Скажи мне свое стоп — слово. А потом поцелуй меня.

— Орион, — шепчет она тихо.

— Как созвездие?

— Как охотник. — Она моргает и я чувствую, как вена на ее шее возбужденно пульсирует от прикосновения моего большого пальца.

Она нужна мне. Я хочу ее. Не могу дождаться, когда мы разрушим все границы.

— Отдайся мне, Ксавия. Навсегда.

— Подобно тому, что мы делали в Бостоне?

— Такой секс — это почти табу. Это опасно и опьяняюще. Захватывающе.

— Я хочу большего. — Легкое дуновение воздуха слетает с ее губ, недолго думая, она прижимается ко мне и наши губы встречаются. Я позволяю ей взять инициативу на себя, жду, когда она проскальзывает своим язычком в мой рот, и устремляюсь вперед. Она проводит своим язычком с пирсингом по моим губам, нещадно дразня меня. Я напоминаю себе, что должен разрешить ей показать мне, что она готова. Соблазнительно, она начинает

ласкать своим язычком мои губы, двигаясь в своем кресле. Кса наклоняется над консолью, в то время как я постепенно отодвигаюсь.

Она набрасывается на меня; ее руки скользят вдоль моей челюсти, притягивая меня к себе. Я наслаждаюсь чувством того, как она пробуждает мой голод и я намеренно воздерживаюсь от того, чтобы не распустить ее волосы грубо. Она владеет мной, используя свой язычок, и я хочу больше. Я хочу научить ее быть напористой, если не сказать агрессивной. Это вне правил.

Я никогда не позволял женщине взять на себя инициативу. Я опускаю руки, пораженный тем, как бесподобно чувствовать то, как она толкает меня обратно в кресло, кусая губы, и командуя в наш первый подобного рода поцелуй. Я «приоткрываю путь к себе». И она идет напролом, доказывая, что я попал в самую точку того, как я воспринимаю ее потенциал. Тот путь, который мы прошли, если я прав, будет расти в геометрической прогрессии.

Она отодвигается от меня и напряженно смотрит в глаза.

— Я сделала что — то не так?

— Б*дь нет! — Я смеюсь над своим ответом, но все же прикусываю язык, чтобы не признаться себе, что у меня на уме. Она сбежит из машины, в соседний квартал, если я тщательно не продумаю, как подойти к этому вопросу, который мы должны обсудить. Список становится все длиннее и длиннее. Каждый день в нем появляются новые пункты. Эта девушка вызывает вопрос за вопросом у меня.

— Тогда почему ты перестал ко мне прикасаться? — спрашивает она, широко раскрыв глаза. Такая беззащитная.

Конечно, она заметила это, и я запускаю пальцы себе в волосы. Могу ли я быть честен с ней — пустить ее в свое будущее? Она узнает о моем прошлом. Обо всем. О моей еб*ой семье. О моих не совсем идеальных связях, которые я глубоко похоронил. Удалил все, что связывало меня с прошлой жизнью.

Я сжимаю челюсти. Она уже знает о моем дяде — всего лишь чуть — чуть из того кошмара, и то, чем я поделился — это уже больше, чем кто — либо другой знает, кроме Джекса. Это та причина, по которой я воздерживаюсь от предложения Вице — президента. Я не хочу, чтобы мою личную историю цитировали.

— Детка, я сдерживаюсь от того, что я хочу сделать. — Ее взгляд опускается на выпуклость в моих джинсах. Я прижимаю ладонь к своей жесткой выпуклости. — Кса, я хочу быть похоронен внутри тебя. Это однозначно пытка для меня.

— Что ты предлагаешь? — Она наклоняется ближе ко мне, кладя руки на консоль. Этим движением она заставляет свои сиськи прижаться друг к другу, предоставляя мне прекрасный вид ее декольте.

Проводя пальцами вдоль края ее декольте, я прикидываю то, что у меня на уме.

— Чтобы ты сказала, если бы я предложил тебе посещать Дом два раза в неделю?

— Это возможно? — Она облизывает губы, в то время, как ее глаза темнеют. — Как?

Она бесподобна, и голодна, и превосходна.

— В среду вечером. Джекс предложил мне его вечер. Похоже, что на нас есть спрос.

— Я не собираюсь лгать. Мне нравится то, чем мы занимались. Очень. Я чувствую в себе силы. В это трудно поверить? За нами наблюдали и в один момент, мне стало все равно, что мы были в центре внимания.

Она понятия не имеет, что мы были в отдельной комнате. Одни. В следующий раз, эта

комната, про которую говорил Джекс, будет занята. А сейчас, я не уверен, как я буду чувствовать себя, разделяя хотя бы один волос на голове этой девушки с другими. Я сомневаюсь, что я смогу разделить этот момент, когда я буду трахать ее на виду у всех. Вообще когда —нибудь.

— Твоя идея, что это твой путь к самоконтролю, ошибочна. Много людей используют разные методы восстановления нормального психического или душевного состояния. Клуб не может вынести никаких решений. Я не уверен, что то, что тебе нужно — это твое желание приглушить свою реакцию на то, чтобы на нас смотрели. Это сложно. — Я разжигаю в ней стремление к самоконтролю, тем самым отвлекая ее внимание от себя. Какого х*я она сделает, когда узнает, что вне постановочных сцен, мы были одни? Я сомневаюсь, что она рассмотрит мое предложение делиться ей с другими, как наше с ней спасение. Она поймет, что я жадный, ревнивый ублюдок.

Она проводит пальчиком по моей руке.

— Ну, кажется, что все хорошо. Слишком хорошо... большего не надо.

— Тогда ответ — да. — Я поднимаю руку, проводя пальцами по ее щеке.

— Почему на нас повышенный спрос? Поправь меня, если я ошибаюсь, но мы не сделали ничего диковинного в мире извращения.

Я ерзаю на своем сиденьи. Это и есть момент истины. Все, что я должен сделать, это признать, что я чувствую. Я хватаюсь за руль, почти желая, чтобы она сказала «нет» и отказаться от этого бестолкового предложения, которое я только что высказал.

— У нас круто получилось там на сцене, ситуация накалилась в клубе. То, что произошло прошлой ночью — это вне всяких правил. Я не раздел тебя догола на сцене, что повлекло от присутствующих предложения заплатить за то, чтобы они смогли наблюдать, как я буду «клеить» тебя. Это привычная процедура на аукционах сабмиссивов. Слушай, я послал подальше еще одно из правил, если не сказать разрушил его, и последующая реакция разразилась словно пожар.

— Но ты ведь не нарушил правила. Не так ли? — Она прикасается пальцами к моему запястью, и подмигивает. — Я слышала разговор, господин Стоун. Вы воспользовались малоизвестной лазейкой.

Я опускаю взгляд. Она чертовски умна.

— Да. Ну и насрать на них, если они не понимают шуток. — Сейчас самое время для меня, чтобы признаться во всем. Или, мне лучше уйти из клуба и подготовиться трахать ее за закрытыми дверями — исключительный просмотр только для избранных. Звук скрежещущей под моими руками кожи заполняет пространство машины. Я хочу ее и, черт возьми, это правда. Я дам ей все, что она просит — кроме как делиться ей с кем — либо.

— Что ты скрываешь от меня? — она произносит это хриплым голосом, и я поворачиваюсь, встречаясь с ее твердым взглядом. — Не обманывай. Не делай этого со мной, если ты не хочешь, чтобы с тобой обошлись также.

Глядя в ее глаза, я лгу во благо... всего лишь то того момента, пока я не смогу выяснить, что, черт возьми Джекс задумал и как быть с моей чрезмерной необходимостью обладать ею. Первое «НИКОГДА» — это когда я позволю кому — либо дотронуться до нее, хотя я был бы, наверное, идиотом, полагая, что она не услышит что —нибудь или неожиданно не натолкнется на обрывки разговора. Будучи моей сабой, у нее будет доступ к другим частям клуба, таким как основной зал и бар, и я должен рассказать ей, с чем я имею дело на данный момент.

— В клубе существует особое соглашение, вот почему, когда проходит аукцион сабмиссивов, у нас бывает чертова толпа народу. После того, как Дом «заклеймит» свою сабу, он разрешает другому члену клуба, «опробовать» ее в его присутствии. Саба должна делать все, что приказывает ей ее Дом. Это проявление власти.

— Чтобы доказать, что она подчиняется его командам? — Ее глаза сверкают, глядя на меня, и я мысленно даю себе пинок под зад, но продолжаю.

— Верно. И если она отказывается, то член клуба может трахать ее столько раз, сколько потребуется до тех пор, пока она не повинуется приказу своего Дома. Что касается тебя, я выиграл некоторое время, благодаря малоизвестному факту, который гласит, что я могу использовать эксклюзивное право обучать тебя в течение 90 дней, по истечению которых я разрешу одному из членов клуба трахнуть тебя.

Я вижу, как лицо Кса бледнеет, а затем ее бледные щеки становятся ярко красными. Ее глаза расширяются.

— Как ты мог? Ты пообещал меня еще одному члену клуба! — Она поднимает руку и я ловлю ее за запястье прежде, чем она сможет ударить меня по лицу. Она поднимает другую руку, чтобы ударить меня снова, но я обворачиваю пальцы вокруг ее второго запястья, заставляя ее успокоиться. Я заслуживаю этой пощечины, но она должна выслушать меня.

Удерживая ее запястья, я держу ее.

— До тебя меня мало волновал тот факт, что сабу, которую я обучала, мог трахнуть другой человек. Чем бы это не закончилось, мне было все равно. Я заработал жестокую репутацию, обучая саб выполнять команды. Неужели ты и вправду подумала, что я позволю другому мужчине или женщине прикоснуться к тебе?

Она задыхается, глядя мне прямо в лицо. Ее зрачки огромны и затем ее веки начинают дрожать, на лбу появляются складки, и она качает головой.

— Никогда в миллион лет.

— Это чертовски верно, — рычу я. — Никогда. Ты моя.

В течение нескольких долгих мгновений, мы молча рассматриваем друг друга.

— Каков план? — шепчет она.

— Это как раз то, над чем я работаю сейчас. Нам нужен клуб в качестве нашего прикрытия. Дай мне время, чтобы выстроить наши ходы. Я дал тебе слово, я буду держать ему, прежде чем мы выдадим себя. — Я медленно целую ее ладонь, и вдыхаю ее аромат, смакуя вкус и мягкость ее кожи, ощущая ее на своих губах.

Я чувствую, как она дрожит, я наблюдаю за ней и жду.

— Ладно. Я могу жить с этим. Я верю тебе.

— Ты принадлежишь мне, Ксавия. Ты единственная женщина, которой я когда — либо хотел владеть полностью. Я жажду тебя — каждый твой сантиметр.

— Как сейчас? — Она опускает свой взгляд вниз к моей выпуклости и прикусывает губку.

Черт побери, неумолимый голод желаний к ей, подобно грому среди ясного неба.

Слегка раздвинув ноги, я кладу ее ладонь на мою выпуклость.

— Это доказательство того, что мне надо больше. Я хочу трахнуть тебя всеми известными и неизвестными для тебя способами. Мы должны разобраться с нашей смесью взаимного ядерного притяжения. Клуб. Аэропорт. Офис. Здесь на улице. Моя необходимость в тебе не становится меньше — в любом случае мне становится все труднее ее сдерживать.

— А еще одна ночь поможет? — Она потирает основанием ладони мою выпуклость,

заставляя его напрячься под молнией брюк.

Мышцы моего тела напряженно двигаются вверх и вниз под молнией.

— Кса, — я резко выдыхаю. Прижимаясь к ее ладони, я готов кончить в штаны. — Если бы у нас были ванильные отношения, у нас бы не составило труда избегать секса на работе, в общественных местах и тому подобное.

— Хм. — Она кивает. — Я понимаю, что то, чем мы занимались в пятницу, было опасно. Похоже на то, что наш самоконтроль испаряется всякий раз, когда мы оказываемся с тобой вместе. — Она начинает гладить своей рукой меня все сильнее и быстрее.

На какое мгновение электрический разряд пробегает по моей спине и, какой — то миг, я не могу ничего сказать.

— Детка, — бурчу я. — Секс на работе — это настоящее...

— Безумие, — вставляет она.

Говоря о безумии. Я уже близок к тому, чтобы расстегнуть ширинку, вытащить свой член и начать драть — на людях!

— То, что мы делаем безопасно, пока мы делаем это в стенах Дома. Я работаю над тем, чтобы получить вторую ночь для нас на постоянных условиях.

— Итак, две ночи? И все? — спрашивает она, опустив кончики пальчиков с ноготками на мою головку. Ощущения от ее ноготков,двигающихся по моему члену, почти доводят меня до предела. — Ответь мне, — требует она, когда я не отвечаю.

— Учитывая, что я буду трахать тебя беспрестанно всю ночь, тебе может понадобится время, чтобы восстановить силы. Черт возьми, я знаю, на что я способен — именно таким образом мы трахаемся, это вовсе не те ванильные отношения, в какие нас хочет впутать Вице — президент. — Кого, черт возьми, я хочу обмануть? Если она окажется в моей квартире, то я буду трахать ее так яростно, что ночь за ночью мои соседи точно будут знать, как меня зовут... каждое утро... каждый раз, когда она будет приезжать ко мне. Я сжимаю ее пальцы, другой рукой, я грубо обхватываю ее за затылок. — Я хочу тебя. Все. Время.

— У меня тоже самое чувство, — признается она.

Еще чуть — чуть и я кончу.

— Мне нужно трахнуть тебя.

— Мы направляемся на обед... на встречу с Вице — президентом. Тебя не беспокоит, что ты можешь испортить мне прическу?

— Я знаю, что обед будет в саду, — говорю я, притягивая ее губы к себе.

Она отстраняется.

— Это как — то меняет суть дела?

Смеясь, мои глаза расширяются, когда мы смотрим друг на друга.

— Будет нормально, если твои волосы будут немного растрепаны.

— Все это только лишь потому, что ты хочешь вцепиться в них.

— Да. И?

— Мы не можем сделать это в твоей машине и на оживленной улице, где я живу. — Она посылает мне взгляд, наполненный недоверием с оттенком неповиновения.

Я заглядываю в зеркало заднего вида. Мой член жесткий и я хочу быть внутри ее киски, сжимающейся вокруг меня.

— Стоянка. Подземная.

— Ты серьезно?

— Да, и ты отдашься мне. Ты моя саба. Это вовсе не игра, в которую мы играем в Доме.

Если ты хочешь, чтобы я снова подвел тебя к краю, то тебе лучше отдаваться мне полностью. Всегда. Я буду иметь тебя так, как считаю нужным. Сейчас. Я буду использовать клуб для наказания тебя за то, что ты возражаешь мне, но если мне будет надо, то я найду другое место, где я смогу вразумить тебя. Ты этого хочешь? Я созвонюсь с риэлтором и мы начнем поиски сегодня. Если нет, то я начну строительство дома для тебя. Все, что угодно!

Она смотрит на меня.

— Это риторический вопрос.

Еб*ть. Обрушившись в поцелуе на ее губы, я двигаюсь своими губами по ее губам, а затем жестко целую, заставляя подчиниться. Это то, что я хочу от нее и то, чему я научу ее делать для меня. Она научится сдаваться и покоряться мне. Явное противоречие, превосходно подходящее к тому, кто мы вместе и порознь. Мы собираемся зайти намного дальше, нежели просто подчиняя ее моей воле. Я хочу почувствовать, как она будет цепляться за край. Жгучая и обнажающая меня, пока я не очищусь и не освобожусь.

Я не знаю, как поступить с тем, что мне предлагает Беннетт. Это правда. Мы не можем беспорядочно заниматься сексом на работе или в общественных местах, и после этой пятницы, я собиралась поговорить с ним. Иногда он как загадка — головоломка. Парадокс в том, что я верю, что я увижу его реакцию, и в один миг он меняется. Я поражена, он показывает мне скрытые грани его личности. У меня падает челюсть. Это я.

Он отпускает мою руку, запускает двигатель автомобиля, а я добираюсь до своих трусиков и снимаю их. Я хихикаю, когда он бросает на меня оценивающий взгляд.

— Хорошая мысль. — Он наклоняется вперед, и открывает бардачок. — Вот, я ходил по магазинам, думая о тебе. Когда мы приедем, я собираюсь вставить это в твой прекрасный зад. Чтобы подготовить тебя к тому, что будет в среду.

— Что это?

— Есть единственный способ это выяснить. Открой пакет, — шепчет он и подмигивает. Внутри ничем неприметного пакета я вижу бутылку лубриканта и похожий на пулю...

— Это вибратор.

— Это анальная пробка. Для твоей красивой задницы. Я планирую владеть всей тобой. Там в Бостоне, я только вставил головку в твой зад. Твою задницу никогда не шлепали и не трахали. Не так ли?

— Кроме тебя, никто. Никто не шлепал меня по заднице, и я уже говорила, что ты первый кто это сделал. Почему... ты, Сенатор? — Не подумав, я спрашиваю его и вижу, как он обхватывает пальцами кожаный руль, сжимая его крепко и не отвечая. У меня скручивает живот. Б*дь, зачем я это сказала? — Мне так жаль, Беннетт, — бормочу я, моргая, чувствуя жалящие слезы на глазах.

— Детка, — он выдыхает, глядя своим стальным взглядом на меня. — Не извиняйся. И отвечая на твой вопрос, у меня никогда не было любовника, который бы использовал мою задницу.

Я пытаюсь улыбнуться, но мои губы дрожат. Я ищу что — нибудь в его глазах, вот я идиотка!

— Да. Я понимаю, о чем ты. Ты — Дом.

— Знаешь, есть переломный момент. Между доминированием и подчинением. Момент, когда ты понимаешь кто же ты все — таки, Дом или сабмиссив.

Я некоторое время смотрю на него.

— И кто это?

— Свитч. Хотела бы ты попробовать подобное? — Он бросает на меня взгляд своих дымчатых глаз — как всегда полные решимости — и я сжимаю подлокотник, чувствуя, как желание пульсирует, закручиваясь внизу моего живота.

Он, должно быть, шутит, но как ни странно, я не против. Я смотрю вперед. Я не представляю себя, орудующей тростью. Я никогда не думала о том, как это держать и пользоваться плетью или ремнем. Или паддлом. И на какую — то долю секунды, я представляю, как мы меняемся ролями и я та, кто им командует. Связывает его. Я начинаю ерзать на сиденьи, пока поток моих мыслей закручиваются все сильнее и сильнее. Эротическое возбуждение заставляет мои трусики стать мокрыми, только от мысли о том, что бы я хотела сделать с ним, начиная с того, что я вонзаю свои ногти ему под кожу и заканчивая чем — то совершенно другим. Определенно, я не буду бить его, но сделаю, что — то, что может свести его с ума. Что — то такое незаконченное, что сильно отличается, так же, как он поступает со мной. Могу ли я быть честной с ним или это запрещено тому, кто доминирует? В принципе, я посягаю на его власть — не так ли?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я снова смотрю на него. Встречаясь с его взглядом, я стараюсь успокоить свои эмоции.

— Хм. Я никогда не думала, на что это может быть похожим.

— Жарче, чем асфальт в Джорджии летом для некоторых людей. Ты бы хотела, чтобы мы иногда этим занимались? — Он смеется над выражением лица, видя мой широко раскрытый рот.

Я перевожу взгляд на свою руку, а затем поднимаю пробку.

— Я не могу представить себе, что трахаю твою задницу.

Бен качает головой.

— Хорошо. Я тоже. Вообще. Но есть и другие способы, чтобы утвердить свой контроль. В наших отношениях я единственный, у кого есть член. Но ты ведь, кажется, наслаждаешься контролем. Давай посмотрим, куда нас это приведет?

— С тобой?

— Только со мной, — отвечает он кратко, поворачивая на парковку. Он достает магнитную карту из — под козырька и прикладывает ее к считывателю. Сегодня воскресенье и внутри этого здания мало машин.

— Где этот дом? — Я спрашиваю, больше сосредоточившись на здесь и сейчас. — Это вовсе не то, что я действительно хочу вернуться к предыдущему вопросу, когда ты имел в виду, что я установлю свой контроль над тобой.

— Детка, давай разберемся с этим сейчас. Я решительно хочу, чтобы ты подумала о том, что я предлагаю. Я никогда не занимался чем — то подобным раньше, но я полностью готов к твоему обучению с самого начала, чтобы раскрыть весь твой потенциал. Ты хочешь, чтобы я показал тебе, как научиться приспосабливаться, это может больше подойти тебе, нежели поиск возможности иметь секс на глазах у зрителей. Я понимаю, больше всего ты хочешь управлять, нежели вырабатывать самоконтроль. Не так ли?

Я вдыхаю. Он прав. Сначала это казалось вопросом самоконтроля, но на самом деле это гораздо больше. Это как попытаться выяснить, кем я являюсь за пределами панциря, в котором я прячусь.

— Конечно, — отвечаю я, глядя в его гипнотизирующие глаза. — Я хочу этого больше всего на свете.

— Мы всего лишь обмениваемся идеями. Доверься мне и я найду оптимальный вариант. Для нас. — Он съезжает на нижний этаж и разворачивает машину, хватая меня за шею сзади. — Давай не будем останавливаться на твоих предубеждениях. Обещай мне, всегда здраво рассматривать мои предложения.

— Это так ты заставляешь меня раздвинуть ноги?

Он паркуется и пристально смотрит на меня.

— Может быть, я хочу, чтобы ты также раскрыла свое сердце.

Ну, эти слова заставляет меня замолчать. Я оглядываюсь по сторонам пустой подземной автостоянки, боясь комментировать то, что он только что сказал.

— Ты говорил об этом здании.

— Позвольте мне открыть тебе дверь. Оставайся на месте. — Он сжимает пальцами мою коленку, затем берет пробку и кладет ее обратно в пакет.

Он выходит со своей стороны машины с пакетом в руке, обходит ее и открывает мою дверь, помогая мне выйти. После этого он ведет меня к багажнику.

— Мы будем трахаться. Здесь?

— Поверь мне. Этот автомобиль кристально чистый, так что ты не испачкаешься. Развернись. — Расстегивая свой ремень, он опускает молнию вниз, и освобождает свой член.

Я должно быть сумасшедшая, но я делаю так, как мне сказали. Положив пакет на блестящую поверхность багажника, он прижимает меня, взяв мои руки и поставив мои ладони на края автомобиля. Это так напоминает мне тот вечер в танцевальном клубе, и я оглядываюсь через плечо.

— Незаконченное дело?

— Ты не представляешь, сколько раз я уже вызывал в памяти тот момент. — Мышцы на его челюсти напрягаются. Он берется за подол моего платья одной рукой, а другой касается моего плеча, направляя меня вперед. — Расставь ноги пошире, маленькая саба, и наклонись.

С моей стороны, я вижу, как он открывает пакет и достает бутылочку. Он нажимает на нее и я предвкушаю ощущение жидкости между ягодиц. Я наклоняюсь, в то время как он раскрывает мои ягодицы, я чувствую его головку, проталкивающуюся внутрь моей киски, вмиг я забываюсь. Он сжимает мои бедра и полностью всаживает свой член в меня, выгибаюсь, больше от неожиданности, чем от реальной боли. Я ударяюсь бедрами о багажник машины. Его твердый член, растягивающий мои складочки, приносит кричащее удовольствие, неистовое, которое жаркое, чем жидкий огонь, проносающийся сквозь мое тело.

Поверхность металла, гладкая и жесткая под моими пальцами — это вовсе не то, что я хочу. Я хочу теплое и упругое с четкими контурами мышц и костей, я хочу его тело. Я хныкаю и опускаюсь вниз, поглаживая свой клитор.

Он поднимает мою руку, и я рычу.

— Нет!

— Нет? — спрашивает он недоверчиво и звонко шлепает меня! Он шлепает меня по заднице, боль огненным эхом затапливает мои чувства. — Если Вы хотите продолжения, встаньте передо мной на колени, я преподам вам урок послушания, полагаю, вы последуете моим указаниям, Мисс Кеннеди. Теперь подчинись мне и, б*дь, наклонись вперед.

— Укуси меня, — отвечаю я, не в силах сдержать резкость своих слов, которые слетают с моего языка.

— Как хочешь! — рычит он, словно ожидая приглашения. Он выходит из меня, наклоняется ко мне и кусает одну из моих ягодиц.

Боль разливается от того места, где его рот был на моей коже, и я пытаюсь обернуться, но он по —прежнему держит меня. Если я сделаю ошибку, ударив его, у него будет повод шлепнуть меня в ответ. Это я знаю точно, я уже сегодня испытала это на себе. Огонь зажигается в моей крови, будто пылающий ад внутри моих вен, и я сжимаю свои мышцы, чувствуя дрожь.

Я хочу драться с ним и быть сверху.

— Нет!

— Еще? — Он стоит, прикасаясь своим телом к моему, затем поднимает меня за бедра, двигая меня по поверхности своего автомобиля. Он опускает меня и проскальзывает в мои складочки, я же цепляюсь руками, ногами, пальцами.

— Может быть! — рычу я.

— Перестань. Кса. Или я клянусь. Я отвезу тебя обратно и отменю эту встречу. Я буду трахать тебя так сильно и так долго, что ей Богу, ты узнаешь, кто, к чертовой матери, такой Топ!

Я тяжело дышу и он дергает с силой меня за волосы.

— Фуффф! Почему ты ж такой мудака?

— Замолкни, мать твою, — шепчет он около моего уха. — Я хочу, чтобы мы кончили вместе. Разлетелись на осколки, детка.

Дерьмо. Он должен был сказать, что — то подобное. Я судорожно вздыхаю, затем я чувствую, как он раздвигает мне ноги, его член прикасается к моему входу, и я забываю обо всем, желая большего. Мой гнев становится ненасытным и я, как кошка во время течки, выгибаю спину, ища облегчение. Он вонзается в меня, крепко держа меня за плечи, сильно ударяясь своими бедрами о мою задницу, жестко вколачиваясь в мою киску с невероятной силой. Он прав; мне не надо прикасаться к себе. Я уже близко. Уже почти, но ему все равно.

Я сжимаю бедра, грубо врезаясь в него.

— Пожалуйста. Мне нужно кончить.

— Терпи! — Он опускает, украшенный оборками, лиф моего платья, кладет ладони на мои груди и начинает щипать мои соски. Сжимая его член так туго, я балансирую на краю, кусая губу — в любую секунду я взорвусь. Он вколачивает свой член в меня все сильнее и сильнее, пока стон не срывается с его губ, а его горячая сперма не изливается в мою киску. — Сейчас, Кса. Кончай.

Его тело становится грудой напряженных мышц в то время, как он грубо вколачивает свой член в меня, дико трахая меня, пока мы кончаем вместе.

Несколько секунд мы оба лежим на багажнике. Он целует мое плечо.

— Б*дь, Ксавия. Где эти чертовы зажимы для сосков?

— Они выставлялись сквозь мое платье, — отвечаю я.

— В следующий раз надевай другое платье. Ты заплатишь за это в эту среду.

Я мямлю.

— Ты шутишь?

— Нет, маленькая саба, — заверяет он меня, проводя губами вдоль моего плеча. — Стой на месте. — Он достает пробку из пакета.

Я слышу, как он надавливает на бутылку.

— Это больно? — шепчу я.

— Будет не так больно, если ты сделаешь то, что я говорю. Когда я говорю тебе дышать, глубоко выдохни, затем вдохни. Давай.

Я делаю, как он говорит, и он вставляет пробку. Она ощущается огромной. Чужеродной, и когда он помогает мне встать прямо, мягко разворачивает меня.

— Мы должны привести себя в порядок. Мы можем поехать к тебе или ко мне.

— Я подготовилась. — Я отхожу и открываю дверь автомобиля. Моя сумка похожа на аптечный склад, от всего того количества вещей, находящегося в ней. Все, начиная от салфеток и заканчивая глазами каплями. — Давая я, — говорю, держа в руках несколько салфеток. Я очищаю его и затем иду к своей стороне автомобиля, в то время как он закрывает багажник.

К тому времени как он возвращается, на нем темно — синий пиджак и солнечные очки. Великолепен, словно сошел с обложки журнала GQ, и если бы Джон мог видеть его сейчас, он бы закатил глаза, находясь в своей стране грез.

— Готова? — спрашивает он с ухмылкой.

Держа помаду в руке, я разглаживаю жакет, сжимаю губы и киваю.

— Да, сэр.

Глава 7

НАБЛЮДАТЕЛЬНЫЙ ПУНКТ НОМЕР ОДИН.

— Довольно плотненько, — говорит Ксавия о том огромном количестве автомобилей, медленно ползущим друг за другом по подъездной дорожке. Резиденция Вице — президента всегда окружена сотрудниками Секретной службы, разговаривающими по рациям, а на подъездной дорожке обычно находится несколько машин. Сегодня это, скорее, не совсем похоже на частную вечеринку «Вирджиния — Ксавия — я». Поднимаясь по ступенькам крыльца, опоясывающего дом, мы называем наши имена двум стоящим там агентам.

Один смотрит наши пропуска, и кивает, в то время как другой агент говорит что — то в микрофон, закрепленный на его лацкане, а затем обращается к нам:

— Все в порядке, сенатор Стоун. Мисс Кеннеди.

Мы проходим мимо агентов как раз в тот момент, когда помощник Вице — президента распахивает дверь и улыбается.

— Пожалуйста, проходите, сенатор Стоун.

— Спасибо, — отвечаю я, провожая Ксавию вовнутрь.

— Сюда, — говорит она, указывая совершенно в противоположную сторону от французских дверей, ведущих в сад, который находится в задней части дома и где сейчас прогуливаются гости, мы идем в сторону внутренней части коридора.

Мы быстро обмениваемся взглядом с Кса и ее бровь поднимается в немом вопросе. Предполагалось, что это будет тихий обед... но опять же, я думаю, какой же я идиот. Что в понятии Вице — президента «тихий». Подумаешь, на воскресном обеде будет присутствовать двадцать или тридцать человек?

— После вас, — говорю, пропуская вперед обеих дам.

Нас проводят наверх в гостиную, Райан говорит по телефону. Она кивает и улыбается, приглашая нас войти. Это одна из круглых комнат, находящаяся в своеобразной башенке резиденции Вице — президента.

— Не желаете чего —нибудь выпить? — спрашивает нас помощница Вице — президента.

— Спасибо ничего. Мисс Кеннеди? — Внутри этого маленького помещения, я получаю огромное удовольствие, восхищаясь разгоряченной кожей Кса. Я засовываю подальше свое желание жадно поглотить ее, и довольствуюсь, наблюдая за ней, призвав на помощь практичную сторону своего разума.

— стакан воды, пожалуйста, — отвечает Ксавия.

Я узнаю доктора Мазину, которая останавливается в дверном проеме, пропуская помощницу Вирджинии. Я протягиваю руку, когда она входит и тепло приветствует меня:

— Здравствуйте, сенатор Стоун.

Как только Вирджиния вешает трубку, мы подходим, она встает и поднимает очки на макушку.

— Добро пожаловать. Боже мой, полное отсутствие веры. Позвольте рассказать вам.

— Мадам Вице — президент, Доктор Мазина, позвольте представить Вам Мисс Ксавия Кеннеди, — представляю я, что выглядит очень неестественно. Все становится сложным, когда дело доходит до формальностей и Капитолия. Я уже вижу, насколько неправдоподобно выглядит то, что я пытаюсь изобразить насколько скрытым и невовлеченным во все я могу быть, и я уверен, Вице — президент и доктор Мазина считают меня именно таким.

— Мисс Кеннеди, приятно познакомиться, — отвечает Вирджиния.

Доктор Мазина согласно кивает, не забыв упомянуть работу, которую она провела с отцом Брук. Это ее упоминание удивляет меня, хотя я в курсе, что команда Вице — президента накопала бы и вытащила многочисленные детали жизни Кса. Мы садимся, замолчав на миг, пока входит обслуга с подносом, неся стакан воды со льдом.

— Спасибо, — говорит Кса и поднимает стакан, потягивая воду и глядя на меня поверх края стакана, в то время как сотрудник передает сообщение для Вирджинии.

Ее взгляд, чистый голубой огонь встречается с моим, и я хватаюсь за подлокотники своего стула, напоминая себе в сотый раз быть спокойным, поскольку мой пульс учащается, а член дергается. Я не хочу, но я перевожу взгляд.

Когда в комнате остаемся только мы вчетвером, Райан склоняется к Ксавии.

— Добро пожаловать на Холм, Мисс Кеннеди. Я работала над несколькими проектами с Вашим отчимом, когда он здесь работал. Планируете ли вы пойти по его стопам?

— Не по всем. Я сильна в работе за кулисами и в разговорах с людьми, — отвечает она и делает еще один глоток.

— Ах, звучит словно вы — писатель.

Кса широко улыбается.

— Не могу отрицать, это то место, где я чувствую себя комфортно.

— Нора проинформировала мое ведомство о визите в Гарвард и я посмотрела выступление сенатора на Ютубе. Впечатляет.

— Это заслуга сенатора Стоуна за миллион полученных просмотров. — Кса смотрит на меня. — Он в одиночку пленил зрителей.

— Да, у него есть свои способы. — Вирджиния кивает мне, потом снова смотрит на Кса. — Кстати, Вам нравится Вашингтон?

— Ну, до прошлой пятницы я была здесь лишь раз, но да. Мне нравится бешеный ритм работы, с которым я столкнулась.

— Хорошо. А что насчет ночной жизни? Вам понравилось что —нибудь, что округ Колумбия может предложить?

— Я была здесь раньше. И да, мне нравится. Вашингтон — это город, который, я думаю, мне никогда не надоест исследовать. — Лицо Ксавии становится на тон или два краснее, чем было, но, отвечая, ее голос остается ровным.

— Он вечно меняется, — соглашается Доктор Мазина, и я вижу, как взгляд Вице — президента смотрит на нее, не отрываясь.

— Обед будет подан в ближайшее время, так что позвольте я буду краткой. — Райан поворачивается ко мне. — Вы двое обговорили мое предложение?

— Да, — отвечаю я, наслаждаясь последними моментами и наблюдая, как держится Кса, затем окидываю ее взглядом. Наши взгляды встречаются, и я стараюсь, чтобы на моем лице не проявились никакие эмоции. На ее плечах и руках появляются мурашки и я сжимаю челюсти, стараясь сдержаться, чтобы не протянуть руки и не погладить ее, успокаивая и согревая ее. Скорее замерзнет ад, нежели я предоставлю Вице — президенту хоть малейший шанс понять, что эта девушка является моей Ахиллесовой пятой. Если вчера вечером стоя на коленях, там, на сцене, Кса была цельной, то сейчас она прямо — таки пылала

Вице — президент фокусирует свой взгляд на Кса и улыбается.

— Это не какая — то подлость, которую мы пустим в ход. Мы просто хотим, чтобы имидж сенатора Стоуна был приближен к тому, кем должен быть Вице — президент и во что поверит американский народ. К сожалению, это соревнование не на победителя. Это соревнование лучших PR — команд, где мы уравниваем наши шансы.

— Я достаточно знаю, что представляет собой предвзятое мнение и мне комфортно, что нас сенатором считают друзьями.

— Да, друзьями, — Вирджиния повторяет слово и затем смеется. — Боже милостивый. Это идеально. Разве это не безупречно, Доктор Мазина?

— Да, Вы правы. — Добрый доктор смотрит заморожено. — Мы не заметили ангела, к сожалению.

— Итак, есть ли у вас что — то конкретное, что вы бы хотели спросить? — Я кладу ногу на ногу и откидываюсь на стуле. — Не важно, подходит или нет. Сенатор, встречающийся со своим сотрудником — из — за этого могут возникнуть проблемы.

— Мы говорим, что это будет «для прессы» или это будет в целом? — спрашивает Доктор Мазина.

— И то и другое, — отвечаю я. — Как мы все это решим? Я беспокоюсь не о себе. Я хочу, чтобы репутация Мисс Кеннеди осталась чистой. Незапятнанной, и все мы знаем, насколько жестокой может быть оппозиция.

— Что может быть лучше, чем друзья? Сенатор, я серьезно. То, о чем вы оба думаете не навсегда. Пока вы будете друзьями, ничего не поделает с тем, что если два привлекательных человека наслаждаются компанией друг друга. У нас есть козырь, который побьет их. Вы дружите? — Вирджиния смотрит на нас, переводя взгляд от одного к другому.

— Мы... — я колеблюсь перед тем, как признаться, что мы с Кса говорим о разном. Существует много разных слов, которыми можно охарактеризовать наши с ней отношения, но я не думаю, что слово «друзья» есть в этом списке. Любовники — да. Трахающиеся приятели — нет. Друзья — я не знаю. Я выбираю безопасное значение. — Мы перешли от понятия «знакомые» в Бостоне и теперь мы — коллеги.

Кса слегка вздрагивает.

— Коллеги?

Судя по ее тону, я могу понять, что это определение ей нравится не больше, чем мне

самому, но я не могу лгать. То, что мы не знаем друг друга — это ложь. Я запомнил вкус ее губ, ее вздохи, ее имя на моем языке. Даже с завязанными глазами и находясь в комнате, полной женщин, я смогу найти ее. Она преследует меня во сне. Когда я просыпаюсь, лучше не становится; особенно сейчас, сидя рядом с ней и когда я не могу прикоснуться к ней.

— Мы на полпути, чтобы стать друзьями, — говорю я, глядя в бездонные глаза Кса. То, что я говорю, звучит настолько жалко, словно я последний идиот. — Честно говоря, я не думаю, что есть термин для того, чтобы охарактеризовать нас и это нормально. Я уверен, что как только мы проведем время вместе, мы станем хорошими друзьями.

Я сажусь в свободную позу, расставив ноги врозь. Все, что я должен сделать, это поднять свою задницу с кресла, взять за руку Кса и утащить ее отсюда. Выйти на крыльцо и объяснить ей... что? Что моя потребность в ней становится моей жизнью. Моя маленькая саба помчится обратно в Бостон, засветив мне средний палец, если я расскажу хотя бы одну десятую того, что я на самом деле к ней чувствую.

— Бесподобно то, как вы представляете себе, какой путь вы выберете для вас и Мисс Кеннеди. Это очевидно чисто мужское мышление. Не так ли, Мисс Кеннеди?

— Пожалуйста, зовите меня Ксавия. Я не готова признать простой план как продукт сугубо мужской мысли. Из всего, что я знаю, женщины не ставят в тупик нелинейное мышление.

— Я согласна с вами, — соглашается Доктор Мазина. — И не позволяйте Вице — президенту одурачить вас. Она человек, обладающий самым линейным мышлением [Прим. пер. — Линейное мышление основано на логике, рациональности правил, чтобы решить проблему. Мыслительный процесс сингулярен: есть один путь к завершению, которая игнорирует возможности и альтернативы. Это методический, последовательный и целенаправленный характер. Каждый шаг зависит от наличия Да (правильной) или нет (неправильный) варианта или решения, кого я когда — либо встречала. Возможно, с небольшой долей также и латерального мышления [Прим. пер. — Латеральное мышление — разрушение от установленного процесса, чтобы увидеть мир — в частности, проблемы — из разных и разных точек зрения. Оно игнорирует логику для неортодоксальных или случайной стимуляции].

— Кроме тех случаев, когда я создаю свой собственный план, — Вирджиния улыбается, так словно у нее есть гениальная идея. — Я подумала. Скоро будет правительственный обед. Президент встречается с несколькими высокопоставленными лицами из Южной Америки и Кубы. Сенатор, вы будете вести переговоры с кабинетом Кастро. Почему бы не присутствовать на ужине вдвоем в качестве пары? Это было бы подходящее время, чтобы представить вас нашим сторонникам в качестве моего союзника. А вы двое свободны на ближайшие две недели? Вечер пятницы?

— Дресс — код, — отвечаю я, совершенно спокойно. Я слышал об официальных мероприятиях, не тех, на которые я ждал с нетерпением приглашения.

Я вступаю в политические споры в течение дня, и я обедаю с несколькими ключевыми кубинскими высокопоставленными лицами в течение ближайших недель. А если еще рядом Кеннеди, да... я свободен. Я уже был знаком с тем, как бесподобно она выглядит в платье. Кроваво — красного цвета. Длинное. Оно было более, чем запоминающимся, после того, как я сорвал его с нее.

— Хотели бы вы присутствовать? — спрашиваю я Ксавию, вместо того, чтобы ответить за нее, что является моим основным желанием принимать все решения, которые касаются

нас. Относиться к ней как к равной заставляет мою собственнически интуитивную реакцию отступить на задний план, чувствуя, что мое эмоциональное состояние пошатнулось. Это состояние безмятежности позволяет мне забыть, что я властный придурок. Я не знаю, что я чувствую. Сейчас не время, чтобы пересматривать последствия от притворства моей слабой заинтересованности в Ксавии — вместо моей фактически единственной навязчивой идеей обладать ею без конца.

— Могу я говорить откровенно? — спрашивает Кса, глядя прямо в мои глаза.

Все мы, включая меня, замираем. Что за херню она скажет?

Я опускаю стакан с водой... Он пустой. В отличие от меня. Сидя рядом с Беннеттом мое тело сплошной вихрь ощущений. Сжигающий страх пронзает острыми иглами мне спину. Я четко понимаю, что я сижу на горе взрывоопасных секретов. Хуже, находясь в гостинной Вице — президента, у меня ощущение, будто круглые стены сжимаются, чтобы раздавить меня. Я чувствую, как волны арктического холода сменяются горячими волнами, разжигая огонь на моей коже, двигаясь и чувствуя анальную пробку, которая толкается и скользит внутри меня, вставленная в меня моим очаровательным сенатором. Она чувствуется очень плотно — покалывание напоминает, что Бен собственник моего тела и его обещание «Я собираюсь трахнуть твою задницу».

Все вокруг словно топливо, которое может послужить причиной для взрыва и вскрыть наш тайный мир. Его слова безмолвно отзываются в моей голове, все громче и жестче, в то время, как я сижу и любезничаю с Вирджинией Райан, возможным будущим президентом США. Я подробно излагаю, как беспощадный Беннетт и я планировали и планируем двигаться дальше.

Он непрерывно смотрит на меня своим пронзительным взглядом и я нахожусь на грани безумия, стараясь ради него оставаться спокойной. Ирония в том, что мои дедушка и бабушка — со всем их эпическим желанием контролировать меня и мое будущее, за которое я сражалась — научили меня всегда изображать довольный вид. Лицемерный довольный вид.

Друзья! Вы что с ума сошли? Я бы хотела протянуть руку и прикоснуться к прекрасному лицу своего Дома, глядя в его гипнотически дымчатые глаза, и громко выкрикнуть «Я не достаточно хорошая актриса!» Но конечно, здесь нет ничего загадочного, почему Райан интересуется мной. Она, как и все на планете, легко может сложить два плюс два, касаясь моей личности — у меня есть что — то, что ей нужно от меня. У Шекспира это звучало так. «Что в имени тебе моем?» Власть, когда она приходит со связями.

— Ксавия, продолжай, — подсказывает мне Бен хриплым голосом.

Здорово. Теперь все смотрят на меня, как будто я собираюсь объявить о своих планах как решить проблему мира во всем мире, эпидемии Эболы, и как остановить северокорейских хакеров от их обманных действий в сфере развлечений.

Вспоминая свой актерский опыт, я кладу свои дрожащие пальцы на колени, делаю глубокий вдох и напоминаю себе говорить спокойным пофигистским тоном.

— Мадам Вице — президент, очевидно, моя фамилия имеет много общего с тем, почему вы считаете, что я являюсь хорошим выбором в качестве подруги сенатора Стоуна.

— Это всего лишь незначительная часть, — отвечает она, наклонив голову, как будто она пытается понять, что я за человек.

Я сглатываю комок в горле, заставляя себя продолжать идти в верном направлении.

Лучше сразу расставить все точки над «і» и дать понять Вице — президенту, какое место я занимаю в списке Грейс и Стэна Стилманов. У меня нет политических связей и мне нужно прояснить это прямо сейчас.

— Мадам Вице — президент, — начинаю я в то время, как она смотрит на меня немигающими голубыми глазами. Она кивает, когда я осекаюсь. Продолжай. — Э — э, неделю или около того назад, я разорвала все связи с семьей моей матери. Я не тот человек, у кого есть амбиции и связи, которыми, я полагаю, Вы считаете, я обладаю.

Доктор Мазина и Вице — президент обмениваются понимающими взглядами — именно такими, от которых волосы на затылке встают дыбом. Вице — президент наклоняется вперед и мило улыбается.

— Ксавия, спасибо за честность. Бен сообщил мне, что у вас разногласия с вашей семьей, и будем честны друг с другом, позвольте мне заверить вас, ваши бабушка и дедушка любят вас. Они совсем не расстроены по этому поводу. Если позволите, я не верю, что какой бы спор не состоялся, вряд ли он будет настолько серьезным.

О чем она говорит?

— Я не понимаю. Откуда Вы знаете? — Я чувствую, как мои брови лезут вверх и я не могу притворяться, что мне безразлична новость о том, что она связывалась с бабушкой и дедушкой.

Она смеется.

— Я лично общалась с Грейс и Стэном. Они оба заверили меня, что вместе с вами работают над поддержанием сенатора Стоуна. Я полагаю, что термин «потрясена» был бы подходящим, чтобы описать реакцию вашей бабушки при мысли о том, что вы более чем просто работаете с Беннеттом.

Нет. Оооо, нет! Бабушка не понимает термин «друзья». Моя бабушка слышит слово «друзья» и в ее корыстных мыслях это слово превращается в термин «помолвлены». Быть друзьями — это причина, по которой она вторгается в чью — то жизнь. Я представляю, как бабушка уже связалась с магазином Тиффани и договорилась о покупке сервизов из китайского фарфора и серебра, а также договорилась о закрытии семейной часовни для проведения венчания.

— А Патрик? — Я спрашиваю сдавленным голосом, подгибая пальцы в своих сандалиях. — Вы тоже говорили с ним обо мне?

— Патрик и я разговариваем на много разных тем. И конечно, он расспрашивал о вас и как он может помочь. Ваш отчим, может, и отошел от политических дел, но он тот, у кого есть собственная группа интересов и он работает в департаменте рядом. Хорошая причина, почему многие люди уходят из Конгресса. Они хотят направлять политический курс из — за кулис. — Вице — президент бросает взгляд на Беннетта. — В отличие от нас.

Если я посмотрю на него, я спалю его своим взглядом. Я не могу поверить, что я была идиоткой, чтобы доверять ему. Друзья... мы не друзья. Кто, черт возьми, мы? Сидя здесь, я медленно вдыхаю, чувствуя, как мои щеки становятся все краснее и краснее. Мое сердце бешено стучит у меня в груди и забирает каждую крупинку моих сил, чтобы удержать себя и остаться на своем месте. Я сглатываю колючий комок в горле, вызванный чувствами, пронесшимися у меня в мозгу. Снова и снова я повторяю, что не могу поверить в то, что Бен предал меня. Он трахает меня, вонзается в меня без всяких угрызений совести, будто дикарь. Он вовсе не заурядный человек, мадам Вице — президент! Он мастер манипуляции и если подумать, то я так откровенно наивна, полагая, что то, что между нами происходит, имеет

какой — то смысл.

— Ксавия, хотели бы вы присутствовать на приеме? — спрашивает он меня снова, и я поворачиваюсь к нему, плотно обхватив руками колени. На его лице эта самодовольная наглая ухмылка. Боже милостивый, если бы мы были наедине, что б я сделала.

Я сжимаю пальцы, чтобы унять зуд, желая стереть эту улыбочку с его прекрасного лица.

— Конечно. Почему бы и нет, сенатор Стоун? — Я не могу сдержаться и не произнести это сквозь зубы — это лучшее, что я могу сделать. Его глаза постепенно расширяются. Я надеюсь, что он задаст мне жару позже, поэтому я отметаю все, что он хочет сказать, четко осознавая, что я попала.

— Тогда это будет свиданием, — говорит Вице — президент, но мы с Беном неотрывно смотрим друг на друга, продолжая тонуть в наших взглядах.

— Мы можем идти? Я бы не отказалась от чего — nibудь съедобного. — Доктор Мазина встает. Должно быть, пришло время для того, чтобы сенатор и миссис Райан поприветствовали всех присутствующих.

Райан остается сидеть.

— Доктор Мазина, пожалуйста, проводите Ксавию в сад. Можете немного выпить. Сенатор Стоун и я скоро будем.

Замечательно. Меня выставили, но я полагаю, что это лучше, чем выйти месте с Беннеттом. Мой пульс отдается в висках, я поспешно встаю и торопливо покидаю свое место, видя, как тут же встает Беннетт. Я не хочу, чтобы он трогал меня, поэтому соскочив со стула, обхожу его с другой стороны. Это выглядит как — то неуклюже — мне без разницы — это мой лучший ход — единственное, что я могу сделать, не заставив агентов Секретной службы появиться здесь из — за меня, умиряя меня, заставляя меня подчиниться не брыкаться и не кричать, находясь на молочного цвета ковре.

Я стараюсь собрать все свои мысли, которые все еще крутятся у меня в голове, и презрительно искривляю губы в нечто похожее на ухмылку. Взглянув на Беннетта, я произношу, стиснув зубы:

— Увидимся на улице.

Мышца дергается на его челюсти и я перевожу взгляд на Вице — президента.

— Было очень приятно познакомиться, мадам Вице — президент.

Она подходит ко мне, вытянув перед собой руки, и обнимает меня. В этот момент я могла бы постараться восстановить свое душевное состояние, закрыв глаза и начать глубоко дышать. Черт возьми, я говорю себе закрыть глаза, но глупая часть меня продолжает тарашиться на Бена.

В тот момент как доктор Мазина открывает дверь, он шепчет мне:

— Твоя задница принадлежит мне!

Сузив глаза, я слегка отстраняюсь от Вице — президента и отвечаю ему всего лишь одними губами:

— Отъе*сь!

— Увидимся на улице, — Вирджиния хлопает меня по плечу, потом переводит взгляд на свою помощницу, которая входит, чтобы передать еще одно сообщение.

— Мы скоро спустимся. Я найду вас, Мисс Кеннеди, — рычит он, его щеки становятся значительно краснее, чем я когда — либо видела, и его глаза темнеют, в тот момент, как он смотрит на меня сверху вниз. Его руки находятся по бокам, сжавшись в кулаки так сильно, что я вижу, как побелели костяшки его пальцев — это верный признак того, что Бен вот —

вот взорвется.

Его голос спокойный и выразительный, словно виски, который он пьет и который он недавно вылил мне на пупок и выпил. Таким же голосом он говорит, когда делает акцент на чем — то — сказанном или недосказанном. Мой организм предательски реагирует на одну из его фраз и я чувствую, будто мой мозг отключается — вовсе не из — за всего списка приглашенных на эту чертову вечеринку людей, которые встают между мной и моим Домом. Мои соски напрягаются всего лишь от представления того, что называется семнадцатью оттенками чистого предвкушения. Просто здорово. Начиная с шеи и вниз я будто натянутая струна, осознавая, как жестко все может стать, если все пойдет не так. Если на работе заниматься сексом опасно, то моя заполненная анальной пробкой задница в наблюдательном пункте номер один с кучей Секретных агентов, рыскающих везде, должна быть обозначена табличкой «Самая дурацкая идея, когда — либо придуманная».

Я не знаю, что я хочу больше: вступить в горячий спор с Беннеттом или быть жестко оттраханной. Ни то, ни другое! Я что ненормальная?

Вздернув бровь, он одаривает меня взглядом, медленно скользящим вниз по моему телу. Он источает невысказанную силу своим господствующим взглядом, и в какой — то момент у меня есть сильное желание показать ему средний палец.

— Ксавия, — Доктор Мазина мягко произносит мое имя с порога, напоминая мне, что шарканье ногами — это вовсе не эффектный способ покинуть гостиную Вице — президента.

Иисус, Иосиф и Мария что за отвратительное впечатление я, должно быть, произвожу! Но, по крайней мере, я одариваю Беннетта своим пренебрежительным наклоном головы, отказываясь разорвать зрительный контакт, двигаясь мимо него, почти жаждая, чтобы он что — нибудь предпринял.

Я следую за Доктором Мaziной вниз по лестнице, слушая ее болтовню о СМИ, кому можно доверять и кто будет играть мной подобно игрушке. Может, мне стоит сказать ей? Слушайте, Док... я официальная игрушка Холма и не стоит беспокоиться об этом!

За французскими дверями, ведущими в сад, находится очень большое количество просто блуждающих людей. Огромное количество сияющих лиц, темных костюмов и фотографов. Мой желудок завязывается в тугий узел. Вечеринка в саду напоминает мне моих бабушку с дедушкой и я останавливаюсь.

— Извините, — говорю я доктору Мaziной. — Где здесь туалет?

— Вам нужна минутка? — она смотрит сквозь оправу своих очков.

— Несколько, — усмехаюсь я, но когда ее глаза расширяются, продолжаю, — Я шучу.

— Агент? — Она задевает, стоящего неподалеку в стороне, мужчину за руку. — Пожалуйста, проводите Мисс Кеннеди в туалет.

Это было моим последним спасением.

— Спасибо, — хрипло говорю я. Я иду следом за агентом, который не произносит ни слова и даже не смотрит на меня. Он смотрит прямо в то время, как мы идем по коридору.

Впереди еще один агент, он поднимает в предупредительном жесте руку.

— Подождите, — Этот исключительно деловой тон заставляет меня поднять глаза, и тут я понимаю, что агент, сопровождавший меня, тоже смотрит на меня.

— Извините, — говорю я, не зная, за что я вдруг извиняюсь.

Он улыбается и скрещивает руки на груди.

— Вы не похожи на всех присутствующих здесь людей, — решается произнести он. — Вы бы не хотели подняться наверх?

— Простите? — лучше бы он не сравнил меня с моей тетей Бриджит, которая регулярно «подкатывает» к персоналу у нас дома.

Он поднимает палец вверх.

— Там есть еще туалеты.

— Хорошо, — отвечаю я, поворачиваясь на каблуках, и двигаясь по коридору. Это фантастика. Я просто погорячилась. Будет только хуже, если я останусь здесь — вовсе не из-за него, но мне нужно время. Но где?

— Подождите, — говорит он у меня за спиной. — Мисс Кеннеди, подождите.

Находясь в конце коридора, я могу либо продолжать идти вслепую, находясь в смятении и отправиться в сад, все еще пребывая не в духе... либо взять себя в руки. Я замедляю шаг, увидев, как открываются и закрываются двери в сад. За ними несколько людей. Официанты с подносами. Это еще хуже, чем находится у бабушки с дедушкой — я застряла здесь без возможности покинуть мероприятие самостоятельно.

Я останавливаюсь и агент подходит ко мне.

— Что вы сказали? — спрашиваю я у него.

— Свободный туалет. Вон там. — Он выглядит также сильно сконфуженным, как и я. Второй агент проходит мимо, сопровождая пожилого мужчину, и мы оба, агент и я делаем шаг в сторону.

— Ладно. — И быстро добавляю: — Я воспользуюсь им.

Он поднимает свои темные очки и выглядит намного моложе и не таким крутым без них. — Если я сделал что — то не так. Ляпнул, не подумав. Я вовсе не это имел в виду.

— Конечно, нет. Забудьте об этом. Серьезно. — Я киваю, и он смотрит с облегчением.

— Вас никто не побеспокоит. Там. — Он дергает подбородком, указывая в конец коридора.

— Спасибо. — Я уйду, не обращая внимания на то, куда он проследует дальше, но я благодарна ему, что он оставил меня в покое, в то время как я иду дальше по коридору и захожу в ванную комнату.

Закрыв за собой дверь, я прислоняюсь к ней с приглушенным стуком. Я в шоке от того, что я снова в центре внимания, когда дело касается Беннетта и сейчас, когда нет необходимости притворяться, будто все охренительно прекрасно, острый приступ боли пронзает мне грудь. Я едва могу сделать вдох. Жгучие слезы застилают мне глаза. Нет! Я не собираюсь сломаться и заплакать. Оглядевшись вокруг, у меня возникает заманчивое желание закричать и что —нибудь сломать! Как я могла быть такой доверчивой? Предупреждение Беннетта «Добро пожаловать в высшую лигу» поражает меня с неимоверной силой.

Я говорила ему, что хотела внести изменения. Ну, дерьмо! Может, сейчас как раз время?

Помощница Вирджинии выходит из комнаты и она поворачивается ко мне со своей слащавой улыбкой на лице. Я наблюдаю за ней, как она садится на диван вместо того, чтобы вернуться обратно к своему столу.

— Сенатор, желаете что —нибудь выпить? — Райан берет графин и наливает в стакан жидкость, напоминающую водку, затем поднимает на меня свой выжидательный взгляд.

— Господи, Вирджиния. — Отказавшись, я начинаю ходить вдоль кресел, где до недавнего времени сидели мы с Ксавией. Мне нужно найти Кса и разобраться с этой дебильной политически нечестной игрой со стороны Вице — президента. — На этот раз вы

действительно переборщили.

— Не расстраивайтесь. Вы знаете не хуже меня, что Мисс Кеннеди — это козырь, в равной степени, как и ее семья. В их рукаве есть еще Гарвард. — Снова она об этом, напоминая мне о моей молодости в колледже, пестрящей побоями и синяками. — У них есть возможности, чтобы похоронить навсегда эти ужасные факты, которые портят вашу историю. Грейс Стиллман заодно с нами и более того, она готова заставить Гарвард похоронить все записи.

— Отчет о произошедшем опечатан. — произношу я, запуская пальцы в волосы.

— Упоминание об этом неприятном происшествии не удалено из досье местной полиции Гарварда. Неважно, что они сказали, но эта запись там существует. Я запросила копию и в течение пятнадцати минут мне выслали ее. Уверяю вас, ее можно очень, очень даже легко получить. — Райан поднимает свой бокал и моментально выпивает. Она ставит свой стакан и откидывается на диван, замолкая на какое время, таким образом, давая мне окончательно переварить информацию.

— Вы искали компромат на меня? — Я бы все отдал, чтобы эта запись была стерта, но учитывая, что декан Нолан осуждает меня за мою критику демократической оппозиции — тоже самое и сенатор Стимлан. Я могу лишь задаваться вопросом, что, черт возьми, должно случиться, чтобы дедушка и бабушка Ксавии поменяли свое мнение и стали представителями партии. — Что вы сделали, чтобы заставить Стилманов «спрыгнуть» с их демократического и отлаженного политического корабля?

— Все, что надо.

— А именно? — Я смотрю на нее, в то время как она барабанит пальцами по подлокотнику дивана, продолжая удерживать мой взгляд.

— Я делаю то, что необходимо сделать, чтобы можно было закрыть глаза на такие незначительные недоразумения в нашей истории. Со всем уважением к вам, это не из ряда вон выходящее, но это достойная новость... сотрудница, ставшая подругой и которая имеет межпартийную принадлежность. Это не незаконно или аморально, это то, что пресса и общественность жаждут услышать. Каждый хочет узнать что — нибудь новенькое о вас, сенатор.

— Новенькое? Вы имеете в виду, что — то, что вы тщательно проверяли, когда я специально рассказал вам историю своего нынешнего стажера?

— Довольно особенное, учитывая короткий срок. Избиратели хотят знать больше о вас... кроме того, что вы довольно жесткий и отлично ведет дела. Они поверят упоминаниям в светской хронике — обложки журналов и статьи. Что скажете?

Райан хочет, чтобы я «продал» себя прессе и всего лишь два слова — иди на х*й — крутятся на кончике моего языка. Мне нельзя быть чересчур эмоциональным, или она ухватится за суть и будет использовать Кса и мое участие во всем этом в свою пользу. Нет ничего нового в политическом маневрировании и предательстве, но то, что сделала Вице — президент — определенно сделано для достижения выгоды только одного человека. Меня приперли к стенке.

— Вы провернули это только для своей пользы. Давайте не будем притворяться.

— Все что мое — ваше. И наоборот. Вот как мы играем в эту игру, Беннетт. Вы в курсе, что это Высшая лига.

Я перестану расхаживать и больше не могу сдерживать резкость в своем голосе.

— Спасибо за намек, но я не продаю свою душу.

— Я не об этом спрашиваю. Только лишь то, что хотят наши покровители, которые, я уверена, не навредят управлению. Мы работаем над тем, чтобы развеять все возможные вопросы, и теперь, мы движемся в правильном направлении в то время, как Мисс Кеннеди является вашим краеугольным камнем.

Направление... черт! Она что, имеет в виду дорогу в ад?

— Ох, да неужели. Звучит так, будто мы заранее продаем себя.

Нахмурившись, она наклоняется вперед.

— Я понимаю вашу точку зрения. Вы не привыкли ни под кем прогибаться. Вы вытащили билет, который укажет прессе на что — то, что они любят раскручивать как новое. Никто пока всерьез не подвергал внезапной критике ни тебя, ни твою кампанию в штате Джорджия. Ключевое слово: пока. Все, что я прошу — это воспользоваться подарком, который на тебя «свалился». Как будто ты «случайно» стал встречаться с этой девушкой?

Глядя на нее, я отвечаю:

— Я не встречаюсь «случайно». Ни с кем.

— Бен, я знаю! И в этом и есть чертова проблема, что я сражаюсь с избирателями и финансистами.

Я почти готов сказать ей, чтобы она забыла о своем плане. Это полное дерьмо.

— Ты боишься, что кто — то может подумать, что я гей?

Ее глаза расширяются.

— Если бы это было правдой, мы воспользовались бы этим. Черт возьми, это было бы не плохо, но каждый на Холме знает, что ты не гей. Это риторический вопрос, который не требует ответа. Ты, как и я понимаешь, что это повод высказать предположения. Для человека, признанного журналом Космо, у тебя слишком много тайн.

Мои виски пульсируют. На секунду я закрываю глаза и чувствую, как мышцы вверху и внизу шеи напрягаются. Открыв глаза и глядя на нее, я хватаюсь за спинку стула и измученно произношу:

— Все это было... ошибкой.

— Хотя это пока еще не в прошлом. Это ошибка, которая может стоить нам, если вдруг кое — кто глупый решит, что она «брошенная» подруга, у которой есть что — то, что можно продать прессе. Не важно, если это откровенная ложь.

— Я полностью готов, чтобы расправиться с подобным типом прессы, — произношу я сквозь стиснутые зубы.

Райан скрещивает руки на груди.

— Я не верю в это. Ты слишком популярной и являешься легкой мишенью. Ты должен понять. Для того, кто хочет публичности, это не навредит. Все может ухудшиться, наша оппозиция может подставить нас.

— Демократы не будут использовать такой способ. — Качаю я головой.

— Не будь наивным, думая, что они так не поступят. — Вирджиния поднимается с дивана. — Позволь быть откровенной. Тот факт, что никто не знает, с кем ты делишь свою постель, немного нервирует. Прессе нужен всего лишь повод. И с кем — то, как Мисс Кеннеди, у вас все будет так, как нужно Ничего серьезного. Скоро будет правительственный обед. Идеальный момент для фотосессии. Ужин. Танцы. Лучшего партнера вам не найти. Ее дедушка и бабушка будут присутствовать там, и они жаждут встречи с вами.

— Вы пригласили бабушку и дедушку Мисс Кеннеди после того, как я по секрету рассказал вам в чем дело? Если кто — то «подложил мне свинью», так это вы. Вы в корне не

правы, если вы верите в то, что контролировать последствия — не нужно. Благодаря вам, я по уши увяз во всем этом.

— Я бы не беспокоилась о ссоре Мисс Кеннеди со своей семьей. Это... Господи, Беннетт. Свой своему поневоле брат. В конце концов, этот акт неповиновения Ксавии будет подобно историям из серии «А помнишь...». Стилманы и Кеннеди, они здесь были, работая в Вашингтоне уже на протяжении века, и будут работать еще в течение пяти сотен лет. Вот как это работает. Мы нуждаемся в них, но мы им не нужны. В их планах, мы мусор. Если они предлагают поддержку, умные люди берут то, что они могут получить, и знают, что их времени рано или поздно придет конец.

— То, что вы говорите — бред. Вы сами себя слышите?

Она смеется.

— Это не бред. Я в восторге! Вы понимаете, как все вокруг загудит, если мы заручимся их поддержкой?

— Может быть, больше, чем вы себе представляете. И поскольку я играю очаровательного «спутника»... простите, мадам Вице — президент. — Я иду в сторону двери прежде, чем я скажу что — то, за что я потом поплачусь. У меня есть на нее больше информации, чем она себе представляет, но сейчас не время раскрывать карты. А что есть у нее? Один чертов отчет об аресте — я опасался, что у нее есть что —нибудь страшнее. Что — то связанное с Кса и мной.

— Что вы собираетесь делать? — Она пересекает комнату, останавливаясь в нескольких футах от меня.

— Мне лучше пойти и найти Мисс Кеннеди, теперь, когда вы бросили эту бомбу. — Я хватаю дверную ручку, держа ее так, б*дь, крепко, что мышцы моей руки начинают трястись. Мои мысли крутятся. Большинство из них о Кса и о том, что творится в ее голове. Но я не могу уйти — пока нет. Я выкидываю мысли из головы и поворачиваюсь с решительным выражением лица к Вирджинии Райан. — Позвольте мне расставить все точки над i. Если вы когда —нибудь сделаете что —нибудь подобное этому, я выйду из этой гонки так быстро, что вы удивитесь, как я вообще попал в списки кандидатов партии. Даже не пытайтесь снова повторить подобную гребанную попытку и застать меня врасплох. Не только вы можете плести политические интриги, способные все разрушить. Мне лучше попридержать свои. Но вы больше чем кто — либо должны это понимать, это не значит, что их не существует.

— Я понимаю, что вы имеете в виду, — отвечает она. — Я свяжусь с Мисс Кеннеди и улажу все, что привело к недоразумению. Я обещаю, с ней все будет хорошо. Дайте мне день, и вы увидите все сами.

Неважно, правда это или нет, но она выглядит раскаявшейся или напуганной. Я не могу сказать, какой именно. Я гляжу на нее, борясь с желанием сказать ей, чтоб она отправлялась прямиком в ад.

— У вас есть один день, чтобы исправить весь этот беспорядок. — Я резко открываю дверь и вижу двух агентов Секретной службы, которые кивают мне. Я молча прохожу мимо, охваченный всего лишь одной целью. Найти Ксавию и попытаться объяснить весь этот бардак.

Я спускаюсь по лестнице и захожу в главный зал, который примыкает к коридорам, и затем я вижу ее. Разговаривающую с агентом. Он снял очки, глядя на нее, и я говорю себе, что мне лучше успокоится. Я не могу каждый раз сходить с ума, когда она разговаривает с каким — то случайным парнем. Она качает головой, черты ее лица напряжены. В том, как

она себя ведет, нет ничего флиртующего. Не могу сказать того же про агента.

Она не видит меня, стоящего в стороне, а я наблюдаю за тем, как она отходит от агента и направляется вниз по коридору. Куда она едет и почему она не снаружи? Я продолжаю, молча идти за ней, но мне плевать. Я стараюсь просчитать свой следующий шаг и что я скажу ей, когда догоню.

Женщина у входа в сад требует узнать, когда Вице — президент появится снаружи. Она громко и неразборчиво говорит, и я пересекаю гостиную, следуя за Кса. В этой стороне дома тихо, и я оглядываюсь, идя по коридору, чтобы убедиться, что за мной никто не идет — не то, чтобы у меня была гениальная идея, что я буду делать, когда я доберусь до нее. Я останавливаюсь перед дверью, куда она вошла, Мой пульс колотится, и мне нужно разобраться, что я могу сказать ей, что не будет выглядеть как еще одно обманное политическое манипулирование.

Мне следует постучать? Только если я хочу, чтобы она сказала мне отвалить.

Я поворачиваю ручку и открываю дверь. Она наклонилась, опираясь ладонями в раковину.

— Привет, — говорю я, когда я захожу.

Она смотрит на меня, затем опускает свой взгляд и выпрямляется. Ее лицо вспыхивает, в тот же момент она хватается свой мобильный, качая головой.

— Даже не говори со мной.

— Ты имеешь полное право сердиться. — Я собираюсь быть честным. — Это настоящее дерьмо.

Она резко поднимает голову.

— Ты играл со мной? Бл*дь, Беннетт.

— Вот, что ты думаешь я делаю? — Я хочу встряхнуть ее, и, хотя мой здравый смысл посылает мне предупреждение, чтобы не торопиться — это совсем не то, что у нас получается лучше всего. Жаркие дискуссии имеют свойство для нас в конечном итоге заканчиваться тем, что мы оказываемся полуголыми и орущими, или трахающимися, или и то и другое вместе.

— Хорошо, давай посмотрим. Я полностью признаю то, как облажалась моя семья. Какими кровососущими пиявками они являются, и ты рассказал это Вице — президенту... которая воспользовалась и связалась с моими бабушкой и дедушкой. Было довольно глупо послать подальше своего кузена и сказать своим бабушке с дедушкой отстать от меня, прежде чем уехать из Бостона. Но теперь, они собираются использовать это против меня. Я не хочу, чтобы ты трахался со мной во имя политики. Я не могу этого сделать. Я не буду.

Ее подбородок дрожит, и она качает головой, когда первые слезы начинают бежать. Мое сердце грохочет в груди и я мне наплевать, есть ли кто — нибудь за дверью этой ванной.

Я притягиваю ее к себе и обрушиваюсь своими губами на ее, прижимая ее к стойке в ванной. Подняв платье, я раздвигаю ее ноги, и запускаю руку между ее бедер. Мы не умеем выражать все словами, но мы умеем... заниматься сексом, понимая друг друга.

— Детка, — шепчу я.

— Не... — она стонет и так же быстро, она прикусывает мою нижнюю губу, поднимая ногу и давая мне доступ к своему жару.

— Кса, дай я, — Я скольжу пальцами вниз по ее гладкой коже и перехожу к ее клитору. Тру и щипаю, слегка ударяю и затем погружаю палец в нее, обвивая ее рукой вокруг талии,

не давая ей уйти. — Ты моя. Скажи это!

— Нет! — шепчет она сердито.

Я двигаюсь медленно. Сначала. Но она упрямая и я увеличиваю темп, входя в нее жестче, пока ее веки не начинают дрожать. Ебать. Она должна четко понять, и есть только один способ убедить ее принять то, что у нас есть. Я опускаю молнию, расстегиваю ширинку, и освобождаю свой член.

— Да. Ты моя. Твоя киска мокрая и твое тело реагирует на меня. Не пытайся бороться со мной. Ты хочешь меня. Чтобы я был похоронен внутри тебя. Скажи это.

Мой член жесткий как сталь и пульсирует. Я глажу себя и смотрю, как она опускает свои невероятные глаза на мою руку, которая двигается вверх и вниз по моему члену. Она прикусывает губу и я начинаю двигать рукой с большей скоростью. Я так близок к тому, чтобы кончить и лучше бы ей решить поскорее.

— Этот член может быть внутри тебя прямо сейчас. Бл*дь, дать тебе то, что ты хочешь. Просто произнеси это, маленькая саба.

— Пожалуйста, — стонет она.

Я скольжу пальцем по капле предэякулята, появившейся на головке и провожу им по ее губам.

— Пожалуйста, что?

— Трахни меня. Жестко.

Моя жажда ее снова взмывает. Подняв бедра, я подношу головку к ее входу и вхожу в нее одним толчком, хороня свой член глубоко внутри нее. На момент, я замираю, борясь с чувством скорого освобождения. Из — за пробки внутри, она уже, чем обычно. Медленно я выхожу из нее, а затем снова толкаюсь вперед, толкая всю свою длину в ее шелковистую мягкость, набирая скорость, трахая ее.

Раздается стук в дверь, и она вонзает свои ногти в мою кожу.

— Бен, дверь, — резко шепчет она у моих губ.

Я прислушиваюсь, но черт, я не могу перестать ее трахать. Грохот моего сердца отдается шумом у меня в ушах, вторя импульсам моего сильного удовольствия проходящего сквозь меня. Мы ударяемся о дверь, которая стучит каждый раз, как я вхожу в нее. Ее киска ощущается нереально, сжимая меня все крепче.

— Обхвати своими ногами меня за талию. — Я передвигаю нас к стене подальше от двери. Настолько подальше, насколько я могу, чтобы скрыть то, чем мы занимаемся. Я вдальбливаюсь в ее киску как дикарь. Я трахаю ее жестко до тех пор, пока она не растратила весь свой гнев. Я держусь за ее бедра и прикусываю ее плечо, затем посасываю место укуса и прокладываю дорожку к ее шее. Она сжимается вокруг меня и я уже не могу больше сдерживаться. Я погружаю член в нее как можно глубже, унося нас через край и слышу, как она кричит. Я накрываю ее губы своими, проглатывая ее звуки наслаждения и освобождения, пронзая ее до тех пор, пока не кончаю сам. Вместе с ней унось к освобождению.

— Ты чудовище, — хрипло шепчет она, обвивая мою шею своими руками.

— По крайней мере, ты не убежала... на этот раз. Мы делаем успехи, — поставив ее на ноги, я целую ее губы, смакуя ее сладость.

— Но мы не закончили. Мы еще не закончили!

— Неужели? — Я захватываю ее плен с двух сторон своими руками, мое сердце бешено отбивает то, что я хочу ей сказать, что она значит для меня.

Она наклоняется и шепчет мне на ухо.

— Я имею в виду наш разговор.

— Значит, не я один это говорю. Так ведь? — Я поворачиваю лицо, и мы меньше чем в дюйме друг от друга, когда я тону в ее кристально голубых глазах.

— Все так запутано. Не надо было ничего говорить обо мне моим бабушке с дедушкой. Разве ты не видишь, насколько это опасно? Они узнают. Обо всем этом. Про Дом. Они любят подобные загадки.

— Ты сама первая приняла вызов. — Я не могу позволить ей видеть, что это способ безудержной манипуляции с моей стороны, и я опускаю руки, беря ее лицо в свои ладони. — Я обещаю, ты не будешь в долгу перед ними. И я тоже.

— Это больше политическая ложь? Я беру всю ответственность на себя, выходя за определенные рамки. Но они моя семья — это мое решение в том, как мне заставить их отстать от меня.

— Ты права. — Я смотрю в ее глаза. — Нет никаких аргументов, чтобы ты заключила сделку со своей семьей. Так же как и со мной, в моей хреновой ситуации.

Она закрывает глаза.

— Не надо меня успокаивать.

Я качаю ее, пока она не открывает свои невероятные глаза.

— Я не успокаиваю. Я не могу выйти и сказать Вице — президенту отвалить, если мы хотим остаться незамеченными. Мы должны быть умнее в том, как нам действовать в этой игре. Что я могу сделать, чтобы помочь тебе?

Ксавия пожимает плечами.

— Я не знаю. Это зависит от моей бабушки и дедушки. Может быть, даже от Патрика. Мы должны будем видеть, как они реагируют, что они делают.

— Мы играем в политические шахматы, — напоминаю я ей, опуская мои руки на ее плечи, и целуя в висок.

— К счастью, у меня есть многолетний опыт, — Она прижимается ко мне, обхватив мои руки, в то время как ее пальчики вырисовывают крошечные круги у меня по коже. — В нашей семье играя в игры — это сродни тому, как мы относимся друг к другу.

— У влиятельных семей всегда есть тайные намерения. Не только у твоей, — Обняв ее, я не хочу ее отпускать. Не из — за того, что ее голос стал мрачным. В моей голове крутится план как мне не потерять из виду игроков и что нужно сделать. Что касается ее, я разберусь с этой мерзкой душепродажной игрой — черт возьми, я собираюсь быть сытым по горло ублюдком, когда дело доходит до защиты этой женщины.

— Боже, я думаю, я всегда знал, что когда —нибудь наступит этот день.

Глава 8

ТАКАЯ ПРИЯТНАЯ БОЛЬ.

В воскресенье вечером я сижу в своей машине, крепко сжав челюсть. Я просто должен перестать разрешать водить меня за нос и покончить с этим дерьмом. Почему я злюсь? Из — за того, что у меня очередной приступ и я сижу около квартиры Ксавии и слежу за ней.

Чуть ранее, я высадил ее и был в твердой уверенности ехать на работу. Объем работы, навалившийся с отчетами подкомитета, подлежал к выполнению вчера.

Без проблем. Я в ударе. Выдавая огромное количество отчетов, проводя анализ

результатов исследований для юридического обоснования, и вдруг, Арчер отправляет мне информацию на семью Ксавии. Определенно, что — то происходит и на этот раз сообщение Арчера опять чертовски загадочно. Это сообщение гласит, что мне нужно внимательно следить за квартирой своей сабы — как будто я и так не был похож на пресмыкающегося. Клянусь, что не собираюсь ничего предпринимать, пока не установлю связь с Арчером, за исключением того, что он не отвечает на мои смс или звонки, когда я звоню этому засранцу.

Сейчас, четыре часа спустя, вот он я, сижу в припаркованном у ее дома автомобиле будто сталкер и все становится еще хуже. У меня есть подозрение, что мне необходимо выяснить, насколько заинтересованы ее бабушка с дедушкой и правда ли, что свой своему поневоле брат. Этого дурацкое сообщение Арчера о том, что Колин не спроста опивается рядом с Кса, меня это все очень бесит. Свой своему — это, пиздец какая ситуация — я это знаю. Это то, что может схватить мертвой хваткой, жестокой удушающей хваткой. Но я не Кеннеди или Стиллман. Эти люди не производят автоматы, не заключают контракты с убийцами, не убивают людей.

Я закопал поглубже свою чересчур «геморройную» историю так называемых связей моей семьи с Коза Нострой. У Вице — президента нет улик, также как и у мира, из которого я собственно и появился и, что я пережил. Находясь здесь, я так далек от того, что связано с моей матерью, с биноклем в руках вместо прицела на винтовке. Те дни прошли. И сегодня, когда я по существу действую вслепую, пытаюсь выстроить свой следующий шаг, продолжаю думать об этом. Те дни, б*дь прошли. Должны пройти. Скажите это моему гиперактивному инстинкту присматривать за Кса. Она все, что, б*дь, сейчас для меня важно.

Я поднимаю голову и вижу, что ничего не изменилось. Окна ее квартиры темны, за исключением того, что с балконом. Видимо моя маленькая саба не сидит дома и не вяжет свитер. У меня возникает вопрос где, б*дь, она? И с кем?

Все, что я должен сделать, это взять, мать его, телефон, лежащий в тридцати сантиметрах от меня и задать этот вопрос ей. Являясь ее Домом, у меня все — таки есть кое — какие права. Не так ли? Вместо того, чтобы выслеживать ее, я должен просто позвонить ей. Не то, чтобы у меня не было телефона, который может вывести на меня. Но вот он я, веду себя так, будто я школьник, преследующий свою первую девушку. Я беру второй свой телефон, провожу пальцем по гладкому экрану и он оживает, показывая всего лишь один телефонный номер. Номер Ксавии.

Если я позвоню ей, требуя сказать, где она, это безумие превратится в большую задницу века. После этой херни с сегодняшним предложением Вице — президента устроить предвыборные махинации, я вовсе не хочу подлить масла в огонь и припереть к стенке Кса — что я бы сделал, если бы я, б*дь, смог.

Матерясь, я бросаю телефон обратно в бардачок. Или делай или сваливай отсюда, Стоун!! Да, верррно. Я кладу бинокль обратно в кожаный чехол и убираю его на пол назад. Еще раз смотрю на окна квартиры Кса и стон слетает с губ из — за моей собственной глупости находиться на развилке, имеющей «более ста дорог». Отъезжая от обочины, я игнорирую чувство, будто мои кишки медленно тлеют, и еду в свою квартиру, чувствуя, что она все сильнее начинает становиться моей камерой — одиночкой.

Мой план таков: завтра я собираюсь вставить более крупную анальную пробку в красивый зад моей сабы и подготовить ее к среде, когда еще одним способом я заявлю на нее права. Если она собирается разгуливать по всему этому городу, тогда я должен быть на 100 % уверен в том, что я буду наслаждаться ей при любой возможности. Используя свой

официальный сенаторский сотовый, я набираю Ксавии безобиднее сообщение. «Встретимся завтра пораньше. В 7:00».

Пока я еду, мой телефон оживает. Она ответила мне. «Я буду там. Что — то случилось?»

Я крепко сжимаю кожаную обивку руля, слыша, как она скрипит. Сколько раз мы должны говорить друг другу, что нам нужно поговорить? С тех пор как мы встретились, когда мы говорим так, все это приводит нас к тому, что мы раздеваемся и трахаемся.

Мой член оживает и я пишу в ответ: «Это по работе. Встретимся утром».

Мои сообщения короткие и по существу, но я держу свой сотовый в руке... ожидая, что она напишет в ответ. Когда она это делает, я смотрю на экран, и улыбаюсь. «Понятное дело, босс. С утра пораньше».

Утро понедельника и я рано приезжаю в офис. Внизу официальная встреча, я взвинчен, ожидая Кса. Я оказываюсь здесь намного раньше, Оливер пока еще не появился и я заканчиваю пить свой кофе, отвечая на письма до которых я не добрался вчера из — за того, что был не в состоянии. Я слышу в наружном коридоре шум и, закончив писать ответ на письмо, нажимаю «Отправить», а затем поднимаю взгляд. Моя маленькая саба появляется в дверном проеме и, сражает меня наповал. Она одета в темную юбку и блузку, подчеркивающую ее невероятно вкусные сиськи, Кса улыбается мне, оглядывая мой кабинет.

— Доброе утро, — говорит она. — Я готова к беседе с тобой. Будут ли какие — нибудь инструкции?

Я поворачиваюсь в кресле, и на мгновение, наслаждаюсь, наблюдая за ней. Опускаю взгляд на ее ноги и вспоминаю, как она чувствовалась, когда обвивала ими меня вчера. Эта неразрывная связь, которая неразрывна — та, которая сопровождает нас, я хочу овладеть ей, войти в нее, заставляя ее умолять меня трахать быстрее. Жестче.

— Исключительное утро и да, у меня кое — что есть, о чем я должен позаботиться заранее, до начала нашего разговора. Закрой дверь. — Я произношу это напряженно, открываю ящик стола и извлекаю кейс. Он не закрыт, уже не первый раз я меняю пробку в заднице Кса. Замочки с хлопком открываются и звук раздается по всему кабинету. Она подходит к моему столу и я встречаю ее взгляд. — Ты меня слушалась и пробка была все это время на месте, так как я тебе приказывал?

— Да, сэр, — Она краснеет.

Я должен продолжать давить на нее...спросить, ходила ли она куда — нибудь с пробкой в своей заднице.

— Ну и как?

— Большая. Чужеродная.

— Пришло время для другого размера. — Я достаю пробку еще большего размера из кейса.

— Здесь? Ты собираешься сделать это сейчас... прямо перед встречей внизу?

Я поднимаюсь. Она одета в свои привычные, убийственной высоты туфли, но я до сих пор возвышаюсь над ней и моя бровь взмывает вверх, когда я смотрю на нее, наслаждаясь румянцем на ее щеках, который становится еще ярче под моим суровым взглядом.

— Ты бы предпочла, чтобы я подождал и сделал это, когда вокруг будут сновать все сотрудники?

Она вздыхает и усмехается:

— Конечно, нет.

— Тогда следуй за мной, — я приказываю ей, направляюсь к столу для совещаний. Я бы подождал ее, и провел к столу, но я зол за то, что она свободно разгуливает по городу, в то время как я заточил себя по своей собственной воле. Я никогда не думал, что я стану каким — нибудь чрезмерно контролирующим идиотом, когда дело коснется девушки — но, б*дь, Кса имеет эту непоколебимую власть надо мной.

Когда я поворачиваюсь, она стоит прямо позади меня, и я чувствую запах ее духов. Ее аромат проходит сквозь меня и направляется прямо к моему члену. Я перехожу от состояния полустоячего к полностью готовому стояку.

— О чем Вы думаете, сенатор?

Она что дразнит меня? Я стискиваю зубы и решаю отплатить ей в ее же собственной самоуверенной манере.

— Подними юбку. И побыстрее.

Долю секунды ее глаза мечутся и она выгибает бровь, как будто видит меня насквозь.

— Чудненько.

Медленно она изгибается и тянет подол юбки вверх по своим стройным бедрам и я превращаюсь из самоуверенного и надменного в того, кто теряет самообладание. На ней пара подвязок и соответствующие им трусики.

— Повернись, — рычу я, сжимая пробку. Достāju бутылочку со смазкой и платок из своего кармана, фокусируюсь на умопомрачительном зрелище, которое она представляет, поворачиваясь и предоставляя вид на свою задницу, одетую в крошечный кусочек белого кружева, который вскоре может оказаться у меня в кармане брюк, если я не прекращу пялиться.

— Сэр? — спрашивает она, вызывающе глядя на меня через плечо, что могло бы восприниматься невинно, если бы она была полностью одета. Стоя так, полуобнаженная и предоставляя мне невероятный вид, я понимаю, что она совсем не невинна... она играет со мной в моей же собственной игре и моя маленькая саба побеждает.

Если она думает, что поставить меня на колени — это простая задача, то ей лучше обдумать это еще раз. Я обхватываю пробку пальцами, изо всех сил стараясь игнорировать чувство голода, которое словно огонь проносится по моим венам. Я отворачиваю крышку бутылочки, смазывая пробку и вижу, как она смотрит на меня, кусая губу. Так похоже на Кса, мысль о том, чтобы вытащить свой член и трахнуть ее пульсирует в моей голове, и становится все сильнее.

— Наклонись, ляг на стол и раздвинь свои красивые ножки. Без всяких «но» и дайте мне свою задницу, Мисс Кеннеди. — Теперь моя очередь злорадствовать.

Ее глаза сужаются, в то время как она отходит к столу. Она кладет ладони на гладкую деревянную поверхность, слегка наклоняясь вперед. Она все еще остается в вертикальном положении, ее подбородок вздернут в знак неповиновения, и я смеюсь.

— Согни и расставь свои ноги, маленькая саба. Если мне снова придется повторить, то в среду тебе придется ответить за все. Поверь мне, ты не захочешь добавить это в уже имеющийся список твоих ошибок, особенно после вчерашнего происшествия. И кстати, мое имя «Мастер».

— Это не моя вина, Мастер. Это было похоже на засаду, — она фыркает, глядя через плечо, затем останавливается, и видит, что я улыбаюсь.

Я хочу ее так сильно, что бесит, и надеюсь, что она даст мне повод продемонстрировать, кто здесь главный.

— Кстати о птичках, тебе лучше представить себе, что будет с твоей задницей, когда я возьму трость и пройду ей по твоим ягодицам за твой резкий тон. Б*дь, опустишься на стол, или я покажу тебе, что бывает с маленькими сабами, которые играют с огнем.

— Не угрожай мне, — парирует она.

Я подошел к ней с сильным желанием положить ее к себе на колени и показать, что все — таки значит «угрожать». Нажав ей на спину, я беру ее за шею, прижимаясь своей челюстью к ее лицу.

— Я никогда не угрожаю. Если мне придется трахнуть твой зад прямо сейчас, чтобы напомнить тебе, кто из нас двоих здесь Дом, то я сделаю это.

— А как же насчет правила никакого секса в офисе?

— К черту правила!

— Настоящий способ построить доверие, Мастер.

— Да. Поверь мне, если ты нарушишь правила, неважно какого хрена между нами происходит, то я научу тебя. Мое обещание тебе значит больше, чем все, что происходит в мире. Разве ты не слышала? Когда речь идет о тебе, я буду нарушать правила. Всякий раз. Есть только один закон, когда речь идет о тебе. Только одно, что существует. Ты моя. Вот и все, что имеет значение.

— Разве у меня нет права голоса? — шипит она.

Только не в моем случае. Я вдыхаю ее запах, который сводит меня с ума, когда прижимаюсь к ее мягкости. Я опускаюсь вниз, скользя пальцами по ее груди, затем еще ниже. Дергаю вверх ее юбку, я так близок к тому, чтобы разрешить ей говорить ... слышать мое имя на ее губах, в то время, как она стонет в экстазе. Я хочу раздвинуть ее ножки на этом столе и смаковать ее киску на завтрак. Я достаю свой телефон и делаю фотографии ее частично раздетой. Я массирую изгиб ее задницы и фотографирую! Делаю еще один снимок.

— Это мое, — резко произношу я, показывая ей, как мы выглядим. — У тебя есть что — то сказать... как тебе? Я мог бы трахать и фотографировать тебя.

Ее губы медленно открываются и ее полупрозрачные голубые глаза темнеют.

— Пожалуйста, — шепчет она и я чувствую, как дрожь проходит сквозь ее тело. На этот раз она не сражается со мной ожесточенно.

— Снимок и еще один, — Раздвигая бедра, она притягивает мою руку вниз к кусочку кружева у нее между ног.

— Ты еще не достаточно послушная. Я хочу, чтобы ты умоляла, Кса.

— Пожалуйста, Бен. Сфотографируй нас и трахни меня жестко.

— Это не мольба. — Я наклоняюсь к ее заднице и звонко шлепаю. — Перестань. Играть. В игры.

— Мастер, умоляю. Научите меня. Возьмите меня. Трахните меня жестко.

Ее голос и тело такие сладкие — все вместе олицетворение красоты, и я зарываюсь лицом в ее шею, наслаждаясь ее мягкостью.

— Я хочу тебя, — Я не кусаю ее, а наоборот оставляю синяк на ее коже, испытывая чистое желание. Эта женщина заставляет меня быть нежным. Небольшой искаженный образ вспыхивает в моем мозгу. Я не реагирую. Я провожу пальцами по упругой плоти ее живота — в моем мозгу вспыхивает искорка жестокости. На этот раз намного ярче — воспоминание из детства возникает с запахом едкого дыма и боли. Я не могу отогнать прошлое. Унизительные образы выбираются из скрытых уголков моей памяти, когда я ослабляю бдительность. Сжав челюсть, я заставляю себя перестать чувствовать. Что — нибудь

абстрактное. Существует только мое тело и тело Кса, в качестве моей сабы.

— Еще, — просит она и я впиваюсь пальцами в ее плоть, кусаю за шею, чувствуя горькое облегчение от ее крика.

Я делаю еще фото, двигаясь пальцами по ее влажности. Господи, это настоящая пытка. Я жажду ее. Становится все труднее и труднее противостоять тому, что я чувствую, когда я рядом с ней — я не могу выбирать, какие эмоции заглушить. Отодвигаясь от нее, провожу рукой вниз по ее бедру, видя, как она ложится на стол, повинуюсь мне. Полоска кружева между ее ножек — так заманчиво меня дразнит, я отодвигаю ее в сторону, и делаю еще одну фотографию с анальной пробкой.

— Так хорошо, — шепчет она.

— Ты принадлежишь мне. Скажи это!

— Я твоя. Вся твоя.

Она приподнимает бедра и я вынимаю пробку, фотографирую! Ее зад открыт, ее розовая плоть будто приглашение, и мой член впивается в ширинку. Щелк! Щелк! Я делаю несколько фотографий подряд, как я трахаю ее задницу своим пальцем.

— Это то, что я хочу. Ты. Открытая. Вся для меня.

— Бен. Пожалуйста. Ты мне нужен.

— Не сейчас! — отвечаю я сурово, не столько для нее, сколько для себя.

Я касаюсь кончиком пробки большего размера ее дырочки и она изгибается. Вот так. Моя саба такая отзывчивая. Мне нравится медленно вставлять пробку в ее задницу, затем доставать ее, вставлять и доставать. Я подношу свою руку к ней и проталкиваю ее в ее открытые пухлые губки, чтобы она слизала свое возбуждение с моих пальцев.

— Ты разрешишь мне фотографировать тебя... твою мокрую киску... так как я хочу.

— Да.

Я переворачиваю ее на столе, разводя ее колени в сторону.

— Покажи мне то, что принадлежит мне.

Откинувшись назад, она раскрывает губки своей киски для меня. Щелчок, я делаю еще один кадр. Она розовенькая и скользкая — ее клитор словно набухший комочек нервов. Я нажимаю подушечкой своего пальца на него, сильно потирая, и она вскрикивает от боли и удовольствия. Этот звук — это чистая Нирвана.

Я нажимаю сильнее и спрашиваю:

— Тебе нравится, когда я играю с твоей задницей? Когда я фотографирую тебя?

— Очень, — шепчет она, потираясь об мои пальцы. — Пожалуйста, Мастер!

Я хочу трахнуть ее. Жестко взобраться на нее и пометить ее как животное. Прямо здесь. Прямо сейчас. Но, б*дь, у меня от нее едет крыша и это не должно продолжаться. Она права насчет меня — мне плевать на правила. Как — то мне нужно прочертить линию, и не пересекать ее, когда дело касается ее. Обуздать свой неумный голод. Вот в чем суть этого урока. Чтобы я не пал в очередной раз перед ее колдовством.

— Вот и все на сегодня, — говорю я холодно и в награду слышу ее мягкий вздох. Но эта награда — пустая. Все, что я хочу — передо мной, это моя необузданная саба.

Бен сыплет проклятьями, затем наклоняется и целует меня в губы. Я выгибаюсь рядом с ним, прижимаясь животом к жесткой выпуклости его члена. Закусив губу, я хватаюсь за стол, постанывая, когда он поднимает меня.

— Вперед. Я буду ждать тебя внизу... скажем, через десять минут, — хладнокровно

произносит он, дергает подол моей юбки вниз, опуская ее с моей талии.

— Внизу, — я повторяю за ним, все еще находясь в сексуальном опьянении после того, как я раскрыла свою киску и свою задницу перед ним и позволила ему меня фотографировать. Всю меня. Я бормочу, пребывая в ошеломленном состоянии. — Вы уверены, что никто не узнает меня?

— Кса, ты была в маске и парике, — уверяет меня он, целуя в лоб. Я закрываю глаза при звуке его низкого голоса. — Твой секрет останется только со мной.

Я киваю. Он прав. И мне нужно привести себя в порядок, прямо сейчас! Открыв глаза, я сосредотачиваюсь на здесь и сейчас — убирая мысли о субботе на задний план. В моем мозгу итак роится чересчур много мыслей — давайте не будем сжигать все нервные клетки сразу.

Говоря об огне. Надо мной его тело горячее, как ад. Тепло не просто витает вокруг нас, оно закручивается в вихри, как будто я помешана на нем. Он кладет руку рядом со мной, прижимая свои губы прямо в то самое чувствительное местечко у меня на шее.

То самое... которое заставляет... меня... сходить с ума.

— Пожалуйста! — бесстыдно умоляю, прижимаясь к нему.

Затем бум.

Он отходит.

Время, что мы провели с ним этим утром, кажется длиной в миллиард лет. Отталкиваясь от стола, я чувствую, что плохо понимаю, что происходит. Поворачиваюсь и наши глаза встречаются. Его бровь изгибается в немом вопросе. Всего лишь изгиб его высокомерной брови, а такое ощущение, будто на меня вылили ведро ледяной воды. Господи. Электричество проходит импульсом сквозь мою грудь, отдаваясь в моих сосках, делая их твердыми в моем бюстгальтере. Я действительно больна им. Ощущая пробку в своей заднице, мое внимание переключается к опухшему и скользкому местечку между моих ног. Я опускаю взгляд на его губы и начинаю дрожать.

— О чем ты думаешь? — спрашивает он.

Он может переключиться словно фотоаппарат. Щелк! И он снова на деловой волне.

Как он это делает?

Любовник.

Мудак.

Святой.

— Я думаю, что уже поздно, — отвечаю я, пряча подальше то, что я жажду от него. Я должна прекратить вести себя так, как будто я воск, всякий раз, когда он прикасается ко мне. Это смешно, что все мои цели — черт побери, весь мой здравый смысл летят в тар тарары, когда он рядом со мной. Вся правда заключается вот в чем! Сейчас в его руках очень большое количество неприличных фотографий со мной, плюс во мне БОЛЬШАЯ по размеру анальная пробка... через два с половиной дня он будет трахать мою задницу. — Что ты собираешься делать с фотографиями? — спрашиваю я.

— Наслаждаться ими.

— Алё? Пора подумать своей головой. Вот этой! — Я указываю на ту, которая держится на его шее и рычу, — ФБР может вычислить твой телефон, если ты не забыл о своей настоящей цели ... Мистер Вице — президент.

— Только не этот, детка.

Я взглянула на его ладонь. Телефон, который у него в руке похож на него — или нет?

— Итак, у тебя есть два телефона. Зачем?

— Кто бы говорил. Разве у тебя не два телефона? Откуда, думаешь, у меня эта идея?

Я хмурюсь.

— Это из — за... я не доверяю своей семье.

— Я не далеко от тебя ушел в этом плане. Я не доверяю своему работодателю, но я доверяю тебе. — Он убирает другую пробку, завернутую в носовой платок.

— В смысле? — Я не понимаю, к чему он клонит.

— Мы можем поговорить об этом за пределами офиса... ты и я. — Он улыбается мне одной из своих хищных улыбок, и я напоминаю себе не рассыпаться.

— Да. Я понимаю намек. Особенно после вчерашнего и того, чему Вице — президент дала ход.

— Не такого рода разговор, — отвечает он, снова выгибая бровь.

— А какого рода? — И меня осеняет. — Слать секс — смски?

— Помимо всего прочего. — Вдруг он останавливается и смотрит на меня непреклонным и жестким взглядом — именно таким взглядом, от которого меня бросает в жар. — Мы могли бы просто писать друг другу сообщения и вести себя неприлично, говорить изредка. Вместо того, чтобы быть актерами... мы могли бы говорить то, о чем мы думаем.

Говорить то, что думаем? Что за бред. Если он узнает, что творится у меня в голове, он передумает так делать... я его стажер. Я — притворяющаяся его другом. Его секс — проект — я его «маленькая саба», как он называет меня, когда он настроен говорить грязные словечки. Есть и другие категории — жарче, чем ад, от которых я так же не могу просто находиться в разумном состоянии и в стоячем положении.

Сделав глубокий вдох, я кладу руки на бедра и откидываю прочь все свои эмоции. У этого человека всегда есть какой — нибудь план и мне требуется невероятная сила, чтобы идти с ним в ногу.

— Это о том, чтобы мы были друзьями? Похоже эта твоя идея из того же разряда, что и та нелепая интрижка, которую курирует Вице — президент. Что за слово она использовала? Придумали!

Я пытаюсь успокоиться и выработать план, что мне надо сделать, теперь, когда мои бабушка с дедушкой подружились с теми, с чьей помощью я по своей глупости полагаю смогу выстроить стены между своей семьей и мной. Тот факт, что ба и дед не разыскивали меня, совсем не похоже на этих двух. В их натуре сравнить все с землей, настолько в грубой манере, чтобы потом можно было легко обойти. Меня даже начинает мутить от перспективы того, что ба действует, не имея полного представления — это просто — на просто безумие!

Бен улыбается мне.

— Это о том, чтобы мы стали больше, чем друзья. Я напишу тебе номер телефона. — С этими словами он пересекает свой кабинет, направляясь в ванную.

Экстренное сообщение! Мне нужно сделать то же самое.

— Очень хорошо. — Я выдыхаю, иду к двери. — Не, то, чтобы я согласна стопроцентно на все, но сегодня утром у нас мало времени.

— Что это значит? — Он останавливается в дверях.

Открывая дверь, я беру за ручку.

— Мы можем попробовать. Побывать друзьями.

Зал имени Кеннеди является еще одним великолепным произведением архитекторов и мне сложно поверить в то, что я каким — то образом имею отношение к этой комнате, хоть и отдаленно по линии своего отчима. Здесь накрыт континентальный завтрак и я толкаю тележку, полную раздаточного материала, но нигде не вижу Беннетта. Я улыбаюсь, кивая людям рядом, и прохожу несколько огромных мраморных колонн. Глядя вверх на затейливые люстры, я вновь пребываю в восторге. Я вхожу в зал — Господи Иисусе!

Нора была права. Атмосфера накалена. Помимо непревзойденной способности Беннеттом воздействовать на обстановку, эта встреча Департамента иностранных дел в формате круглого стола отличается как день и ночь от того, что я видела в Бостоне. Он прямо здесь, его низкий голос вибрирует, когда он смеется и окружающие его также от души смеются над чем — то, что он сказал. Я стараюсь не глазеть на него или кто — то еще. Достаточно того, что с каждым шагом пробка в заднице напоминает мне, как он чувствовался во мне вчера — сегодня утром.

— Вам помочь? — спрашивает меня еще одна сотрудница.

— Спасибо, — говорю я, собрав кучу раздатки, которую она берет на ближайший стол, где несколько высокопоставленных лиц сидят и беседуют.

Единственный раз, когда я позволила себе взглянуть туда, где стоит Беннетт, и в тот момент он как будто читает мои мысли и поднимает взгляд, встречаясь с моим. Он улыбается мне. Сразу же, мои мысли рассыпаются, словно колода карт, брошенная в воздух, и мое лицо вспыхивает.

Оливер останавливает меня.

— Доброе утро. Дай мне немного.

— Эй. Как я справляюсь? — Я киваю двум сенаторам, которые остановились около меня, прося у меня раздатку.

— Потрясающе. Мы могли бы начать вовремя. — Он кому — то машет рукой, его взгляд возвращается обратно ко мне. — Ты будешь работать с той частью зала. Я возьму на себя вход и эту часть помещения. — Он наклоняет голову в сторону группы, что — то раздраженно шепчущей.

— Давай лучше ты. — Я протягиваю ему пачку документов, а затем убираю тележку в сторону, занимая свое место в то время, как свет гаснет. Женщина представляется как профессор в области международных финансов Джорджтаунского университета и рассказывает о торговой политике США с Кубой и Карибским бассейном.

Десять минут спустя, прислонившись спиной к стене, я вижу, как Беннетт благодарит модератора и начинает произносить свою речь. Помимо законодателей и прессы, присутствующие здесь — профессионалы высокого уровня — иностранные официальные лица с переводчиками, лоббисты, руководители компаний. Мне показалось или я привыкла к тому, что откровенность разговора лавировала, как говорится «на лезвии ножа», пока не заметила, как в зал входит Джексон Картер.

Я не верю своим глазам. Если бы я могла слиться со стеной и превратиться в лужу, то я определенно бы так и сделала. Он что — то говорит Оливеру, а затем садится около дальней стены. Я молюсь, чтобы он меня не заметил. И затем я выдыхаю от облегчения — Картер не узнал бы меня, даже если бы я сидела с ним рядом. Я в одежде — на мне нет маски и темного парика. Какая странная мысль, затем я оглядываю комнату и я понимаю, зачем необходима вся эта шпионская чушь в Доме.

В прошлую субботу я видела лицо Джекса, но все члены клуба в Доме носили

различные варианты масок и капюшонов. По правде говоря, оглядывая членов конгресса, находящихся передо мной, я бы не смогла никого узнать. И будем надеяться, что ко мне это также относится.

Мой телефон гудит, и я сжимаю челюсти. Я забыла его выключить. Я направляюсь к выходу и намерена просто отключить этот чертов аппарат... погодите, это Брук. Она написала мне. «Помоги. Срочно. Срочно перезвони мне!!!»

Глава 9

ДВУХ ЗАЙЦЕВ ОДНИМ ВЫСТРЕЛОМ.

Беннетт был занят на заседании круглого стола, поэтому я спешу домой, не видясь с ним остаток дня. Каждый час я звонила Брук, беспокоясь и чтобы быть уверенной, что с ней все хорошо — настолько хорошо, насколько она может быть, когда ее жизнь выходит из — под контроля. Мы уже столько пережили, росли вместе и ходили в одну и ту же школу, наши первые страдания и расставания. А теперь... это.

Открываю входную дверь, ожидая найти соседку на диване рыдающей навзрыд. Я иду по следу ее разбросанных вещей, который начинается уже в коридоре. Ее сумка на столе. Одна туфля рядом, вторая валяется около стены.

— Брук? — зову я, но ничего не слышу в ответ. Я иду по коридору и захожу в ее комнату. Она поворачивает свое зареванное лицо ко мне, оставаясь лежать, свернувшись калачиком.

— Эй, — говорю я, входя в ее комнату. — Как ты?

— Я больше не вою.

— Но как ты себя чувствуешь? — Я склоняюсь над ней, подбирая использованные носовые платочки и бросаю их в кучу на тумбочке.

— В полном раздрае, — говорит она, всхлипывая. Она вытирает рукавом нос, и я сажусь на кровать рядом с ней, не желая раздражать или давить на нее. Я протягиваю ей чистый носовой платок и откидываю в сторону ее челку.

Ее темные глаза наполняются чем — то похожим на страх, и мое сердце сжимается от ее вида.

— Что я могу сделать?

— Заставь все это прекратиться!

— О, Брук. Ты мало чего сообщила по телефону...

— Нет. Я и двух слов связать не могу не плача. — Она садится и прислоняется головой к изголовью. — Я просто плакала и плакала и плакала, выходя из кабинета врача. Я столько не плакала со школы. Помнишь день, когда я упала с турника и распорол подбородок?

— Да, ты приземлилась на меня, — отвечаю я, ероша ее волосы. Плач не привычен для Брук. Даже когда умерла ее мама, она стойко держалась — не пролила и слезинки на похоронах или погребении.

— Ну, похоже, я делаю это снова! — Она икает и закатывает глаза. От нее пахнет алкоголем, и я кидаю взгляд по ту сторону кровати, когда она наклоняется и поднимает стакан. Отодвинув в сторону подушку, она горько смеется. — Давай выпьем за мою способность все проеб*ть!

Она достает из — под подушки бутылку Nolet's Reserve.

Вот дерьмо!

— Ты ведь шутишь. Брук, отдай мне бутылку.

— Не волнуйся. У меня есть план, — фыркает она и откупоривает бутылку джина, прикладывая ее к губам.

— Я готова помочь тебе... сделать все, что ты скажешь. Но я не собираюсь стоять и смотреть как ты напиваешься. — Я встаю на колени и протягиваю к ней руку. Она пытается оттолкнуть меня, и хотя мы одинаковые и по росту и телосложением, я — не пьяна. Слава Богу! — Отдай. Ее. Мне!

— Нет! Пожалуйста, — кричит она мне в ответ.

— Тихо! — настолько нежно, насколько могу, я вытаскиваю эту чертову бутылку из ее рук, двигаюсь по кровати в сторону и бегу в ее ванную. Она не смотрит на то, как я выливаю джин в унитаз. Смываю, затем выкидываю пустую бутылку в мусорное ведро и рассматриваю свое отражение в зеркале. Я никогда не позволю подобному случиться со мной.

Когда я возвращаюсь к ней на кровать, я решаю, что нам пора поговорить.

— Какой у тебя срок?

— Два месяца. — Она шмыгает носом, копаясь в кармане своих джинсов. — Хочешь посмотреть УЗИ?

Она протягивает измятый клочок бумаги, и я беру его из ее дрожащих пальцев, раскрывая его. Я смотрю на темное изображение. Черное и белое. Первое фото ее будущего ребенка. Я не знаю, мальчик это или девочка, только то, что ему или ей два месяца. И что он крошечный.

Сколько вечеринок за последние два месяца посетила Брук? Невероятное количество!

Она встречается с мужчинами постарше и с недавних пор, занималась сексом с парами. Я должна спросить, знает ли она, кто отец? Я не могу заставить себя спросить о чем — то, что может навредить ей. Если она знает, она скажет мне...

Я отдаю обратно УЗИ, и сажусь на матрас рядом с ней.

— Расскажи мне о своем плане.

— Если ты пойдешь со мной... я собираюсь... — ее глаза наполняются слезами. Когда она моргает, они начинают литься по ее щекам и подбородку.

— Боже, да! — Я чувствую, будто не могу дышать. Мои глаза горят и я обнимаю ее, закрыв их, чтобы скрыть свои слезы, которые являются отражением ее боли. Она не должна видеть мои слезы. Для нее я должна быть сильной. Когда я восстанавливаю контроль, я отстраняюсь и смотрю на нее. — Я отвезу тебя. Я останусь с тобой.

— Медсестра дала мне номер телефона, чтобы позвонить. Когда меня запишут на прием, я дам тебе знать.

Мне нужна секундочка. Мгновение, словно мыльный пузырь, печаль все разрастается и разрастается, заполняя меня изнутри.

— Как долго ты должна будешь оставаться там?

— Процедура длится всего несколько минут... но на восстановление требуется несколько часов. Это быстро. Наверное, займет меньше времени, чем мне потребовалось, чтобы забеременеть, — заявляет она, глядя вниз. — Ты не спросила меня.

— Есть миллион вопросов, которые я не задала и не собираюсь задавать. Я здесь не для того, чтобы судить тебя. Мы с тобой как сестры, и ты всегда была для меня ей. Когда Патрик развелся с моей мамой и я узнала, что он не мой отец... бля, в принципе, весь мир узнал, что

у меня нет официально записанного отца — тебе было наплевать. — Черт, я, возможно, была маленькой, но я помню, сердитые взгляды, которыми на меня смотрели родители и даже няни... когда я ходила на свидания после школы. Я не понимала, почему я не получала никаких приглашений на вечеринки или ночевки после этого, кроме как от Брук. Пока я не догадалась, вернее не подслушала разговор моей бабушки о том, что моя мама забеременела, будучи незамужней. Мама никогда не говорила мне, кто мой отец — говорит, что она не знает.

— Все люди придурки, — ворчит она.

Сегодня вечером я не собираюсь спорить по этому поводу. Быть незаконнорожденным ребенком из Нантакета — уже это вызывает крайнее отвращение. Только избранные могут быть Стиллманами без отца. Если бы я была из другой семьи, никто и не поинтересовался бы, почему моя мать родила ребенка в перерывах между браками.

Я сжимаю руку Брук.

— Я хочу сказать, что я здесь для тебя. Не подвергать огласке твою историю.

— Для сведения, я думаю, что я знаю, кто отец ребенка и нет, я не скажу ему.

— Никогда?

— Ему плевать. Или, может, если и нет, то он бы хотел покончить с этим.

— Послушай. — Я пристально смотрю на нее. — Важно только то, что ты хочешь сделать.

— Мы обе знаем, что я вовсе не кладезь здоровых пристрастий.

— Что сказал врач?

Она хрустит пальцами и качает головой.

— Я не спрашивала. Нет смысла. Я не готова быть матерью. Я так сильно облажалась. Если бы не тот факт, что мой отец оставил мне кучу денег, то я бы была уже в тюрьме... или еще хуже. Я не собираюсь прекращать делать то, что я делаю. Даже будучи беременной. Я долбанутая на всю голову. Я ненавижу себя!

— Брук, не говори так! Ты мой лучший, лучший друг. Ты посещаешь университет и ты почти его окончила. Да, нужно сократить количество вечеринок по множеству причин. Но, для сведения, ты успешна. Твое сердце такое большое, доброе и щедрое. — Я обнимаю ее крепче и шепчу: — Нам обеим нужно собраться с мыслями.

— Звучит как какой — то тревожный звоночек. — Она прижимает руки к лицу, в то время как слезы льется сквозь ее пальцы.

Я крепко держу ее, пока она рыдает настолько сильно, что ее тело сотрясается, охваченное дрожью мышечных спазмов. Мы раскачиваемся, обнявшись до тех пор, пока ее слезы не перестают литься, и я уверена, что она не собирается сделать ничего навроде выйти из двери и поддаться желанию освободиться. Это то, что она обычно делает и как же я могу помочь ей воздержаться от повторения этого? Противозачаточные средства и думаю о себе. Я однозначно дитя, которое служит напоминанием того, что нужно быть стойкой. Мне было бы легче помочь ей. Если она согласится.

— Я могу приготовить тебе что —нибудь поесть? — Говорю я. — У нас кое — что есть.

— Съедобное?

— Я вчера ходила по магазинам. У нас есть все самого простого до более сложного. От соли, перца, оливкового масла до заполненного морозильника. Как насчет супа и салата? Ничего тяжелого.

— Конечно. Пожалуйста, — говорит она.

— Я быстренько приготовлю что —нибудь.

Когда я приехала сюда на прошлой неделе, ее холодильник и кладовая были пусты. Имея мать, которая употребляла коктейль «Грязный мартини», увлекалась витражами и металлическими конструкциями, я с детства научилась готовить. Ба и дед, возможно и платили за мое обучение в частной школе, но это готовка было моим. У моей мамы творчество превратилось в хобби, у нее был огромный дом и несколько квартир, доставшихся ей после разводов с тремя ее богатыми мужьями. После того, как я родилась, мои дед и бабушка лишили ее наследства. После того, как Патрик и мама расстались, у нас в доме не было прислуги. Я люблю готовить. Живя с Брук, у которой к группе основных продуктов относятся кофе, коктейли, и еда на вынос, я не против того, чтобы быть ответственной за покупку продуктов и быть поваром.

Пока мы говорили, я стащила резинку для волос с ее тумбочки, и стянула волосы в хвостик, готовая «зажечь» на кухне. Ее взгляд опускается с моего лица и она смотрит на меня, сдвинув брови.

— Милый шарфик, но на дворе лето.

Непроизвольно, я, должно быть, начинаю тереть шарф на шею и сразу же останавливаюсь. Я смеюсь, но звук скорее похож на пронзительный визг.

— Только не на Холме. Там только один сезон. Мне надо выглядеть строго.

— С каких это пор? — Она протягивает руку, стягивая с меня шарф и ее глаза округляются. Она проводит пальцами по моей шее, отодвигая шарф в сторону. — Чем ты, б*дь, занималась?

Я смотрю на нее, и судорожно выдыхаю, пожимая плечами.

— Ничем особенным. Я познакомилась с парнем.

— С парнем? Или чрезвычайно озабоченным вампиром!

— Он эксцентричный, — отвечаю я, чувствуя, как обжигающий румянец поднимается по моему лицу.

— Думаешь? Если он трахается так же дико, как и оставляет синяки... судя по тому, на что похожа твоя шея, то тебе лучше быть осторожной. Эти типы легко разрывают презервативы, и я не хочу, чтобы ты была следующей.

— Я не такая! — Срань Господня. Откуда она узнала, что такое случилось с нами в первый раз, когда все произошло у нас с Беном?

Брук поднимает руки в защитном жесте.

— Я просто предупреждаю.

Мой телефон жужжит. Я хватаюсь за сотовый, но на экране ничего нет. Какого хрена? Я кидаю взгляд на бардачок, и открываю его. Жужжит другой мой телефон. Я хмурюсь, но когда вижу входящий номер, то смеюсь. Это Ксавия и она делает то, что я ей предложил.

— Привет, что — то случилось? — Я сдерживаю смехок.

— Не совсем. Просто перезваниваю тебе, — говорит она знойным голоском, который заставляет мою кожу зудеть. — Как прошла оставшаяся часть дня или ты все еще там?

Уже десятый час, и только знала бы она, что я нахожусь внизу, припарковавшись у обочины. Спустилась бы она или сказала бы мне проваливать?

— Я по пути домой, — говорю я, глядя на ее квартиру. Я припарковался в соседнем квартале так, чтобы видеть ее балкон. Все окна, выходящие на улицу и одно с торца. Сегодня

я видел, как она ходила взад и вперед из своей гостиной, в, как я думаю, кухню. Ей потребовалось всего лишь несколько слов, чтобы я стал твердым, и единственным моим желанием было найти ее. Сорвать одежду с ее тела, затем потеряться в ней, удерживая ее за стройные бедра, в то время, как я буду скользить внутри нее. Похоронить свой член в ее киске на долгие часы пока она будет лежать подо мной. Позволяя мне владеть тем, что является моим.

— Детка, я ...

— Пожалуйста, Беннетт. Не говори это, — она умоляет, и я потрясен тем, как на грани звучит ее голос.

— Ксавия, что случилось?

На другом конце провода тишина. И она все тянется и тянется. Что — то случилось в офисе? Стук в ушах становится все громче и я выпрямляюсь. Теперь, я наклоняюсь вперед, глядя на ее квартиру. Мои мышцы напрягаются, а пульс ускоряется. Этот надрыв, который слышен в ее словах действует как катализатор на мою навязчивую идею обладать ею 24/7. Да пошло это сидение в машине! Я быстро прикидываю шансы швейцара остановить меня по пути к лифту. Если я войду в вестибюль, я справлюсь с ним, не задумываясь, рискуя тем, что он вызовет полицию. Повторение того, что произошло в Гарварде. Это может обрушиться на Ксавию после того, как она попросила меня, не усугублять ситуацию.

После вчерашнего, репортеры держат ухо востро по поводу того, что Кса и я являемся «друзьями». Сейчас в Вашингтоне лето и основная масса Конгресса в отпусках. В то время, как расцветают пышностью газоны вокруг Белого дома, сплетни вокруг Капитолия иссякают. Если я ворвусь в ее дом — это определенно нарушит стратегию того, чтобы держать ее бабушку и дедушку на расстоянии от всего происходящего и в стороне от нее. Репортерам это нравится.

Я закрываю глаза, стискиваю зубы, заставляю себя успокоиться.

— Это защищенная линия. Поговори со мной. Что — то случилось на работе? Я слышал что Вице — президент дала задание Секретной службе переделать твоё удостоверение.

— А, это, — выдыхает она. — Да, правда, теперь у меня зеленый допуск. Официальный сотрудник. Надеюсь, остальные в офисе не расстроены.

Я открываю глаза и хмурюсь.

— С чего они должны быть расстроены?

— На Холме есть такое понятие, как «зависть из — за цвета удостоверения». Перейти от красного цвета удостоверения к зеленому одним махом не просто.

— С этим будут проблемы?

— Не совсем, если я не буду демонстрировать свой новый статус всем, кого бы ни встретила. На самом деле, это круто. Иметь круглосуточный доступ в офис. И теперь, когда ты изменил мой новый статус, могу ли я воспользоваться возможностью гибкого графика работы? Немногим ранее я позвонила Норе и спросила ее. Она сказала обратиться к тебе.

Так, все, что беспокоит мою молчаливую и упрямую маленькую сабу не имеет отношения к работе — но влияет на ее график. Я обдумываю ее просьбу, и тот факт, как мы можем использовать ‘гибкий график’ в нашу пользу. Я отодвигаю подальше свое нежелание использовать нездоровый метод манипулирования, но Кса заставляет меня воспользоваться каждым имеющимся преимуществом. Убить двух зайцев. Разговор о ее работе вместо того, чтобы сказать правду о том, что ее беспокоит, и я ведусь на это.

Откидываясь назад, смотрю на окна ее квартиры, надеюсь увидеть ее.

— Это зависит кое от чего. Я спрашиваю тебя, как твой Дом, скажи конкретно, что тебя беспокоит.

— Ты используешь просьбу о гибком графике работы как рычаг давления на меня? Забавно, Бен.

Я резко вдыхаю из — за ее упрямства и от того, что она только что прихватила меня за задницу, называя при этом расчетливым мудаком. Я рычу сквозь зубы.

— Б*дь, Кса. Ответь мне на чертов вопрос. Или ты хочешь, чтобы я превратил это в урок покорности? — Спокойно, Бен. Господи, я обычный пример того, что я не умею вести переговоры с этой женщиной.

— Ты переходишь границы. Типичный Макиавелли, — отвечает она. [Прим. пер. — Исторически Макиавелли принято изображать тонким циником, считающим, что в основе политического поведения лежат выгода и сила, и что в политике следует опираться на силу, а не на мораль, которой можно и пренебречь при наличии благой цели]

Гневно, я тут же отвечаю ей:

— Я бы не вел себя как первоклассный урод, если бы ты поговорила со мной. — Черт, я решаю взять себя в руки и попробовать снова. — Детка, скажи мне, что тебя беспокоит.

Вместо легкомысленного ответа, она выдыхает.

— Ты прав, у меня стресс, но это не имеет ничего общего с работой. Моя соседка плохо себя чувствует. Все сложно... я бы хотела... я... помочь ей.

Услышав, как она заикается, я сжимаю челюсти, запуская пальцы в волосы, думая о женщинах. Христос, если бы мой друг заболел... простудился или еще какое — то там дерьмо, я бы навестил его только тогда, когда ему стало бы лучше, а не мешался бы ему. Но у девчонок все по — другому. Зная Кса, конечно она бы беспокоилась, если бы кто — то о ком она заботится, заболел.

— Что случилось с твоей соседкой? Ей нужно к врачу или ее надо отвезти в больницу? Я буду у вас через секунду.

— Эй, начальник крестоносцев. Притормози.

Если бы она только знала, насколько уязвимым я был из — за нее.

— Кса. Я могу помочь. Если ты позволишь мне.

— Беннетт, спасибо за беспокойство. Она будет в порядке. Все очень не просто сейчас, и ей нужен кто — то, кто бы присматривал за ней. Ее семья не очень поддерживает ее эмоционально.

— Тебе нужно взять отпуск, чтобы помочь ей? — А наблюдаю за ее окнами и вижу, как темная тень мелькает по стене, двигаясь в сторону двери на балкон, и, наконец, я вижу ее светлые волосы. Подняв бинокль, я наблюдаю за ней. Слежу за женщиной, с которой, как мне кажется, я не могу разорвать связь.

— Спасибо, но нет. Я приготовила ужин, и сейчас прибираюсь.

— Ты готовишь? — На секунду опускаю бинокль, затем поднимаю его обратно к глазам. — Как в ресторане?

Она смеется, и я вижу, как она накручивает свой золотистый локон на пальчик, стоя и смотря сквозь дверь балкона.

— Да. Я на самом деле люблю готовить. Это меня расслабляет.

Черт, я хочу выйти из машины и подкрасться поближе. Я сделаю все, чтобы удержать ее на линии, разговаривая со мной, впуская меня в свою жизнь, и просто слушая ее смех. Должен ли я сказать ей, что я жду ее?

— Ты уверена, что ты в порядке? Твоя соседка в порядке?

В ответ стоит тишина, и я смотрю на нее в бинокль, видя, как она закрывает на секунду глаза. Она устала от моих вопросов? Потом она улыбается, прижимаясь лбом к стеклянной двери и, кажется, изучает ночное небо.

— Сейчас уже лучше. Что насчет вас, Сенатор? Как продвигаются переговоры? Мировая экономика. Не праздная болтовня. Ты сам довольно напряженный. Да?

— Это идиотизм, — я выпрямляюсь, глядя на нее. Наслаждаясь ее видом, стоящей и одетой в шортики и крошечную рубашку. Я навожу резкость на бинокле, пожирая глазами ее сиськи. — В большинстве своем это... в лучшем случае выпендрож. Но я доволен. Мы сгладили некоторые неровности в отношениях. Решили более серьезные вопросы... которые мешали нашему доверию.

— Один ноль в пользу команды хозяев! — Она смеется и я очарован ее выражением лица.

У нее такая улыбка, как у сирены, и, в свою очередь, мне нужно больше того, что она мне дает. Эта часть ее мягкая, словно лепесток — открывается мне. Это кажется реальным. Это кажется нормальным — несмотря на то, что я сам я инвалид.

— Президент отправил письмо на электронную почту. Поздравляет мою команду. В том числе и тебя, Ксавия.

— Меня? Я ничего не сделала. — Она выпрямляется, затем отвечая, поворачивается, и я снова стискиваю зубы. Кса уходит из поля зрения и молча, я призываю ее вернуться обратно.

Опустив бинокль, я откидываюсь на подголовник, и произношу хриплым голосом:

— Больше, чем ты считаешь.

— Это означает, что появится смонтированное фото Сенатора с прессой?

— Возможно. Ты видела фотоотчет с обеда в саду Райан?

— Совсем немного из того, что я ожидала увидеть. Должно быть PR команда Вице — президента соответствует основам консервативных взглядов. Меня не впечатлили ни фотографии, ни мелкие детали, которые были упомянуты. Отчет был довольно спокойным, учитывая то, насколько в воскресенье днем они могли распространиться о факте, касающемся нас с тобой.

— Не впечатлили? Насколько я понимаю, мы далеки от возбуждения.

— Скажи мне что — то, чего я не знаю. — Она смеется.

Осматривая улицу, я подбираю правильные слова. Ищу слова, которыми я могу сказать, чтобы передать, что я хочу большего от нее — от нас — подобно этому. Черт с ней с прессой, с Вице — президентом. Или с кем — либо, кто встанет между нами.

И вот тогда я вижу его. Колин Стиллман. По крайней мере, я думаю, что это он — этот ее херов кузен. Я поднимаю бинокль и фокусируюсь на нем и дерьмо. Он похож на того пидораса из Гарварда — такой же бесполезный тунеядец, указанный в отчете Арчера, который присылает мне зашифрованное сообщение. Я наблюдаю за тем, как он останавливается перед входом в ее дом. Он курит, и я жду, чтобы увидеть, какого хера он задумал. Мудак достает сотовый и звонит. Что — то говорит и смеется, но не двигается с места, чтобы войти внутрь, даже после того, как он швыряет окурок на землю. Похоже, он делает несколько фото на свою камеру, а затем оглядывается, как будто пытается сориентироваться. Он не заходит вовнутрь, а направляется туда, где я впервые заметил его. Он пиявка и средство передачи информации для Грации и Стэна Стиллманов.

— Я скучаю по тебе. Очень, — говорю я ей, мой пульс барабанит в моих жилах. Мудак

Колин засовывает свою руку в карман, пересекая тротуар, и обходит вокруг автомобиля. Мигают фары и он открывает дверь, запрыгивая вовнутрь.

— Хорошо. Потому что я тоже скучаю по тебе, — шепчет она. — Беннетт, я лучше пойду и проверю Брук. Наверное, мы завтра не встретимся с тобой.

— Что ты имеешь в виду? — У меня есть секунда, чтобы решить, перед тем, как он заводит двигатель своего авто, надо ли мне проследить за ним. Почему бы и нет? Я запускаю двигатель своей машины. Когда он отъезжает, проезжая мимо меня, я разворачиваюсь посреди улицы. Это риск, что Ксавия может смотреть из своего окна. Вероятно, что она заметит мою машину.

Я бы не волновался, если бы мой автомобиль так не выделялся, но не каждый хочет почувствовать жажду скорости, так, как хочу я. Меня, устраивающего гонку в стиле ГТО сложно посчитать незаметным, но, к счастью, у Ferrari есть свой шоу — рум в Вашингтоне. Если она заметит меня, то я буду отрицать это. Буду скрывать правду, говоря, что не один я такой идиот, разъезжающий на подобном монстре.

— Твой график расписан на весь день завтра. После обеда ты в офисе. Несколько встреч по поводу предстоящей поездки. Пока без изменений.

— Слушай, давай я перезвоню тебе. Ладно? — Я держусь за руль, переключаясь на третью.

— Да. Это звучит здорово.

Мы разъединяемся и я еще не оправился от того, что только что разговаривал с ней. На протяжении квартала, я остаюсь в пятнадцати или около того ярдах позади него. Держа в руках телефон, я пишу сообщение Арчеру, чтобы он достал мне всю информацию, какую он сможет достать на этого тупого придурка, и что у того на уме, а также объяснить его последнее сообщение. Я добавляю газа, фотографирую номер его машины и отправляю фото Арчеру, получив подтверждение того, что мое сообщение дошло до него.

В течение следующих двадцати минут, я еду за Стиллманом через весь Вашингтон до тех пор, пока он не оказывается на улице Вирджиния, а затем не исчезает в подземном паркинге в комплексе Уотергейт.

— Сукин сын! — я резко нажимаю на тормоза и стою так в течении пары секунд, пока подъехавший сзади автомобиль не сигналил мне. Я качусь вниз по кварталу, предчувствуя гнев Кса (если она узнает, что я копаюсь в ее семье) направленный против моей неуемной жажды выяснить все о ней. Мой пульс грохочет еще сильнее, в то время, как я убеждаю себя не вести себя как собственнический идиот. Вскрываются некоторые моменты и эта режущая необходимость в ответах стучит во мне так, пока я не начинаю чувствовать, что вены на моих висках готовы взорваться. Всего лишь одно сообщение, которое заняло все мои мысли. Мне надо выяснить, что, черт возьми, Стиллман собирается делать.

Хватаю мобильный, набираю один номер.

— Арчер, — рывкаю я, когда он отвечает. — Черт! Наконец — то!

— Чувак, ты умеешь подбирать слова. Тебе кто —нибудь говорил об этом?

Глава 10

Я ТВОЙ ДОЛЖНИК.

Отходя на цыпочках от двери Брук, я дохожу до конца коридора и затем выдыхаю.

Наконец — то, она уснула, скоро придет Джон.

Брук и я не спали всю ночь, разговаривали, плакали, и, смотрели фотографии в фотоальбоме, которые она периодически маниакально пересматривала, отображающие ее жизнь с момента ее рождения. Наверное, из — за того, что вести альбомы начала ее мама, они ее наследие, и это то, как она держит связь с умершей мамой, которая оставила напуганную и грустную дочь. Я моргнула, чтобы избежать жжения в глазах, расстроенная, что сама в слезах — эмоционально неустойчивая. Появится на Холме в плохом виде — это глупость несусветная. Я просто устала и мне нужна внушительная порция кофеина.

На кухне я наливаю чашку эспрессо и изучаю серебристые завитки света, которые ползут вверх по небосклону. Я прикидываю, если я сейчас пойду на работу, пока еще не поздно, и пропущу обед, я вернусь домой к середине второй половины дня и могу сделать также и завтра. Мне еще нужно выяснить, с кем еще я могу договориться, чтобы помочь в деле с Брук.

Легкий стук в дверь, и я стремительно бегу из кухни, через гостиную, и когда ударяюсь пятками по гладкому полу в коридоре, начинаю скользить. Я хватаюсь за дверную ручку, молясь, чтобы Джон не начал нетерпеливо и отчаянно колотить в дверь.

Распахнув дверь, я тяну его внутрь и шепчу:

— Спасибо, что пришел так быстро. Я твой должник.

— Мы будем квиты, если ты сможешь организовать мне личную встречу с Сенатором Стоуном. — Он смотрит на меня и затем рычит: — Что, бл*ь, происходит? Ты ревела!

— Снова приступ аллергии, — мямлю я, чувствуя, как живот резко опускается. — Что случилось с Картером?

— Ничего — у меня есть небольшая зацепка. Но чувак беспрестанно работает. Я пытаюсь расширить свою сеть. Все крутится вокруг разговоров, раскопки нового и сплетничества Я не должен объяснять это тебе.

Мои щеки начинают гореть.

— Я узнаю у Стоуна. Но дай мне несколько дней. Я простой служащий там.

— Вряд ли, солнышко. Ты была у Вице — президента — или тебя не было там в прошлое воскресенье?

Я застываю.

— Координатор Стоуна по связям с общественностью ушла в декретный отпуск. Я просто замена. Поверь мне, это было похоже на то же самое, что посетить моих бабушку и деда.

Как ни странно, Джон выглядит совсем не удивленным этим и даже ни о чем не спрашивает.

— Я побуду здесь до девяти, но потом у мне надо повернуть свои делишки на Холмах, — говорит он равнодушным тоном и даже громче, чем надо.

— Тише ты! Брук спит. — Я закрываю ему рот рукой, и когда он кивает в знак согласия, я убираю руку. — Так — то лучше.

— Должен ли я охранять ее около двери, или я могу присесть в гостиной?

— Остроумно. — Я беру его под руку и тащу вперед.

— Что происходит? Или я должен спросить, насколько плохо ей на этот раз? — спрашивает он меня, менее дружелюбным тоном.

Философский вопрос и как много я могу рассказать? Он и Брук не такие близкие друзья — они «якобы» друзья. Мы тусуемся вместе, и иногда мне кажется, что мой чересчур —

доминирующий — приятель немного ревнует к Брук. В целом, мы втроем знаем друг друга со школы. В пятнадцать, Джон, как необычная личность и без сомнений гей с великолепной внешностью был замечен нами. Когда Брук решила, что он социально подходит нам, она включила его в ее список приглашаемых на сумасшедшие вечеринки.

Будучи подростками, мы с ним сблизились. Мы сделали больше, чем просто тусовались вместе — мы подружились, что включало в себя обмен мельчайшими подробностями нашей жизни. Он знает мои секреты, а я знаю его — которых не так и много. Не совсем. Его родители до сих пор женаты, оба являются учителями, и он ходил в подготовительную школу за счет гранта. Он работал с тех пор, как я встретила его, он мой якорь, который держит меня.

Может потому, что он не входит в ее «список избранных», он чувствует себя обделенным.

Черт, иногда я тоже чувствую себя так же, когда Брук сметает все на своем пути, но я понимаю ее. У нее есть причины ходить с неприступным видом. Это не потому, что она высокомерна или получила столько денег, что не обращает внимания на других людей и их проблемы — она просто скорбит и не может справиться со своим горем. Ее жизнь вышла из — под контроля, когда ее мама умерла, а ее отец сошел с ума, и еще не выздоровел. Ее равновесие сомнительно, очень сомнительно. Она не позволит каждому вторгнуться в ее мир, а я не могу рассказать ее секреты.

Вздыхнув, я смотрю на Джона, и улыбаюсь натянуто, не сказав, зачем я позвала его. Пригласила в знак одолжения, обещая ему больше.

— Ты используешь метод телепатии, чтобы ответить на мои вопросы? — спрашивает он.

Я закатываю глаза, и неопределенно начинаю.

— Помнишь, когда я дала тебе ключи от квартиры мамы в Вейле? Считай, что это возврат долга. Плюс, если ты придешь завтра, я буду должна тебе еще неделю в горах.

Он останавливается и хмурится.

— Иисус Христос. Что с ней такого?

— Джон, — я усмехаюсь. — Все довольно сложно.

— Херня. Не увиливай, почему бы просто не прийти и не рассказать, зачем мы ходим вокруг да около, как будто это гробница.

Я встречаюсь с его пристальным взглядом и пожимаю плечами.

— У Брук бывали времена и получше.

— Ее снова направили на реабилитацию? Ты не ее нянька... ты понимаешь это? — Он смотрит на меня, не мигая, бросая мне вызов.

— Чья бы корова мычала! Горячая новость: а ты не моя, — парирую я.

— Заткнись. Я забочусь о тебе, — отвечает он изумленно.

— И?

Мы смотрим друг на друга, и я чувствую, как мое лицо до кончиков волос обжигает волной жара. Кажется, будто прошел год, с того момента, как мы начали смотреть друг на друга и я не собираюсь уступать, глядя на него, будто вся моя жизнь зависит от того, что я сохранию эту тайну. До тех пор, пока он не сдастся первый.

Потерев ладонью лицо, он качает головой.

— Ладно, хватит уже столкновения лбами. Я понимаю. Вы обе прошли через многое.

— Да, тогда тебе не следует совать свой нос. Для этого достаточно просто сделать

доброе дело... хорошо?

— Не только. Но бл*ь, если вы отвалите от меня, то хорошо. — Он скрещивает пальцы, словно он какой — то уставший бойскаут, принимающий присягу: — Я обещаю присматривать за ней. Я сделаю вид, что она — это ты. Лучше?

— Будет, но только скажи, когда, — напоминаю я ему. — Я буду всецело в твоём распоряжении.

— Ооо, даже и не сомневайся ни на секунду, мне это не потребуется. Организуй мне встречу с твоим боссом, и мы квиты. — Он подмигивает мне и следует в гостиную, медленно обходя все по кругу. — Довольно роскошно.

— Ты в первый раз здесь, после того как она здесь все переделала? — спрашиваю я.

— Переделала? — Он пристально смотрит на меня, приподняв бровь.

— Да. Перед тем, как я приехала, она решила на этот современный европейский дизайн в стиле «Люкс» в интерьере. — Я чешу лоб. — Ты не помнишь, раньше здесь был темный интерьер? Стены цвета бургундского вина. Граничащие с готическим стилем.

— Интересно. — Он хмурится. — Хотя, нет. Официально, это первый раз, когда я здесь. Я не жалею. Брук и я вращаемся в разных кругах. Ты объединяешь нас, милая. Всегда так делала.

— Не раз. Ты уверен? — Я ошеломлена услышать то, что они ни разу не тусовались вместе. Они оба живут в Вашингтоне, он живет здесь уже пару лет, и когда я приезжала сюда раньше, я останавливалась везде, но, естественно, я останавливалась и здесь, и он навещал меня.

Он резко качает головой в ответ.

— Я определенно уверен. Теперь, прочь отсюда! Я здесь не для того, чтобы обсуждать этот вопрос.

— Точно, — отвечаю я, и подхожу к нему, чтобы быстро обнять его и проинструктировать, чтобы он позвонил мне перед отъездом. — В холодильнике полно еды. Я только что сварила кофе. Ты лучший.

Я ухожу, направляясь в гараж, и изучаю приложение по навигации на своем мобильнике, пытаюсь представить план города.

Ксавия находится в Вашингтоне пять дней, и я принял окончательное решение. Я одеваюсь, завязывая галстук, и выглядываю из своей гардеробной в сторону спальни. У меня есть домработница, которая приходит каждый день, но все, кроме простыней на кровати, находится в порядке. Заперта только моя спальня. И только со вчерашнего дня. Я смотрю на фотографии Ксавии, которые я сделал в моем кабинете, те, которые стоят на комодике справа от меня, и я снова становлюсь твердым.

Прошлой ночью я дрочил в постели, уставившись на фотографии на цифровой фоторамке, пролистывающей изображения ее бедер и ягодиц, распростертых для меня. В одиночку, я вспоминал, как врывался в ее мокрую киску и насколько сильно она дрожала вокруг моих пальцев, и как умоляла меня трахнуть ее. А потом я дрочил снова утром в душе, вспоминая еще больше о том, как я обладал ей, помечая ее, и что я планировал сделать завтра вечером, когда я войду полностью своим членом в ее попку.

Ебать. Я опять готов к очередному раунду удовлетворения своего собственного члена, чтобы облегчить влияние, которое она оказывает на мое тело и разум. Я сгребаю снимки, которые валяются в творческом беспорядке.

Ее тело готово, открыто и жаждет меня. Она все, что мне нужно, что я хочу брать каждый чертов день. Теперь с внезапным изменением в моем расписании, я готов порвать кого — нибудь на мелкие кусочки. Мои планы быстро съездить туда и обратно в Кубу заставили меня оказаться во главе делегации после вчерашнего круглого стола, принесшего нам огромный успех. Через пару недель, я буду выступать перед президентом, и моя задница будет под прицелом, пока я буду закладывать основы для иностранной экономической помощи и возобновления торговых переговоров с кабинетом Кастро, а также налаживать связи с посольством в Гаване.

Я не удивлюсь, если Вирджиния была той, кто предложил мою кандидатуру в качестве основного представителя. Еще больше чертовой показушности для ее кампании. Стискиваю зубы, складывая фотографии и иду в свободную комнату, где у меня есть закрытый шкафчик. Если Вице — президент хоть на мгновение верит в то, что я у нее в качестве нового представителя Конгресса, она будет крайне удивлена.

Открывая шкаф, я убираю фотографии в конверт. Беру пакет с игрушками, которые я купил для своей маленькой сабы. Прошлой ночью, после слежки за Колином и звонка Арчеру, я сделал крюк и приобрел несколько приспособлений для моего и Ксавии удовольствия. Держа пакет в руке, я выхожу и запираю дверь кабинета. Это вторая дверь в моей квартире, которую я держу запертой на ключ, и я не уверен, что будет со мной, если меня настигнет разоблачение. Вернувшись в гардеробную, надеваю пиджак и беру телефон. Я набираю сообщение Джексу, что я не могу пообедать с ним.

Следом набираю сообщение Ксавии: «Будь готова к сегодняшнему дню. Можешь подъехать к 7:00 утра, чтобы помочь мне? Гибкий график».

Моя ложная скучная жизнь душит меня, а из — за кузена Ксавии в равной или меньшей степени теоретически никчемная, я снова пришел к выводу в очередной девятимиллионной раз пригласить ее сюда. Арчер сказал, что в последний момент он собрался на несколько дней заняться другим дерьмом, и он вернется к моим вопросам, как только он нападет на след, ведущий к Стиллману.

Выходя из своей спальни, я должен привести мысли в порядок в связи с тем, что сегодня у меня день слушаний в Сенате. В моем расписании указано, что я возглавляю два подкомитета. Я готов к битве с оппозицией, будучи одним из влиятельных членов, раздувающих войну, если я смогу сконцентрироваться хотя бы пять секунд.

Мой сотовый молчит. Еще немного, и если она не может, я придумаю способ, как я смогу встретиться с ней и разобраться с вставленной в ее попку пробкой. Я не хочу причинить ей боль завтра вечером, когда буду брать ее в попку, еще две пробки одна больше другой смягчат ее дискомфорт. Направляясь на кухню, думаю о том, что она сказала о приготовлении пищи. Господи, когда было в последний раз, когда я готовил что — нибудь поесть, и это не включало в себя готовку в микроволновой печи? Ответ на этот вопрос не приходит в голову, и, прежде чем я смогу мысленно начать вести беседу с самим собой, жужжит мой телефон.

Она прислала мне сообщение. «Я уже в офисе и отвечаю на письма. Я могу тебе чем — нибудь помочь, чтобы подготовиться к слушаниям? Готова сменить тему».

С тех пор как я стал получать смс — ки на свой обычный телефон, я должен контролировать свои ответы. Я не могу спрашивать ее, известно ли ей, что ее ублюдок кузен ошибался вчера вечером возле ее квартиры. «У меня сегодня законодательные споры и свидетельские показания. В этом плане я силен. Если можно, мне нужен переводчик на

следующей неделе, чтобы разобраться с документами, которые должны прийти мне. Наладить контакты. Можешь кого —нибудь предложить?».

«Язык... регион?» Снова отвечает она.

«Де — факто языком является испанский».

Она отвечает моментально. «Я могу справиться с этим. Местоположение?»

«Гавана. Куба, но также курс на Доминиканскую Республику. До встречи». Это больше, чем я обычно пишу в сообщениях, но это не перебор — я менее общителен, чем большинство сенаторов по отношению к своему персоналу.

В такой час поездка до Холмов проходит быстро. Я вхожу в свой офис, здесь темно, за исключением уголка в конце коридора, откуда льется свет из временного офиса Ксавии. Неожиданно приступ резкой боли появляется у меня в груди. Майра ушла в декретный отпуск до дня Благодарения, и, учитывая, что Ксавия теперь является полноценным сотрудником, работающим в качестве моего пресс — секретаря наполовину, мне интересно, на что она пойдет, чтобы закончить учебу.

— Доброе утро, — говорю я, входя в ее кабинет. — Можно тебя на минуту?

Ее глаза смотрят в мои, не моргая поверх очков, в то время, как я расстегиваю и снимаю пиджак. Я буду удерживать ее, допрашивая об университете. Она выглядит уставшей, и я сразу задаюсь вопросом, а вдруг ее соседка все еще болеет. Я вешаю пиджак на спинку стула напротив ее стола, наблюдая за ней.

— Дома все в порядке?

— Да. А у тебя? — Она слегка приподнимает бровь и встает, в свою очередь, скидывая свой пиджак. Плавно бросает его на стул и также плавно двигается ко мне, сейчас только я один пялюсь. Она покачивает бедрами из стороны в сторону, на ней платье с запахом, которое она начинает развязывать. Черное и облегающее ее изгибы. Я представляю, как распахиваю ее платье и использую его для того, чтобы привязать им ее к стулу, раздвинув ноги и дразня пальцем ее клитор.

— У тебя есть что — то... целомудренно скрытое, что не дает мне по сути дела кончить в штаны?

— Это будет чем — то похожим на то, что было вчера?

Мое сердцебиение ускоряется при звуке ее мягкого голоса, и я скольжу своим взглядом вниз по ее телу.

— Как сказать. Хочешь, чтобы так оно и было?

— Я хочу вас и я не хочу, чтобы вы дразнили меня, Сенатор.

— Мы одни, по крайней мере в течении часа... может и больше. — Я на грани того, чтобы предложить ей возможность встречаться рано утром в моей квартире для быстрого перепиха, но затем я хмурюсь. Резко выдыхаю, — Дерьмо.

— В чем дело? — Она останавливается, развязывая свое платье, пока я захопываю дверь, запирая ее.

У меня нет плана, но у меня есть опыт. С ней частично одетой, шансы сделать что — то, довольно высоки. Гарантированно высоки. Но сначала я должен спросить ее о Колине.

Сделав три шага, я оказываюсь перед ней и обвиваю свои пальцы вокруг ее плеч, обхватывая ее шею большими пальцами. Ее тело ощущается невероятно таким образом, и все, что мне надо сделать, это прижать ее ко мне. Расстегнуть ширинку. Скользнуть в нее, в нирвану — я стискиваю зубы, потирая большими пальцами ее ключицу, говоря себе, чтобы

надо сперва поговорить. А уж потом наслаждаться ей.

— Твой кузен, — я шиплю сквозь зубы.

Бля, я собираюсь признаться ей, что находился у ее дома, в тот момент, когда мы представляли «нас» как единое целое. Время, когда предполагалось, что мы научимся доверять друг другу. То, что осталось от моего здравого смысла отчаянно раздражает. Могу ли я так рисковать, разрушая хрупкий мост, возникший между нами, это священное место, куда она впустила меня в свой мир?

— Ты имеешь в виду Колина? — Она закусывает губку и смотрит на меня.

— Да... — помедлив, я передумываю.

Мой пульс ускоряется. Я хочу ее. Без всяких тайн. Мы в тридцати восьми часах от момента, когда я заявлю на нее права одним из самых интимных способов Дома. Каждая клеточка внутри меня кричит, что у меня нет прямых доказательств того, что он задумал, и если она вызовет его на ковер — он поймет, что за ним следят, а это в свою очередь уничтожит все мои шансы выяснить, что это мразь задумала. Здравый смысл — или, скорее всего, мой бестолковый член требует, чтобы я промолчал. Не признаваться ей в том, что у меня есть увлечение преследовать ее, сидя в машине около ее квартиры.

Я уже выругался вслух, поэтому я не могу притвориться, что праздное любопытство по отношению к Колину витает в моем мозгу. Я запускаю пальцы в платок, который она носит, чтобы скрыть следы укусов, которые я оставил на ее шее.

— Он предпринимал какие — нибудь попытки связаться с тобой... ну знаешь, после прошлого раза? В Гарварде?

— Зачем? Неужели Вице — президент сделала что — то еще? Господи, Бен!

— Погоди. — Я отпустил ее шарф, обхватывая пальцами ее за плечи и слегка встряхиваю ее. — Просто расскажи мне о нем.

— Колин Стиллман — придурок. У него нет никаких дел в Вашингтоне, но я сомневаюсь, что эта мелочь помешает ему посетить этот город. А почему ты спрашиваешь?

— Для тебя не секрет то, что я... собираю информацию о людях.

— И обо мне? — она спрашивает, ее глаза становятся безжизненными.

— Обо всех. А поскольку он беспокоит тебя, врать не буду. Я провел на его счет расследование и, если он намерен продолжить раздражать. Мы должны быть готовы к этому.

— Я не совсем подозрительна по отношению к нему. Больше нет. Фактически, он и моя бабушка могут ошибаться в своей необходимости лезть не в свое дело. Даже признавая тот факт, что Вице — президент говорила с моими бабушкой и дедом, Колин меня не волнует. Кроме того, я сомневаюсь, что бабушка предпримет что — нибудь, чтобы раскатать лодку Белого дома. Она любит быть в центре внимания больше всех, кого я когда — либо встречала, и наиболее вероятно то, что она занята распространением новости о том, что она будет присутствовать на правительственном обеде.

Мышцы на шее сильно напряжены.

— Если твой кузен попытается что — либо сделать, дай мне знать. Я разберусь с ним.

Глядя на меня, она кладет руки на мою грудь.

— У тебя есть более важные вещи для беспокойства. Вирджиния Райан напоминает мне мою бабушку с ее повестками дня, планами и жадной вниманием. Мы можем плыть вместе по течению с Вице — президентом, или делать вид.

— У нее есть команда из десяти подобных твоей бабушке человек, командующих СМИ. Но имей в виду ключевой элемент. Мы все контролируем. — Ранее, я получил письмо от PR

— команды Райан с напоминанием того, что Кса и я должны появляться на публике вместе. Господи, может, моя маленькая саба права.

Она сжимает пальцы на моей руке, возвращая мое внимание.

— Серьезно, не всегда все так, даже если мы здесь командуем. Я здесь, чтобы найти свое место. А не быть запертой в клетке.

— Дай шанс Капитолию. Все это исходит от меня, ни от кого другого. Я хочу быть готовым к правительственному обеду в отношении твоей семьи, и знать, что мне ожидать. И сейчас, так как ты подняла эту тему, надо, наверное, устроить свидание.

— Оу, а это не входит в повестку дня Вице — президента? — усмехается она. — Я ничего не хочу обсуждать. Пока мы не предпримем кое — какие меры, касаемые наших с тобой сделки, Стоун. — Она распахивает свое платье, показывая мне свое умопомрачительное тело, и вызывающе улыбается мне. — Ну? За спонтанность? Нарушим правила, которые существуют между друзьями?

— Я более чем готов. В боевой готовности. На обоих фронтах. — Опуская взгляд на ее грудь, я следую ее примеру и запускаю пальцы под ее лифчик, нежно дергая за цепочку, закрепленную на ее сосках.

Ее дыхание становится прерывистым, а когда она приоткрывает свои идеальные розовые губки, мой член увеличивается в размере.

— Что ты хочешь предложить... для нас обоих?

— Честно говоря, — отвечаю я, очарованный кусочком кружева, скрывающим ее сиськи и такого же цвета кусочком, скрывающимся у нее между ног. — Как насчет похода по магазинам?

— По магазинам? — Она наклоняет голову, как будто задавая вопрос.

— Да. Тебе понадобится новое белье.

— А почему? — В очередной раз, ее губы соблазнительно изгибаются.

Опустив руки, я продолжаю раскрывать ее платье, взяв Кса за ее тонкую талию. Я наклоняюсь вперед, целую ее, продвигаясь вдоль скулы и подбираюсь к самому чувствительному местечку у нее на шее. Ее сумасшедший пульс чувствуется у меня под губами. Мой член пульсирует, сильно желая ворваться в нее. Я посасываю синяк на ее коже, один из многих. Идея оставлять следы укусов — еще больше на ее теле — доводит меня до грани.

Я подношу свои губы близко к ее уху.

— Потому что я собираюсь сорвать это с твоего тела, красотка.

— Пожалуйста, сэр, — вздыхает она, скользя рукой вверх по моей рубашке к моим плечам. — По вашему указанию на мне зажимы и анальная пробка внутри.

— И?

— Я бы хотела, чтобы мой лифчик и трусики остались на мне, пока я на работе.

— Неприятно это признавать, но я понимаю, о чем ты. — Я тяну за ленточки на ее бедрах. Два пастельного цвета розовых бантика. Развязав крошечные ленточки, я чувствую всплеск волнения, проносящееся сквозь меня, в момент, когда ее трусики развязываются. Глядя в ее кристально голубые глаза, я пропускаю их между ее ног. — Детка, я хочу, чтобы ты оседлала меня.

Она целует меня в челюсть, нежно посасывая мою кожу, проводя своими пальчиками вдоль моего члена, резко притягивая меня, достаточно сильно прижимаясь. Боже, как же хорошо. Мой член дергается, и я чувствую, как мои глаза закатываются. Подобно тому, как я

отбрасываю ее нижнее белье, я так же близок к тому, чтобы рассказать свою новую тайную навязчивую идею — признаться, что я наблюдаю за ее квартирой с улицы.

Открыв глаза, я встречаю ее взгляд.

— Кса, — звук выходит подобно шипению и мое сердце бьется о грудную клетку. Обычно я хочу, чтобы она была громкой и умоляла. Заставляла меня чувствовать себя Богом. Демоном. Ураганом.

— Позволь мне, — умоляет она, лаская мой член.

Управляемое желание струится в моей крови и я хватаю ее за бедра, притягивая к себе. Я не хочу никаких тайн между нами. Ее мягкость — ее сила и я хочу ее, кожа к коже. Черт, я жажду ее ближе. Я готов наладить связь, которая становится глубже. Выведать правду о том, что происходит между нами. Может это химическая реакция? Похоть настолько сильная, что я ослеп. Я прерывисто выдыхаю. Безусловно, я максимально погряз в жажде того, чтобы она обвивалась вокруг меня.

— Давай воспользуемся твоим рабочим столом.

— Ммм, ты такой твердый, — стонет она, сжимая мой пульсирующий член.

Я веду ее, держась за нее, желая ее сзади. Я отказываюсь отпустить ее, держа ее настолько близко ко мне, двигаясь, словно в танце. Когда она подходит к столу, я медленно веду ее, и спускаю платье с ее тела, бросая его на стул. Вместо того, чтобы поставить ее руки на стол, я снова обнимаю ее, прижимая ее к себе, шепча ей в затылок.

— Кса..., дай мне... войти в тебя, детка.

Ее руки находят меня, снова проводя по очертаниям моего члена, и она гладит его, заставляя поток воздуха с шумом покинуть мои легкие. Между нами небольшое расстояние, но его достаточно для того, чтобы расстегнуть мой ремень и молнию на брюках. Я ослабляю свою хватку на ней лишь для того, чтобы спустить свои брюки и боксеры, освобождая член.

— Каким образом? — лепечет она.

— На полу. Опираясь на колени и руки. — Я хватаю сумку и тащу ее за собой на ковер.

Теоретически, мы, трахающиеся на полу — это безумие. В действительности же, мы, трахающиеся на полу — это словно воспламеняющаяся жидкость. Это великолепно. Грубо, примитивно, и дает мне возможность выплеснуть свой неконтролируемый голод в необходимости взять ее. Овладеть ей.

Открыв сумку, я достаю анальную пробку большего размера и бутылку смазки. Я смазываю свой палец, а потом медленно достаю пробку из нее. Она открыта для меня, приглашая, не стесняясь, я скольжу пальцем в ее дырочку, чувствуя, как мои мышцы сжимаются, а мой член беспощадно пульсирует. Она по — настоящему шелковистая, мокрая и сжимающая меня. Я вставляю свой палец в и из нее, ощущая, как моя страсть пылает под моей кожей, искушая меня, предлагая мне покончить с этой запретной пыткой и всего лишь разок трахнуть ее.

— Скажи мне! — Я рычу. Боже, как бы я хотел взять ее грубо, погружая свой член в нее, соединяя нас. Только такой способ доминирующего секса сможет утолить это яростное желание обладать ей, которое она вызывает внутри меня.

— Трахни меня. Пожалуйста.

— Не достаточно хорошо. Я хочу, чтобы ты была более убедительной или ты ничего не получишь.

— Пожалуйста. Пожалуйста, — молит она.

— Скажи, на что это похоже? — Я тру своим членом между ее ягодиц.

— Я хочу тебя внутри меня, — шепчет она, покачиваясь около меня.

Еб*ть! Где — то за это время, баланс сил сместился... это намек ей о том, что ей совершенно ничего не надо делать, кроме как быть рядом со мной. Мое желание поглотить ее приобретает все более сильное влечение внутри меня трахать ее глубже. Причина номер пятьсот три, почему она влияет на меня до умопомрачения.

Обхватываю одну из ее округлых сисек и щипаю за сосок. Вместо того, чтобы хоть на чуть — чуть получить облегчение, я захлебываюсь от голода к этой женщине. Она приподнимает свои бедра вверх, изгибаясь и потираясь о мой член. Я купаюсь в ее аромате, который переворачивает все во мне. Я твердый как камень. Голодный. Отпустив ее сосок, я раздвигаю ее ягодицы. Капелька жидкости появляется на головке моего члена — я не могу сдерживаться. Чтоб меня! Я погружаю палец в нее. Шлепаю рукой ее по заднице. Я владею ей.

Грубо. Требовательно, я заставляю ее объезжать мой палец.

— Вот так, трахай мой палец.

Мне нужно больше и я начинаю дрочить, быстро поглаживая свой член, но этого мало. Я убираю палец из нее. Она открытая, розовая и манящая. Я провожу головкой вдоль ее входа, дразня нас обоих, касаясь своим твердым членом у нее между ног, погружая кончик в ее сморщенную дырочку.

— Пожалуйста, сделай это, — хнычет она. — Трахни меня в задницу.

У меня сжимаются мышцы живота. Медленно, я смазываю ее дырочку капельками своего предэякулята, стекающего по головке. Я мог бы легко направить свой член и вогнать его на всю длину в нее одним мощным движением, объединяя нас. Я почти делаю это....

— Мы должны подождать! — Рычу я около нее.

Бл*ь, я долбаный Дом! Поглощенный похотью, я сосредотачиваюсь на своем обещании научить Кса управлять своей страстью — сосредоточиться на более важном. На чем — то более важном, чем мой пульсирующий член и моей клятве ей наслаждаться ей, когда я первый раз трахну ее в задницу. Будучи ее Мастером, у меня есть долг проинструктировать ее об искусстве подчинения мне, в то время как я буду наслаждаться ей часами, не минутами.

Будто мир замедляется, мой самоконтроль восстанавливается. Я беру пробку, смазываю ее лубрикантом, в этот момент мое имя слетает с ее губ. Я подношу кончик пробки к розовой дырочке между ягодиц. Кидаю взгляд на свой член, блестящий от предэякулята, и резко и хрипло произношу.

— Выдохни. Сейчас.

Когда она расслабляется, я вставляю пробку, и скрежеща зубами, сосредотачивая все свое внимание на том, чтобы быть аккуратным с ней. Я провожу своим членом по ее шелковистому жару, ощущающимся гладким и мягким около моей головки.

— Черт, детка.

— Беннетт, — она дрожит и наклоняется вперед.

— Не так. — Я сжимаю в руках член, располагая головку у ее входа, а затем обворачиваю пальцы над тем местом, где начинаются ее бедра. Потянув ее на себя, я подаюсь вперед, загоня свой член в нее по самые яйца. Я закрываю глаза, чувствуя, что они начинают закатываться. Чувствует ли она тоже самое, что и я? Крышесносно.

Вколачивая свой член в ее шелковистую киску, я трюсь об нее, я одержим этим необузданным влечением владеть ее телом и готов плыть на гребне волны, готовой

разрушить меня. Разрушить на части и похоронить меня, к чертовой матери.

— Пожалуйста. Еще больше, — просит она, дрожа.

Я прислоняюсь к ее спине, прокладывая дорожку из поцелуев до ее плеча, в тоже время, работая бедрами еще быстрее, толкаясь сильнее, грубее, с каждым ее диким и яростным стоном, заставляющим меня дать ей то, что она просит.

Вколачиваясь в нее — я развожу ее ягодицы, погружаясь глубже в тоже время чувствуя, как искры удовольствия прорываются сквозь меня. Вспышки белого света взрываются в моей голове. Настоящее блаженство для меня. Я двигаюсь руками к ее киске, раскрывая ее губки погружаясь в нее. Выскользнув из нее, я щелкаю пальцами по ее возбужденному клитору, затем кружу и беспощадно глажу его, чувствуя, как в основании моего позвоночника вспыхивают искры.

Я скоро кончу. Я не продержусь долго. Я блуждаю руками по ее бедрам, загоня свой член то глубоко в нее, то выходя, пока моя головка не выскальзывает из нее. Я смотрю на свой член, мокрый от ее соков, и мышцы, начиная от предплечья до кончиков пальцев, сжимаются от необходимости быть в ней.

Она дрожит, шепча мое имя.

— Бен. Так хорошо.

Издавая стон, я вонзаю свой член в нее яростно, до дрожи. Она содрогается под моими руками, ее киска сжимает мой член и я кончаю, освобождаясь в нее. Еще раз погрузив свой член в нее, я ругаюсь от возникшего ощущения.

— Бл*дь, — говорю я и опускаюсь на нее. Мы оба тяжело дышим и я закрываю глаза, вдыхая ее аромат и удерживая ее. — Нам нужна кровать, Кса. На которой мы сможем заниматься этим.

Глава 11

ИНСТРУМЕНТ ДЛЯ ПЫТОК.

— Ты получила мой e — mail? — Хриплый голос Беннетта имеет свойство отправлять стайку бабочек в моем животе на орбиту. Я кружу по кварталу, повернув не туда.

— Э — э, я за рулем. — Скорее всего, я заблудилась. Я еду на машине Брук обратно в нашу квартиру, двигаясь с помощью навигатора, установленного на моем телефоне. — Ты послал мне письмо? Я еду домой. — Я судорожно вспоминаю, не забыла ли я чего до того, как покинула офис.

— Успокойся. Я в курсе.

— И что это, Сенатор? — спрашиваю я, не скрывая того, что я расстроена.

— Я позвонил и Нора сказала мне, что ты ушла.

Когда я проскакиваю еще один поворот, я завожусь.

— Ты что, проверяешь меня? Это говорит о том, какая ты задница!

— У тебя проблемы из — за того, что я позвонил, чтобы убедиться, что ты уехала, вместо того, чтобы ночевать в офисе? Я понимаю, у тебя свободный график.

— Да... — мою грудь сжимает. Он прав. Я веду себя как сука.

— Да? Это то, как люди в Бостоне говорят «прости», когда они совсем неправы, разве это не смешно? — Он смеется, и я понимаю. Он звонит не для того, чтобы упрекать. Он звонит, потому что... он заботится?

— Прости. Я все еще привыкаю к тому, что между нами намного больше, чем просто таскание друг друга за волосы... — Дерьмо. Я закатываю глаза, вспоминая, что мы разговариваем по сотовому. К счастью, я не упоминаю слово «секс», но смысл разговора повисает в воздухе. Негласно, но как будто провокационно и громко, как если бы я кричала об этом.

— Должен ли я напомнить вам, что я хочу быть друзьями? — Его голос смягчается. — Я говорю это и это я и имею в виду. — Он непременно все контролирует.

Что еще сказать?

Извиниться... ауу?

— Бен, я была неправа. Ты не сволочь — нет, ну ты сволочь, или же нет. Тебя трудно классифицировать, но ты прав. Для меня это был долгий день, даже если я закончила работать в середине дня. Моя голова все еще гудит, после того, как я провела немного времени с Лесли... пресс — секретарем Вице — президента.

— Что, черт возьми, случилось? — требует он, а затем начинается наш беззаботный разговор с присутствующим напряжением в его голосе.

— Разгон до сотни? — Теперь моя очередь смеяться, заставляя его вскипеть. — Я нашла переводчика и ваш график почти расписан для поездки на Кубу, также включено освещение прессой открытие торговых переговоров. Алисия, из офиса конгрессмена Шепарда, дала мне несколько советов, касаемых технической стороны. Лесли и еще два других сотрудника из PR — команды Вице — президента нанесли мне визит. Они помогли мне разработать план для вашей поездки и та — дааам! Это было очень познавательно. Я чувствую, что начинаю понимать, к кому мне надо обращаться... и что делать.

— Ты была занята.

— Как и все в Вашем офисе. Теперь мой график тоже похож на что — то на подобие взрыва. — Когда сегодня я вышла из офиса, мой календарь был переполнен встречами в качестве пресс — секретаря Бена.

Навигационное приложение начинает работать и выдает мне следующее направление. Я бросаю взгляд на карту, изображенную на моем телефоне, и с облегчением выдыхаю. Наконец — то, я вижу, что я сделала не так, и вдавливаю педаль газа в пол.

— Что это было? — спрашивает он.

Я выключаю громкую связь.

— Пришлось загуглить мой путь домой.

— Ты за рулем? В Вашингтоне? — И мы опять возвращаемся к тому, какой он властный мудака. Заботливый, заносчивый придурок.

— Ты же едешь. Почему я не могу? — Отвечаю ему, желая, чтобы я смогла попросить его приехать. Приехать и дать мне трахнуть его.

— У меня есть водитель и ты можешь пользоваться автомобилем в любое время.

— Извини, но мне не двенадцать лет.

— Почему ты не дашь мне упростить некоторые вещи для тебя? — Его голос приобретает интимный оттенок, который проносится через все фибры — я хочу его. Все больше и больше я замечаю, что его уровень собственности пересекается с чем — то более глубоким и темным. Хотя горячие чувства, которые он разжигает во мне, продолжают накаляться. Его желание доминировать усиливает мой голод в желании быть с ним. Голой. Открытой.

Мой пульс мгновенно ускоряется. Я концентрируюсь на дороге, задвинув подальше

закручивающуюся похоть, которая умоляет об освобождении. Еще одна ночь и мы будем в Доме. Мы сможем трахаться часами. Такой способ выражения больше не кажется мне адекватным. Не по отношению к тому, что я хочу сделать с ним.

— Беннетт, нет. Я действительно в порядке. — Это ложь. Я вижу, что то, что происходит между нами — это не только секс. Не только дружба.

— Слушай, Кса, ты мой сотрудник. Это не проблема. Никто ничего не скажет, если это будет касаться тебя.

— Я уже сказала, у меня все нормально. — Я стараюсь спрятать свои нелепые эмоции. Впереди я вижу свой дом, включаю указатели поворота и притормаживаю, готовясь заехать в гараж.

— Если бы была открыта вакансия на должность в моей команде... ты бы осталась? — спрашивает он и я перестаю смотреть на полосу встречного движения. Его вопрос, словно кирпич на мою голову.

Мое сердцебиение ускоряется.

— Я не знаю. Мы не говорили о будущем. Моем.

— Мы сейчас говорим. Уточни в университете. Я думал, ты собиралась сдать все и вернуться ко мне?

Видя, что появилась возможность проехать, я давлю на газ и в тот же момент, встречный автомобиль отъезжает с обочины. Я поворачиваю руль, едва не задев автомобиль, а он пронесется мимо, водитель сигналил мне и показывает мне средний палец. Мое сердце колотится, когда я устало смотрю вниз по улице.

— Ксавия, ты здесь?

— Да. — Вцепившись в руль, я еду по подземному гаражу.

— И?

— Хорошо, Сенатор. Это работа может быть рассмотрена в качестве стажировки. Мне подходит это и все, что мне надо, это сделать презентацию на факультете журналистики и согласовать еженедельные онлайн — встречи с куратором. Но тебе также придется согласиться с публичностью. Презентации записываются и используются для проведения вебинаров для других студентов.

— Это и ежу понятно. Согласен. Дай мне знать, к кому обращаться и где будет нужна моя поддержка.

— Это не сложно. Это формальность. Я пошлю их тебе. — В подземном гараже я паркуюсь на стояночное место Брук и глушу двигатель. — Я приехала.

— В целостности и сохранности. Хорошо, — говорит он. — Проверьте почту и перезвоните мне позже, Мисс Кеннеди. Не заставляйте меня разыскивать вас, если вы не хотите серьезных последствий.

— Держу пари, вам это понравится.

— Точно.

Зайдя в квартиру, я вижу Брук, свернувшуюся калачиком на диване, за просмотром фильма и доедающую остатки супа.

— Спасибо... за все, что было вчера, — говорит она, потягиваясь, когда я сажусь рядом с ней.

— Тише. Как ты себя чувствуешь?

Она ставит тарелку на журнальный столик и смотрит на меня.

— Уже лучше.

— Итак. Какие новости?

— У меня назначена встреча. На субботу.

— Где? — спрашиваю я, замирая. — И во сколько?

— Через неделю. Мы должны быть там ровно в десять.

Я вспоминаю, что она говорила о процедуре. Спустя некоторое время я киваю.

— Как далеко это место? Мне надо составить маршрут. Сегодняшняя поездка была для меня разочарованием.

— Ты имеешь в виду дорожное движение?

— Как ты догадалась?

— Это какой — то отстой в городе. Я напишу тебе адрес. Это частная клиника. В Вирджинии. Менее, чем в часе езды. И кстати, все, кто знает тебя, понимают, что ты ненавидишь ездить.

Я запрокидываю голову.

— Правда?

Она смеется.

— Это не совсем то, что ты сделала всеобщее заявление. Но да, ты не лучший в мире водитель.

— Я ведь не ужасный водитель... да ведь?

— Дорогуша, у тебя есть склонность делать сразу несколько дел. Много дел.

— Разве не все так делают? — Я издеваюсь и стучу костяшками пальцев по ее голове. — В любом случае, мы будем готовы.

Брук поднимается и берет в руки свою тарелку.

— Я собираюсь вздремнуть. Мне нужно кое — что обдумать. Seriously, я никогда не смогу отблагодарить тебя за прошлую ночь.

Я встаю с дивана и мы обнимаемся.

— Все, что угодно. Для тебя.

После того, как я приготовила быстрый омлет и салат, я наливаю чашечку эспрессо и отправляюсь в свою комнату, раздеваюсь и располагаюсь у себя на кровати с ноутбуком и сумкой. Я перебираю документы, которые мне доставили из кабинета Вице — президента и захожу на компьютере в систему Конгресса. Мой обновленный ID дает мне право доступа к некоторой информации более высокого уровня. Просматриваю каталоги, обнаруживаю некоторые интересные вещи. Один клик и на несколько часов я забылась во всем этом.

Моя работа окончена, и я ложусь на спину, зевая. Потягиваясь, я переворачиваюсь на живот. Теперь пришло время посмотреть, что прислал мне Беннет. Я поднимаю ноги, скрестив их в лодыжках, пока жду, когда загрузится от него письмо. Это с его личной почты.

От: Беннетта А. Стоуна b.a.stone@imac.com

Кому: К. С. Кеннеди x.s.kennedy@gmail.com

Во вложении анкета.

Позвони мне.

Бен

Нажав на вложение, я просматриваю вопросы. Ни чего себе, пять страниц. Это анкета — опросник напоминает мне шутку. Я качаю головой при виде некоторых вопросов. Если бы

вы попали на необитаемый остров, назовите три вещи, которые бы вам были необходимы, чтобы выжить. Я думаю, «Вода. Еда. Крыша над головой».

Легко.

Но тогда я была бы голой.

Если этот вопрос подразумевает, что мы были бы вместе. Если бы мы были друзьями... мы были бы голыми друзьями. Очень голыми друзьями. И мне нужны противозачаточные средства. Тут я думаю о Брук. Может быть, ее жизнь похожа на остров из — за всех ее денег. Я закрываю глаза и кладу голову на руки. Эта анкета — опросник не должна быть предметом пыток, напоминаю я себе.

Поднимаю голову и сразу же набираю ответ на его сообщение.

От: К. С. Кеннеди x.s.kennedy@gmail.com

Кому: Беннетту А. Стоуну b.a.stone@imac.com

Пять минут спустя, у меня есть только один ответ на один вопрос.

Ты читал вопросы...отвечал на какие — нибудь?

Могу я отправить тебе свою анкету — опросник?

Кса.

Я нажимаю «Отправить» и распечатываю анкету, полная решимости не искать тайный смысл в каждом вопросе.

Уведомление дает мне знать о входящем сообщении и я смеюсь от удивления. Бен прислал мне сообщение.

От: Беннетта А. Стоуна b.a.stone@imac.com

Кому: К. С. Кеннеди x.s.kennedy@gmail.com

Ты пишешь диссертацию?

К твоему сведению. Я ответил на ВСЕ вопросы.

Отправь мне все, что захочешь. В любое время.

Бен.

Ухмыляясь, я открываю браузер, в поисках смайлика, чтобы отправить ему. Всплывает картинка с изображением злодея и я хихикаю про себя.

От: К. С. Кеннеди x.s.kennedy@gmail.com

Кому: Беннетту А. Стоуну b.a.stone@imac.com

Твоя очередь.

Это всего лишь начало.

Кстати. Я Покоритель Мегаполиса по имени Арктический кулак.

Кса;^)

Отправляю ему свое сообщение и через несколько секунд жужжит мой мобильник, он звонит мне. Я отвечаю со слов:

— Устал набирать?

— Нет. Просто совпадение. Все верно, ты — покоритель. Может, мне следовало бы прихватить твою анкету, когда мы впервые встретились? — говорит он низким голосом, и я

одновременно чувствую дрожь и начинаю смеяться от восторга.

— То есть, она при тебе. — Я прикусываю губу, наслаждаясь ощущением того, что его голос делает со мной. — Слишком поздно, Сенатор.

— Черт! И для справки... Ты забыла мой приказ позвонить мне?

Его голос опускается до уровня чего — то темного и глубокого, и я зажимаю свою руку у себя между ног, поглаживая пальцами свои складочки. Я скучаю по нему.

— Мы вроде как разговариваем.

— Это формальность. Вы выходите за рамки дозволенного, Мисс Кеннеди, — отвечает он. — Я могу справиться с тобой любым способом, малышка. Может быть, это то, что ты хочешь.

— Я хочу тебя, — говорю я.

— Бл*ь, Кса. Ну и задачу ты мне задала.

Телефон как будто оживает у меня в руках. Я сильнее прикусываю губу. Напоминаю себе дышать. То, что мы разговариваем, это всего лишь маленький шаг.

Я хихикаю, когда он признается, что однажды в колледже он побрил голову и носил ирокез, окрашенный в красный цвет, когда играл в футбол. Взглянув на часы на прикроватной тумбочке, я внимательно смотрю на них. Уже одиннадцатый час. Мы проговорили несколько часов, обсуждая все: начиная от музыки, которую мы слушаем или не слушаем, книги, которые мы уже перечитали и зачем, о любимых местах для посещения, и в основном, мы прошлись по списку вопросов, которые он прислал мне по электронной почте.

— Э — э... у тебя завтра насыщенный день. Мне следует отпустить тебя. — Я гляжу в потолок, воображая, чтобы я с ним сделала, если бы он был в моей постели.

— Не смей. Никогда, — отвечает он. — Я буду искать тебя. Найду. Ты моя, Покоритель Мегалополиса Арктический кулак.

— Да? Звучит так, будто это ты покоритель, — парирую я ему, полностью отдаваясь во власть его глубокого голоса, его обещанию, и мое сердце колотится так, словно я совершила пробежку. — Эй, ты никогда не говорил мне. А какой у тебя внутренний злодей? Я знаю, что у тебя есть такой.

— Готовься, — усмехается он. — Темный. Киборг. Властелин человечества.

Я нажимаю пробел и смотрю на смайлик, который я отправила ему, останавливаясь на инициалах его имени.

— Что значит буква «Э»? [Прим. пер. — Здесь и далее пойдет игра слов автора «Anthony» и «asshole» начинаются с одинаковой буквы, но последнее переведено как «мудак»].

— Это не мудак, если это то, о чем ты подумала.

Я закатываю глаза.

— Мы можем обсуждать это в течение нескольких дней. Скажи мне, а «Э» это?

— Энтони. В честь моего деда. Антонио Альдебрандо.

— Альдебрандо, — я повторяю его фамилию, наслаждаясь тем, как слово звучит у меня на языке. — Это что, итальянская фамилия?

— Да. Со стороны моей мамы. Она родилась в Атланте, но мои бабушки и дедушки были сицилийцами. Я не врал об отце. Они все негиббемые южане, и у некоторых до сих пор висят флаги Конфедерации. Обе стороны чрезмерно чтут свои укоренившиеся традиции. Существует пропасть между ними. Даже сегодня.

— Отголоски старой школы, как в истории или в фильме.

— Больше, чем ты думаешь. Мои прадедушки и прабабушки были крайне преданы. Виноделы и очень набожные католики. Десять детей, они были несгибаемыми политиками, зарабатывающими на жизнь за счет мафии и насилия — какое там земледелие. Я сказал тебе больше, чем ты спрашивала... не так ли?

Я сижу, вцепившись в телефон.

— Я хочу знать все о тебе, Беннет. Разве ты не хочешь знать обо мне?

— Это не вопрос. Ты знаешь, что я хочу. Приходи... — он делает паузу, выдохнув. — В офис пораньше. Мне нужно. Ты знаешь, что мне необходимо.

Я сглатываю.

— Нора упомянула, что возможно она появится рано утром.

— Я видел ее новый переработанный график. Видимо, она тоже полна энтузиазма перейти на гибкий график.

— Надеюсь, что я не натворила дел этим.

— Поверь мне. Ты не натворила.

Я прощаюсь и мы разъединяемся. Я ложусь, и обнимаю одну из своих подушек, закрыв глаза и желая, желая, желая, чтобы он был рядом со мной. Прямо сейчас!

Глава 12

ССИНХРОНИЗИРУЙ НАС.

— Алло? — Я отвечаю на телефонный звонок. В моей спальне темно и этот звонок пробудил меня от крепкого сна.

— Сенатор Стоун? — У мужчины иностранный акцент.

Я убираю телефон от своего уха, взглянув на экран. Сейчас, блядь, четыре тридцать утра. — В чем дело?

— Посол Хакетт и Вице — президент просят Вас присутствовать на встрече. Сегодня утром. Ваша способность понимать суть дела окажется полезной.

Для кого?

— Что — то срочное?

— Нет. — Это все, что мужчина говорит и я плююсь в потолок.

Если бы Вирджиния хотела назначить встречу, ответственный за ее график должен был связаться с Норой — они сделали бы все обычным способом. Тоже самое касается и главы миссии Уилла Хакетта, недавно назначенного послом на Кубе.

— Кто вы, и почему вы звоните мне, чтобы организовать эту встречу... в четыре утра?

— Я прошу прощения, сенатор Стоун. Но я хотел поймать Вас... прежде, чем Вы пойдете на свою пробежку. Мне сказали сообщить Вам, что эта встреча будет полезна, относительно Вашей предстоящей поездки за границу.

Он до сих пор не представился, а мое терпение подходит к концу. Полностью проснувшись, я меньше всего склонен к участию в политических играх, наподобие этим.

— Кто бы вы ни были, вы также должны знать, что я бегаю в шесть утра. Не надо мне тут заливать. Что это за встреча? — Я не параноик. Чем больше я узнаю Вице — президента, тем более странной она становится для меня. Необдуманый способ, которыми она пользуется при руководстве своим кабинетом, разительно отличается от того, как я

руководжу своим офисом. Она обвинила меня в том, что я заурядный, дотошный и бескомпромиссный. Ну, бл*ь, так и есть. Я не звоню людям — совсем никому, кроме Ксавии — в нетипичное для них время, если это не катастрофа.

— Всего лишь завтрак. Спланированное совещание. Опять же, Сенатор, прошу прощения за ранний звонок. Я не мог позволить себе упустить шанс поговорить с Вами.

— Где? — гневно выдыхаю.

— Автомобиль будет отправлен за Вами. В семь.

— Не пойдет. У меня есть другие дела. Я приеду сам. Мне нужен будет адрес. Напишите его мне.

На другом конце воцарилась тишина. Довольно — таки длинная, секунды три или больше. Ебать. В чем дело?

— Хорошо, Сенатор. Если что — то изменится, позвоните мне. У Вас есть мой номер.

Номер, но не имя.

— Что, черт возьми...

Он вешает трубку.

Я смотрю на экран своего телефона и вижу его номер. Мне не нравится вся эта херня. Я скидываю простыни и пересекаю свою спальню, не останавливаясь, пока не достану свой второй телефон, который нельзя отследить из стола, где я оставил его вчера вечером. Пребывая в состоянии эффекта домино [Прим. пер. — Т. е. когда одно обязательно влечет за собой другое], я набираю сообщение Арчеру. «Найди все, что касается этого номера телефона». Я нажимаю «Отправить» и пересылаю номер телефона.

Совершенно голый я стою в кабинете и смотрю на улицу. Там тьма кромешная. Какого хрена? Я начну свой день и сохраню присутствие духа со своей утренней пробежки. Если бы я мог, я бы «проскочил» все запланированные встречи. С каждым шагом, с каждым вздохом мое внимание сосредоточено на сегодняшнем вечере. На Ксавии, и на том, что я запланировал для своей маленькой сабы, которая на этой неделе вела себя дерзко. Мои мышцы стягивает узлом, когда я иду и представляю себе, что ждет меня впереди и, когда я возвращаюсь к себе в спальню, то переодеваюсь.

Возле своего дома я разминаюсь пару секунд, а потом начинаю пробежку в сторону Кью Стрит Северо — запад. К тому времени как я добираюсь до Логан Серкл, я уже разогрелся. Менее трех миль, а мои вены наполнены адреналином. Я захватил свой телефон и пока я смотрю на квартиру Кса, пот стекает вниз с моего лица, я оглядываюсь по сторонам. Несколько человек прогуливаются то тут, то там. Выгуливают собак, садятся в авто, идут в кофейню, расположенную недалеко.

Я пишу ей сообщение. «Ты уже проснулась?»

Мой телефон жужжит. Она отвечает мне, «Да. Я так понимаю, ты тоже».

Набрав правду, я нажимаю «Отправить»: «Я внизу».

«Около моего дома?»

Меня не волнует, если она думает, что я сумасшедший. На волне бушующего адреналина в моей крови, я отвечаю: «Как бы, да. СПУСКАЙСЯ».

«РАСКОМАНДОВАЛСЯ?»

Я сжимаю челюсти. «Хочешь узнать?»

«Дайте мне три минуты, может, четыре».

Так быстро, насколько может, Ксавия выходит из своего дома, и наши взгляды встречаются. Я всего в нескольких футах от входа в ее дом. Я отстраняюсь от фонарного

столба, на который опираюсь, любуюсь ее взъерошенными волосами и обтягивающей футболкой, которая на ней надета, плотно обтягивающую ее сиськи. Я могу часами наблюдать за этими подпрыгивающими красавицами.

— Ты прекрасно выглядишь... — я не заканчиваю фразу. Я тянусь к ней и тащу ее за собой вниз по кварталу и затаскиваю за угол.

— Куда мы идем? — спрашивает она.

— Не знаю. — Я провожу ее по тускло освещенной аллее, затем мне надоедает ждать. Я хватаю ее и притягиваю ее к себе. Наши губы сталкиваются, идеально подходящие — мы сливаемся воедино и я пробую ее на вкус. Мятный и сладковатый, я обхватываю своими покрытыми потом руками ее мягкие изгибы, притягивая ее ближе. На ум приходит фраза «кожа — к-коже». — Детка, — шепчу я, нуждаясь в большем.

Она целует меня, открыв губки, и стонет. Слегка задевая своими мягкими пальчиками мое лицо, затем запуская их в мои волосы и дергая за них. Грубо. Боже, как я хочу ее. Чем больше она тянет, тем сильнее разрастается мое желание похоронить мой член в ней. Отправить нас обоих ввысь.

— У меня встреча рано утром, — говорю я хрипло, обхватив ее ягодицы и потираясь своим стояком об нее через тонкую материю ее шорт. — Меня не будет сегодня в офисе.

— О, — произносит она. — Так вот зачем пробежка и твой визит?

— Да. Я не мог остаться в стороне. — Мои пальцы скользят по краю ее шорт. Я перевожу взгляд, всматриваясь в аллею, а затем запускаю пальцы ей под шорты. — Без нижнего белья?

— И со свежей эпиляцией. Надеюсь, Вы рады, Сенатор, — шепчет она.

Я провожу пальцем по ее скользкой плоти и чувствую, как мой член начинает пульсировать. Я на грани того, чтобы спустить шорты для бега и дать нам обоим облегчение от того, что мы хотим.

— Маленькая дразнилка, — рычу я.

— Подожди до вечера.

— Твое расписание... хорошо. Я забыл сказать тебе вчера, когда мы говорили о расписании. О моем. У меня сегодня утром назначена встреча. Она была назначена в последнюю минуту.

Я смотрю на нее.

— Что?

Она пожимает плечами.

— Это все Вице — президент. Что — то, касающееся твоего визита на Кубу. Встреча за завтраком, и я полагаю, что это больше, чем то, что произошло вчера.

— Кто назначил встречу? — спрашиваю я, ощущая, как кровь пульсирует у меня в висках.

— Было как — то странно. Мне позвонили. Мне стыдно признаться, но я не знаю, кто это был. Какие — то проблемы?

— Не знаю. — Должен ли я ей говорить ей? У меня был странный звонок... странный абонент. — Как ты поедешь на эту встречу?

— За мной приедет автомобиль.

Ебать!

— Мне позвонили. В четыре утра. Мужчина не представился. У меня есть адрес. В ресторан в отеле «Билтмор».

Ее глаза расширяются.

— Нас обоих пригласили на одну и ту же встречу?

— Похоже, — говорю я, и обхватываю ее за щеки, опуская свой рот на ее.

Руки Кса обвиваются вокруг моей шеи. Она прижимается своей грудью к моей мокрой от пота футболке, ее возбужденные соски царапают мою грудь. Я целую и посасываю ее губы.

Она стонет мое имя, кусая мою нижнюю губу.

— Пожалуйста, — просьба со свистом слетает с ее губ.

— Я хочу попробовать. — Я скольжу пальцами внутрь ее мягкого шелка. Настоящего рая. Я запускаю руку, вставляя палец в нее и доставая его из нее, и в моей груди взрывается боль. Издав стон около ее губ, я убираю руку у нее между ног, и обхватываю пальцами ее за бедра и сжимаю. — Ксавия, я безумно хочу трахнуть тебя прямо сейчас, но с тем, что творит Вице — президент — это какое — то дерьмо. Я должен вернуться и разобраться с этим. У Вирджинии есть привычка пускать в ход что — то неожиданное, чтобы донести основную мысль.

— Я могу отвезти тебя, — выпаливает она, глядя мне прямо в лицо. — Надо всего лишь взять ключи от машины у своей соседки.

— Не — а. Я чувствую, пробежка мне не повредит, к тому же разве твоя соседка уже не больна?

— Брук уже лучше. Мы все еще идем на встречу?

— Проверь свой календарь. Разве пресс — секретарь Вице — президента не показала тебе как синхронизировать наше расписание?

— Да. Я синхронизировала свой и Норы, чтобы она знала, где я.

— А с моим?

— У меня не было пароля. Ваше расписание защищено, Сенатор.

— Я пришлю тебе приглашение со ссылкой. Затем синхронизируй нас. — Я произношу это, зачарованный, глядя в глаза Кса. — Дай мне двадцать минут и я буду у себя в квартире.

— Ты далеко живешь?

— Меньше трех миль.

— Круто. Может быть, мы можем бегать вместе.

Я запускаю свои ладони под ее ягодицы и потираюсь челюстью вдоль ее шеи.

— Назови место. В любое время. Каждый раз, когда мы не будем жертвами Вице — президента.

Я возвращаюсь обратно в свою квартиру после настоящей пробежки, тяжело дыша, стою напротив лифтов. Несколько человек входят со мной, кивком мы приветствуем друг друга, а потом каждый увлекается либо телефоном, либо чтением газеты. Арчер прислал мне ответ. До хрена информации, которая начинается со слов: «Сотрудник посла. Работает в Гаване. Думаю, руководит новым посольством».

Еще два дня назад, США не работало из посольства Швейцарии на Кубе [Прим. пер. — Здесь имеется в виду, что с 1977–2015 годы Посольства США как такого на Кубе не было, был Отдел интересов США в Гаване, который действовал под покровительством Швейцарии, выступавшей в роли державы — покровительницы]. Ну, я думаю, что сотрудник посольства работал всю ночь... хоть и позвонил в четыре утра. Я провожу своими пальцами сквозь мокрые от пота волосы, выхожу из лифта и захожу в свою квартиру. Как и обещал, я

вхожу на сервер Сената и отправляю Кса ссылку на мое расписание. Она будет иметь полный доступ ко всем моим встречам. Смысл. Она отвечает за связи с общественностью.

Я открываю свое расписание на сегодня и вижу запись про «Билтмор». Деловой завтрак, который был недавно добавлен сотрудником кабинета Вице — президента. Это первый пункт в моей повестке дня на сегодня и помечен кнопкой «Ответить». Я нажимаю «Принять». Вроде все нормально.

Я выхожу и звоню Ксавии.

— Пойдем на встречу и посмотрим в чем дело. Справишься?

— Конечно, — отвечает она. — Я буду там. Надеюсь, я не опоздаю.

— Приезжай, как только сможешь. Ты видела, как все было в воскресенье.

— Э — э, Бен?

— Детка, мы не обязаны делать это.

— Я не об этом, — говорит она тихо. — Пробка.

Последняя анальная пробка лежит у меня в ящике стола, которая поможет Кса не испытывать дискомфорт. Я сжимаю челюсти.

— Все то же самое, как и прежде. Ты знаешь правила.

— Она будет во мне до сегодняшнего вечера?

— Подготовься, как мы и говорили ранее и у тебя все будет хорошо. Я обещаю, я заставлю тебя потерять рассудок.

Мы кладем трубки и я бросаю свой телефон на столе, думая о Ксавии и сегодняшнем вечере. Все, что мне нужно. Нарушить правила еще больше. Черт, я подхожу к телефону, отправляю зашифрованное сообщение своим партнерам клуба, подтверждающее, что номер люкс в отеле «Франклин» сегодня вечером занят, а также отправляю сообщение Джексу о том, какую комнату мы с Кса будем использовать в Доме. Огонь зарождает во мне голод, мчась у меня под кожей в желании полностью обладать ею.

Готовясь к поездке, я принимаю душ, переодеваюсь и вот уже в своей машине по пути на это импровизированное совещание, которое Вирджиния и члены Представительства организовали в течение часа.

Войдя в «Билтмор», я встречаю улыбающееся лицо метрдотеля и сообщаю, что у меня встреча с Вице — президентом. Он подтверждает бронирование, проводит меня вниз в дальний коридор, показывая мне на тайную комнату.

— Наслаждайтесь, сенатор Стоун, — говорит он, открывая дверь.

Внутри помещения я бросаю взгляд на единственный стол в комнате, который можно встретить и в собственной комнате, кроме этого стол накрыт только двумя приборами.

— Приветствую, Сенатор. — Мужчина с фотоаппаратом появляется с другой стороны комнаты, где он возился со светом и люксметром [Прим. пер. — люксметр — прибор для измерения уровня и распределения освещённости]. — Вы пришли немного раньше, но я могу немного посидеть с Вами. — Он указывает рукой на стул и я возвращаю свое внимание обратно к столу, изучая вазу с цветами, хрустальный графин с апельсиновым соком и кофейник.

— Это здесь назначена наша встреча? — Я расстегиваю пиджак и достаю свой сотовый. С меня хватит. Я прокручиваю вниз список своих звонков и нахожу тот номер телефона, с которого мне звонили прошлой ночью.

— Да. У Вас с Мисс Кеннеди запланирован завтрак здесь, а пресса должна быть здесь в ближайшее время.

Еб*й в рот. Почему члены команды посла принимают участие в планировании подобного рода мероприятия? Сколько человек еще собирается «навариться» на моей «дружбе» с Кса... что насчет ее бабушки и дедушки? Мое участие в области внешней политики? Перечень вопросов становится все больше и больше.

— Откуда вы? — Я снова обращаю свое внимание на него, но на нем нет бейджа, только раздражающая улыбка.

— Я из журнала «Vanity Fair». — Он протягивает свою визитку. — Вице — президент Райан назначила Маккензи и меня ответственными за эту съемку.

— Какая тема этой статьи? — спрашиваю я строго.

— Маккензи... она журналист, пишущая статью. Она все объяснит.

— Почему бы тебе не попробовать рассказать? — Я подхожу ближе, подыскивая варианты того, как бы дать фотографу возможность рассказать подробнее, что, черт возьми, происходит. Это достаточно просто с моим ростом и комплекцией будучи выше этого чувака чуть более, чем на 20 сантиметров и на двадцать... тридцать фунтов тяжелее этого придурка.

— Эээ... — он перестает настраивать свое оборудование и улыбка исчезает с его лица. — Сенатор, это довольно просто. Один день из Вашей жизни. Всего лишь одна съемка. Статья выйдет в следующем месяце. Маккензи вернется, чтобы объяснить Вам. Она в коридоре. — Он поднимает свою камеру и фотографирует!

Уникальное оружие... фотографии. Я мог бы напомнить ему, что я не подписал пресс — релиз. Готов ли я ко всем вытекающим за этим последствиям? Такое ощущение, будто у меня в голове туман, пока я ожидаю возвращения журналиста. Сделав несколько фотографий, он опускает фотоаппарат и мы встречаемся с ним взглядом.

— Как называется статья?

Он пожимает плечами.

— Зависит от нашего редактора. Название «Американская Династия» фигурирует все время. Мы создаем историю о новом поколении семейства Кеннеди. Я слышал, что вы и Мисс Кеннеди всего лишь друзья. Не хотите прокомментировать это неофициально? Каково это встречаться с девушкой с таким прошлым и будущим?

— Мы друзья, — отвечаю я. — Мы работаем на Холме, и это связывает нас профессионально. У нас все запутано, — произношу я голосом, который звучит будто не мой — он звучит настолько непривычно, насколько я пытаюсь объяснить, как глубоко она укоренилась стала в моем сознании — не давая мне подсказки.

Открывается дверь, но вместо журналиста, на пороге останавливается Ксавия в сопровождении метрдотеля. Мы смотрим друг на друга и так же, как прежде, я хочу отрицать тот факт, что мы принадлежим к красивому и аккуратному классу людей. Каков был бы сенсационный материал в Vanity, если я бы я признался во всем? Предположили бы, что я Дом у этой молодой девушки. Я заставляю ее совершать плохие вещи. Очень плохие и порочные вещи.

Метрдотель провожает Кса внутрь, на подносе лежит радотелефон.

— Сенатор. — Мужчина слегка кланяется. — Телефон для связи с Вице — президентом. Чтобы поговорить с ней, нажмите кнопку 1.

— Пойдем, — говорю я Кса, пока беру телефон.

Нам нужно поговорить, прежде чем мы начнем беседу с Райан. С теми двумя из журнала Vanity. И всеми теми, кто хочет, чтобы я порвал их на британский флаг. Я хватаю ее за локоть и тащу за собой пару шагов по коридору.

— Добро пожаловать в еще один момент вторжения Вице — президента в нашу жизнь.

— Я приехала так быстро насколько смогла, — шепчет она.

— Это уж мне решать, — отвечаю я и она ахает.

— Что происходит? Где Вице — президент?

— Я не совсем уверен. Но в этой комнате намечено проведение интервью для журнала.

Ты согласна с этим?

— Интервью. Для какого журнала?

— Журнал Vanity пишет статью о твоей семье. Со стороны твоего отчима. — Я понижаю голос, так как женщина, скорее всего журналист, проходит мимо и заходит в комнату. — У меня есть несколько невыясненных вопросов, и я собираюсь узнать, в чем здесь дело. — Я нажимаю кнопку на радиотелефоне и прикладываю трубку к своему уху. — Вирджиния?

Нет, Мадам Вице — Президент. Нет, Миссис Райан. Ничего, но я зол как черт знает кто.

— Сенатор, — говорит она обеспокоенно и у нее есть на то основания. — Вы заварили это.

— Поправочка. Мы заварили это. После того, как вы пригласили нас. Что происходит?

— Мы не можем ждать год, пока вы сделаете первый ход, — отвечает она, на этот раз ее тон, которым она произносит резче.

— Ход. Объясни мне, почему сотрудник Хакетта является частью этого всего.

— Мы друзья. Я доверяю Уиллу, он также знает, как играть в подобные игры. Он хотел бы быть больше, чем просто послом, к тому же он будет работать в составе моего Кабинета. Мы разговаривали с ним о тебе и Мисс Кеннеди, у него есть связи с прессой. Vanity готовит историю, на которую избиратели купятся. Но я немного беспокоюсь. Между вами ничего не происходит. Сегодня среда, а правительственный обед на следующей неделе, а вы и Мисс Кеннеди пока ничего не предпринимаете. В следующем месяце ты будешь в Гаване. Поэтому, как раз время, чтобы устроить ваше встречу с прессой.

— Вы уклоняетесь от вашего плана. — Я прохожусь взглядом вниз по стене передо мной, я горько смеюсь над тем, что у этой женщины есть яйца. Я поворачиваюсь к Кса. — На всякий случай, мы работаем вместе на Холме.

— Не во время реальной предвыборной кампании и это моя забота.

— Итак, Вы просто насильно забираете наши жизни? Так ведь?

— Беннетт, ради Бога. Вам обоим нужен был толчок, что я и сделала. Считайте — это свидание вслепую вместо того, чтобы быть слепым. Небольшие действия за кулисами и у вас прекрасный завтрак с Мисс Кеннеди. Хочу напомнить тебе, что она ваш пресс — секретарь и она сможет попробовать себя в этом деле. А ты в курсе, что я отправила Лесли и ее команду в ваш офис, чтобы они подготовили для нее почву? Ксавия создана этой системой. Благодаря Уиллу, ее имя на устах у каждого репортера, кто работает на Холме. На следующей неделе, возможно, ей понадобится ее собственный пресс — секретарь, если это распалит огонь.

— И почему это должно быть хорошим поводом?

— Потому что те, кто полюбит ее, будут любить и тебя. И так как ты предложенный мной кандидат на пост Вице — президента, мы все почувствуем их любовь.

Глядя на Ксавию, я не могу поверить, что слушаю болтовню Вице — президента о том, что у нас с Кса есть для достижения ее политических целей. Моя саба качает головой и беззвучно произносит «успокойся».

Я киваю и мое лицо принимает холодное выражение. Блокируя все, что чувствую. Ирония заключается в том... что я начинаю понимать, что все, что мы разделяем с этой девушкой — это нечто большее, чем темный, извращенный, грубый секс. Я влюбился в нее, и никто в мире не должен знать об этом. Бля, я даже не могу сказать Кса... если я не хочу напугать ее до чертиков.

Я сжимаю переносицу и произношу тише.

— Очевидно, что ваша способность манипулировать превосходит все то, что вы можете еще сказать.

— Ты попросил не манипулировать ситуацией, и я клянусь, я не делала этого, кроме как свела вас вместе для этой статьи, которая поможет повысить рейтинг нашей кампании.

— После этого — я не уверен, — жестко отвечаю я.

— Ну, вам лучше решить какой именно путь вы выбираете, и побыстрее, — гневно произносит Райан.

— И почему это? Что изменилось?

— Скажем, за последние двадцать четыре часа Стилманы с помощью Ситибанка внесли существенный вклад в пользу нашей кампании. Вчера вечером, Грейс позвонила мне и сообщила, что готова сделать несколько значительных вкладов в наши специальные комитеты политических действий [Прим. пер. — Определяющей характеристикой этих комитетов является возможность расходования ими по сути неограниченных средств на проведение агитационно — пропагандистских мероприятий], после того, как ты объявил, что ты баллотируешься. Они были несказанно рады думать, что их внучка сейчас пресс — секретарь будущего Вице — президента. Я не могу не повторить снова какую поддержку они предлагают. Это не разовый взнос. Патрик готовит пресс — релиз о своем намерении поддержать нас. Ты вообще понимаешь, насколько это важно, но хочу напомнить, что не только для нас? Карьера Мисс Кеннеди взлетит вверх. Это один из тех моментов, которые изменят жизнь. Ты будешь стоять у нее на пути?

Я перевожу свой взгляд на Кса. Райан сделала отличный ход.

— Я все понимаю. Именно то, что вы ожидаете, должно случиться здесь сегодня утром?

— Ты завтракаешь с Мисс Кеннеди и это невинное свидание. Просто плыви по течению. Я хотела бы поговорить с ней.

Я закрываю ладонью радиотелефон и произношу шепотом:

— Это свидание. Устроенное командой Вице — президента... — и прежде, чем я могу добавить какое — либо дерьмо про политический вклад ее бабушки и дедушки, Кса берет меня за руку.

— Вице — президент изображает из себя фею — крестную по отношению к нам?

Совсем не та картинка, изображающая Вице — президента, летящей на метле возникает у меня в голове, но я киваю.

— Похоже, что да. У тебя не возникает желание послать все и уехать на Холм?

— Совсем нет. — Она смеется, прислонив голову к дверному проему. — Я уверена, здесь очень вкусно кормят. И мы можем сделать это так, как мы хотим, чтобы это было. Это прекрасная реклама для тебя... для твоей кампании. Так ведь?

Не только для моей. Я сосредотачиваюсь на ней и ее изумительных небесно — голубых глазах.

— Возможно.

— Тогда доверься мне, — говорит она и подмигивает мне.

— Кстати, Райан хотела бы поговорить с тобой.

— Хорошо. — Она берет телефон из моих рук. — Здравствуйте, Госпожа Вице — Президент. Спасибо за приглашение. Есть ли чего —нибудь, на что бы вы хотели, чтобы мы особенно обратили внимание? Например, предстоящая поездка Сенатора, мы можем поговорить об экономике, торговле с Карибским бассейном или об андеграундной рок — группе, взорвавшей Гавану. О жизни.

Глава 13

ЗА ДВЕРЯМИ.

В гараже я хватаю свой ID с неограниченным правом доступа для сотрудников, который мне доставили из офиса Вице — президента. Магнитная карта светится зеленым светом, предоставляя мне особые права и охранник кивает, находясь в застекленной кабинке, пропуская меня. Сегодняшний день пролетел и через несколько часов я увижу Беннетта. Буду окутана его теплыми руками, его мускулистым телом и командным голосом. Мне не о чем беспокоиться, кроме как о жестком, публичном сексе.

Точчччно!

Лучше сосредоточиться на мысли о предстоящем дне, думаю я, выходя из гаража. По словам Джона Брук становится лучше. Сейчас я нахожусь в какой — то степени на правильном пути будучи назначенной пресс — секретарем в Сенате. Если Вице — президент своим соколиным глазом или ее PR команда просматривают мой календарь, то лучше бы они впечатлились тем, как я справляюсь со своим распорядком дня, который они помогли плотно забить. Я быстро просмотрела расписание конференц — встреч с другими стажерами, как из нашего офиса, так и из других офисов конгрессменов Холма. Выполнив эти задания, Нора предоставила мне возможность обновить наше расписание встреч, а затем я встретилась с небольшой группой репортеров. Мой первый пресс — брифинг и с самого начала я была очень неуклюжей, пролив воду из своей бутылки, но я это пережила. Находясь почти на грани нервного срыва, к тому же я присутствовала на встрече Райан и Беннетта этим утром, мне нужно было закончить день на позитивной ноте.

Выехав после полудня и на этот раз, я не полагаюсь на навигатор, чтобы найти путь обратно — ну или хотя бы не весь путь до дома.

— Итак, как прошел твой день? — спрашиваю я, входя в квартиру и рассматриваю вазу с цветами, стоящую на журнальном столике напротив Брук. Мой взгляд падает на конверт с ее именем и карточку... скомканную. — Они прекрасны.

— Мой день был довольно продуктивным. А цветы... они красивые, — сообщает она мне резким тоном.

Она получает кучу цветов. Такое было еще со школы. Я не знаю, могут ли они относиться конкретно к ситуации, которая происходит «здесь и сейчас» или может это очередной жест ее нынешнего поклонника. Ее уставший вид не подтверждает ни того, ни другого.

— Этот красивый. И в прошлый раз тоже был красивый, — отвечаю я.

— Эти просто красивые. — Она кривится, постукивая ручкой по подбородку, в то время как ее взгляд обращается на розы. — У меня не было времени заниматься ерундой. Завтра серьезный экзамен по гражданскому праву.

— Хорошо. Слушай, у меня сегодня вечером встреча, — говорю я, изучая ее,

действительно ли она в порядке или есть какие — то признаки того, что она делает вид. Я могу опознать невербальные знаки и раскрыть то, что спрятано под видом ее внезапного и кардинального преобразования из тусовщицы Вашингтона в студентку и книжного червя юридического факультета. Я ищу подсказку, которая даст мне надежду в том, что ее вновь обретенное желание взяться за работу больше, чем ее реакция на трагедию.

— Который сейчас час? — спрашивает она, закусив кончик ручки, фокусируясь на экране компьютера.

— Около восьми. Ты хочешь есть? Я собираюсь приготовить ужин.

Она смотрит на меня и на этот раз он не вызывающий.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Да. Умираю с голода.

— Хорошо, продолжай заниматься, а я сделаю тебе что — нибудь вкусненькое. Курица марсала [Прим. пер. — Курица Марсала — это куриные грудки под грибным соусом и вином Марсала] звучит заманчиво?

— С картофельным пюре и чесноком? — Она улыбается мне. — Ну пожааалууууууиста.

— Хорошо, сделаем. — Я улыбаюсь ей в ответ и скидываю туфли. Зайдя в кухню, я снимаю пиджак и надеваю фартук, который купила, висящий на вешалке за дверью в кладовой. Собрав продукты, я разворачиваю и ополаскиваю куриные грудки. Их около полкилограмма. Обваливаю их в зелени, оливковом масле и в небольшом количестве муки, прежде чем обжарить филе со свежим чесноком, грибами и вином Марсала. Я прохожу мимо дверного проема и вижу Брук, уткнувшуюся в толстую тетрадь, в этот момент она перестает читать и начинает стучать по клавиатуре.

На самом деле она, кажется, готовится к занятиям с таким усердием, с каким я никогда не видела ее. Мы начали учиться в Бостонском колледже вместе, и пока я училась, как ненормальная, она тусовалась по — страшному.

Когда ужин готов, я сервирую стол и ставлю подогретые тарелки на барную стойку, зовя ее.

— Пора есть!

Я замираю с бутылкой Шардоне в руке, затем кладу вино обратно в холодильник, отдав предпочтение минеральной воде со льдом. Пока мы едим, она рассказывает мне, что цветы от режиссера, который как она говорит, прежде, чем я успеваю ее спросить, не имеет никакого отношения к ее нынешнему «затруднительному положению», как она называет свою беременность. Она спрашивает о моей работе и я рассказываю ей о своем взлете по карьерной лестнице.

— Так что, теперь вместо того, чтобы быть интерном Стоуна, ты являешься его пресс — секретарем? Кому ты пригрозила, чтобы получить это место? — Она берет кусок курицы, ожидая моего ответа.

— Младший пресс — секретарь, — поправляю ее. — И это только временное место на лето. Его постоянный человек по связям с общественностью находится в декретном отпуске и большая часть его сотрудников тоже находятся сейчас в отпуске. — Я морщусь после того, как слово «декретный отпуск» соскальзывает с моих губ.

— Никогда не знаешь, чем все кончится, — отвечает она равнодушно, отрезая кусочек от своей курицы. Она кладет его в рот и задумчиво жует. Когда она стучает рукой по стойке, я подпрыгиваю.

— У тебя все в порядке? — Я мямлю с полным ртом еды.

Она хватает меня за руку.

— Помнишь, когда мы были у моего дяди в клубе на Манхэттене? Тогда еще Клуни был там?

Я заканчиваю жевать и медленно провожу салфеткой по губам, стараясь не смотреть на Брук так, как будто у нее на голове выросли рога.

— Да. Классная была ночь!

— Сенатор Стоун был там. Я видела его. — Она пристально смотрит на меня и ее взгляд прожигает меня насквозь.

Не отводи взгляд!

— Почему ты не говорила ничего... до ээтого? — бормочу я.

— Я не сложила два плюс два. Дерьмо, я не интересуюсь политикой, а он сенатор штата Джорджия. Я едва ли знаю, кто является представителем моего родного штата. Но когда ты сказала мне, что работаешь на него, а Джон рассказал мне, какой он красавчик, то я загулила его.

— О, Боже! Я не могу поверить, что ты следила за ним виртуально.

— Эй. Мне было скучно. И да, он стоит того, чтобы его изучить. Каково работать на него: он мудака или лапочка?

— Что ты имеешь в виду? — Я пытаюсь выиграть время для того, чтобы придумать хотя бы наполовину правдоподобный ответ. Кто для меня Беннетт? И то и другое. Ни то ни другое. Я не знаю, как описать то, что я чувствую, и после сегодняшнего интервью становится очевидным, что нет обычных слов, чтобы дать нам определение.

— Такой парень, как он... он выглядит требовательным, — размышляет она.

— Он многообразие черт. Я думаю, это зависит, — говорю я, и мой голос затихает.

— От чего? — спрашивает она.

Мой взгляд блуждает и она пялится на меня.

— Эээ... это зависит от его повестки дня и выступлений. А это имеет значение? Он редко бывает у себя в офисе. Но его сотрудники... они все веселые и со своего рода закидонами.

— Это много говорит о человеке, который их нанял. — Она смеется и встает. — Хочешь добавки?

Брук прошла мимо моей двери час назад и сообщила, что определенно завтра она собирается «разгромить» тест. Чтобы получить отличную оценку, сегодня она атакует книгохранилище юридической библиотеки. Скользнув на край своей кровати, я ныряю в свои туфли на каблуке и слышу, как пищит мой мобильный. Я беру его и на нем вижу оповещение о входящем письме на электронной почте от Беннетта. Я нажимаю его, чтобы открыть.

От: Беннетта А. Стоуна b.a.stone@imac.com

Кому: К. С. Кеннеди x.s.kennedy@gmail.com

Маленькая саба,

Во вложении ты найдешь мои инструкции на сегодня.

Прочитай и выполни все мои указания. Они не сложные... если ты не будешь спорить.

Я готов вознаградить тебя за твои усилия. Или показать тебе, что значит подвергнуть сомнению мой авторитет.

В конечном счете, у тебя есть право решать, как пройдет наш вечер.

Бен

Хрень. Мои щеки пылают, пока открывается вложение. Я чувствую, как мои глаза расширяются, читая инструкции, которые он отправил.

— Что делаешь? — спрашивает Брук. — Я собираюсь в душ, а после я уезжаю в библиотеку.

Я быстро соскакиваю с постели, закрывая ужасный список своего сенатора Дома.

— Ты уверена, что не хочешь, чтобы я отвезла тебя?

Она опускает глаза.

— Нет. Я хочу, чтобы ты пошла на свою встречу, Мисс пресс — секретарь. Бля, ты выглядишь горячо.

— Мои шпильки выше самого Капитолия?

— Да, пора бы уже! В стиле «Я действительно планирую одеваться так, чтобы свести судьбу, присяжных и долбанного адвоката, черт побери, с ума».

— Ну, я думаю, ты ответила на мой вопрос.

— Покажи им то, о чем я говорю. — Торжествующе кричит она.

— Увидимся позже. — Я обнимаю ее и вижу, как она уходит из моей комнаты к себе, чтобы переодеться.

Мой пульс увеличивается и я собираю в пучок свои волосы, натянув на них парик. Я беру сумку, иду на цыпочках к двери и выглядываю в коридор. Держась за дверной проем, я прислушиваюсь и слышу шум воды в душе. Выдохнув с облегчением, я не спеша выхожу из своей комнаты, а затем покидаю квартиру.

Поездка не занимает долго и у меня есть немного времени, чтобы окунуться в мир фантазий. Я изучаю список инструкции на своем телефоне. Очевидно, как у сабы у меня существует ряд обязанностей, которые должны быть соблюдены. Указания как действовать шаг за шагом. Я перечитываю инструкции Беннетта, подробно описывающие, во что мне одеться, как входить в комнату, снимать с себя одежду, в каком положении должно быть мое тело и как я должна приветствовать его. Расплачиваясь с водителем, я дрожу, протягивая наличные в его руку.

Я вхожу в отель Франклин с магнитным ключом в руках и киваю швейцару. Пересекая холл, я приглаживаю челку своего парика в стиле Клеопатры, прилипшего к моему лбу из — за выступившего пота на моей коже. Войдя в номер отеля я нахожу еще одну красную розу, еще одну бутылку шампанского и записку. Я беру конверт и достаю карточку из плотной бумаги. В сообщении написано: «Переоденься, вещи найдешь в пакете».

И далее приписка: «Потому что, мне это нравится».

Я вижу блестящий пакет. Черный с красным бантом. Откуда он знал, что у меня возникнут вопросы? А, потому что я всегда так делаю.

Я раскрываю тонкую оберточную бумагу внутри и останавливаюсь, когда касаюсь платья из гладкой латексной ткани. Я провожу пальцами по блестящей коже цвета спелого красного яблока. Это яркий цвет. Не то, во что были одеты в субботу другие женщины. Клуб был наполнен людьми, одетыми в темную одежду, спрятанными под масками и капюшонами лицами, хотя было несколько женщин, одетых в девственно белый. Я беру платье и мягкий материал блестит, отражая свет. Приложив его к груди, я поднимаю взгляд на зеркало, расположенное на стене и съезживаюсь.

Серьезно, Бен? Знает ли он, насколько короткое это платье? Сверху оно оформлено больше как корсет, а низ его... крошечный. Действительно, очень крошечный. Мне нужно ведро кокосового масла, чтобы втиснуть свое тело в это узкое платье.

Перечитывая записку от Бена, я злюсь. У меня нет времени проводить расчеты в уме. Если я не спущусь в холл... ох, твою ж мать. Я не могу спуститься в этом платье туда. Безусловно, из всех людей он единственный, кто понимает это. У меня не было с собой пальто. На дворе конец лета... Сильно сомневаясь, я копаюсь в оберточной бумаге и на дне сумки я нахожу атласную накидку и кусочек черного кружева, которые, должно быть, я пропустила. Поднимая их оба, я понимаю, что кусочек кружева — это стринги с биркой от La Perla. Я разворачиваю облегченный вариант плаща. Отлично, я буду выглядеть, как — будто иду на вечеринку готов, но скорее ад замерзнет, чем я опоздаю и моя задница будет страдать от того, что Беннетт будет выражать свое неперемное недовольство.

Я переоделась, но я не могу посмотреть на свое отражение в зеркале. Одного раза было достаточно. Я тяну за подол платья и мои сиськи вываливаются из верхней части платья, которое едва сдерживает их, а еще хуже это когда я тяну его вверх за лямки и ложбинка сжимается, образуя впадинку.

В чем у меня проблемы? Я забыла ту часть, когда «я была голая на людях и как Беннетт трахал меня»?

Пришло время, чтобы снова пройтись в уме в последний раз по списку задач. На моем лице маска, я приглаживаю свой парик и напоминаю себе дышать. Надев плащ, я спускаюсь в лифте и сажусь в то же кресло, в котором я ждала в прошлую субботу. Совсем скоро гладкий черный автомобиль подъезжает к двери холла. Я сосредотачиваюсь на полу, на рисунке из мраморной плитки, стук в ушах соревнуется со звуком шагов водителя.

Мы повторяем все в том же духе. Он провожает меня к машине с затонированными стеклами и просит меня надеть повязку, которая лежит рядом со мной на заднем сидении. Мы едем несколько кварталов, вдруг останавливаемся и в этот раз я готова к тому, что мы повернем. Дверь машины открывается и я застываю, пытаюсь понять, что делает Джекс, садясь вовнутрь.

— Добрый вечер, Мисс Иксес, — говорит он, медленно растягивая слова, на тexasский манер. В прошлый вторник он заскочил на минутку в офис, но Беннетта не было на месте. Он поприветствовал меня смутным «привет», когда наши пути пересеклись. И как тогда, меня охватило чувство вины, смешанное с опасением, зная, что Джон является частью всего этого, копаясь в грязном белье.

Сейчас звук его голоса действует на мои нервные окончания так, будто страх окутывает мою кожу, словно холодная пелена. Мне все еще сложно решить, что делать с Джоном и его охотой за сплетнями на Холме. Я сплываю, мечтая вжаться в сиденье. Мне негде спрятаться, кроме как внутри себя.

— Здравствуйте, — отвечаю я, заставляя свой односложный ответ не звучать так, будто я чувствую вину.

Мы едем и на этот раз, я слышу хлопок.

— Не желаете бокал шампанского? — спрашивает он. — Обещаю, оно хорошее.

— Да. Спасибо. — Я сплетаю пальцы, вспоминая, что я забыла попробовать шампанское, которое Беннетт заказал в номер люкс.

Мы потягиваем его в тишине. Прежде чем я успеваю поставить свой фужер, я чувствую, как он крепко берет его.

— Я налью вам еще. Мы скоро будем у клуба.

Шампанское не просто хорошее, оно великолепное. Его шелковая шипучесть воздействует на мои чувства, растекаясь снова и снова блаженным теплом, все это время Джекс разговаривает, не переставая по телефону. И вот, тогда я решаю, что должна анонимно предупредить его, что в его рядах есть стукач. Когда машина полностью останавливается, я с нетерпением жду его следующего шага. Дверь с моей стороны открывается и вечерний воздух, мягкий после поездки в прохладе автомобиля, обдувает мое лицо и приподнимает края плаща, лаская мою кожу.

— Сегодня вечером, я не буду раздевать тебя. Поэтому, пожалуйста, расслабься, — говорит Джекс, когда берет мою руку.

— Я стараюсь. — Он больше не мой Смотритель и я не знаю, как к нему обращаться. — Как мне вас называть?

— Кэш, — отвечает он, а потом смеется. — Но это просто прозвище.

Слегка держа мою руку, он ведет меня в Дом.

— Подождите. Нужно поправить маску.

Он проводит пальцами вдоль скулы, а затем двигается вверх, потянув за атласную ленту, прилегающую к глазам. Он убирает ее и я моргаю, пока мои глаза не привыкли к тусклому золотистому освещению роскошной прихожей. Он проводит меня мимо большой комнаты, в которой находится длинный бар и где собрались члены клуба.

— Это основной зал, — объясняет он. — Здесь не допускаются никакие интимные отношения, исключение составляет аукцион рабов или саб.

Несколько голов поворачиваются в нашу сторону. Мы продолжаем идти вдоль внутреннего коридора, где расположены четыре различные двери, окрашенные в разные цвета. Все блестящие тона. Красный. Белый. Синий. И черный.

Я предполагаю, что мы направляемся к двери черного цвета, но он проходит и я следую за ним, изучая замысловатые приспособления и мигающую панель с ключом безопасности.

Мы проходим мимо рубиново — красного номера. Мимо комнаты цвета синего сапфира. И остается только одна. Джекс останавливается и кивает в сторону белой двери.

— Ваша комната.

— Спасибо. Еще раз за то, что сопровождаете меня. — Я стою перед перламутровой дверью.

Из — за слабого освещения мое платье становится кроваво — красного цвета и создает яркий контраст по отношению к двери, у которой я останавливаюсь. Я поворачиваю стеклянную ручку, она ощущается прохладной из — за того, что мои ладони вспотели. Плавно ручка поворачивается в моих руках и я вхожу. За счет белой мебели, кремовых ковров, стен и потолка комната навеивает мысль о чем — то легком и прозрачном. Где же деревянные колоды, которые я ожидала? Здесь нет современной черной кожаной мебели или холодного цемента.

— Прошу. — Джекс слегка кланяется, прежде чем выйти за дверь и я закрываю дверь.

Привыкнув к тому, что я одна, я останавливаюсь, мое сердце стучит... грохочет внутри грудной клетки. Мне требуется секунда, чтобы привыкнуть к необычной комнате и, увидев роскошное белое бархатное кресло, я вспоминаю свои обязанности сабы. Как я должна раздеться и аккуратно повесить свою одежду. Беннетт дал мне четкие указания, чтобы я приняла ванну. Довольно интимные указания того, как я должна подготовиться к сегодняшней ночи. Во мне находится анальная пробка и я полностью проэпиллирована.

Я медленно раздеваюсь, следуя его указаниям. Вешаю свое платье. Снимаю украшения. Оставляя черные кружевные стринги и туфли. По моей коже бегут мурашки, в то время как соски превращаются в твердые бусинки, возбужденно торчащие и до боли желающие ощутить его рот.

Следуя его инструкциям, я должна сидеть на кушетке на краю. И ждать. Часы на камине тикают. Каждый щелчок громко раздается в тишине, отдаваясь у меня в голове. Несколько минут я остаюсь в одном и том же положении, сидя на краю. Большое зеркало в позолоченной раме, возможно, это окно для подглядывания, направлено прямо в комнату. Смотрит ли Беннетт на меня из соседней комнаты?

Какое — то время я сижу, выпрямив спину, так как он мне сказал, не сутулясь. Колени и лодыжки вместе, руки на коленях, пальцы сложены. Так я жду и жду его, мышцы на моих плечах начинают тянуть. Тяжело оставаться на одном месте и не двигаться. Переводя взгляд по комнате, я наблюдаю за происходящим вокруг из — под ресниц.

Роскошная кровать покрыта белым пушистым покрывалом и несколькими подушками и подушечками. Кованые стойки, окрашенные в гляцевый белый, составляют основу кровати. Балдахин свободно спадает тонкой просвечивающей тканью. Это не тот тип комнаты, которую можно сделать себе в подzemелье и где проводятся игры под названием «жесткое господство». Эта комната больше подходит для сцены соблазнения с зажженным свечами в витиеватых канделябрах, стоящих на нескольких столах вокруг. Помимо свечей, здесь есть вазы со свежими цветами, а лепестки роз разбросаны везде по полу. Я продолжаю блуждать взглядом. Эта необычная комната выглядит очень нежно. Чем больше я смотрю, тем больше вижу.

На этой же стороне комнаты расположена ванна на медных ножках, напоминающих когтистые лапы, спрятанная за полупрозрачным стеклом. Мягкие банные полотенца развешены на, как я понимаю, подобии батарей, а полочки забиты всевозможными принадлежностями для принятия ванны. Бутылка шампанского «Кристалл» охлаждается в ведерке со льдом с рядом стоящими бокалами. Недалеко стоит чаша с клубникой. Ничего не было упущено из виду в дизайне и оформлении мельчайших деталей во всей этой комнате.

Пока я восхищаюсь предметами интерьера на другой стороне спальни, дверь напротив меня открывается. В коридоре темно и я задерживаю дыхание в тот момент, когда Беннетт входит через дверной проем. Его кожа блестит в мерцающем свете, скульптурные мышцы его торса играют, когда он движется. Когда он подходит ко мне, напряженные мышцы его плеч начинают играть и сокращаться.

Он двигается с кошачьей грацией, когда делает шаг вперед, идя на своих длинных, мускулистых ногах, облаченный в кожаные штаны и я поедаю каждый сантиметр его мускулистого тела. Одна рука, в которой он держит моток белой веревки, опущена вдоль тела и веревка задевает его по бедру при каждом шаге. С тихим звуком «шлеп». Шлеп. Шлеп.

В его глазах блеск и когда его взгляд встречается с моим, у меня перехватывает дыхание. Невероятно сексуальный. О нет. О чем я думаю? Я не должна смотреть ему в глаза и быстро опускаю взгляд на пол.

— Так, так, ну не прелесть ли ты? — произносит он хриплым голосом, который наполняет меня, словно воздух, распространяясь внутри меня.

— Спасибо, Мастер. — Я напоминаю себе сидеть смирно. Ждать его указаний. Он стоит передо мной и я дрожу в предвкушении.

— Маленькая саба, раздвинь свои ножки и покажи мне, что принадлежит мне. — Не

глядя на него, я раздвигаю ноги, и, прежде чем я успеваю подумать дважды, он встает передо мной на колени и раздвигает мои ноги шире. Потирая большими ладонями мои бедра, он медленно вдыхает, его плечи поднимаются и опадают, тогда как он ставит обе мои ноги по разные стороны своего мускулистого тела. — Сегодня я заявлю на тебя права разными способами. Ты удивлена обстановкой комнаты?

— Да. Это не то, чего я ожидала. Она чудесна. — Боковым зрением я вижу, как он поднимает руку и достает что — то из серебристого металла.

Удерживая в руках, он показывает мне, поворачивая так, чтобы я смогла увидеть застежку.

— Ты будешь носить этот ошейник. Пока ты моя собственность, его нельзя снимать. Никогда.

— Да, Мастер. — Я борюсь с желанием взглянуть на него. Его указания четко дают понять, что я должна держать глаза опущенными, пока он не прикажет мне сделать иначе. Вместо этого я смотрю на ошейник, который он сейчас расстегнул и держит в руках. Блестящий металл и я бы даже поспорила, что это белое золото или платина. Он поднимает его и подносит к моей шее, убрав волосы моего парика, пока застегивает замочек. Ошейник тяжелый, хотя и не плотно прилегает к моей шее, тут же мои соски становятся твердыми, когда его дыхание начинает ласкать мою кожу.

— Красивая... — слегка касаясь своими пальцами моего лица, его большой палец скользит по моей нижней губе. — Ты будешь носить это как знак, что ты моя. Поняла? Хочешь прикоснуться к ошейнику? Ты можешь сделать это.

Я глажу гладкий металл на моей шее.

— Мастер, я, кажется, понимаю.

Его прикосновения становятся сильнее.

— Пока ты носишь мой ошейник, здесь никто не тронет тебя. Ты неприкосновенна. Также ты можете ходить и исследовать Дом без сопровождения и заходить в смотровые комнаты.

Запустив пальцы вдоль полоски металла, я понимаю иронию в том, чтобы ходить в ошейнике, пока он дает мне свободу. Его доверие. Нося его ошейник, я признаю его господство. Примитивное напряжение сжимается внутри меня. Расцветает что — то чуждое, наполняя опустошенную часть меня, и у меня возникает вопрос, может, у меня галлюцинации? Я чувствую это притяжение, это желание... которое я могу описать только как форму эротической мольбы к нему.

Я разрываюсь. Я в замешательстве. Кто я? Точнее, кем я становлюсь?

— Мастер, — шепчу я.

— О чем ты думаешь? Посмотри на меня, саба.

— Я... — я поднимаю глаза, встречаясь с его обольстительным взглядом, который захватывает или скорее проникает в меня с такой силой, что может раскрыть все мои секреты. Мое сердце трепещет и я опускаю взгляд, но моментально он обхватывает и поднимает мой подбородок.

— Поговори со мной.

Я не хочу, чтобы кто — то наблюдал за нами и все же я иду на это. Быть с Беннеттом в этой комнате ощущается настолько интимно, что кажется не настоящим. Это тщательно продуманная сцена на которой мы актеры. Ничего больше.

— Я запуталась.

— Да, я вижу. Это из — за ошейника или из — за меня... или нас?

Я не могу сформулировать то, что я чувствую в осмысленные слова. Я перевожу взгляд в сторону зеркального окна.

— Пожалуйста, мы можем мы поговорить позже?

Он разворачивает мое лицо к нему и, когда наши взгляды встречаются, моргнув один раз своими зелеными глазами, он кивает. Опустив голову, его теплые губы встречаются с моими и он проникает своим языком в мой рот, поглощая мое замешательство, пока не остается ничего вокруг, кроме нас двоих. Я закрываю глаза, обвиваю руками его шею и легко растворяюсь в нашем поцелуе.

Он поднимает и несет меня, но мы не перестаем целоваться, даже когда он укладывает меня на кровать. Обвив руками его шею, я изгибаюсь к нему навстречу, утопая в волнах удовольствия, он прижимается ко мне.

Я почти на грани, когда поднимаю Ксавию, глядя ее плоский животик. Я опускаю крошечные стринги вниз по ее бедрам, глядя... бл*я, не отводя взгляд на ее обработанную воском голую киску, опуская кусочек кружева вниз к ее туфлям.

— Раздвинь для меня ножки, детка.

Соблазнительно, она разводит ноги в коленях, скользя пальцами по внутренней стороне бедра и я напрягаюсь, мои мышцы становятся твердыми. Она раскрывает свою киску, сводя меня с ума. Мой член болезненно увеличивается от вида ее розовых губок, гладких лепестков, которые я жажду ощутить на вкус и ворваться в них так жестко, что она закричит. На ней мой ошейник и сегодня я собираюсь завладеть ей. В большей степени заявить на нее права.

— Перевернись, — приказываю и размещаю мягкую подушечку под ее бедрами, а затем снова раздвигаю ее ноги.

Я беру веревку и делаю одинаковые петли. Сначала я завязываю узел в центре, затем надеваю петлю на хорошо замаскированный фиксатор в изножье кровати для того, чтобы закрепить ее. Я продеваю каждый конец веревки через кольцо в каждой части кровати, глядя на поднятые вверх бедра Кса, и сжимаю челюсти от удовлетворения. Я удалю анальную пробку, которая виднеется между ее ягодиц, а потом ее совершенная задница станет моей, пока я буду трахать ее и наполнять своей спермой.

Держась за одну из ее стройных лодыжек, я оборачиваю веревку снова и снова, прежде чем окончательно привязать ее. Я повторяю тот же способ завязывания веревки на другой ее ноге. Подняв второй моток шелковой веревки, я иду к изголовью кровати и встречаюсь с ее взглядом, беру ее руку и тяну. Ее глаза вспыхивают огнем, когда я оборачиваю веревку вокруг ее предплечья вплоть до запястья и крепко натягиваю, используя безопасный узел. Я размещаю середину веревки в фиксаторе, расположенном в изголовье кровати.

Склонившись над изголовьем, я поднимаю бровь.

— Попроси меня связать тебя. — приказываю я ей вполголоса.

Она ахает. Это ее последняя частичка, которая свободна и ее безусловная форма подчинения. Это тест и она это знает.

— Пожалуйста... свяжите меня.

Я качаю головой.

— Громче.

— Пожалуйста, Мастер. — Она вытягивает шею и мышцы на ее спине напрягаются. —

Пожалуйста, привяжите меня к этой кровати!

Еб*ь, я люблю слышать, как она умоляет. Нежно я поднимаю ее запястье и целую ее руку.

— Ты идеальна.

С последним узлом, привязав веревку, я расправляюсь очень быстро. Она лежит распластанная, полностью незащищенная и представляет собой шедевр. Долю секунды я восхищаюсь тем, насколько красива Ксавия, полностью открытая для моего удовольствия. Я проверяю веревки, они все туго натянуты. Я раздеваюсь, беру бутылку смазки и залезаю на кровать. Сегодня вечером я собираюсь отшлепать ее ладонью, так как я заявляю права на ее задницу. Я бросаю бутылку рядом со своим коленом и глажу руками ее ягодицы, раздвигая их и достаю пробку.

— Дыши, — приказываю я ей. — И умоляй меня дать тебе то, что ты хочешь.

— Мастер, пожалуйста, трахните меня, — говорит она. Не один раз, а несколько.

Я провожу рукой по ее гладкой киске, раздвигая губки, и щипаю ее за клитор. Она изгибается и я вставляю два пальца в нее, наслаждаясь тем, как она толкается и сжимает меня внутри себя, издавая стон хриплым голосом. Я начинаю входить в нее все грубее, глубже, пока она не начинает умолять меня о большем. Она мокрая, стенки ее влагалища сжимают мои пальцы и мой член пульсирует в необходимости вонзиться в нее... овладеть ей. Я сжимаю бутылку со смазкой, покрывая свои пальцы и член скользкой жидкостью. Она открыта для меня и я не заставляю ее ждать.

Я двигаюсь пальцем в ее дырочке, скользя туда и обратно.

— Умоляй меня. Скажи, как сильно ты этого хочешь.

Подняв вверх бедра, она натягивает веревки руками.

— Пожалуйста, трахните мою задницу.

Ее подчинение — это мой наркотик. Глубокий стон, вызванный ее голосом и мольбой тела, зарождается во мне и в тоже время мой член начинает пульсировать. Я вонзаю два пальца в ее задницу и она задыхается, ее тело напрягается, и я напоминаю ей дышать, пока сам вдалбливаю свои пальцы в нее, после чего вставляю еще два. Вынув из нее свои пальцы, я придерживаю член, покрывая его смазкой, подношу головку к с ее входу и толкаюсь, раздвигая ее ягодицы в тоже время входя в нее кончиком. Так. Бл*ь. Хорошо.

Мои мышцы напрягаются, когда я заставляю себя двигаться медленно. Я начинаю выходить из нее и она сжимает попку, ее стенки сжимают словно тиски мою головку.

— Расслабься и позволь мне войти в тебя.

Я нагибаюсь, держась за Кса, и погружаю свой член в нее — она мягкая — я хочу большего. Толкаясь вперед, она издает резкий звук, похожий на мяуканье, но я животное. Я хватаю ее, обвивая изгибы ее бедер своими руками. Тяну к себе, я ввожу головку в нее.

Должен ощущать себя в ней по самые яйца, но она напряжена, она очень тугая. Я хватаю смазку и наношу несколько капель на свою эрекцию и вдоль ее дырочки. Я ударяюсь своими бедрами, входя всего лишь кончиком своего члена в нее, в то время, как инстинкт дико врваться в нее становится все сильнее и сильнее и его становится труднее игнорировать. Сдерживаясь, я чувствую себя, пи*ц, на грани.

— Будет больно. Это неизбежно, но после этого ты почувствуешь удовольствие.

— Сделай это, — шепчет она. — Жестко. Я хочу этого.

Бл*ь! Услышав ее просьбу о том, что я бы хотел предоставить ей, я содрогаюсь. Мой член, словно из настоящей стали, в то время как я развожу ее ягодицы в стороны, глядя на

свою набухшую головку. Мои мышцы дергаются от того напряжения, что я сдерживал, но я больше нет сил. Я подаюсь бедрами вперед, погружая свой член в нее.

— Боже, детка! — Она невероятно тугая. Скользящая. Идеальная.

Потянув вверх ее бедра, я погружаюсь своей длиной в нее дальше. Все мои мышцы напряжены до тех пор, пока я полностью не оказываюсь в ее попке. Мои глаза закатываются и на какую — то гребанную долгую секунду я оказываюсь окутанным ей и глубоко вздыхаю, издавая первобытный стон.

Кса моя. Вся. Моя.

Она склонила голову на подушку и я медленно выхожу, наблюдая за своим членом, когда он появляется на несколько сантиметров, затем я снова вхожу в нее. Жестко. Быстро. Я продолжаю смотреть, как вхожу и выхожу на пару дюймов больше, долбясь в ее розочку. Я вставляю свой член в нее, ударяясь яйцами о ее задницу и полностью выхожу, оставив только лишь головку в ней, владея ей.

— Скажи это! — Мне нужно услышать ее мольбы быть оттраханной. Я шлепаю ладонью ее по заднице скользящими движениями. Не один раз, а несколько.

— Сейчас. Пожалуйста, Мастер. Трахните мою задницу.

Мой член блестит, толстые и вздутые вены, эротично возбужденные, выпирают по бокам. Я толкаюсь в нее, трусь о ее пухленькие ягодички. С каждым толчком я шлепаю ее задницу и заставляю ее умолять о большем. Я настолько повернут на наблюдении за своим членом, который я дико вбиваю в розовую задницу. Я владею ей. Трахаю ее. Шлепаю ее с выносящей мозг жестокостью, которую я жажду и она принимает это.

Я сильно ударяю пальцами по ее киске. Она мокрая, скользящая, умоляет о большем. Вместе с ней мы достигаем грубого ритма, что заставляет кровать трястись и грохотать по полу. Я трахаю ее пальцем, пока толкаюсь в нее сзади. Я почти рядом, чтобы кончить, но мне нужно заставить ее разлететься вместе со мной. Я щипаю ее за клитор, подводя ее к краю, где я жажду услышать ее крик боли и восторга. Этот граничащий с насилием трах опьяняет меня и я наклоняюсь к ней, зацепившись пальцами за плечи, словно гонимый зверь, вгоняя свой член в нее.

— Бл*ь. Ох, бл*ь! — Я грязно ругаюсь, в то же время врезаюсь в нее беспощадно.

— Пожалуйста. Мне надо кончить, — просит она, дрожа в то время, как ее мышцы сокращаются и она выбивает мысли из моей головы и сперму из моего члена.

— Сейчас, детка! Откройся для меня. — Я падаю. С обрыва.

Оглушительная эйфория взрывается во мне, когда мы кончаем вместе. Я склоняюсь над ее телом, мой взгляд застилает дымка настолько сильно, что я не могу четко видеть. Опьяняющее удовольствия взрывается во мне, под моей кожей вспыхивает яркая вспышка и я дрожу, чувствуя, что еще один яростный толчок спермы вылетает из моего члена.

Глава 14

ОРЕЛ ПРИЗЕМЛИЛСЯ.

Спустя неделю всевозможных причин для отмены встреч, я наконец — то шагаю по лестницам О'Мэйли. Джекс здесь и он занят, оживленно разговаривая по телефону. Я расстегиваю пиджак, перед тем как занять свое место, наблюдая за тем, как он держит телефон рядом со своим ухом. Официант принимает мой заказ и пока я сижу, Джекс

закатывает глаза и говорит человеку на другом конце провода «До встречи!».

— Ты пришел раньше меня, — говорю я, взглянув на часы. Если честно, я изучаю помещение, когда поднимаю глаза.

Он кладет свой телефон на стол и фыркает.

— Я не тот, у кого есть пунктик по этому поводу. Да ведь?

— Уверен, что ты планируешь свои интрижки на месяц вперед. Черт, мне жаль человека, которому в конечном итоге ты достанешься. — Усмехаюсь, но я вполне серьезен. Он на грани заикливости, когда дело касается организации своей жизни, исключением является его одна неспособность быть вовремя на обеденных встречах.

— Этот человек будет благодарить Бога, что я ему достался, — парирует он. — Я стараюсь быть чуть ли не гребанным совершенством, так что отвали.

Он король все устраивать.

Не спорю.

Звонит его телефон, а я барабаню пальцами по столу, пока он разговаривает. К тому же, он еще и любитель поговорить по телефону. Я поднимаю свой стакан воды и осматриваю заведение. Наверху практически пусто и это чертовски странно. O'Malley's — это место, которое необходимо бронировать заранее, чистая случайность или благосклонность свыше — вот, что поможет «застолбить» место на время ланча. Джекс всегда просит столик рядом со стойкой, но не сегодня. Наш привычный столик там и там пусто, как и в большинстве из кабинок.

Джекс все еще трещит по телефону. Так, бл*ть, я достаю свой телефон, щелкаю на сообщения от своих сотрудников и отвечаю на три из них, продолжая наблюдать за тем, что происходит вокруг нас. По прошествии пяти минут с момента моего приезда, верхний этаж остается пустовать. Мы сидим рядом с черным входом в помещении, оформленном в виде кабинок и ниш. Чертовски незаметные и сейчас мне интересно, кто еще присоединится к нам. Чем более открытым я стараюсь быть, тем больше по иронии судьбы я попадаю в передраги.

Джекс кладет трубку и вздыхает, переводя внимание на пару мужчин, в солнцезащитных очках, только что вошедших в зал. Судя по их внешнему виду, скорее всего это Секретная служба. Стандартная процедура, происходящая в Вашингтоне, и я, не обращаю на них никакого внимания.

— Кстати о времени. Даже находясь здесь, ты все еще постоянно опаздываешь на обед, — отвечаю я, взяв в руки меню. — Что такого особенного в сегодняшнем дне?

— Дело во мне, — мурлычет женский голос.

Я поднимаю голову и встречаюсь с пристальным взглядом Анжелы Уорнер, но вместо того, чтобы поприветствовать ее, я свирепо смотрю на нее. Прошел почти год с того момента, как мы с ней были вместе в Доме. И за последние две недели, она попросила о трех встречах. Последняя из них была фикцией.

— Даже не поздороваешься? — Она приподнимает бровь. Я замечаю двух мужчин, которые вошли несколько секунд назад и встали в стороне, но в прямой видимости от нашего стола.

— Чего ты хочешь? — Мой голос лишен всяких эмоций, лицо нейтральное. Как — то давно я узнал, что эта женщина любительница драм. Ее движения, словно битва между стервятником, кружащим вокруг жертвы.

— Боже мой, Бен, — усмехается она. — Господи, что с тобой?

— Анжела. — Джекс встает. — Рад видеть Вас.

Я бросаю взгляд на него. Лучше бы он них... не собирался приглашать ее присесть за наш столик.

— Сенатор Уорнер, на днях, Вы просили организовать еще одну встречу. Просто любопытно, почему Вам необходимо встретиться со мной, учитывая мой забитый график.

— Мы можем поговорить сейчас, — предлагает она.

Двое мужчин в костюмах появляются около нее и говорят резким тоном по своим телефонам.

— Орел прибывает. Повторяю, Орел прибывает.

Один из мужчин в костюме вытаскивает стул и она садится. Я напрягаюсь и смотрю мимо нее на человека в костюме, затем обратно на Джекса.

— Бен, — он напряженно произносит мое имя. — Просто выслушай предложение.

— Серьезно, Джекс? — произношу я в полном недоумении, а затем повторяя снова говорю, чертовски удивленно: — Серьезно!

Я собираюсь встать, но еще пара людей в темных костюмах подходят ко входу наверх. Они своевременно отходят в сторону и появляется Габриэль Норт. Еб*ть!

— Сенаторы, спикер, — говорит Президент, ухмыляясь, прежде чем кивнуть мужчине, стоящему рядом с ним. — Агенты, продолжайте. Сообщите, когда закончите.

Мужчины, находящиеся рядом с Президентом, осматривают все вокруг с внимательным выражением на лице, в то время как еще одна группа, состоящая из трех человек с собакой, натренированной на поиски взрывчатых веществ, так называемые важные персоны в ФБР, обыскивают место на наличие этих самых устройств и взрывчатых веществ.

Возвращается официант с напитком Джекса и моим, а также с привычной запечатанной и охлажденной бутылкой «Серый Гусь» [Прим. пер. Grey Goose («Серый Гусь») — бренд французской водки премиум класса] и охлажденными стаканами. Официант аккуратно наливает в два стакана, поставив один перед Президентом, а второй перед Уорнер.

Агент подходит к столу.

— Все чисто, мистер Президент.

Норт кивает, поднимая свой бокал и окидывая взглядом сидящих за столом, останавливаясь на мне.

— Неплохое представление вы устроили на прошлой неделе. Жаль, что вы и ваша саба с недавних пор находитесь под пристальным вниманием. Вы будете сегодня в клубе?

— Нет. — Я встречаюсь с его взглядом, прикрытым тяжелыми веками; его глубоко посаженные глаза смотрят в мои через стол. У этого человека есть право на частный просмотр моих действий в качестве Дома. Я тянул до последнего, стараясь отклонять предложение Джекса касаясь вечера среды и появившись в Доме с Кса прошлым субботним утром, пока там никого не было. Если бы он был кем — то другим и моя саба была кем — то другой, я бы поднял свой бокал и поболтал бы с ним. Выбрал бы время. Пообедал бы, обсудил бы делишки на Холме и ушел бы восвояси. Но он хочет наблюдать за нами с Кса — делать то, о чем я понятия не имею. Сомневаюсь, что это честная игра.

— Жаль, — замечает Норт.

Уорнер сидит рядом с ним и Джекс устроивший этот нелепый обед, прекрасно знает при каких п*ц обстоятельствах мы с ней растались. На сколько кругов ада я спустился и куда это привело?

— Очевидно, что вы инициировали эту встречу, — отвечаю я, поднимая свой бокал. — Скажите мне, что это значит?

— Вы. И эта ваша саба. — Норт изгибает бровь, затем без промедления опрокидывает свой напиток. — У меня есть предложение.

— Какое? — Сжав челюсть, я остаюсь на своем месте, обдумывая варианты. Так называемый козырь из рукава выкинут на стол и теперь стоит вопрос не являюсь ли тем единственным человеком, который сидит и ждет, когда будет выброшен следующий козырь.

— От которого нельзя отказаться. — Это все, что он произносит.

Его откровенность ничто, но. Он прославился политической жестокостью, приравненной к мастерской. Холодной. Ледяной. Норт из Детройта. Окончил Вест — Пойнт. Участвовал в войне в Персидском заливе. Имеет репутацию человека, который одним ударом слева мог в свое время вырубить противника. Мы принадлежим одной партии. Он женат, имеет двоих детей и уже пять внуков.

— Подпиши это, — говорит он и вынимает из кармана сложенный листок бумаги. Он пододвигает его через стол ко мне.

— Подпишу в случае, если это не имеет ничего общего с Вашим предыдущим предложением. Нет, спасибо, — отвечаю я.

— Не имеет. — Он разворачивает салфетку, не поднимая на меня глаз.

В прошлую среду, он предложил мне карт — бланш, одноразовая сделка Белого дома, где он поддержит меня, как Президент, если я позволю моей сабе отсосать ему. Он хотел ее, стоящей на коленях перед всем клубом в главном вестибюле.

Я отказался от его предложения. Это был второй раз, когда мы общались с ним. Сегодня — третий раз, и очевидно, он не принимает «нет» в качестве ответа. Другие мои партнеры подпрыгивали бы от возможности продемонстрировать свои таланты. Быть под пристальными взглядами — вот единственная причина ради которой мы открыли Дом. Но что касается Кса — это совсем другое дело. Сегодняшний обед — это полностью еб*е продолжение его предложения — но которого именно?

Я открываю бумагу и читаю Соглашение о неразглашении. Я не впечатлен.

— И что же это Соглашение о неразглашении включает в себя?

— Стоун, это... мне необходимы ваши услуги. Я привык к посредничеству в сделках, — признается он и я качаю головой.

— У меня ничего нет, что я могу Вам предложить.

— Уверен, что есть.

Мысль о нем, сидящем в комнате, по другую сторону стеклянной стены и теоретически наблюдающего за Кса... бам, бам, бам, стучит в моей голове подобно наковальне. Громко колотится. Громко. Намного громче.

Такое ощущение, будто весь мир замедлил свое движение. Моя грудная клетка сжимается. Вспышка ярости обвивается вокруг меня, словно колючая проволока.

— Я собираюсь получить то, что я хочу, — огрызается он.

— Ваше мнение, — отвечаю я, и этот острый, как нож страх, просачивается, скользя словно змея, прорезает мглу и каждая жилка каждого мускула в моем теле сжимается. Я сжимаю пальцы в кулак. Пальцы впиваются в ладонь и я поворачиваюсь.

Официант возвращается к столу, широко улыбаясь, и спрашивает:

— Могу я принять Ваш заказ?

Одновременно, Джекс наклоняется, протягивая мне ручку и шепчет. Низким.

Сдержанным голосом.

— Не. Спешу.

Сжав челюсть, я коротко киваю. Ничего больше. Ему повезло, что я не надрал ему задницу и не ушел. Но моя мать воспитывала далеко не глупого сына. Лидер свободного мира, если бы захотел, смог бы заставить меня уйти. Засадить в тюрьму и надолго. Не задавая никаких вопросов. Я не так уж и сильно зол на себя. Настоящее дерьмо, и я начинаю врубаться... мои мысли, подобно кирпичикам складываются воедино.

В этой игре становится понятно, что хочет Норт и какова цена. Не то, что я веду развлекательную передачу. Я собираю самое драгоценное из самого драгоценного. Время. Я подписываю и бросаю соглашение рядом с локтем Норта, пока он заказывает обед.

— Вегетарианская лазанья. На гарнир. Брокколи на пару. Салат. Свежий лимон. Она будет тоже самое, — говорит он монотонно и что — то щелкает у меня в мозгу. Уорнер не ест овощи. Вернее, когда я ее знал, она была категорически против веганов. Была всю свою жизнь. Возможно, это может объяснить, почему она вдруг похудела и начала выглядеть изможденной.

Джекс делает свой заказ официанту. Я следующий. У меня, блять, нет аппетита.

Я заказываю как обычно. Бифштекс. Средней прожарки. Без картофеля. Салат. Заправить маслом и уксусом. Бутылка Сан Пеллегрино.

Глаза президента метнулись к Уорнер. Ни тени улыбки. Он наливает ей еще выпить, потом поднимает бокал в ее сторону, чтобы она взяла его из его рук. Сто к одному, она его саба. Меня это мало волнует, разве что... дерьмо! Я могу ввязаться в это лишь для того, чтобы увидеть, как это будет сыграно. Стиснув зубы, я поднимаю свой бокал. Запрокидываю свой напиток. Я смотрю через стол на президента и наши взгляды встречаются. Я не отворачиваюсь, вспоминая его последнее предложение, которое я отклонил. Я готов перекинуться через стол и разбить его наглый еб*ник, если он думает, что он может загнать меня в угол и заставить меня принять сделку.

Официант уходит и Джекс берет на себя роль переговорщика. Прекрасно зная, что он будет выступать в качестве докладчика на Южном крыле. Теперь он является переговорщиком в закулисных играх.

— Мы в какой — то мере обсудили Ваше предложение на свободных условиях. — Джекс наклоняет голову в сторону Норта. — В рамках неофициальной просьбы. Ничего более.

Норт хихикает.

— Да. Хорошо, давай покончим с этим дерьмом. Вы потребовали крайней конфиденциальности при обучении Вашей новоиспеченной сабы. Что мне интересно, так это научиться азам. В буквальном смысле.

Если бы я не был готов к этому моменту, то, ясен хрен, моя голова бы резко дернулась. Мое тело холодеет.

— Поясните, — говорю я хриплым голосом.

— В течение года я покину пост. Я планирую полностью уйти на пенсию и преследую другие интересы. — Его взгляд, переметнулся на Уорнер. — У меня есть идеальное местечко на вершине горы. Но, к сожалению, то, что мне надо, я не могу заказать онлайн с доставкой до дома. У Вас есть то, что я хочу приобрести.

Прежде чем я могу нарыть, что ему нужно, появляются два официанта с подносами в руках. Один официант приносит корзинку с булочками и ставит тарелки для хлеба. Другой

несет салаты и мою бутылку минеральной воды. Все это время мое желудок скручивает.

После того, как официанты уходят, я спрашиваю:

— И что же это?

— То, чем ты обладаешь... это совершенное искусство, — отвечает он, затем жестом обращается к Уорнер. — Передай мне хлеб.

— В какой — то одной определенной области в частности? — И потом пришла моя очередь сморозить чушь. — Или схожую с той, о чем вы просили меня прошлой ночью по поводу моей сабы?

Кожа на его носу и щеках вспыхивает, но вместо ответа на мой вопрос, он, кажется, рассматривает корзинку для хлеба, наконец, взяв булочку из ржаной непросеянной муки.

Уорнер пристально смотрит на президента, пока он берет булочку разламывает ее пополам, положив одну половинку на свою тарелку, а потом медленно кладет вторую на ее. Она прикусывает губу. Ее подбородок постепенно начинает дрожать, но она ничего не предпринимает. Она продолжает сидеть так, в то время как он размазывает тонким слоем масло по своему куску. Когда он откусывает кусочек, ее губы размыкаются, и я клянусь, что я слышу, как урчит ее желудок.

— Я впечатлен тем, как ты держишь себя в руках, — отвечает он кратко. Он кусает еще раз от своей булочки, жует и наливает себе еще рюмку водки, но не для Уорнер. Он поднимает свой бокал, будто бы собираясь что — то сказать дальше. — Просто хочу разобраться в доминировании. И все. Это не тот способ обучения, который можно легко освоить. Я хочу лучшее, и я верю, что вы тот, кто мне нужен.

— Я не учитель.

— Вы учитель. Вы хороши, но вы обращаетесь в узком кругу. Я хочу вступить в него. Я достаточно узнал за последние два года. Конечно, Сенатор, Вы не понимаете, но открыв эту дверь в моей душе, моя жизнь изменилась. Неизмеримо. Сделайте для меня одолжение, Стоун, уверяю вас, я не останусь в долгу. Будет касаться это вас или вашей сабы.

Он знает, что Ксавия — моя саба? Если так, то она стала предметом торговли для сильных людей и в этом моя вина. Он никак не мог узнать. Мы замели все следы — на первый взгляд. Хотя с возможностями президента и жадностью Вирджинии Райан, даже если случайно эти двое работают вместе, то все, блять, становится возможным. Я не собираюсь встать и уйти не выяснив деталей того, что надо Нурту и знает ли он, кто моя саба. Молчаливый вопрос завис в воздухе.

— Я не работаю в стиле «дашь на дашь» для достижения своей профессиональной выгоды, — отвечаю я. — К тому же, я не буду использовать свою сабу для получения пользы.

— Тогда хотелось бы добавить, что это я помог предотвратить катастрофу связанную с Вами меньше года назад. Сделал несколько звонков, чтобы замять скандал. Это касается всех трех вас. — Его тон звучит резко, в то время как он бросает взгляд от меня на Джекса и Анжелу, а затем возвращает свой взгляд обратно ко мне. — Я возвращаю свои долги. Как до, так и после.

Узел в моем желудке завязывается все сильнее, и я не смотрю на сенатора Уорнер. Она, сидя с другой стороны, сохраняет безмятежное выражение, не предпринимая попыток исправить факты. Несмотря на это, я не буду терпеть эту херню из — за того, что Анжела чуть не втянула меня в это.

— Вы не так все поняли. Я никогда не участвовал ни в чем подобном, — я не упоминаю имя Анжелы, но перевожу свой взгляд на нее мимолетно. — Требую вашего

вмешательства.

Я должен был догадаться, что когда Уорнер необходимо замять скандал... когда игры на грани выходят за пределы допустимого... она может обратиться всего лишь к одному человеку со связями, способному уладить все дела. Она попыталась вовлечь меня. Пыталась сказать, что я был тоже замешан и мои руки также были испачканы и я приложил свою руку к тому, что происходило. Теперь, правда, вылезает наружу. Своей властью Главнокомандующий избавляет ее от забот, а она свою очередь в долгу перед ним — она стала его рабыней. Я могу видеть это в ее глазах. Держу пари, когда они наедине, она унижается перед ним. Ест у его ног. Спит на полу рядом с его кроватью. Связана, с кляпом во рту, оставлена на несколько часов, в надежде получить от него удовлетворение.

Один из агентов Секретной службы подходит к столу, держа в руках сотовый телефон.

— Простите, сэр. Это «Вечнозеленая». [Прим. пер. — Здесь имеется в виду секретное кодовое имя «Вечнозеленая» первой леди США с отсылкой на Хиллари Клинтон, которая являлась ей в период с 1993–2001 гг. Для справки, секретное имя Б. Клинтона было «Орел». Символично]

Это кодовое слово Секретной службы для обозначения первой леди.

— Извините, — говорит Норт, обращаясь ко мне, затем смотрит на Джекса. Анжелу он не достаивает внимания.

— Извините меня, сэр? — спрашивает она, потупив глаза.

Он игнорирует ее, поднимаясь из — за стола, двигаясь к агенту.

— Проводите Уорнер в дамскую комнату.

Она фыркает в знак протеста, ее лицо мрачнеет, но она послушно выходит со своего места, бросая подозрительный взгляд на агентов Секретной службы, стоящих неподалеку. Я переглядываюсь с Джексом. Он слегка пожимает плечом. Президент получил искаженное представление о том, что представляет из себя доминирование — это в большей степени то, в чем я убедился, проведя пятнадцать минут в его беспечном присутствии. В Белом доме и в пределах Капитолия я никогда не видел эту его сторону. До сегодняшнего дня, его внебрачные связи не были моей заботой.

Что за дебильное дерьмо притащил Джексон к порогу нашего Дома, организовав эту встречу? Ослепляющий жгучий гнев обжигает мою кровь. Дважды Уорнер ударила меня в спину, но хуже всего, что чувство предательства оставляет горький привкус у меня во рту. Джекс никто иной как в Иуда, который сидит здесь и выступает посредником в этой сделке. Какого хера он получит взамен? Я поворачиваюсь к нему и заявляю:

— Неужели цена предательства стоит того?

— Вы можете рассказать мне что —нибудь о сенаторе Стоуне? Какой он? Настоящий мужик? — спрашивает Кэлс. Репортер «Таймс». — Он хорошо целуется?

Я смотрю на файлы на рабочем столе, удивляясь, как в один миг ко мне относятся как к профессионалу, а в другой момент чувствую себя, словно распространяю школьные сплетни.

— Кэлс, мы говорили о внешней торговле, Кубе, Кастро и визитах сенатора Стоуна, — я напоминаю ей, мысленно выстраивая список задач на сегодня. — Вы даже не освещаете общественный интерес.

— Хэштег самый горячий, хэштег Сенатор, — отвечает она. — Я поменяю место работы, если вы сдадитесь. Эксклюзивное интервью. Я клянусь, Ксавия. Я буду у вас в долгу. Отдам вам своего первенца. Свою машину. Черт, что я могу еще вам предложить?

Вздыхнув, я еще раз кидаю взгляд на кучу папок на столе.

— Волшебного джинна. Желательно, разбирающегося в социальных сетях и может выполнять мою работу.

— Черт, хотя бы небольшой кусочек информации. Пожалуйста! — умоляет она.

— Я вынуждена попрощаться, Келси.

— Но...

— Прощайте, Келси, — повторяю и кладу трубку.

Этот день проходит быстро. Я пишу сообщение Брук. «Тест? Как все прошло?»

«Я справилась с ним!» Кажется, она счастлива... надеюсь. Прошла неделя и она ведет себя по — прежнему. Никаких вечеринок. Она сидит, уткнувшись носом в книгу и даже ходила со мной вчера на йогу.

«Что собираешься делать позже?» Отправляю ей сообщение в ответ.

«Куча дел. Буду сидеть допоздна. Готовить доклад».

«Горжусь тобой! Обнимаю».

После рассмотрения результатов голосования на открытых торгах с Кубой, я жду последнего раунда пресс — релизов для журналистов, с которыми я встречалась сегодня и которые все еще обращаются со мной как с младшим пресс — секретарем, а не как с женщиной, сидящей рядом с самым горячим сенатором на Холме. Официально, Бен не объявил о том, что он является соратником Райан, но вокруг ходят слухи о его встрече за закрытыми дверями с Вице — президентом. За минувшие сутки, его постоянная фраза «Я свяжусь с вами» — это то, что он говорит о его ближайшем политическом будущем, и «Мы близкие друзья», когда его спрашивают, встречаемся ли мы.

За день до официального объявления о своем намерении баллотироваться. Пресса расположилась снаружи здания, словно стая акул, жаждущей урвать политической крови.

Господи. Я чуть не забыла. Быстро скачиваю и пересылаю перевод внешнеторговых документов на принтер, чтобы положить их в папку Беннетта. Не важно, что у нас есть своевременно обновляемая зашифрованная электронная папка для него, я не могу обвинять его способ хранения всех копий: от выступлений до докладов в Белом доме. Хуже, чем президент Никсон, мне так кажется.

Я иду через запасной выход из своего офиса, огибаю холл и двигаюсь в сторону помещений, предназначенных для основного персонала.

— О, привет, — зовет Оливер. — «Пост» цитирует тебя сегодня. Видела?

— Мне сплясать на радостях или там первосортная чушь? — спрашиваю я, улыбаясь. По крайней мере, он принял новость о том, что Беннетт и я якобы встречаемся как ничего не стоящую. Ничего страшного. По сути, большинство других сотрудников, кажется, не сильно впечатлила эта новость. Парочка фраз типа «О, это круто» и «Вау... на самом деле», но не более того. Мне достаточно того, что я стараюсь избежать катастрофы на работе, где моя работа заключается в том, чтобы контролировать руководителя по связям с общественностью Вице — президента и отсутствие реакции от моих коллег — сотрудников это приятный сюрприз.

— Смотря как посмотреть, — ухмыляется Оливер.

— Извините, — я слышу протяжный тexasский акцент позади себя и зажмуриваюсь.

— Спикер Картер, рад Вас видеть, — говорит Оливер и встает.

— Бен тут?

— Он вышел, — отвечает Оливер в то время, как я направляюсь к принтеру и вожусь с кнопками.

Я поворачиваюсь и встречаюсь взглядом с Джексом, но разворачиваюсь, чувствуя, как жар поднимается по моей шее. Он здесь, чтобы обсудить с Беном анонимное сообщение, которое я отправила ему? Не одно, а парочку сообщений о его офисе и персонале. Я не упоминала имя Джона, но дала Джексу более чем ясное предупреждение. Вот ведь черт. Я жду, чувствуя волнение от того, что он хочет сказать.

— Передайте ему, что мне нужно поговорить с ним.

— Обязательно. — Оливер кивает ему и возвращается к своему столу. — Странно.

— О чем ты, — я хочу, чтобы он был честен.

Он достает свой сотовый из рабочего стола и читает все хэштеги, которые он твитнул.

— Мы все твитнули, — говорит он, подняв ладонь. — Дай пять!

— Хэштег «Спасибо»! — смеюсь так, как будто я это и имела в виду, я даю ему пять и возвращаюсь к принтеру, распечатывающему копии. Я не слышала, чтобы Беннетт говорил что — то о моем последнем пресс — релизе; но теперь по многим причинам я сижу как на иголках. Я сгребаю в кучу стопку бумаг, как только принтер выплевывает последнюю страницу, сажусь и разжимаю кольца папки, устраивая ее у себя на коленях.

— Какие —нибудь извести от Бена? — спрашивает он.

— Не — а. С обеда тихо. — Я поднимаю взгляд от документов, которые я раскладываю. — Ты думаешь, что что — то происходит?

— Просто любопытно. Я общиваюсь сообщениями с ним, не переставая, но он не отвечает на мобильный, а уже пора идти домой.

— Я думала, он появится к этому моменту. Ты скажешь мне, если что — то пойдет не так?

— Конечно. Всякое бывает. Я просто думаю о встрече с лоббистами в понедельник. — Не только Джекс и Оливер хотят знать, где сейчас Бен. Он действительно ушел в Министерство внутренних дел или, по крайней мере, был там пару часов.

— Я думал, что у него встреча за ланчем с Картером, но как — то странно после того, как он пришел в поисках нашего босса, — отвечаю я, сохраняя спокойное выражение лица.

Бен сообщил, что сегодняшняя их встреча была больше связана с Домом, нежели с какими — либо реальными политическими спорами. Оливер пожимает плечами, глядя на экран своего ноутбука.

— Ты знаешь, как это бывает, — бормочет он как бы про себя. — Не удивительно, когда сенатор Уорнер повсюду.

Я закрываю папку, собираясь уходить, но останавливаюсь. Сенатор Анджела Уорнер? Есть что — то раздражающе непостоянное в ней. Несколько раз я проходила мимо нее в коридоре и она смотрела на меня, не произнося ни слова. У меня сильное впечатление, что она хочет что — то сказать, но не делает этого. Случайно, я перевожу свой взгляд на Оливера, держа в руках большую папку.

— Что с ней такое? — Я спрашиваю его, прижимая записную книжку к груди.

— Помимо того, что она наиболее не определившийся сенатор, — говорит он. — Я больше ничего не знаю. С января, я не доверяю ей. Она стала разочаровывать.

— Она выглядит довольно собранно. Видно исходящую от нее инициативу, — я высказываю свое первое впечатление.

— В прошлом году она работала как ненормальная. Была сопредседателем на

слушаниях в Сенате — на тех, основной целью которых было ЦРУ и дебаты по поводу пыток в Гуантанамо. Она преуспела в этом.

— Сопредседателем с кем?

На его лица появляется растерянное выражение.

— С нашим боссом.

Озноб пробегает у меня по спине.

— И что случилось?

— Если бы я знал. Примкнула не к тому лагерю. — Он трет рукой свое веснушчатое лицо и рассматривает скрепку, лежащую на столе. — Они с Беном никак не могли прийти к согласию по поводу показателей расследования. Бывает, Сенаторы набирают обороты, пресса ожесточенно следит за ними, и вуаля. Некоторые думают, что они могут все.

— Ооо, — говорю я и чувствую, что за этим что — то скрывается, но он не говорит мне.

— Так как ты новенькая, я предупреждаю тебя. Никогда не говори ничего, о том, что замышляет Бен против Уорнер. У нее есть связи, серьезная поддержка и это единственная причина, по которой она здесь. Ты увидишь ее порхающую здесь повсюду, но честное слово. Меньше всего... или совсем ничего, достаточно того, чем она занимается.

— Хорошо. — Я прижимаю папку к себе сильнее. — Увидимся завтра.

— Нужна какая — нибудь помощь в подготовке к поездке на Кубу? — спрашивает он, поправляя галстук.

— У нас все готово. — Я улыбаюсь. Останавливаюсь в дверях. — Спасибо за твою помощь. Это была хорошая неделя.

— Ты все испортила, Кеннеди.

— Нет, не испортила. Это и называется командной работой. — Я подмигиваю ему и он смеется.

Возвращаясь в свой кабинет, я выхожу через заднюю дверь. Мой телефон мигает. Я усаживаюсь в кресло, хватая телефон и зажимаю его, удерживая между плечом и головой. Я нажимаю кнопку, чтобы проверить голосовую почту и прослушиваю сообщение от журналиста, вместо того, чтобы услышать сообщение от Бена.

Дерьмо! Я кручусь на своем стуле. На полках, что позади меня, выстроились тома с документами, расставленные в хронологическом порядке. Несколько компьютерных сбоев привели к тому, что правительство спонтанно решило разгрузить сервера, а мой все контролирующий демон — сенатор разбирается с компьютерными глюками по старинке.

— Тук — тук, — зовет меня Нора с порога.

— Чем занимаешься? — Я смотрю на нее сквозь оправу очков, пока сама ставлю папку на полку и, нажимая на кнопку, отключаю голосовую почту и затем вешаю трубку.

— Босс ищет тебя, — говорит она. — Он звонил три раза.

— Правда? — Мой пульс пускается вскачь, когда я слышу, что он объявился. — Я ходила распечатывать на большой принтер. На моем закончилась бумага.

— Ты была занята, — говорит она, делая заметку в своем блокноте. — Я заказывала только для тебя. Но вернемся к недавнему вопросу; Бен хочет поговорить с тобой.

— Похоже, вот почему моргал мой телефон.

— Он заставил меня пообещать ему, что я найду тебя... Позвони ему. Живо.

Я поморщилась, надеясь на то, что нет ничего более серьезного, чем просто пресс — релизы. — Звучит как что — то очень срочное.

— Не думаю что что — то серьезное. Но ты ведь знаешь, как у него все бывает, — отвечает она и тут же мой телефон вибрирует на столе.

— Поняла. Я позвоню ему. — Вот так проходит мой день, прыгая между стационарным телефоном и сотовым. Естественно, номер Бена мигает на экране мобильного в пропущенных. Я вся на нервах, отвечая на телефон, в то время как Нора стоит рядом с моим столом. Крепко сжимая телефон, я молюсь, чтобы он не сказал ничего провоцирующего недозволенного в стенах этого здания. — Эй, как прошел день?

— Где ты была? — Его хриплый голос требовательно звучит с другого конца. Он игнорирует мой вопрос — признак того, что он сильно раздражен.

— Готовилась к Вашей поездке на Кубу. Как прошел день? — Говоря медленно, я контролирую свой голос — не скажу, что говорить с ним привычное дело. Неопровержимой уликой является тот факт, что мое лицо горит и я хочу спросить о Джексе.

— Я внизу. Сегодня у нас ужин с тобой. Ты готова уйти?

Я бросаю взгляд на Нору, прикрывая трубку рукой.

— Ты скоро уходишь?

— Да. Я уже почти ушла. Скажи ему, что мы все уходим.

— Хорошо. На сегодня мы уже закончили.

— Тогда я заберу тебя у заднего входа нашего здания. Ты знаешь, где это? — Он не сообщает мне ничего нового, но уверенный звук его голоса заставляет мое сердце забиться сильнее у меня в груди.

— Нет, но я найду, — отвечаю ровно, заправляя прядь волос за ухо, и прислушиваюсь к своему голосу, чтобы в нем не было ни капли придыхания.

— Спускайся немедленно. Я очень сильно хочу тебя.

Я слышу, как кровь пульсирует у меня в ушах. Ощущение того, что я сделана из легковоспламеняющегося материала, достигает моих нервных окончаний, создавая впечатление, что мою кожу прожигает и со мной все становится ясно.

— Дайте мне пять минут.

— Хорошо. Пять, но не больше... иначе. — Он вешает трубку и чувство опустошенности на моем лице проносится невыносимой болью сквозь мою кровь.

Я переполнена головокружительным восторгом. Кладу телефон в сумочку, ощущая каждой фиброй своего тела, как все внимание Норы приковано ко мне. Я пока не готова встретиться с ней лицом к лицу. Мурашки начинают бежать быстрее по коже, все больше распространяясь по моему телу. Она молчит и смотрит на меня, пока я изо всех сил стараюсь казаться нормальной — борясь с широкой улыбкой, готовой расползтись на моем лице.

— Итак. — Нора наклоняет голову. — Ты уезжаешь?

— Ага, — отвечаю я ей, незаметно наблюдая за ее реакцией. Как ни странно из всех сотрудников, Нора — единственный человек, который не сказал ничего о внимании СМИ или о моем недавнем назначении с должности стажера на нечто среднее между корреспондентом, связанным с законодательной властью с обязанностями пресс — секретаря. Это та дверца, которую мне бы хотелось открыть и узнать о чем она думает, но я должна отступить.

— Лучше не заставлять его ждать, — шепчет она. — Он немного одержим, когда дело касается тебя.

Мои глаза моментально встречаются с ее. Я напоминаю себе, что если Бен и я не позволяли себе ничего большего, чем то, что было выложено в прессе, в этом нет ничего принципиально нового. То, что мы вместе — это часть моей работы. Но я могу списать это на то, что это СМИ все раздувают? Сложнее то, что офис Вице — президента распространяет слухи о том, что связь между мной и Беннеттом основана на романтических отношениях. Они ищут средства, чтобы рассказать историю любви, но совершая все это, становится все труднее и труднее скрывать секрет за секретом, и я даже не знаю, надо ли мне это еще.

— Э — э, у меня вопросик. Где находится задний выход? — Я отключаюсь от сервера Сената, переводя свое внимание на экран компьютера, вместо того, чтобы привести бушующие и кружащиеся в моей голове мысли.

— Я лучше провожу тебя. Иначе ты потеряешься. Готова? Прямо сейчас? — Она направляется в сторону двери и я поднимаюсь, готовая следовать за ней.

Она оглядывается через плечо.

— Я только захвачу сумочку. Не волнуйся, я прекрасно знаю, что Беннетт сторонник «здесь и сейчас», когда дело доходит до некоторых вещей.

— Прости? — Я чуть не роняю сумочку.

Она переводит свой взгляд, дергая подбородком в сторону дверного проема.

— Журналисты. Они расположились снаружи. Держу пари, он пытается их избежать.

Глава 15

ФРЕЙД — ДЕРЬМО.

— Какого х*я ты несешь? — Я смотрю на Арчера, вижу, что он мрачно усмехается, посылаю его подальше, поднимаясь из кресла, готовый выброситься из окна рядом со мной.

— Единственный раз в своей жалкой засраной жизни, Габриэль Норт говорил правду.

— Расскажи мне все до мельчайшей гребанной детали. — рывкаю я. — Я плачу тебе неплохие деньги и почему я только сейчас об этом узнаю? У нас не разрешено членам клуба иметь свои собственные подземелья. Я мог бы быть готов к этому.

— Не было доступа к информации.

— И вот тебе на. — Я надеялся, что, возможно, возможно Норт блефует. Я никогда не вернусь в свой кабинет. После настоящего шоу, устроенного днем, я разыскал Арчера и устроил ему разнос в его же офисе. В промежутке между ответами на письма и вовлечением в телеконференции, мне удалось встретиться с ним и попытаться разобраться в том дерьме, которое творится между Анжелой Уорнер и президентом.

— Да. Я нашел источник. — Сидя, закинув ноги на стол, Арчер подбрасывает бейсбольный мяч в воздух. Ловит его, прежде чем снова бросает его вверх.

— И? — Я смотрю как мяч закручивается, устремляясь вверх и сыплю проклятия себе под нос. — Я плачу тебе не за то, что ты практиковался в бросании мяча.

— Боже, ты редкостный вид мудака. Хорошо, — мычит он. — У него есть дом в горах, построенный словно крепость и мало кто о нем знает, он и Уорнер летают туда один, два, три раза в месяц, проводя там, на вершине горы, вместе от нескольких часов до выходных.

— Откуда ты знаешь об этом месте — ни с того ни с сего?

— Потому что я тесно общаюсь с его шеф — поваром, если хочешь знать. Никогда не

сбрасывай со счетов штатных работников; они те, кто знает больше дерьма, чем ФБР о наших бесстрашных лидерах.

— Почему это место под пристальным вниманием?

Арчер подбрасывает бейсбольный мячик и ловит его, потирая большим пальцем вдоль шва, как будто он тщательно обдумывает, что сказать.

— Слушай, откуда мне знать, что это неважно. Но этот факт подтверждается фотографиями, видео, сообщениями электронной почты. Даже оплата счетов за услуги сварщика, работавшего над оснащением тайной комнаты набором очень специфического оборудования для бондажа, которое Норт специально заказал. Он не глупый. Он берет свою жену и внуков туда в качестве прикрытия.

Мудак. Не сомневаюсь, Норт будет использовать свою семью в качестве ширмы, когда закует Уорнер в наручники.

— О каком количестве оборудования идет речь?

Арчер откидывается на спинку кресла и опускает ноги, громко стучая ими по полу.

— Взгляни. — Он быстро пробегается пальцами по клавиатуре и я встаю рядом с ним. На его мониторе несколько схематических рисунков. — К темнице Норта есть доступ через подземный туннель, соединяющий гостевой дом, находящийся на его территории на расстоянии в четверть мили. — Арчер набирает несколько команд и я получаю полный план его частной собственности.

— Он хитрый, сволочь, — отвечаю я.

— Я очень тесно пообщался с одним из дизайнеров интерьера и подергал за кое — какие ниточки, чтобы заставить женщину говорить. У старины президента есть пунктик по поводу горизонтального подвешивания, связывания партнеров... своих многочисленных партнеров при помощи установленного им оборудования. Хочешь увидеть, на чем он специализируется? — Я смотрю на него, но он вполне серьезен.

И опять же, только это может объяснить причину того, что Норт встретился со мной, а его просьба понаблюдать за мной в действии — нелогична. Ной вполне способен помочь президенту. Гораздо больше, чем я могу. Мне не интересны игры по перетягиванию каната.

— Покажи мне, что ты нашел, — рявкаю я.

Он щелкает мышкой и открывается еще одно окно. На экране появляются зернистые фотографии, но я четко могу увидеть Норта в сопровождении еще одного человека в капюшоне. У обоих в руках кнуты. Уорнер связана и с кляпом во рту, рядом с ней еще одна женщина в наручниках и также с кляпом во рту — обе грубо скованы. Я проверяю дату и время, указанные на снимках, заполняющих экран. Сцены на фотографиях напоминают методы, используемые ЦРУ для пыток заключенных — повод, по которому Уорнер и я в прошлом году собирали множество слушаний в комитете Сената по расследованиям. Когда она захотела посетить одну из тюрем, чтобы поприсутствовать в качестве свидетеля, скрытого двухсторонним зеркалом, возникло препятствие. Забудьте об этом посещении, я был решительно против некоторых из их методов, и благодаря слушаниям это дерьмо в Гуантанамо прекратилось. Бля! Это подобие садистских наказаний, которые Норт и второй мужчина вытворяют с этими женщинами, никогда не пройдет в Доме. Никогда.

Я брезгливо отворачиваюсь.

— Я достаточно увидел. — Многое становится ясным, почему он присутствует в Доме в то время, когда Ной устраивает выступление вовлекающее в себя троих участников. То, что мы предлагаем, должно показаться скучными по сравнению с тем развратным дерьмом,

которое он жаждет. — Как долго он замешан в подобном виде сцен с пытками? — спрашиваю я Арчера, понизив голос, и думаю о Ксавии. Никогда в жизни Норту не удастся заполучить ее в свои руки.

— На сколько я могу знать, очень давно.

Есть кое — кто, кого хочет лидер свободного мира, и все сильнее и сильнее я убеждаюсь, что это она. Он хочет не просто мою сабу, он хочет Ксавию. Каким — то образом этот ублюдок узнал, что она моя саба, и сейчас он охотится за ней.

Я готов пробить стену и от злости сжимаю челюсти.

— Насколько он близок к кланам Стиллманов и кланам Кеннеди? Я имею в виду помимо политики. Что — то типа помощи в подковерных играх.

Арчер вздыхает.

— Дай мне секунду.

Насколько я помню и знаю, как знают и остальные члены Холма, у Норта есть долгосрочные связи со Стилманами и Кеннеди, также как и у множества мною уважаемых членов Конгресса. Пока Арчер порхает пальцами по клавиатуре, я переписываюсь с Оливером по поводу моего расписания на понедельник и прохожу в пустой офис, расположенный дальше по коридору, делая пару звонков. Пролистывая контакты, я смотрю на имя Ксавии и, бл*дь,... я хочу ей позвонить, но я должен сохранять присутствие духа. Когда я возвращаюсь, Арчер стоит около принтера.

— Вот. Список их последних дружеских встреч. Я все еще работаю над ее кузеном и с тем дерьмом, в которое он вляпался. Я почти добрался.

— Бл*ь. Есть хоть какая — нибудь идея, почему он в Вашингтоне?

— Когда у меня будут неопровержимые доказательства, ты будешь первым, кто об этом узнает. — Он протягивает мне огромный список длиной в три страницы. — Здесь ты, возможно, найдешь то, что хочешь знать про президента.

Месяц назад Норт пригласил их на частный показ документального фильма в Белом доме. Переименовал библиотеку в честь дяди Ксавии. Принял участие в праздновании Дня рождения ее деда на Манхэттене. Был на борту яхты, направляющейся в Бимини на протяжении дня, проведя его за глубоководной рыбалкой снова со Стэнли. Он и Стэн работали в нескольких крупных благотворительных фондах в Чикаго, Лос — Анджелесе и Майами, а в Европе во Франкфурте, Стокгольме и Праге.

— Стэн и президент непосредственно связаны с увеличением осведомленности международной общественности к болезни Альцгеймера и здравоохранению. — просматриваю быстренько.

Арчер фыркает.

— Если это именно так, как ты называешь это.

Я покидаю подземную стоянку и возвращаюсь в свой офис, потянув узел на галстук и ослабив его. Почти пять и на дорогах полно машин. Весь мой день был пущен коту под хвост и я мало успел сделать по отношению к своей законодательной деятельности за исключением того, что я присутствовал на двух скучных встречах. Для сенатора, эта гребанная пара встреч считается долгой и нудной и в течение нескольких часов я постоянно висел на телефоне. Отчасти Кса, Оливер и Нора знают про обед с Джексом, но только Ксавия знает, что эта встреча касается Дома. Никто не имеет понятия, где я был эти последние два часа.

Дерьмовый день, чтобы отсиживаться, но я ведь могу писать сообщения. Оливер, Нора, и я переписываемся. Другие сотрудники доводят до меня последние сплетни, которые исходят от Кубинской торговой политики, находящейся в состоянии изменения. Избиратели хотят гарантий того, что не случится очередной всплеск. Выехав на улицу, я включаю навигатор, и медленно продвигаюсь вперед, пока не оказываюсь около заднего входа в свое здание. Я звоню, разговариваю с Кса. Она спустится через пять минут, и я откидываюсь на подголовник, заставляя свой разум перестать кипеть.

Когда я вижу, как начинает открываться задняя дверь, я выхожу из машины, поднимая очки на макушку.

— Все в порядке? — Я произношу это слишком резко, глядя на озабоченное выражение лица Кса.

— Отлично, — уверяет она меня с натянутой улыбкой. — Просто не знаю, чего ожидать.

— Бен, — голос Норы звучит из — за Ксавии, прежде чем она попадает в поле моего зрения. — Тебе лучше уехать. Журналисты окружили здание. Один из охранников, возможно, слил прессе то, что видел Мисс Кеннеди.

— Спасибо, Нора. Напомни мне повисить тебе зарплату, — говорю я серьезно. С меня достаточно и этого.

— Я думала, что мы хотели, чтобы они сделали несколько наших фотографий? — Голос Ксавии звучит обеспокоенно и я напряженно киваю.

— Мы сделаем это. Надо решить когда. Время и место, где это произойдет, решение остается за нами.

Нора машет нам и я беру Кса за локоть, провожая ее к пассажирской двери, наслаждаясь шлейфом ее духов, разносящемся в горячем летнем воздухе. Если бы не было рядом Норы, то мне было бы дважды насрать на журналистов, я бы поцеловал Ксавию так, что она застонала бы и заставила бы меня забыть все то дерьмо, которое засело в моем мозгу.

Усилив свою хватку на руке Кса, я притягиваю ее к себе.

— Что мне надо сделать, чтобы ты вернулась в мою квартиру и я раздел бы тебя догола. Связал тебя шелковой веревкой и вошел в тебя.

— Нам лучше уехать, — шепчет она.

Глядя ей в глаза, я нахожусь на грани того, чтобы не наброситься на ее идеальный ротик. Ну и пусть моя помощница смотрит — мне плевать!

— Беннетт? — тихо спрашивает Кса.

— Да, правильно, — говорю я. Ладно, сейчас наступает тот момент, когда я отпускаю ее руку. Я делаю это, киваю в ответ Норе и обхожу машину, скрежеща зубами.

— Чего же ты хочешь? — спрашивает меня Кса, когда я сажусь в машину и поворачиваюсь к ней, не желая больше терять время.

— Этого. — Я с жадностью набрасываюсь на ее губы в голодном поцелуе, все этим демонстрируя, что она первая в моем меню. — Я хочу тебя подо мной, я еще лучше, свое лицо у тебя между ног.

— Еще два дня, — шепчет она возле моих губ.

Я рычу:

— После произошедшего сегодня это вряд ли возможно. Я не знаю, смогу ли я продержаться еще пять секунд. — За прошедшую неделю наши графики были насыщены событиями, да еще и снующий вокруг персонал, заставили нас умерить наши свидания «кожа

— к-коже». Но только не сегодня. Я отпускаю ее, давая себе время, чтобы переварить тот факт, что мы, блядь, не собираемся трахаться в ближайшие три минуты.

— Ты уверен, что все хорошо? Нормально прошла встреча с Джексом? Он заезжал на минутку.

Мать его. Прежде, чем проклятья вырываются из меня, я вдыхаю и беру себя в руки.

— Да все нормально, он, возможно, приходил по поводу кубинских чиновников.

— Похоже, он был расстроен. — Она опускает солнцезащитный козырек, пока я завожу машину и выезжаю из переулка. Если бы я мог сказать ей правду, то я бы сказал. Но с чего начать... я наблюдаю за ее бабушкой и дедом, также как и за ее кузенком. Без какого — либо плана или доказательств я не могу беспокоить ее своими предположениями.

Я смотрю через боковое стекло, готовясь выехать на аллею.

— Боже, посмотри сколько народу.

— Неужели у них нет больше ничего более интересного, чем писать о нас, — говорит она, вцепившись в консоль, ее глаза широко распахнуты и смотрят в сторону толпы репортеров и фотографов, расположившихся вдоль тротуара, словно стадо антилоп гну.

— Не волнуйся, — успокаиваю я, сжимая ее руку. — Наши окна затонированы. — Я добавляю газа и выезжаю на улицу, в то время, как несколько фотографов делают бесполезные кадры.

— Полезная вещь. Правда в мелочах, — шепчет она.

Я скольжу большим пальцем по ее щеке.

— Я признался в том, что бы я хотел. А как насчет тебя?

Она смотрит и улыбается.

— Как насчет пошалить?

— Я согласен немного пошалить. Рассказывай. — Я переключаю передачу, молча проклиная Гавриила Норта. И Джекса, тоже тот еще гондон — я все равно выясню, что именно их связывает. Мы подъезжаем к светофору, на котором горит красный свет и пока она красит губки помадой, я использую этот момент, чтобы насладиться ее видом, одетую в облегающую юбку, тонкую белую блузку под пиджаком, подходящему по цвету к ее юбке. Ее ошейник сабы поблескивает, располагаясь на шее и я чуть не издаю стон от чувства удовлетворенности, будто пещерный человек. Она забрала свои белокурые волосы вверх. Весь ее образ создает простой эффект. Эффект элегантности.

А в противоположность ко всему этому, что я представляю себе, спрятано под одеждой. Могу биться об заклад, тонкое кружево нижнего белья. То, что должно быть снято, медленно и зубами, если я не загоню себя в угол и не доведу до того, что кончу раньше. У нас уже есть опыт «срывание трусиков с ее невероятного тела» до того, как я начну трахать ее часами.

— Ты слушаешь? — Смеется она.

Я моргаю, делаю глубокий вдох, и качаю головой.

— Прости. Я замечтался о том, как буду вытворять невероятные вещи с тобой. Но позже.

— Ключевое слово: замечтался.

— Кса, образно говоря, — произношу это резко вслух и для нее, и для себя. Я оглядел ее и продолжил то, что начал говорить, — Это не то, чего я хочу.

— Другими словами, хочешь больше всего или не совсем? — спрашивает она, ее голос с хрипотцой — слегка настороженный. — Может быть, нам лучше определиться с тем, что ты имеешь в виду, прежде чем устраивать ужин.

— Малышка, я говорю не о чем — то меньше или полном отсутствии. Будь уверена.

— Ааа, — отвечает она. — Продолжай.

— Как насчет компромисса? — предлагаю я, набирая скорость, поворачивая на второстепенную улицу. — Давай поужинаем, расслабимся и обсудим нас с тобой.

— Это как — то связано с твоей сегодняшней встречей или с тем, как мы едва смогли выполнить твои обязанности в качестве Дома в клубе?

— Ты проникательна как никогда. Но здесь больше. Мне нужно больше... нас. — Я смотрю на нее, желая, чтобы она легко согласилась с этим.

— Нас?

— Да. Ты и я. Нас. Только нас.

Она кивает, предпочитая не выспрашивать у меня.

— Ладно, так что насчет еды?

— Мы можем взять на вынос или сходить куда — nibудь? — Я говорю это спонтанно, готовый развернуть машину направиться, но куда? В мою квартиру?

— Нам лучше сходить куда — nibудь ...иначе мы оба знаем, мы не будем ничего есть сегодня вечером. Какое твое любимое блюдо?

— Я уже ответил на этот вопрос. — мрачно смеюсь над ее реакцией и ее последующим за этим вздох. — Честно говоря, я просто твой обычный поедатель гамбургеров и картошки фри с пивом парень, — говорю я ей и жду.

— Я голосую «за» такую еду. Где мы можем съесть хороший бургер?

— Серьезно? — Я скольжу своим взглядом вниз по ее телу. — Ты одета для ужина при свечах с вином.

— Я одета для работы, но я могу съесть гамбургеры и картофель фри и запить все это тобой под столом. Не обольщайся, то, что снаружи не имеет ничего общего с моими вкусовыми рецепторами. Сенатор, я думала, что это уже решенный вопрос.

— Хорошо, но не говори, что я тебя не предупреждал. — Я ухмыляюсь. — Самые лучшие бургеры, есть только в одном месте. В ресторане у Дьюка. Огромные бургеры и совсем не далеко отсюда. Прямо по авеню Массачусетс.

— По 17. Так ведь?

— Ты осваиваешь свой район. — В это мгновение, я понимаю, насколько сильно я хочу узнать ее маршруты, по которым она передвигается по Вашингтону, чтобы она была как можно ближе ко мне. Пока я думаю только о еб*ом Габриэле Норте. Я сжимаю губы, раздираемый тем, что я хочу, вернее кого. До встречи с Кса я никогда не думал, что я могу погибнуть. Это тяжело.

— Для меня будет лучше, если пресса будет знать. Лесли прислала письмо, предлагая бросить СМИ косточку для затравки в связи с тем, что ты им хочешь сообщить, — отвечает она, доставая свой телефон, а я сжимаю руль при мысли о нас на сцене.

— Иисус, — бормочу я.

Заехав на автостоянку, рядом со входом к Дьюку, я расстегиваю верхнюю пуговицу на воротнике. Мы припарковались в углу и стоим в тусклом свете фонарей, я рисую в своем воображении как развожу бедра Кса в сторону, смакую ее словно закуску. Когда ее соблазнительный смех звучит в моих ушах, я понимаю, что плююсь на нее. Она смотрит на меня, глядя на мой приоткрытый рот и поймав меня за грязными фантазиями номер девять миллионов три.

Наши взгляды встречаются и легкая улыбка, появившаяся в уголках ее полных губ

вырывает глубокий стон из моего горла и одновременно приступ резкой боли возникает у меня в груди.

— Я не виноват, — ворчу я в свое оправдание и закатываю глаза. Мой член тверд как камень и если нам придется ждать два часа — или два дня — я сойду с ума. — Давай поедим и проясним некоторые моменты.

Я открываю ей дверь, заставляя себя собраться и не терять головы, но в то же время, я жажду не просто смотреть на нее, мечтать о ней, волноваться за нее и обдумывать свой последующий шаг по отношению к этой женщиной. Пока я не могу понять, какого черта происходит, единственное мое желание — это быть рядом с ней. Настолько чертовски близко, чтобы она была как моя вторая кожа.

— Я слышала об этом месте. — Она выпрямляет свои ножки и я инстинктивно вытягиваю шею, заглядывая ей между ног. Согласен, я животное, жадное и готовое сожрать любой кусочек, какой я смогу найти, когда дело касается ее.

Если я ее поцелую, мы не станем продолжать здесь на парковке. То, как она слегка приподнимает бровь, оглядывая меня, в тот момент, когда я помогаю ей выйти, дает мне понять, что она в курсе моего стояка, и это служит катализатором для моей едва сдерживаемой нужды подмять ее под себя и заставить кричать.

Я заключаю ее в свои объятия, говоря ей таким тоном, который звучит как предупреждения.

— Просто так для сведения, умные комментарии, скорее всего, приведут тебя к неприятностям.

— Горячие, жесткие, волосовыдирающие неприятности? — Она закусывает губу и я приподнимаю бровь.

— Не начинай то, что в итоге закончу я. На моих собственных условиях.

— Ты не единственный, кто может завершить сделку, Сенатор? — Она запускает свою нежную ручку в мой галстук и тянет. Наши губы соприкасаются и мои мышцы сводит, дрожа от усилия сдерживать себя от того, что мы оба хотим.

— Это не тот момент, чтобы помешать мне, — четко произношу я свое предупреждение.

— Нет? — Ее тон сочиться наглостью. — Ты более угрюмый, чем обычно, так что, возможно, это идеальный момент.

Она заслуживает импровизированный урок за свою дерзость. Я смотрю в ее глаза цвета аквамарина, утопая в них. Мое сердце грохочет у меня в груди. Вздохнув, я чувствую, что я, бл*ь, почти задыхаюсь.

— Пойдем! — Я на грани срыва и придерживаю Кса за локоть, немного грубо, но она и не сопротивляется. Стремительно растущая нужда погрузиться в ее влажную, теплую шелковистость ослепляет меня. Я устремляюсь к яркой красной вывеске с надписью «выход», мой пульс ускоряется и в то же самое время каждая клеточка во мне вспыхивает. Когда мы подходим к тротуару, я ослабляю свою хватку. — Ты даже не представляешь, насколько близко ты была к тому, чтобы быть жестко оттраханной на капоте моего автомобиля.

— Я абсолютно уверена, что представляю. Чувствуешь себя лучше после пробежки?

— Не играй со мной. — Парирую я. — Только не сегодня.

— А кто тебе сказал, что я играю? — Из нее вырывается наружу ее задиристость. В то же самое время, она смотрит на меня, не моргая, широко распахнутыми глазами. Неужели

она тоже, как и я на грани?

— Кса, нам определенно нужно пересмотреть наше соглашение. Чем раньше, тем лучше.

— За нами наблюдают. — Она смотрит куда — то позади меня.

— Ладно. Пойдем сюда. — Я веду ее в ресторан. Мы обходим сидящих за столами людей и для нас сразу же выделяют место в дальней кабинке. Журналистам придется постараться, чтобы добыть информацию о нас, хотя некоторые уже имеют достаточно высокотехнологичное оборудование для получения тонны фотографий из окон снаружи.

— Что бы ты хотел съесть? — спрашивает она, выглядывая на меня из — за меню.

— Мне сделать заказ за нас обоих?

Она закрывает меню.

— Давай попробуй.

— Как насчет остренького?

Она выгибает брови.

— Чем острее, тем лучше.

Я заказываю нам двойной гамбургер с жареным гусиным яйцом и сыром Гауда, но на этот раз без обжаренного лука и чеснока.

Когда нам приносят пиво, она поднимает свой бокал и произносит:

— За нас.

Я поднимаю свой и стараюсь отбросить на задний план мысли о Норте. Я не собираюсь допустить, чтобы этот сукин сын разрушил хотя бы долю секунды проведенного времени с Кса.

— За наше с тобой будущее.

Мы чокаемся своими запотевшими кружками со свойственным стеклянным звоном. Затем я делаю глоток из своей, наблюдая за ней поверх края кружки. Господи, сколько раз я делал это? Смотрел. Ожидал.

Я не могу продолжать играть в эту игру. В начале это казалось правильным — это дополняло мою потребность обладать ею, давая мне ясность в установленной, вынужденной сдержанности.

Но не сейчас. Я не могу притворяться, что то, что мы делаем, относится к разряду жесткого траха. Я хочу ее. Всю ее, даже вне нашей кровати. Мы провели почти месяц вместе и я единственный, кто настаивает на этом.

С ней я всегда был голоднее, жаднее, и возбужденный ночь напролет, я не хочу продолжать этот танец притворства, который мы устраиваем для всего мира. Я полностью понимаю, что я попал и разрушаюсь ради Ксавии. Я должен встать и уйти. Для нее. Для меня. Бл*ь, почему я не могу сдвинуться с места?

— О чем ты так усердно думаешь? О чем — то очень мрачном? — спрашивает она с озабоченным выражением на личике. — Ты хмурый.

— Я думаю... о нас. — Я бросаю на нее взгляд. Если бы я только знал, как оценить то, что чувствует она в ответ. Расшифровать ответ на невысказанный вопрос, но который, несомненно, существует. Проблема, о которой все знают, но предпочитают молчать.

— Хм, все еще звучит как — то сердито. — Она вздергивает свой подбородок. — Ты думаешь о «нас», с позиции «Сенатор — сотрудник»? Или «Кса и властное животное»?

Я провожу рукой по щетине на щеке, затем выдыхаю:

— Обо всем.

— И именно эти мысли раздражают тебя. — Мы по —прежнему смотрим друг на друга, она глядит, не моргая, в мои глаза. — Ты беспокоишься. Почему?

Осознание волной проходит сквозь меня и усиливает мою потребность обладать ею.

— А ты? — я спрашиваю.

— Может быть. Иногда. Но не когда мы вместе. Тогда это проще.

— Мы стали друзьями, — шепчу я и это лишь часть правды.

— О, мы больше, чем просто друзья, — отвечает она.

Я выпиваю половину своего пива и смотрю на нее. Она, в большинстве своем, права. Это легко, просто быть с ней и тяжело, когда мы не вместе. На мгновение, я перевожу свое внимание на журналистов, делающих снимки, затем отбрасываю свои мысли подальше, как я научился уже проворачивать подобное с журналистами, снующими вокруг, записывающими очередные новости.

Но сейчас, я с ней, и это не политическое дело, но они постоянно нас преследуют. Это похоже на то, к чему она привыкла, пока росла. Я читал отчеты Арчера, которые он дал мне по Кса, но там есть прорехи и, начиная с сегодняшнего дня, я буду восполнять их, пытаюсь узнать, что за связь есть между Нортон и ее дедом.

— Каково это расти под фамилией Кеннеди? — спрашиваю я, желая услышать ее версию.

Пожав плечами, она делает глоток своего пива и слизывает каплю с верхней губы, прежде чем ответить мне. — Я действительно не знаю. Моя мама и я не относимся к клану Кеннеди настолько сильно, насколько большинство людей считает. У нас есть доступ в некоторые крупные партии. Мой отчим и мама по —прежнему друзья, которые трахаются регулярно, словно дикари. Если что, это так говорит Вирджиния. Вся власть в руках моих дедушки и бабушки. Сила, которая не так явно является движущей в Вашингтоне, но является очень сильной в своей невидимой форме. Но я так понимаю, после того как ты собрал информацию, тебе это не в новость. Слушай, не отталкивай меня. Что — то произошло сегодня, и либо ты скажешь мне, что случилось, либо забудь об этом.

Мои глаза округляются, прежде чем я беру себя в руки и стараюсь скрыть свое реакцию. Затем я рычу недовольно и решаю прекратить что — либо планировать и просто побыть с ней.

— Ты права, — признаю я. — Я понятия не имею в какое осиное гнездо я вляпался, но когда узнаю, я дам тебе знать. Это лучшее, что я могу сделать. Поверь мне.

— Я верю. — Она кивает и я чувствую, как напряженные мышцы шеи расслабляются. — Если когда —нибудь ты захочешь узнать что — либо конкретное, ты всегда можешь просто спросить меня.

— Я не оставлю попыток узнать о тебе все, но так как ты член клуба — это необходимое условие.

— Итак, — говорит она, потягивая пиво.

— Итак? — отвечаю я, прикидывая, как ответить ей.

Она закатывает глаза.

— Почему бы не спросить меня? Если ты нашел что — то, что заставляет тебя быть хмурым сейчас, может быть, я смогу помочь. Я буду рада рассказать тебе все, что ты хочешь знать... чего жду и от тебя тоже.

Просто так здесь не разобраться, поэтому я разрешаю ей сделать первый шаг.

— Спрашивай. О чем угодно.

Улыбка исчезает с ее лица.

— Почему у тебя ни с кем не было длительных отношений? Даже в колледже.

Мне повезло, что я не подавился пивом прямо сейчас. Вместо этого, я опираюсь локтями на стол, сложив ладони вместе.

— Это то, где я обычно намеренно провоцирую срыв в отношениях. Еще в колледже, когда девочки хотели «узнать меня», я улыбался, лгал сквозь зубы и саботировал эти отношения. Я намеренно забывал позвонить или делал так, что они застукивали меня с другой девушкой. Я специально хотел делать что — то невероятно ничтожное, чтобы испортить эти отношения. Даже не надо учебника по психологии, Фрейд — говно, просто на сто процентов мудака. Потом я обнаружил для себя, что контроль за всеми аспектами секса в жизни, которые не соответствуют стандартам интимной жизни, связаны с вопросами и историей моей личности. Только у тебя одной возникли подозрения, что моя жизнь менее блистательна.

Только эта девушка является в равной степени моей сабой, которую я жажду связывать, ломать, трахать и дверью в мою нирвану. Только с ней я готов рискнуть всем.

Сплетая свои пальцы с моими, она сжимает их.

— Ты можешь мне доверять, как я доверяю тебе. Теперь, спроси меня что — нибудь. Для тебя я открытая книга.

— Мы оба являемся ими. — Я киваю, как будто убеждаю самого себя, как будто все то, что мы собираемся сделать — это шаг в правильном направлении. Я бы никогда в жизни не пошел этим путем.

Официантка возвращает с двумя корзинками на подносе. После того, как она ставит их на стол, я прошу повторить, но не предпринимаю никаких попыток, чтобы заставить Кса продолжить рассказывать о ее темных тайнах.

— Он огромен, — говорит она о своем бургере, разворачивает салфетку и кладет ее на колени. — Итак, это одно из твоих любимых местечек?

Я поднимаю свой бургер, сжимая пальцами булочку, и блуждаю взглядом по ресторану, затем снова смотрю на нее.

— Я прихожу сюда раза два в месяц. Есть несколько других бургерных в Вашингтоне, которые я посещаю. Зависит от настроения.

— Бургеры и настроение, — отмечает она, улыбаясь пока официантка ставит бутылку соуса A-1 [Прим. пер. Соус A-1 — традиционный густой английский соус к горячим и холодным мясным блюдам, твердым сортам сыра, тушеным овощам и морепродуктам] перед ней.

Я откусываю огромный кусок от своего бургера, не осознавая до этого момента, как я голоден. Пока я пережевываю, она разрезает свой пополам и я издеваюсь, говоря:

— Облегченная версия бургера.

— Что — то вроде этого. Я не собираюсь есть его весь. Расскажи мне о себе, о чем я еще не знаю, но чего будет достаточно, чтобы составить хорошее впечатление. Меня все больше и больше спрашивают. Это похоже на какую — то игру с ними.

— То, что произошло недавно? Или я должен просто начать с момента моего рождения и ввести тебя в курс дела?

Перед тем, как откусить от своего бургера, она произносит:

— Смотри сам. Если честно, журналисты проглотят все и вся.

Мы говорим о нашем детстве. О моем, прошедшем в Атланте с семьей, которая

наслаждалась южными немормонским коктейльными вечеринками субботними вечерами, посещала долгие церковные службы по воскресеньям, занималась охотой с собаками, размещала флаги на своих пикапах и пила дешевый виски в километрах от женщин, которые бы говорили, что это крайне глупо.

— Сенатор Стоун, вы носили камуфляж охотника? — спрашивает она, поднося кружку пива к своим розовым губкам.

— Я могу обращаться с винтовкой, но я не люблю охоту, если это означает сидеть часами в темноте, на морозе в ожидании беззащитного животного.

— На кого ты охотишься?

— Тебе обязательно это спрашивать? — Я смеюсь и она ахает.

— У тебя есть оружие?

Я беру картофель — фри и откусываю кусочек.

— Несколько. Когда я был подростком, до того, как перейти в старшие классы я был на грани одержимости оружием. Огневыеми тренировками. Странно, но вовсе не семья моего отца поддержала меня в этом увлечении.

— Тогда кто?

Мой дядя, Меццо Альдебрандо Денарио. Это единственная дверь, которая будет оставаться закрытой. Даже с ней, так что я рассказываю ей свою версию правды.

— Мой дед по маминой линии. Тот, о котором я говорил раньше.

— Антонио Альдебрандо, — отвечает она. Я киваю, и она спрашивает: — Ты любишь соревнования по стрельбе?

— Любил. Винтовки крупного калибра. Но этого было не достаточно, чтобы присоединиться Национальной стрелковой ассоциации США. Вот такое мое прошлое. — Я избегаю разговоров о том, кто были мои инструктора и почему они были высококвалифицированными. Мой дядя и несколько двоюродных братьев периодически появлялись в моей жизни тогда и сейчас. Они научили меня стрелять из ружья двенадцатого калибра для того, что не имело ничего общего с ношением камуфляжа, поеданием вяленого мяса или хвастовством. К тому времени как я стал подростком, я смог бросать нож любой рукой и у меня было достаточно опыта использования штурмовых винтовок и полуавтоматического оружия, чтобы запомнить вес пушки в своей руке.

— На кого была похожа твоя мама? — без предупреждения спрашивает она.

Ее вопрос настиг меня, зарядив прямо промеж глаз.

— Моя мама... она была очень похожа на тебя. Полна энергии. Смелая. Классная. — Я говорю ей то, что первое приходит на ум. Я не останавливаюсь ни на минуту, а она слушает, держа меня за руку в то время, как мое прошлое льется из меня рекой. Когда я заканчиваю, в моей груди пустота. Я ошеломленно глажу пальцами ее пальчики, чувствуя при этом облегчение.

— Ты знаешь обо мне больше, чем кто — либо другой, — говорю я и встречаюсь с ее глазами цвета неба. — Расскажи мне о себе... что — то, что я не знаю.

— Не легко иметь дело с прошлым. Я понятия не имею, кто мой отец. — Она удерживает мой взгляд, не моргая, и улыбается. — Я надеюсь, что это не даст тебе уснуть.

Я слушаю ее, представляя ее жизнь как единственного ребенка, выросшего в окружении Грейс и Стэна Стиллманов, где эти двое явно стремились контролировать ее жизнь. Посадили ее в ящик, затем решили, что этот ящик не был достаточно хорош, и попытались засунуть ее в другой. Я уже выяснил, что она не знает кто ее отец, но я не знаю, хочет ли она

его найти. Она говорит лишь о своей личной истории, предоставляя мне голые факты.

— Разведясь с мужем номер два, моя мать путешествовала и прожила год в Индии и Тибете и вернулась оттуда беременной. Мои двоюродные братья и сестры разные по возрасту. Двое самых близких мне по возрасту, осели в Мидлтауне пару лет назад и пытаются прославиться в мире финансовой аристократии Стилманов на Пятой авеню. Колин — сын тети по маминой линии, как тебе уже известно, не утруждает себя ничем, кроме как перетряхиванием грязного белья нашей семьи.

— Ты была одинока? — Спрашиваю я, проводя костяшками пальцев по ее скуле, и, наблюдая за тем, как ее ноздри слегка раздуваются. — Даже имея сестру, я был одинок. Проживая в огромном доме, ты не можешь завести друзей, живущих по соседству.

— Вовсе нет. У моей мамы было много знакомых. Иногда, мне хотелось, чтобы меньше народу приходило и уходило от нас. Было бы неплохо привязаться к кому —нибудь, хотя, вероятно, это звучит ужасно скучно. Снова и снова я пыталась узнать, кто мой отец, но не так сильно, чтобы беспокоиться по этому поводу и начать действовать.

Услышав горькие нотки в ее голосе, я почти готов надавить на нее, чтобы она разрешила мне нанять Арчера для разгадки этой тайны.

— Есть множество частных детективов, которые специализируются на поиске пропавших родителей. Зависит от того, зачем ты хочешь найти его и готова ли ты услышать всю правду.

— Что это мне даст? — Оттолкнув свою корзинку с бургером, она стонет: — я сыта.

— Это да или нет? — Я не позволю ей сорваться с крючка.

Она наклоняет голову набок.

— Это означает «Я не знаю».

Я беру ее руку и переплетаю наши пальцы.

— Если захочешь, просто скажи мне. Я могу помочь.

— Если этот день когда —нибудь наступит, ты будешь первым, кого я попрошу. — Ее губы изгибаются в попытке сдержать улыбку. — Забавно. Находится здесь с тобой. На свидании.

— Мы еще не закончили, — шепчу я, наклоняясь вперед. — Сегодня, я собираюсь заняться с тобой любовью.

Глава 16

ВЕЛИКОЛЕПНО ЖЕСТОКИЙ.

— Займемся любовью? — шепчу я, и слова эхом отдаются у меня в ушах.

Такое ощущение, будто Бен прокричал эти слова. Я сижу, ошалевшая от того, насколько это произвело на меня впечатление, словно облако тепла растекается под кожей, начинающееся где —то в районе лопаток и выходящее наружу через нервные окончания.

— Да. На протяжении долгих часов, — отвечает он, переводя взгляд от меня, привлекая внимание официанта, жестом приглашая подойти и принести счет, прежде чем снова пристально посмотрит на меня.

— Это не то, что от нас ожидают, — напоминаю я ему.

На протяжении всего ужина, его взгляд был то угрюмый и торжественный, то игривый и собственнический. А когда он говорил о своей матери, взгляд его был совсем другим. О ее

внезапной смерти. Я была тронута — на меня произвело впечатление, почему он вел себя так в колледже и почему принял решение стать юристом. Мы словно перешагнули какой — то порог. Может быть, это мое воображение или на меня так действует пиво, но после проведенного за разговорами вечера с ним, я чувствую себя ближе к нему, как будто крошечные нити соединяют и удерживают нас на одной и той же волне.

— Разве? — Он промокает рот салфеткой и кивает головой в сторону окна. — Возможно они не согласны с тобой.

— Но они не мы, — парирую я, привлекая его внимание. Я перевожу взгляд на окно, потом обратно так, как сразу мелькает несколько десятков вспышек.

— Пора пересмотреть правила.

— Потому что ты так сказал?

На его губах появляется свирепый оскал.

— Потому что твое тело говорит так. Потому что по натуре ты и я не приверженцы правил. Честно говоря, неужели ты не хочешь быть вместе больше, чем раз в неделю?

— Это не вопрос, — слабо аргументирую я и он знает это. Я прикладываю свою салфетку к губам, прикрываясь, чтобы те, кто умеет читать по губам ничего не поняли. — Конечно, я хочу проводить больше времени с тобой, но это не безопасно.

Бросая наличные на стол, Бен встает спиной к окну, таким образом, закрывая нас и не давая тем, кто стоит на улице возможности понять о чем мы говорим.

— Мы с тобой разительно отличаемся от всех. Сидя здесь. Это не то, что мы представляли себе, находясь в Бостоне. Нам надо быть умнее, чтобы выяснить, как это работает в нашем случае. Я готов продолжать поиски.

Я не заставляю себя ждать и моментально отвечаю ему:

— Не думай, что я не делаю того же самого.

— Ладно. — Он кладет руку на стол, наклоняется вперед и, понизив голос, произносит: — Пора раскрыть карты. Насколько сильно ты готова выпорхнуть из своей золотой клетки?

Я хмурюсь.

— Ты понимаешь, что мы загоняем себя... — прежде, чем я успеваю закончить, он вытаскивает меня из кабинки. Мы стоим достаточно близко друг к другу, чтобы я могла разглядеть золотистые крапинки в его зеленых глазах.

— В еще те отношения. Да, я понял это, когда мы в первый раз поцеловались. Я хочу больше. Ты говорила, что хочешь секретности, мне жаль, но я не могу тебе ее обеспечить. Но поскольку мы оба не возражаем против нахождения в тени, давай будем наслаждаться этими изменениями в наших планах.

Почему все, что он предлагает, звучит невероятно убедительно? Я прислоняюсь к столу, молча умоляя его. Я, возможно, слегка перебрала, потому что вдруг выпитое пиво возымело на меня действие.

— Мы с тобой не две пробки, выброшенные на произвол судьбы в океане. У нас был план. Но он изменился. Но нам все еще нужна опора. Подстраховка.

Он тянет меня за руку, направляя к выходу из ресторана.

— Я не верю, что ты этого хочешь. Если бы это было правдой, ты бы осталась в Бостоне и позволила Грейс руководить твоей жизнью.

Пастель и жемчуг, мартини и я были бы очередной марионеткой. Он прав.

— Ты заставил меня сделать выбор.

— До тех пор, пока я не получу тебя голой, не противоречащей мне, наш разговор не

будет считаться окончанным.

На тротуаре группа репортеров и фотографов зовут его по имени. Несколько не громких вопросов и Беннетт входит в свой привычный, умеющий общаться с прессой, образ. Он очаровательный, улыбается и смеется, ведя с ними беседу. Он учитывает мое мнение и вопросы вращаются вокруг нас, начиная с того, как долго мы знаем друг друга и заканчивая тем, что мы ели на ужин. Спустя пятнадцать минут — а это целая вечность для подобного рода общения с прессой — мы направляемся к парковке. Так как он уделил прессе частичку своего времени, за нами никто не следует.

— Ты научился избегать ситуаций с преследованием.

— Надо было позаботиться об этом заранее. Там в офисе, когда мы смылись от прессы. — Он снимает машину с охраны и открывает пассажирскую дверь. — Мы не собираемся давать Дому править нами. Договорились? — Его голос звучит резко, и я замираю, перед тем, как ответить ему.

Когда он садится на водительское место, я поворачиваюсь к нему и начинаю разговор, касающийся изменения наших правил. Снова.

— На самом деле, между нами есть соглашение. Как насчет него?

Выезжая со стоянки, он смотрит в зеркало заднего вида, потом на меня, прежде чем включить передачу.

— Я владелец. Я могу разорвать это соглашение сегодня же вечером, если ты этого хочешь.

— Все происходит слишком быстро, — отвечаю я, не зная, чего я хочу. — Я не понимаю, что изменилось за последние двадцать четыре часа.

Вместо моментального ответа мне, он смотрит на меня. Я почти чувствую, что он собирается сказать. Я не знаю, услышала ли я сначала слова, прежде чем он произносит их или это произошло после.

— Ты доверяешь мне, — шепчет он и его слова отдаются во мне.

Он не спрашивает меня. На этот раз, это утверждение. Это моя просьба и он дает мне выбор. Я могу отказать ему. Скажу ему, что ничего не выйдет. Заставлю его действовать в соответствии с нашим измененным договором.

Хотя, он прав. Я доверяю ему и хочу его далеко за передами Дома. Но я не могу отрицать, что то, что я получаю от его клуба — это не только секс. Это все я и моя укоренившаяся нужда, которую я чувствую к нему и это похоже на безумие. Я знаю, что это действует именно так.

Я нервно выдыхаю, взглянув вниз на свою руку, там, где он держит ее. Запинаясь, я произношу:

— Мне все еще необходимо то, что ты можешь делать в своем клубе.

— Мы не должны прекращать. Я рад тому, чем мы занимаемся в Доме. Но я жаден и жуткий собственник, и я хочу заполучить тебя всю. Всю в мое полное распоряжение. Сегодня я намерен показать тебе, что это не на один раз, когда дело касается нас. Разве ты не согласна с этим? — Его дымчато — зеленые глаза темнеют.

Мне вовсе не надо обдумывать свой ответ.

— Согласна.

Его глаза постепенно расширяются и он усиливает свою хватку на моей руке.

— Что бы ты сказала, если бы мы встретились в отеле...в том, откуда тебя забирали

водитель?

— Это уже более личное, — говорю я. — Но не будет таким, если за нами будут следовать по пятам.

— Эти уроды журналисты не смогут получить доступ в него. И мы можем провести несколько часов, а то и дней там. Только ты и я и больше никого. Выяснить, кто мы друг для друга, за пределами, отведенным для нас ролей. Ты понимаешь?

Ключевые слова: личное, ты, я и отведенные роли.

— Ты говоришь мне о чем — то. Как раз то, чего я не понимаю. — Пальцами свободной руки я слегка касаюсь его руки. — И потому, что я доверяю тебе, может быть, мне не нужно знать больше ничего.

Он смеется.

— Итак, ты — за, — чтобы добавить для нас больше ночей? Больше времени, проведенного голыми? — Выражение его лица превращается из самодовольного к любопытному, а затем приобретает серьезный вид. — Начиная с сегодняшнего дня?

Он понятия не имеет, что я хочу этого уже на протяжении многих, многих ночей. Я смотрю на него, чувствуя, как мою кожу покалывает от предвкушения.

— Так случилось, что сегодня вечером я свободна.

— С сегодняшнего дня нет, — Он берет мои пальцы, обвивая рычаг переключения передач, затем потирает ладонью мою руку, поглаживая, ловко лавируя в автомобильном потоке. Когда он подъезжает к отелю, то направляется к подземной частной парковке.

— Особое место на парковке? К скольким подземным гаражам у тебя есть доступ? — На его лобовом стекле располагается целый ряд специальных парковочных талонов, и это является ответом, почему он не всегда пользуется своей парковочной картой или не приобретает парковочный талон.

— К очень многим. — Его губы сжимаются в прямую линию, а взгляд сосредоточенно направлен вперед, пока он не поворачивает к частному боксу, припарковывая свой автомобиль.

— Я была здесь дважды и ни разу не спрашивала ни о чем. — Я указываю в сторону окна. — О том номере наверху?

Он резко вздыхает.

— Что именно ты хочешь знать?

Я морщусь. Неужели я настолько недалеко раз спросила это?

— Я предполагаю, что мы собираемся в тот же номер. Но мы не те же самые, что были раньше. Мне в какой — то степени нравится это наше с тобой состояние.

— Настолько много вариантов и не один не граничит с рутинной. Номер принадлежит моему клубу, — отвечает он, глядя меня по подбородку. — Я не собираюсь лгать тебе, заявляя, что это первый раз, когда я использую этот номер. Но что стоит напомнить так это то, что ты первая женщина, которую я привез сюда с намерением заниматься любовью. Помещение используется как место встречи, прежде чем прибыть в конечный пункт и другие владельцы используют его таким же образом, как я использовал его с тобой.

— Мне понравились шампанское и розы.

— И опять же. Это было в первый раз. Пойдем.

Оказавшись внутри гостиничного номера, я уже не нервничаю, так как было в первый раз. Все — таки тот факт, что это «мы» означает, что мы на пороге какого — то нового

опыта, не зная, чего ожидать и по моему телу растекается азарт, заставляя мою голову кружиться.

Бен подходит ко мне сзади, целует меня в шею, затем прижимает меня вплотную к своему телу.

— Детка, — он шепчет мне на ухо.

Он переплетает свои пальцы с моими, и тянет меня к двойным дверям, открывая их. Спальня находится в другой стороне номера. Она выполнена в современном стиле. Серо — голубые стены, изобилующие произведениями искусства, каменный пол и большая терраса. Все это окружает двуспальную кровать размера king — size с мягким кожаным изголовьем, занимающей центральное место в комнате.

Все мое внимание сосредоточено на человеке, находящемся рядом со мной, пока он ведет меня к кровати и начинает расстегивать мою блузку, вытянув ее из юбки и скинув ее с моих плеч. Он прикусывает губу, его глаза жадно осматривают мою грудь, пока он снимает мой бюстгальтер. Издав стон и с обожанием на лице, он пробегает пальцами по моей груди. Наклонившись, он быстро прокладывает дорожку теплых поцелуев, пока я не стону, скользя пальцами вверх по его твердому телу. Его губы на моей коже вызывают мурашки, и я запускаю свои пальцы в его волосы, изгибаясь и прижимаясь ближе к нему. Он берет в рот вершинку моей груди и начинает ласкать языком мой сосок до тех пор, пока он не превращается в жесткий пик.

— Беннетт, — шепчу я его имя, изнывая от ощущения того, как его щетина царапает мою нежную кожу.

— Ксавия, я владею тобой. Все для тебя, детка. — Его пальцы путешествуют по моей талии, останавливаясь лишь для того, чтобы расстегнуть молнию на юбке. — Ты знаешь, что я жажду услышать.

Стягивая с меня юбку, он опускается на колени и прижимает свой рот к моей плоти, втягивая мой аромат и разрывая мои трусики зубами. Я мяукаю словно пригревшаяся кошка, в ответ, двигая бедрами.

— Пожалуйста. Бл*ь, пожалуйста! — Умоляю я его.

Я остаюсь всего лишь с туфлях и с забранными волосами, он укладывает меня на матрас и разводит мои ноги в стороны. Своим взглядом он заставляет меня оставаться на месте.

— Не двигайся, — командует он, крепко сжимая мои колени. — Лежи вот так.

— Куда ты? — Я спрашиваю его, цепляясь пальцами за его бедра.

Вместо ответа, он зажимает мои соски между пальцами и молча, целует меня. Целует настолько дико, что я изгибаюсь около него, вжимаясь в него, борясь со своими чувствами к нему. Я чувствую, что становлюсь дикой, необузданной, неистово рассыпающейся на части и все это настолько сильное, что я вцепляюсь ладонями, будто в стену, состоящую из скульптурных мышц, являющихся его грудью.

Бен рычит и хватает меня за запястья, поднимая их вверх над моей головой.

— Что ты хочешь, маленькая саба?

Хочу? Конечно, он должен знать, что я хочу.

— Тебя. Только тебя, — говорю я и он набрасывается на мои губы, проникая своим языком все глубже, сильнее. Я хнычу в ответ, жажду его необузданного животного секса, который есть между нами и с силой прижимаюсь своими бедрами к нему. — Трахни меня жестко! — Умоляю я.

— Ты все еще сопротивляешься, — резко произносит он около моих губ, затем скользит

губами к моей шее, его слова обдают меня горячим потоком, лаская мою кожу. Он посасывает местечко, от прикосновения к которому, я начинаю содрогаться. Мои соски становятся твердыми камушками, жаждущими его прикосновений. — Я хочу, чтобы ты открылась для меня. Сама... но пока ты не будешь готова к этому, я дам тебе то, что тебе нужно.

— Пожалуйста, — сердито ворчу я в то время как он встает, наклоняясь вперед. Я вижу, как на шее бьется его пульс. Я смотрю на его гладкую загорелую кожу, страстно желаю податься вперед, а затем я совершаю кое — что. Я заявляю свои права на него и оставляю отметку на его коже. Оставляю свою метку на нем.

Мы как — будто жидкость, двигающаяся в унисон. Он целует меня, посасывая мой язык. Этот мужчина так сильно возбуждает меня, пи*ц насколько сильно, пока мы прижимаемся все сильнее и сильнее друг к другу, лежа на этой кровати. Так же как и в отеле Бостона, но не совсем. На этот раз между нами все намного больше. Нас больше. Мы связаны.

Я понимаю совсем немного, зачем мы посещаем в клуб. Зачем мне нужно рисковать, чтобы чувствовать себя свободной. Находиться в Доме, в парике и в маске рядом с ним, у меня нет предвзятого мнения, которое отбрасывается тенью моей семьи. Я же, наоборот, в безопасности, предсказуема, беспомощна. С ним я дикая, жаждущая любых приключений, которые он мне предлагает и в этом всепоглощающем эротическом путешествии я свободна. Но готова ли я взять на себя больший риск? Признать, что то, что я хочу, находится прямо здесь наедине в постели с этим мужчиной и полным отсутствием зрителей.

Я прячу подальше эти мысли. О боже! Я влюбляюсь...реально влюбляюсь в него. Его цели — это использование паддлов и боль, нездоровый вид секса и темный грех. Мои бедра извиваются возле его, но он удерживает мои руки, сжимая их своими пальцами, таким образом, лишая меня возможности держаться за него. Как бы то ни было, я нахожусь в ловушке его тела и он находится у меня между ног в то время как он трахает и оставляет метку на мне, на моей голой и открытой киске, которую он хочет поиметь.

Я хочу, чтобы он владел мной. Полностью. И это может произойти в этой комнате. Внезапно в моей голове возникает мысль. Одинаково гениальная и до ужаса пугающая. Этот мужчина — самый большой риск в моей жизни и этот же человек раскрывает мой самый величайший секрет. Тот, который обладает силой, чтобы освободить или уничтожить меня.

Он держит мои запястья своим пальцами, прижав их над моей головой, мурлыча мое имя и клеймя мои губы влажными поцелуями.

— Чего ты хочешь?

В его вопросе слышится одновременно боль и резкость.

Так просто и так сложно.

Ты сверху надо мной.

Ты связываешь меня.

Шлепаешь меня. Обнажаешь меня. Освобождаешь меня.

Я хочу, чтобы ты почувствовал себя также на грани как и я, когда закручиваюсь вокруг и распадаюсь на части.

Я обвиваю руки вокруг его шеи, притягивая ближе и смотрю в его глаза цвета грозового неба, которые темнеют и смотрят на меня сверху вниз. Мое сердце колотится в моей груди, голой и прижимающейся к его.

— Я хочу быть свободной, черт возьми! С тобой. Только с тобой.

Он замирает и выгибает свою идеальную бровь.

— Поцелуй меня своим умным, красивым и грязным ротиком, — приказывает он, медленно овладевая мной, держа меня между своих пальцев.

Прижимаюсь своими губами к его, облизывая его губы и провожу своим пирсингом по его языку. Посасывая его нижнюю губу между зубами, я прикусываю, зажав ее.

Он приподнимает голову, ухмыляясь.

— Ты серьезно?

— Да. Серьезно, — отвечаю я.

Злобно посмеиваясь, он опускает руку на мое бедро, закидывая мою ногу еще выше, шире раскрывая меня, пока я не оказываюсь полностью открытой для него. Вместо того, чтобы растянуть ширинку или начать трахать меня рукой, он пробегает пальцем вдоль входа в мою киску, с невероятным терпением на лице, поддразнивая меня и наблюдая за мной. Он прижимает палец к моему клитору и мышцы моего живота вздрагивают. Я извиваюсь от чувства возбуждения, зарождающегося внизу моего живота. Я становлюсь еще более влажной, жаждущей его еще больше, ненасытной. — Не дразни меня!

— Тогда не спорь со мной. — Он захватывает мои запястья и вытягивает их над моей головой, прижав меня к матрасу. — Это именно то, что ты должна перестать делать и перестать прятаться за всем этим дерьмом!

Пытаясь бороться с ним, я стараюсь сделать резкое движение, но он быстрее и сильнее меня, намного сильнее и у меня вырывается стон разочарования. — Я не хочу прятаться, но мне надо, чтобы ты трахнул меня. Сейчас же!

— Если ты не можешь прекратить борьбу по собственной воле, тогда мы сделаем это по — моему.

— Что ты имеешь в виду? — Задыхаюсь я.

Поднимаясь вверх, он отпускает мои руки. Я наблюдаю, как он мягко проходит через спальню в гардеробную, взяв довольно большой кусок смотанной веревки. Она похожа на ту, которую он использовал в прошлый раз в клубе, за исключением того, что эта веревка глубокого бордового цвета.

— Я хочу, чтобы ты смотрела, что я делаю и то, как я завязываю узлы. Они легкие, если ты тренируешься их вязать. Думаю, тебе бы хотелось как —нибудь связать меня?

Я смотрю на него, не в состоянии ответить. Перевожу взгляд от него к веревке, затем смотрю в сторону гардероба.

— Ты не трахаешь здесь женщин, но ты знаешь, что здесь есть веревка.

— Как я и сказал, мои партнеры используют это место, и я в курсе, что здесь происходит. В Доме, акцент делается на секс. Но здесь, это место, чтобы заполнить пустые пробелы. Встретиться. Поговорить. Обсудить. Обучить.

— Но мы не... делаем ничего подобного, — отвечаю я, недоумевая, пока он снимает галстук и рубашку, туфли и носки.

Раздевшись, он поднимает большой моток веревки.

— Я вел себя предусмотрительно... избегая, приводить тебя сюда раньше. Между нами бы все закончилось постелью.

— А сейчас. Так и должно быть.

— Теперь, это то, что нам нужно.

Сидя на краю кровати, он разматывает веревку, которая проскальзывает между пальцами, будто вода, в то время как он наблюдает за мной.

— Карада, — говорит он тихо. — С японского означает «человеческое тело». Я обяжу

тебе грудь в виде упряжи. Это форма означает красота и рабство.

— У меня есть опыт работы с веревкой, — говорю я ему.

— Морской узел, — отвечает он. — Как в плавании на яхте?

— Точно. Не трудно себе представить. Отдых в Нантакете (прим. пер. Нантакет, остров и курортный город (штат Массачусетс) летом.

Он замирает, формируя петлю из веревки. Мышцы его рук напрягаются, работая в тандеме, похожие на веревку в его руках. Приподняв меня на кровати, он обматывает веревку вокруг моей груди, перекрещивая ее между моими грудями.

— Веревка перекрещивается здесь. Оборачивается вокруг плеч, и снова... и снова. — Мягкая веревка скользит по моей коже, четко отмеренными движениями. Он осторожен и спокоен, уделяя время, чтобы объяснить каждый узел.

— Шинджу, — шепчет он. — «Жемчужина». Вот что из себя представляет каждая из твоих грудей. Идеальная жемчужина. — Его пальцы ловко работают, в то время как он приподнимает мои руки у груди, словно я молюсь, переплетая мои пальцы и показывая мне петлю. Как ее сделать. — В следующий раз, я свяжу твои запястья за спиной. А сейчас, обрати внимание.

Он оборачивает мои руки большим количеством петель и, как и раньше, он подробно рассказывает мне все. На этот раз он показывает, какие знаки рукой я должна подавать, чтобы показать, что веревка связывает слишком туго, нарушая кровообращение или при помощи движений глаз показать, что веревка защемляет нервные окончания.

— Подожди минуту. Почему я не могу просто сказать тебе, произнеся все?

Снова и снова, он обвивает веревки вокруг моей руки, проверяя натяжение, затем ухмыляется, приподняв бровь, как будто я только что ответила на свой собственный вопрос. — А ты как думаешь? Моя саба.

— Ты собираешься вставить мне кляп, — говорю я, чувствуя, как сжимается кожа на моем теле. Ну, по крайней мере, мне не страшно, что я смогу выдать свои маленькие секреты.

Когда он заканчивает, он проверяет натяжение веревки, бормоча себе под нос, пока прикасается к различным узлам и точкам на моем теле. Когда встает на колени, матрас прогибается под ним, он запускает руку в карман, извлекая красный шарик, который крепится ремешками.

— Есть проблемы с этим? — спрашивает он.

— Нет. — Я вздергиваю подбородок, отказываясь признавать, что я немного потрясена этим неожиданным поворотом.

— Пить не хочешь... воды... хочешь что —нибудь сказать?

— Иди ты! — парирую я, выгибая бровь.

— А ты хочешь проверить. Открой рот. — Он показывает мне кляп, держа его за один из кожаных ремешков. Я провожу кончиком языка вокруг округлой поверхности шарика, не принимая во внимание то, что мышцы его челюсти дергаются. Он протягивает руку, сжимая в кулак мои волосы, медленно, осторожно, а затем тянет меня к нему. — Итак?

— Итак? — Я, как попугай, повторяю за ним с сарказмом.

— Все еще ведешь себя заносчиво, — шепчет он, и его слова звучат как предупреждение. — Ты хочешь, чтобы я помог тебе?

Господи. Я сумасшедшая, раз перегибаю палку и наконец, мой здравый смысл берет верх, и я качаю головой.

— Нет, сэр.

— Доверься мне. Я владею тобой. Ты моя. Моя собственность. Ты принадлежишь мне, — шепчет он, пригвоздив меня омутом своих зеленых глаз. — С этим ты не сможешь противостоять мне и победить, Кса.

Часть меня хочет...но большая часть меня чувствует, что он открывает дверь к чему — то большему, чем просто моя гордость. Хотя он намного крупнее, намного сильнее меня и мог легко связать мои запястья и вставить кляп, но он не делает этого. Он просит меня доверять ему, тихо спрашивая разрешения, и это проникает в меня, словно теплый мед в трещины моей души.

Кса — Кса — Кса вибрирует сквозь мои нервные окончания.

Я киваю. Едва заметно.

В ответ он мычит, принимая мое согласие, раскрыв губы. Его ноздри подрагивают, в то время как он возвращает кляп на место. Проводит подушечкой большого пальца по моей нижней губе, уголки его губ искривляются в ухмылке. Он наклоняется вперед, прижимаясь губами к моим, целуя губы, удерживаемые кляпом.

— Так чертовски горячо, — стонет он, затем опускает свои губы на мое плечо и прикусывает зубами мою кожу, сильно прижимаясь, пока я не чувствую ощутимую боль на моей шее.

Как — то однажды он искушал и пытал меня, а теперь он показывает, что он будет делать с моим нахальным поведением. Он щипает меня. Один раз. Медленно. И я закидываю голову назад, закусив резиновый шарик между зубами, резко дергаясь, затем изгибаюсь. Господи ты Боже, что этот мужчина делает своим ртом. Его пальцы обхватывают мою грудь, в то время, как он потирает мои соски. Его губы проделывают тоже самое, захватывая одну из моих ноющих горошинок в рот, начиная сосать и ласкать языком мой сосок, затем перемещаясь на другой.

Вот так. Я так близка к тому, чтобы начать умолять, хотя мой рот занят кляпом, но он останавливается. Этот, бл*ть, мужчина останавливает свою ласку именно тогда, когда я нахожусь на грани помешательства. Поднимается с кровати и я вижу ухмылку, которая растягивается на его великолепном лице, в то время, как а я сижу здесь еле сдерживаюсь, все мои нервные окончания в огне. Он прекрасно понимает, что ему надо раздеться. Он снимает с себя оставшуюся одежду, оставаясь совершенно голым, а его член — прекрасное доказательство того, насколько он себя контролирует. Обычно к этому моменту он уже находится глубоко во мне. Но не сегодня.

Но вместо того чтобы вернуться обратно в постель, он идет к двери, у меня есть возможность понаблюдать за его невероятного вида задницей, которая напрягается с каждым его шагом. Он уходит, а я прислушаюсь к доносящимся звукам, но не могу понять, что он там делает, пока не возвращается с бутылкой шампанского и не откупоривает ее. Он подходит к краю кровати и смотрит на меня.

— Ложись.

Ладно. С кем, как ни с ним с бутылкой шампанского Кристал могу я еще спорить?

Не успела я лечь, как он опускается на колени, матрас прогибается под его весом и он наливает пузырящуюся жидкость на мой живот.

— Такая красивая, — бормочет он.

Я напрягаюсь от чувства влаги на моем теле. Холодное. Идеально охлажденное шампанское льется по моему разгоряченному телу, посылая искры желания в мои жаждущие

и ноющие соски. Я сцепляю крепче пальцы, вместо того, чтобы прижать спину на кровати. Он наблюдает за моей реакцией, его член дергается, наблюдая, как я медленно раскачиваюсь, отчаянно пытаюсь двигаться, но стараюсь не пролить ничего. Он делает глоток из горлышка бутылки и смотрит на меня дьявольским взглядом на меня. О чем он думает?

Широко раздвинув мои ноги, он обхватывает своими пальцами бедра. В том местечке, где начинаются мои бедра, он начинает потирать своими пальцами мои припухшие складочки. Я заставляю себя оставаться спокойной — но это тяжело, особенно, когда я хочу сорвать веревку, которой он связал меня. Он заставил меня лежать смиренно из — за лужицы шампанского на моем животе, прикасаясь своими пальцами к моим складочкам. Не угрозами. Не наручниками. Всего лишь обещанием удовольствия и я наблюдаю, вытягивая шею, за тем, как он опускает свой рот на мою гладкую плоть.

Ох, бя..! Соприкосновение его холодных губ с моей разгоряченной кожей заставляет меня захныкать. Еще громче в тот момент, когда он начинает посасывать мой клитор в течение каких — то невероятно крышесносных секунд, приближая меня к разрядке, и тут же проталкивает свой язык внутрь меня. В том, как он посасывает меня, нет ничего дикого, он заставляет меня раскрыться сильнее — пожалуй, наоборот, он нежный, мучительно мягкий и я теряю контроль, будучи связанной и с кляпом во рту. Его глаза находят мои. Наши взгляды встречаются, но я связана и не могу прикоснуться к нему...сказать ему, что он делает со мной.

Он освобождает меня.

Я совсем другая здесь. Связанная, я не борюсь с собой — я представляю собой оголенные чувства. Это все касается только нас. Этого он хотел?

Я извиваюсь, но Беннет продолжает, обхватывая руками мои бедра, втягивает мой клитор, пока я не раскрываюсь полностью и не падаю в изнеможении. Он вылизывает меня дочиста, его борода царапает мои бедра, а я пытаюсь что — либо произнести сквозь кляп. Он бормочет в мои влажные складочки мое имя и слова:

— Ты моя. Вся моя.

Я чувствую жар, который проходит сквозь меня, когда его губы оказываются на мне. Его слова взрываются в моей голове, заполняя меня до краев в тот миг, когда освобождение вспыхивает во мне.

— Бен! О, Боже! — Крик рождается в моей голове в то время, как снаружи я дрожу под завесой эйфории.

Это как бег на длинную дистанцию — состояние эйфории у бегуна. Я настолько наполнена энергией, все еще парю на волнах блаженства, в омуте эндорфинов. Он, наверное, видит, что меня трясет от моего оргазма, но, что он не знает, так это то, что я держу свои секреты, которые я очень сильно хочу рассказать ему.

— Беннетт. — Произношу его имя про себя. Смакуя буквы его имени на языке, повторяя снова и снова, сжимая пальцы, потираясь о его рот, поглощающий меня.

Он сосет мое нежное местечко, щекоча мои бедра, захватывая мой разум. Когда он стонет, приближая свои губы обратно к моей киске, я больше не могу сдерживаться. Я тону в безграничной эйфории, которая расширяется в моем сердце и распространяется по моим конечностям. Я извиваюсь под ним, я настолько сильно кончаю, изливая свои соки на него. Он слизывает мое освобождение, пока мой мир рассыпается от сумасшедших ощущений. Я переполнена невероятными вспышками цвета, звука, текстуры — всем им, владеющим мной.

В течение долгой секунды я чувствую, что перестаю бороться.

На грани, частичка моего здравого смысла задается вопросом о том, что этот мужчина доминирует надо мной. Ответ пугает, бл*ть настолько, что я начинаю сильно извиваться. Он крепче удерживает меня, сильнее прижимается губами, пока реакция моего тела не начинает заглушать мои мысли. Я купаюсь в чувственных эмоциях. Находиться здесь, прижатой им без каких — либо возведенных стен, я готова прыгнуть и сдаться всему, что он делает для меня, в то время как я лежу связанная и освобожденная у него в постели. Его поцелуи — это невидимые слова, которые он использует, двигаясь вдоль моего тела и я молюсь, чтобы он понимал мои движения, которые говорят о том, насколько безумной он делает меня.

Не говоря ни слова, он поднимается надо мной и сильное чувство голода отражается в его глазах, видимое даже сквозь паволоку после оргазма. Инстинктивно я сжимаю бедра, жажда его глубоко внутри себя. Его член дергается, пока он тянет меня за бедра, скользя по простыням пока я не оказываюсь под ним. Он располагает головку своего члена рядом с моим входом и наши взгляды встречаются, перед тем, как он одним движением входит в меня на всю длину.

— Черт! — стонет он, притягивая мои бедра к нему, заставляя меня принять всю длину его члена. — Ты ощущаешься, словно шелк и настолько мокрая.

Сегодня он мягкий и одновременно грубый в том, как он ломает стены вокруг меня. С контролируемой властью, он трахает меня, удерживая меня за плечи и входит своим членом в меня. Все. Время.

Мы никогда таким образом не занимались любовью. Насколько красиво и жестоко он раскрывает меня, затем входит в меня, пока мы не находимся близко, кожа к коже и сегодня наша связь усиливается еще больше.

Эта примитивная похоть, которую мы делим друг с другом, разгорается жарче, еще сильнее, хотя одновременно нежная в том, как он произносит мое имя с каждым стоном, с каждым толчком.

— Ксавия. Малышка. Моя.

Я смотрю, как он возвышается надо мной, изгибаясь на кровати, отдаваясь ему. Его резкие черты могли быть вырезаны из гранита в том, как он контролирует себя. Каждый сантиметр своего члена, находящегося во мне, то, как он щелкает пальцами по моему клитору, зарождающая чувство блаженства во мне, пока мое удовольствие не превращается в огненный смерч, сжигая каждый сантиметр моей кожи.

И вот мы кончаем.

Мы оба.

Собираясь вместе, мы одно целое.

— Кса, — произносит с шипящим рыком.

Дрожь проходит сквозь него, пока я хнычу несвязно, выдавая нелепые звуки. Я прекращаю сопротивляться и начинаю... О боже. Я понимаю, как далеко я падаю за пределы и это не могу быть я — это невозможно.

Закрыв глаза, запираю боль, которая приходит с этим невероятным открытием. Пожалуйста, пожалуйста, молча умоляю саму себя, пытаюсь вернуть себе контроль, но я не могу. Только не с ним, вколачивающимся на всю свою длину в меня, удерживающим меня за бедра, кончающим в меня, срывая последнюю завесу всего моего сопротивления.

— Ты моя. Создана для меня. Только для меня. Я владею твоей сладкой киской. — Он частично говорит правду. Он владеет куда больше мной. Он владеет моей душой и я моргаю,

чувствуя, как слезы обжигают мои глаза.

Он опускается на меня, мы оба тяжело дышим и он обвивает меня своими руками, находясь в этом омуте невесомой свободы.

Мое сердце стучит в унисон с его грохочущим сердцем, ощущая, как его грудь вздымается около моей. Он опускает свое лицо к моей шее, посасывая и целуя мою кожу. Когда наше затрудненное дыхание приходит в норму, мой затуманенный разум становится более ясным. Я не выкрикивала вслух все те мысли, которые вышли из — под контроля в моей голове, и я сглатываю, облегчение проходит сквозь меня.

— Малышка, это было нереально мощным. — Его голос хриплый, с легким намеком на его южный акцент. Это из — за того, что мы только что испытали один из невероятно сильных оргазмов, известных человечеству, и когда он приподнимает голову на несколько сантиметров, наши взгляды снова встречаются, и я ощущаю снова прилив чувств, которые пронзают мое сердце.

Никто никогда не смотрел на меня так, как делает он. Настоящий первобытный голод и взгляд собственника, я закрываю глаза, боясь, что он увидит все, что я чувствую и не могу скрыть. Кусочки меня — миллион разбившихся осколков, и я удивлена тем, что он не приказывает мне открыть глаза. Я чувствую его пальцы на моем лице, скользящие по щеке. Он расстегивает пряжку и на долю секунды, я боюсь, что будет, когда он вынет кляп, те эмоции, находящиеся внутри меня, могут выйти из под контроля моего разума и запросто слетят с моего языка, выдавая все, о чем стараюсь умалчивать.

— Медленно... открой, — шепчет он. — Твоя челюсть может чувствовать некоторый дискомфорт.

Он хватает несколько салфеток и вытирает мой подбородок. Я делаю так, как он велит, и чувствую, что мой рот совсем не болит — я немного смущена тем, сколько слюней у меня вокруг рта. Хотя нет... неправда, моя челюсть немного болит, пока я сжимаю его и разжимаю.

Он слегка сдвигается, запустив пальцы в волосы, пока его глаза прослеживают вдоль веревки, которая удерживает меня связанной в его постели. Я вижу, как сжимаются мышцы его челюсти и мне становится интересно, о чем он думает. — Прекрасно, — говорит он мягко, — я ведь не могу держать тебя здесь вечно.

Также аккуратно, как и когда он связывал меня, его пальцы развязывают первый узел на моем запястье, разматывая веревку и возвращая чувствительность моим онемевшим конечностям. Как только я освобождаюсь, я осознаю всю иронию происходящего, что я вовсе не свободна. Вокруг моих запястий остались следы и вижу, как он гладит своими руками кожу на моих запястьях, нежно шепча мое имя, будто произносит древнюю молитву. Он становится на колени рядом со мной и у меня возникает чувство, что это он склоняется в подчинении мне. На секунду я кладу голову на его плечо, он будто тщательно собирает меня по кусочкам, кусочкам, соединенным между собой шелковой веревкой и это выбивает из колеи.

— Дай я, — говорит он и тянется к бутылке, стоящей на тумбочке, до сих пор я даже не заметила ее. Он проводит пальцами по следам на мне, оставленным веревкой. Так что, я единственная, кто пытается держать себя в руках.

— Это было невероятно, — говорю я, отчаянно пытаюсь говорить так, чтобы не дрогнул мой голос.

ВОТ ВЕДЬ БЛ*Ь.

— Джонатан Ричер прибыл на встречу с вами, — сообщает мне сотрудник по интеркому и я стискиваю зубы. Я избегала его с тех пор, как послала анонимные письма Джексу. Я должна поговорить с ним и выяснить, будет ли он продолжать свои разоблачения. Черт побери, я мельком смотрю на свой сотовый, затем оглядываю поверхность своего стола с разбросанными по нему файлами, заметками и письмами. Если сказать, что у меня много работы — это ничего не сказать. Все наше утро, в стенах офиса Беннетта, было кувырком и весь этот переполох все еще продолжается.

— Я сейчас буду. — Сейчас одиннадцать и Джон должен быть в офисе Джекса. После выступления президента час назад, с объявлением о том, что ведутся переговоры и будут сняты запреты на торговлю с Кубой, наш многоканальный телефон завален звонками. За последние двадцать минут мы все «навалились», чтобы помочь ответить на поступающие звонки.

Когда я вхожу в приемную, лицо Джона мрачнее тучи. Наши взгляды встречаются и он становится еще мрачнее. Хрень. Двойная хрень. Неужели его уволили из офиса Джекса? Я не хочу, чтобы это случилось.

— Эй, давай пройдем в мой кабинет, — говорю я, здороваясь с ним, чувствуя себя жалким предателем.

— Кабинет? — Он горько смеется. Его тон настолько резок, что сотрудник, сидящий за рабочим столом Норы, бросает на него взгляд.

— Сюда, — я указываю ему направление, наклонив голову и воздерживаясь от того, чтобы открыть перед ним дверь, что смутило бы его. Мы идем в тишине, и я будто бы могу чувствовать гнев, который исходит от него, словно искрящееся электричество. Мы входим в мой кабинет, где я жестом указываю ему на стул. — Все в порядке?

— Мы завтракали с Брук. — Он запускает руку в свои непослушные волосы и я вижу, как желваки ходят на его челюсти. Он стоит в дверях, его сумка с ноутбуком свисает с плеча. — Я поражен тем, что меньше, чем через неделю она уже чувствует себя лучше. Мы завтракали с ней сегодня и когда я стал уходить, она достала свой ноутбук и приступила к занятиям. Странно видеть ее такой серьезной. Вас обеих. Круглыми сутками с начала лета, не так ли?

— Нам так удобно. В чем дело?

— Что, черт возьми, происходит? — Он закрывает дверь моего кабинета и разворачивается, пересекая кабинет, выходя так, будто собирается придушить меня.

— Говори потише, — отвечаю я мертвенно — спокойным тоном, готовясь услышать самое страшное.

Огромное количество секретов, находящихся у меня голове, начинают кружиться, будто обрывки бумаги, подхваченные ветром. Какой из этих вариантов приведет нас на тропу войны? Беннетта нет в офисе, но здесь сотрудники, сидящие около каждого телефона по всему офису. Нора в кабинете Беннетта разбила лагерь. Она единственная, кто имеет свободный доступ к его столу и отвечает на звонки, поступающие на его номер с завидной скоростью.

— Когда ты собиралась мне все рассказать, Ксавия?

Я никогда не видела, чтобы Джон так заводился и я у меня перехватывает дыхание от такого потока ярости, которую он излучает. Из состояния злости он перешел в состояние ярости.

— Чем ты так расстроен?

— Во всю трубят о твоей любовной связи. Как насчет того, что ты встречаешься с Сенатором Стоуном! — Его губы побелели и его взгляд, сквозящий обвинением, поражает меня будто цунами.

Мой живот скручивает. Дерьмо, конечно, он был бы первым, кто увидел наши фотографии, которые пресса тут же поспешила разместить под милым или даже провокационным заголовком о нашем вчерашнем ужине. Я выдерживаю его гневный взгляд, барабанила пальцами по столу, словно выражая этим все, что накипело у меня внутри. Мои руки становятся холодными, и я сцепляю пальцы вместе, зная, что он заметит мой нервный тик. Ох, ты, черт.

— Ну? — он требует. — И не смей мне врать.

— Боже, Джон. Из всех людей кто знает об этом, ты единственный, кто должен понимать, что всему напридуманному не всегда можно верить», я парирую ему, тщательно и мучительно выбирая то, что я могу сказать и главное, что должно оставаться тайной.

— Определить, какое количество информации является ложью. Его руки на тебе. То, как вы оба смеетесь. То как он усаживает тебя в свою машину. Целует тебя в щеку. Какая часть из всего этого ложь... или может, бл*ь, прямо сейчас ты придумываешь ложь за ложью?

— Это совсем не то, что ты думаешь. — Мы оба стоим, между нами меньше метра и его глаза мечутся из стороны в сторону. Я продолжаю пристально смотреть на него и продолжаю: — Это хитрость. Спектакль.

— Хороший спектакль. — Его глаза буравят меня, пытаюсь прорваться сквозь мое видимое спокойствие, проделывая маленькие дырочки в моей броне.

— Какая разница, что я делаю? Разве ты не совершаешь подобное... с Джексом? — Я поверить не могу, что я перевожу разговор, пытаюсь отдать на растерзание ради своего спасения человека, который все время был для меня ангелом — хранителем, который берег меня, но я именно это и делаю. Я сделаю все, чтобы держать Джона подальше от Беннетта и, чувствуя, что кровь леденеет в моих жилах от мысли об этом, я пытаюсь выстроить свои мысли таким образом, чтобы сосредоточиться на Джоне и его гнев. Черта с два. Бля, я не могу упасть во все это с головой и успешно заниматься всей этой слащавой романтикой.

— Я делаю репортажи на Холме, милая. Обо всем чертовом Холме. — Он резко качает головой. — Не ври мне.

Он все еще продолжает искать информацию. Джон ищет детали для своего разоблачения. Ему не важно, о ком пойдет речь. Негативная информация может бросить тень на Вице — президента, даже если я предположу, что это может быть устроено ей и быть частью ее плана, все же, если он продолжит копать глубже, он может узнать и о Доме. Надо «бросить ему кость» и я делаю это.

— Я не вру. И я не могу рассказать тебе что — либо еще, кроме того, что ты уже слышал или читал, все это делается для того, чтобы создать для избирателей лучшее впечатление о Стоуне и его образе. Все эти уловки PR команды по поводу предстоящего анонса Вице — президента. Это все для привлечения избирателей. — В моей голове возникает сильное давление, будто там гелий, который резко увеличивается с каждой моей ложью, рожденной в

моей голове и легко слетающей с моего языка.

— Ааа, так ты решила сигануть в омут с головой, когда твои бабушка и дедушка попытались добиться контроля над твоей жизнью. Они хотели «купить» твою задницу, чтобы потом могли наделить тебя властью и привилегиями и куда бы ты смогла сунуть свой драгоценный маленький носик. Но сейчас... ты продаешь свое имя сенатору. За что? — Он обводит рукой маленькое пространство. — За скромный кабинет?!

Я чувствую комок, подкатывающий к горлу. Кажется, что я струсилась и сейчас у меня нет сил спорить.

— Послушай, — я наклоняюсь ближе, сузив глаза. — Все вокруг используют друг друга. Разве не так называется вся эта игра?

— Здорово. Бл*ь, здорово, — издевается он и пробегается по мне глазами сверху до низу. — Ты меньше чем месяц на Холме и, похоже, ты соответствуешь ему идеально.

— Что тебя так беспокоит? Разве не ты притворялся сотрудником, чтобы получить кучу грязи на Картера? Тебе ли говорить о морали. Выводить моральные принципы на чистую воду, это ни о чем тебе не говорит?

Он щелкает пальцем перед моим лицом, указывая на меня.

— Не пытайся анализировать то, что ты делаешь. Не стоит! — Он поворачивается и шагает к двери. Вместо того, чтобы уйти, он останавливается у двери, оглядывается через плечо. — Думаю, я был прав по поводу тебя и политики. Ты намного больше Кеннеди и Стиллман, чем ты думаешь, Кса.

Моя грудь сжимается от жалищих слов Джона. Я делаю пару шагов в его сторону, отчаянно пытаюсь рассказать ему все и не отпускать его, но я не могу. Я не могу, я продолжаю говорить себе это, в то время как мое сердце сжимается и я вижу, как он уходит.

Глава 18

ЖЕСТКОСТЬ ПРОТИВ МЯГКОСТИ.

Последние пять часов я разрываюсь между встречами, назначенными друг за другом, преследуемый по пятам своим переводчиком. Мы входим в наш конференц — зал и он кивает мне. Я начинаю, представляя свою команду по международным отношениям Министру внешнеэкономической деятельности Кубы и его сотрудникам.

— Рад встрече с вами, Министр Диаз, — говорю я мужчине, стоящем передо мной, пожимая ему руку.

— Сенатор Стоун, — отвечает он и представляет мне своих сотрудников.

Мы все занимаем свои места за столом переговоров и когда Диаз начинает говорить, такое чувство, будто у него «каша» во рту. Во время нашей беседы мне не составляет особого труда понять его жесты и его испанский, чтобы осознать, что мы зашли в тупик.

Это не то место, где я должен быть в пятницу в 4.15. Я слушаю, как мой переводчик переводит последнюю фразу Диаза, но все это время я сосредоточен на движении тела Диаза, начиная искусно копировать его. Незначительные особенности в том, как я сижу, наклоняюсь, моя реакция, даже частота дыхания. Я стараюсь быть сосредоточенным на общении, а не на том, что я какой — то политик, безусловно, пользующийся такими уловками, но у меня есть план так же, как и у человека, сидящего передо мной и имеющего возможность влиять на Кастро.

Я улыбаюсь, когда он заканчивает и говорю ему, что готов выполнить его требования. Все, кроме одного. Нет никакого смысла в продвижении уже существующего закона о торговой политике в том как США ведет торговлю с Кубой. Мы должны действовать в рамках тех ограничений или эта сделка будет провалена. Чтобы подсластить пилюлю, я предлагаю ему план того, как будет действовать положение о торговле, даю ему сроки и суммы иностранной помощи его стране, которые будут предоставлены не только США, но некоторыми из наших союзников. Фактически, мы открываем двери для множества стран, в которых теперь его страна может приобрести товар, чтобы помочь своей нищей экономике, а также открываем двери туда, куда будет разрешен кубинский экспорт.

Мой переводчик сообщает мне ответ Диаза:

— Сенатор Стоун, я уполномочен и готов заключить сделку. Сегодня.

На секунду я замираю. Мысленно, я отступаю. Я ожидал, что он возьмет документы и захочет взять небольшой перерыв, вернуться к себе в кабинет для дальнейшего обсуждения, разобрать все «по полочкам» и выстроить встречное предложение. Это не Дикий Запад — это международное экономическое соглашение, ну хорошо, пора приспособливаться.

— Давайте начнем с покупки акций, — говорю я, глядя через стол, блестящий как зеркало, пока Диаз ничего не заметил. Я стараюсь быть максимально тактичным, но все же, это выглядит как невероятно дерьмовая манипуляция.

Министр переворачивает несколько страниц, задает насущный вопрос о процентных ставках, и я обращаюсь к ключевым точкам этого торгового предложения — со своей стороны я помню все. Я отвечаю на любой вопрос, который задаст мне Диаз, мы оба с головой повязли в наших с ним переговорах. В какой — то момент я поворачиваюсь к Оливеру и вижу, что он находится рядом. С заранее подготовленной нами папкой с набросками. Я собираюсь с мыслями и направляю нашу беседу в нужное русло, надеюсь, что Диаз не выкинет чего —нибудь навряде того, чтобы попросить исходные данные и каким образом наши аналитики пришли к таким цифрам. Чтобы ответить на подобные вопросы, надо будет предоставить дохрена таблиц, два, если не три аналитика и целый день будет потрачен на эти обсуждения.

Диаз бросает на меня удивленный взгляд и на секунду я сжимаю подлокотники своего кресла, пытаюсь понять, устраивает ли его наше предложение или мне надерут задницу. Он широко улыбается мне, его взгляд падает на файл перед ним и затем он начинает смеяться. Он тихо ругается, постукивая пальцами по столу и впервые за все эти дни я слышу его искренний смех.

— Очень достойно, — говорит он на безупречном английском.

— Рад, что Вы рады, — отвечаю я с облегчением, и я действительно это чувствую. Это мои последние встречи до моей поездки по Кубе и Доминиканской Республике и было бы здорово завершить благополучно переговоры до моего отъезда.

— До встречи в Гаване. Там и завершим подписание, — констатирует он.

Он хочет сфотографировать этот момент и я не виню его.

— Министр Диаз, я с нетерпением жду встречи с Вами.

— Вы приедете со своей девушкой? — спрашивает он, пока мы стоим рядом.

Я качаю головой.

— Я путешествую один.

Его глаза расширяются.

— Жаль. У нас красивая страна.

Мы выходим из конференц — зала и я вижу Ксавию, которая идет мимо, держа ее в руках пресс — папку. Наши взгляды встречаются на долю секунды и в моей груди разжигается настоящий огонь. После прошлой ночи, это не удивительно. Привязав ее к кровати, я клеймил ее так, как я никогда раньше не делал. По х*й все. Я не могу представить, что оставлю ее здесь на день — оставить ее на неделю, пока буду отсутствовать. Я познакомлю ее с Диазом и даю гарантию, она понравится ему.

Она идет дальше и я поворачиваюсь к нему.

— Без сомнения, Куба прекрасна. Я обсужу поездку с ней и приеду к вам.

Насколько я знаю, наша с ним будущая встреча уже назначена и запротоколирована. Я ничего не буду говорить, кроме как дам указания Ксавии упаковать в свою дорожную сумку несколько бикини, которые я хочу видеть на ней, соблазнительно увлекающей меня в небытие, прежде чем мы займемся любовью. Займемся любовью? Мой разум приходит в замешательство. Диаз говорит что — то, но все, что я делаю — это пытаюсь понять, когда моя саба и я перешли от состояния жесткого траха к занятиям любовью.

Я опаздываю, когда еду забрать Ксавию. Уличное движение раздражает, но это лучше, чем застрять на заднем сиденьи автомобиля с водителем. Я сворачиваю на ее улицу и паркуюсь напротив ее дома. Я не собираюсь звонить ей, чтобы она спускалась вниз, сегодня вечером я собираюсь подняться к ней сам. Я даю чаевые швейцару и мне становится лучше, пока я поднимаюсь на лифте с букетом цветов, это совсем на меня не похоже, но я не могу не улыбаться.

Подойдя к ее двери, я звоню в звонок, взглядом обвожу коридор. Это элитное место, достаточно современное. Все вокруг, начиная с освещения и оборудования на подъездах до лепнины — все кричит о неприличном богатстве.

Дверь Кса открывается и я ожидаю встретить кристально голубые глаза, готовый как обычно к приступу резкой боли от ее присутствия, которая, словно нож вонзается в мою грудь, но вместо этого я сталкиваюсь со злобным взглядом ее соседки.

— Привет, — произношу я.

— Ну, добрый вечер, Сенатор, — отвечает мне молодая девушка, поднимая брови и приглашает меня войти. — Заходите.

— Вы — Брук. — Говорю я утвердительно, хотя мне это и не нужно.

— Да, это я. Выпьете что —нибудь?

— Спасибо. — Я следую за ней в гостиную, которую я имел удовольствие наблюдать из бинокля снизу. Странно видеть интерьер квартиры Кса с этой стороны и она выглядит совершенно по — другому. Квартира больше, чем я себе представлял. В мое поле зрения попадают двери, ведущие на балкон и я прищуриваюсь, вспоминая, сколько времени я провел, глядя в них, ожидая, чтобы увидеть хоть чуточку... и вдруг все вокруг меркнет.

— О чем ты думаешь? — такое чувство, будто Кса заплывает в комнату, одетая в платье цвета слоновой кости, которое идеально обтягивает ее тело. Две тоненькие бретельки удерживают его, демонстрируя ее невероятную грудь. Ее волосы собраны вверх, искусно уложены и она выглядит совсем иначе, нежели она выглядела три часа назад.

Внезапно смокинг становится тесным, в то время как я смотрю на нее и мне интересно, есть ли какой —нибудь шанс, что она разрешит мне трахнуть ее, заставить кричать мое имя — похоже я спятил.

— Думаю, что ты хочешь свести меня с ума, — шепчу я, подходя к ней и опустив голову

к ее уху. Я прохожу губами вдоль ее щеки, слегка целуя ее. Если бы ее соседка не стреляла в меня испепеляющим взглядом, то я бы набросился на Кса и поцеловал бы ее так, как положено целовать свою сабу, которой я полностью обладаю. Но что поделать?

— Тебе нравится?

Я не могу ничего произнести и вместо ответа киваю.

— Вот. Это тебе.

— Розы великолепны. Спасибо. — Она берет цветы и теперь, когда у меня ничего нет в руках, я осознаю насколько я жажду прикоснуться к ней. Провожу рукой вдоль ее плеча, снимая бретельки платья, обнажая ее, скидывая их, из украшений на ней только ее ошейник сабы, который она носит как символ того, кем она является по отношению ко мне.

Моя.

Вся, бл...ь, моя.

Ошейник из блестящей платины прекрасно контрастирует с ее светящейся атласной кожей. Твердое в сочетании с мягким — прямо как у нас.

После того, как я увидел ее в своем офисе немногим раньше, я решил, что она будет сопровождать меня в моей предстоящей поездке, я жаждал побыть с ней наедине.

— Что будете пить, Сенатор? — спрашивает Брук, отодвинув дверцу бара, открыв его, вытаскивая меня из моих фантазий. Фантазия номер восемьсот одиннадцать по счету.

— Зови меня Беннетт, — отвечаю я. — Виски. Чистый. Если у вас есть.

Она поднимает стакан.

— У нас он есть. Кса? Будешь что —нибудь?

— Бокал вина, — говорит она и наклоняет голову. — Я лучше поставлю их в воду.

Когда она уходит на кухню, я иду к выходу на балкон, мне интересно посмотреть на интерьер квартиры с моего обычного места наблюдения. Когда я поворачиваюсь, все выглядит гораздо более знакомым с этого ракурса. И намного лучше, когда я вижу Кса, возвращающуюся с вазой цветов и размещающей их на столике при входе. Мой взгляд падает на журнальный столик, на котором стоит еще один букет цветов. Красивый букет из красных роз, слегка увядшие и у меня возникает вопрос, не Брук ли они были подарены. Конечно же ей, тогда почему я до сих пор сомневаюсь. Когда я поднимаю глаза, я понимаю, что Кса и Брук обе смотрят на меня и ядвигаюсь к бару, где меня уже ждет мой напиток.

— За прекрасный вечер, — говорю я, поднимая свой бокал.

Кса поднимает свой бокал, а Брук — бутылку с чем — то похожим на сок с какими — то плавающими в нем частичками, я даже не имею понятия что это. Очень необычно для коктейля, но опять же, что я хочу от молодой девушки, чей отец известен как один из самых богатых людей на планете?

— Итак, правительственный обед? — спрашивает ее соседка, чокнувшись своей бутылкой с моим бокалом.

— Да. — Я делаю глоток, смакуя то, как виски медленно обжигает все внутри, очищая мою голову и уменьшая хватку вокруг моего горла, когда я протягиваю руку и привлекаю Ксавию к себе.

Кса мурлычет:

— Да, ужин и танцы в округе Коламбия. Мои первые.

Бровь Брук изгибается, но по этому поводу она больше ничего не произносит. Я стараюсь удерживать свои руки, напоминая себе, что мы не одни. Я затаил дыхание, наблюдая за каждым движением Кса, за каждой тенью мысли, возникающей у нее на лице,

начиная с того, как она потягивает вино до того, как она встречается с моим безжалостным взглядом, за тем, как она смотрит на свою соседку, обходящую L — образный диван. Я должен что — то сказать, что — то совершенно противоположное той ерунде, которая проносится в моей голове, но на этот раз я не могу отбросить это свое мрачное ощущение того, что я хочу всю Кса только для себя одного.

Она слегка наклоняет свой бокал, оставив немного недопитого вина и ставит его на барную стойку.

— Думаю, нам пора идти. Что там с движением на дороге?

— Ужаасно, — сухо отвечаю.

— Очень необычно, — комментирует Брук с дивана, куда она уселась вместе со своим ноутбуком и стопкой учебников рядом.

— Ты студентка? — Я стараюсь произнести это непринужденно, чтобы скрыть удивление. — Какой курс?

— Конституционное право. Споры, если быть точным.

— Ах. Дискриминация?

— Права, касающиеся первой поправки Конституции. — Едва слышно произносит она, искривив губы. Она указывает подбородком на Кса. — Что — то, о чем она и ее дружок никогда не устают говорить.

— Это приходит с опытом. Если у тебя возникнут вопросы, просто позвони мне. Не так уж и давно я занимался своей рутинной адвокатской практикой.

— Спасибо, — говорит она уже не так презрительно. — Если у меня будут проблемы, я позвоню.

Я машу ей.

— Приятно познакомиться.

— А, Сен...то есть Беннетт, — мягко переводит разговор она и, когда бросает взгляд на Кса, ее лицо смягчается. — Хорошо вам провести время. Передавай своим бабушке с дедом «привет» от меня. Если они начнут приставать к тебе со своими выходками, просто поставь их на место.

— Хорошо, — говорит Кса. На долю секунды черты лица моей сабы становятся жесткими. Затем она встречает мой взгляд и улыбается, взяв в руки накидку.

— Позволь мне, — говорю я, беру шелковистый материал из ее пальцев, позволяя этим двум словам повиснуть в воздухе, пока мы собираемся, мы все еще должно держаться на расстоянии друг от друга.

Это не значит, что я не хочу наброситься на нее — ну я хочу, но это чувство надо попридержать. Я хочу быть с ней. Все время, а не только когда мы жестко трахаемся. Делать такие вещи, как совершать пробежки, говорить с ней, смеяться. В этот момент, я желаю обхватить Кса своими руками и сказать ей «Все будет хорошо сегодня ночью». Я разворачиваю ее, глядя на ее прекрасное лицо, и подаю ей свою руку.

Мы встречаем пару, идущую по коридору. Я планирую поцеловать Кса. Но мой язык будто присох к небу. Я стискиваю зубы, пока мы идем к лифту. Когда двери начинают открываться, мой выдох похож на стон, так как внутри лифта не просто никого нет, там целых четыре человека. Это семья из четырех человек и они очень шумные. Тараторят без остановки. Когда мы приезжаем на первый этаж и выходим из лифта, у меня чувство, будто только что выстрелили из стартового пистолета. Я помогаю ей выйти через вестибюль, пересекая тротуар.

— Мы куда — то спешим? — спрашивает она, затаив дыхание. — Мы что опаздываем?

— Вовсе нет. — Мы стоим около моей машины. Я обхожу ее и открываю перед ней дверь, прижимаясь своей грудью к ее руке. Боже, как же невероятно она пахнет! Мы стоим на обочине одетые в смокинг и платье комбинацию и да, на нас все смотрят. Я тихо произношу, слегка притягивая ее к себе. — Слушай, меня не волнует во сколько мы туда приедем и приедем ли вообще.

Когда я открываю пошире дверь, мы прижимаемся крепче друг к другу и я удивляюсь, почему я борюсь с тем, чтобы удержать стены вокруг себя, когда все, что я хочу, находится прямо передо мной.

— У вас есть способности как по команде заставить замолчать кого угодно?

Она имеет в виду наше первое с ней знакомство в клубе.

— Это случилось всего лишь раз, потому что ты была невероятно горяча. — Ох*ь. Я отвожу взгляд от ее пронизательного взгляда. Я должен собрать все свое дерьмо и перестать глазеть на невероятно притягательные сиськи Кса. Это все, что я должен сделать на данный момент.

— Да. Ты что — то сказал? — Она скрещивает руки на груди.

Я быстро смотрю на ее лицо, ее брови изгибаются в вопросе.

— Мы собираемся встретиться с твоими дедом и бабушкой и я просто хочу, чтобы ты поняла, что Брук не единственный человек, кого все это волнует. Я не мальчик на побегушках у Вице — президента. Моя карьера на Холме не закончится и не исчезнет. Я ставлю все на свое переизбрание и быть Сенатором — просто здорово. Я председательствую в комитете, достаточно тесно работаю по вопросам внешней политики, занимаюсь всем этим дерьмом, связанным с разведкой и твоей любимой темой — вооруженными силами, чтобы еще переживать, что мое предназначение здесь выполнено. — Я также не упоминаю о том, что Норт может поцеловать меня в задницу со своим безумным предложением. Он президент, который заканчивает сидеть второй срок на своем посту и через год он уйдет, и то, что он делает в своем подzemелье меня меньше всего еб*т

Ее глаза расширяются.

— Я никогда не говорила...

Прижимая палец к ее губам, чувствую ее мягкое дыхание.

— Одно слово...один взгляд, и мы уйдем. Хорошо?

— Да. Ты его получишь. — Она смеется, медленно опускаясь на пассажирское сиденье и предоставляет вид на свои стройные ножки, когда ее платье слегка задирается, пока она садится в машину.

И вот опять мы с ней смотрим друг другу в глаза. Что хочет она, что хочу я... хотим ли мы быть вместе?

Мы прибываем на Южную лужайку, на которой установлены шатры, показывая свои удостоверения личности службе безопасности Белого дома, и мысленно я готовлю себя к предстоящей ночи. Наши отпечатков пальцев сканируют и когда подтверждаются наши имена, мы проходим в огромный оборудованный зал для проведения торжеств. Игрет музыка и я приветствую тех, с кем знаком, украдкой наблюдая за Джексом, который стоит рядом с Нортом, беседующим с Раулем Кастро и его женой. Вирджиния и Министр обороны стоят справа стороны и разговаривают с послом Кубы в США, а несколько человек из посольства скорее всего говорят о том, каково состоянии в американской тюрьме

Гуантанамо. Если бы я был один, я бы прямо направился к компании, обсуждающей Гуантанамо, они стоят прямо напротив вдоль стены. Но у нас еще будет время, когда мы вместе с Кса приедем к ним.

— О — о-о. Наш выход. — Кса сжимает мою руку. — Внимание! Мои бабушка и дед. Справа от нас.

Я поворачиваю голову направо и действительно передо мной предстают образы Стэна и Грейс Стиллманов, глядящих на меня так, как будто я собираюсь сообщить им невероятную новость. Они ждут, когда мы подойдем к ним, оставаясь на месте и разговаривая с небольшой группой влиятельных соратников. Ее бабушка такого же телосложения, что и Ксавия, с таким же изящными и идеальными чертами лица и глазами. Не такими излучающими свет и кристально чистыми, как у Кса, но форма глаз такая же. В свое время, вероятнее всего люди считали ее красоткой. Стэн Стиллман лишь ненамного ниже меня, но довольной сухой. Его темные глаза на румянном лице сильно контрастируют с белоснежными волосами и большими вычурными усами. Он непринужденно улыбается и периодически смеется, в то время как миссис Стиллман стоически осматривает помещение, оформленное с легким намеком на классику.

— Бабушка и дедушка, — говорит Кса, — Позвольте представить вам всеми уважаемого Беннетта Стоуна. Сенатора США от штата Джорджия.

— Сенатор Стоун. Какой приятный сюрприз. — Миссис Стиллман протягивает мне руку и я слегка касаюсь ее губами.

— Мистер и миссис Стиллман, — произношу я, отпуская ее руку, а затем пожимаю руку деда Кса, чувствуя ее крепкое рукопожатие. — Большая честь встретиться с вами обоими.

— Спасибо. Мы слышали только блестящие отзывы о Вас, сенатор Стоун. И тем более сейчас, поскольку Вы приняли к себе в команду стажера века, — отвечает мистер Стиллман, обращаясь с улыбкой к Кса.

— В последнее время мы внимательно следим за Вами, — вмешивается в разговор миссис Стиллман.

Дед Ксавии кладет свою руку ей на плечо и легонько похлопывает.

— Ты и сенатор. Завтракаете, обедаете, ужинаете. Вы двое такая прекрасная пара. Напоминаете мне Патрика и твою мать.

Она улыбается ему.

— Я очень хорошо понимаю, что ты постоянно контактируешь с Вирджинией Райан. Надеюсь, ты не прожужжал ей все уши.

— Ксавия, дорогая. — Миссис Стиллман выгибает бровь. — Мы просто хотим сказать, как сильно мы восхищаемся Сенатором Стоуном. Вы во всех новостях. Молодой сенатор приступает к исполнению своих обязанностей. Столько информации на Google. Начиная с журнальных обложек до ведения переговоров с министром Кастро...в такие рекордные сроки. А в следующем месяце Вы полетите на Кубу. Могло бы быть хуже, не так ли, Сенатор?

Бабушка Кса зря время не теряет, ведя праздные разговоры. Она напоминает мне акулу со своей напасть — и-укусить манерой. В любую секунду я жду от нее, что она «набросится» на меня, обнажив свои зубы. Она ожидает, что я сообщу ей, что Кса едет со мной на Кубу. Я коротко киваю и натягиваю улыбку.

Мы стоим и разговариваем и мне кажется, что ее бабушка и дед невероятно заикливые на их новом статусе. Для такой явной и потенциально порочной Грейс, ее муж

— это настоящая сила, которая деликатно справляется с тем, что происходит вокруг. Его четко обозначенные замечания в сфере экономики, вопросы о смягчении нашей торговой политики в Карибском бассейне и то, как я отвечаю ему, позволяют мне незаметно уйти от обсуждения финансового будущего Кубы, о чем я не имею права рассказывать. Стэн крепко цепляется за этот вопрос, в то время как я пытаюсь увести его в сторону от его сути, внимательно замечая к чему тот клонит. Мне интересно, имеет ли он какое — либо отношение к Норту. Услышав, что скоро будет подан ужин, Стилманы решают пойти и найти бар, интересуясь, не желаем ли мы присоединиться к ним. Я наконец — то выдыхаю, все это напоминает мне подобие спаринга одновременно с ездой на скейте. Из всего того, что я могу сказать так то, что Стилмана очень сильно интересуется будущее Кубы, невероятно сильно.

— Не в этот раз. Мы все еще должны проверить, где мы сидим. — Ксавия поглядывает на меня и я киваю в знак согласия.

— Зачем беспокоиться? Здесь вам вовсе не надо надевать браслетик, — замечает бабушка.

— Бабушка, здесь существует протокол, к тому же это еще и место нашей работы. — Взгляд Кса мечется между ней и дедом.

— Принцесса, мы все понимаем. — Смеется мистер Стилман. — Мы будем ждать тебя за столом через несколько минут.

Ее бабушка ошеломленно смотрит на своего мужа, пока он уводит ее. В свою очередь, я веду Кса по периметру зала, направляясь к главному распорядителю, который помогает гостям найти их стол и вижу двух моих партнеров из Дома, стоящих там. Трой и Уэсли стоят в очереди. Они оба являются Домами и не имеют понятия, что Ксавия моя саба.

Как только мы приближаемся, они замолкают. Их глаза округляются на их идиотских лицах при виде девушки, сопровождающей меня и я чувствую, как характерный рык зарождается у меня в груди. Я сжимаю пальцами ее локоть и осознаю, что уже слишком поздно отступить.

— Вы только посмотрите, кто это, — тихонько смеется Уэсли.

Я прослеживаю его взгляд, который направлен не на меня или Ксавию, а чуть ниже вдоль ее тела. Черт, даже если я буду уверять себя, что ошейник, который она носит у себя на шее, может выглядеть как простой кусок ювелирного изделия — это вовсе не так. Уверен, если бы он был сделан из черной кожи с кольцом в форме буквы D, тогда не было бы никакой тайны, что она была для меня больше, чем просто моя девушка. Их не было на церемонии посвящения в сабы и поэтому эти два уб*а не знают ни ху... Ярываюсь между желанием сообщить им, что Кса моя саба и необходимостью утаить этот маленький грязный секрет. Так и не приняв решения, я ощущаю, как внутри меня закручивается невероятное и отчаянное чувство собственности.

— Сенатор Уэсли Андерсон и конгрессмен Трой Шепард, разрешите представить Вам Ксавию Кеннеди. Мою... — я останавливаюсь. В очередной раз мы с ней попадаем на неизведанную нам территорию и, еб*ть! Опять же мы с Кса даже не обсудили, как я должен представлять ее. Я снова попадаю впросак в вопросе того, как обозначить кто и что мы друг для друга... нет, я не собираюсь делать это снова.

— Подруга. Я подруга Сенатора Стоуна, — произносит она сладко.

— Мисс Кеннеди, — Трой протягивает ей руку. — Большая честь.

Пока они обмениваются рукопожатиями, Уэс начинает смеяться.

— Жаль, что у меня нет подружки, — говорит он и обращается к Трою. — Кроме этого дебила.

— Что я могу поделаться? — Трой кивает головой в сторону танцпола, наполненного парами. — Я не позволю ему вести во время вальса.

— Удачи в поиске другого партнера, но она уже занята. — Я притягиваю Кса ближе к себе, ощущая ревность. Очевидно, они сбросили свой манерный облик перед ней и стали сами собой.

— Времена изменились. — Кивает Уэс сторону Кса в знак одобрения. — Невероятно приятно встретить вас, мисс Кеннеди.

— Господа, не преувеличивайте, — издеваюсь я.

— Как мы можем. — Фыркает Уэс. — Мы же политики, если вы забыли. И кроме того мисс Кеннеди обаятельна и популярна. Как и все остальные, мы тоже читаем газеты.

— Ты ступаешь по тонкому льду, — предупреждаю я его, сузив глаза.

Хотя Уэс и Трой не присутствовали в Доме в ту первую ночь, они, ясен хер, слышали новость о том, что я вернулся и заклеил себе сабу довольном не обычным способом. Какого черта мои друзья Дома вообще думают? Что я «кручу» с Мисс Кеннеди именно таким способом, как показывают наши отношения пресса или они подозревают, что она саба?

— Приятно познакомиться с вами обоими, Сенатор, Конгрессмен, — отвечает Кса. — Хорошая работа на форуме, посвященном эпидемии.

— Ооо, прекрасное сочетание внешности и ума, — продолжает заигрывать с Кса Уэс. — Я могу украсть вас на танец, Мисс Кеннеди? Я был бы счастлив побеседовать на тему инфекционных заболеваний и социальной ответственности.

— Не стесняйтесь сказать ему, чтобы он отвалил, — встречается Троя. — Я так делаю. Постоянно. То, чем мы занимались, было скучным.

— На самом деле, конгрессмен Шепард, ваша помощница — единственная, кто сообщила мне, насколько глобальным был этот форум.

— Я надеюсь, Алисия не напугала вас. Она может быть властной, отстаивая в свое мнение. — Трой фыркает.

— Только по отношению к тебе, — парирует Уэсли.

— Я была впечатлена, джентльмены. Она рассказала мне о новом медицинском алгоритме действий и показала мне на YouTube, как вы оба работали. Это видео взорвало Интернет. Я «твитнула» его.

— Спасибо. Мы ценим Вашу поддержку. Не стесняйтесь и приходите к нам. Мы находимся всего лишь на два этажа ниже вас, и, возможно, ваша доброжелательность благоприятно отразится на моих сотрудниках, — отвечает Трой.

— Мне очень нравится ваш персонал.

— Тогда приходите к нам в гости. Мы не кусаемся. — подмигивает Уэс Кса.

Тихо смеясь, она улыбается мне, и мое чертово чувство собственности начинает разгораться во мне. Строгие правила на Холме и правила этикета не позволяют мне отвечать за нее. Но что происходит сейчас, это намного больше, чем просто обычные разговоры за употреблением коктейлей на Капитолийском Холме. Мой долг как Дома — это задать тон, с каким другие мужчины должны к ней обращаться, и если это будет значить, что я должен заставить своих коллег засранцев притормозить, то так я и сделаю. Я как ребенок на детской площадке, который не хочет делиться, я очень счастлив так реагировать, словно агрессивный

придурок, особенно по отношению к двум упертым Домам, которые нацелились на мою сабу...

Прежде чем я сделаю какую — нибудь глупость, я напоминаю себе, что они всего лишь дразнят меня.

— Господа, есть лишь один простой и ясный факт — эта девушка уже занята, — отвечаю я, глядя на них, слегка подняв брови. — Во всех смыслах этого слова. Вам понятно?

На лицах Уэса и Троя вместо бестолковой улыбки появляется серьезное выражение. Их взгляды застывают и затем они одновременно смотрят на украшение вокруг шеи Кса. Трой переводит взгляд от ее шеи на меня и кивает мне.

— Все понятно.

Уэс слегка наклоняет голову, стараясь не выглядеть как осел, в то время как отпускает руку Кса. Раздражение разрастается во мне подобно ледяному шару, скручивая мои внутренности, тогда как он улыбается как самодовольный идиот. Ублюдок наслаждается этим моментом.

— Я знаю Сенатора Стоуна на протяжении многих лет, и все, что я могу сказать, так это то, что Вы должны быть очень... очень особенная.

— Сенатор Стоун и Мисс Кеннеди, — живо произносит наши имена сотрудница Белого дома, — Сюда, пожалуйста. Вы сидите за столом Президента.

— Пойди разберись. — Трой хлопает меня по спине. — Наслаждайся вниманием. Слышал, что ты наладил связи с Министерством иностранных дел Кубы.

— Немного, — бормочу я, кладя руку на спину Кса. Я думал, что мы будем сидеть с кубинскими дипломатами, подальше, на х*й, от Норта. Я просто надеюсь, что это, скорее всего, Райан дергает за ниточки, чтобы сделать общеизвестным наше заявление, а не бессмысленная одержимость Норта с его нелепым предложением, которое я никогда не приму. — Я бы предпочел сесть где — нибудь подальше от этого места. Нельзя иметь все и сразу, конгрессмены.

— Не знаю, соглашусь ли я на это, — отвечает Уэс. — Мисс Кеннеди, с нетерпением жду встречи с вами. Как можно скорее. Если нет, то я найду вас сам.

Сукин сын. У меня закончилось терпение и я останавливаясь прямо напротив него. — Много хочешь, — рычу себе под нос. Если бы я мог прижать задницу Уэсли к стене и хоть немного образумить его, я бы сделал это.

Трой протягивает руку и хватается Уэса за плечо.

— Бен прав. — говорит он, понизив голос и оглядываясь вокруг на окружающих нас людей.

Какое — то мгновение мы с Уэсом смотрим друг на друга, его губы вытягиваются в жесткую линию. С насмешкой он салютует мне и бурчит в ответ:

— Так, для сведения, ты теряешь свое чувство юмора.

— Позволь мне самому беспокоиться об этом, — парирую я.

— Вполне резонно, — соглашается Трой, глядя на своего друга. — Уэс?

— Если я перегнул палку, — констатирует он, нахмурившись. — Это было не специально.

Я встречаюсь с его упрямым взглядом. В чем его проблема?

— Давайте потом, господа, — я отвечаю натянуто прежде, чем увести Кса.

— Что это было? — спрашивает она тихо, пока мы следуем за сотрудницей Белого дома. — Не считая перебранки конгрессменов.

Я киваю нескольким сенаторам и их женам.

— Даже с коллегами, границы должны быть четко очерчены. Я всегда следую поговорке держать своих врагов рядом, а друзей еще ближе. Это самые близкие друзья, которые представляют наибольшую опасность.

— Я тоже вхожу в их число? Должна ли я быть начеку или оскорбиться? — шепчет она.

— Давай не будем об этом. Не сейчас.

— Сенатор Стоун, Мисс Кеннеди. — Сотрудница останавливается и указывает жестом на два места с красиво оформленными раскладными карточками, лежащими на тарелках. — Если вам что — нибудь понадобится, ваш официант Энрике.

Пожилой мужчина ненавязчиво шагает вперед.

— Добрый вечер, сенатор Стоун и Мисс Кеннеди, что я могу предложить вам выпить? — Он держит бутылку вина.

— Вино? — спрашиваю Кса.

— Да. Пожалуйста.

Я придерживаю ее палантин, пока она садится, расстегиваю пуговицы на своем смокинге и сажусь на стул. Первая леди вместе со Стилманами подходит к столу и тут же краем глаза я вижу Анджелу, которая огибает стол, идя под руку с государственным секретарем Фэллоном, приветствуя всех сидящих. Черт меня побери! Все слишком идеально. Что же дальше? Мы все встретимся в доме в горах, принадлежащему Норту на выходных, для разгадывания шарад?

Я наклоняюсь и шепчу на ухо Ксавии:

— Будет интересно.

— Даже больше. Я надеюсь, что нет.

Государственный секретарь выдвигает стул и я не собираюсь тратить свое время наблюдая, как Уорнер продолжает говорить. Она занимает место в пяти стульях от Кса, не так уж и далеко, но по крайней мере ни она, ни Норт не смогут сильно навредить, сидя на другом конце стола. Я говорю с заместителем министра по борьбе с терроризмом, сидящим слева от меня, когда он начинает рассказывать о недавно объявленных демократических выборах, которые пройдут на Кубе. Вопросы, которые беспокоят меня это уберут ли Диаза с его поста и причина, по которой я хочу поехать на Кубу рано или поздно, чтобы завершить наше торговое соглашение. Стэн Стилман быстро комментирует это и продолжает допрашивать заместителя министра. Не желая принимать участие в массовом обсуждении, я поворачиваюсь к Ксавии с надеждой втянуть ее в разговор, но она разговаривает с журналистом из Белого дома, который сидит рядом с ней. Я улавливаю отрывок их разговора — Кса спросила о Джоне Рихтере и статье, которую он пишет в Пост о Джексоне Картере.

Когда я отвлекаюсь от беседы замминистра и Стилмана и присоединяюсь к беседе Кса, она упоминает, что Джон — тот самый Джон, который был нашим водителем в Бостоне, написал не слишком много. Журналист рассказывает, что Рихтер затрагивает в своей статье не только Джекса, но также пишет довольно обширную статью про несколько других членов Конгресса. Почему я не знаю, что он работает в Пост?

Я поднимаю свой бокал, кивая, как будто я заинтересован делами кубинского МИД, но когда Кса соглашается с тем, что в последние несколько недель, он делал все в последний момент, я чувствую, что мне не хватает воздуха. Глоток вина попадает не в то горло, и я начинаю кашлять в свою салфетку, будто пытаюсь выплюнуть свои легкие. Б...я! В последний момент? Что за дерьмо может всплыть? Это может быть просто ничем больше,

чем небольшая политическая возня вокруг Белого дома, тем не менее мой желудок начинает скручивать..

Осматривая комнату, я замечаю Джекса и оцениваю, должен ли я противостоять ему. Сначала надо узнать, что происходит... но тогда он сможет провести параллели между Рихтером и Кса. Откуда мне знать, вдруг он может выдать все Норту — национальные секреты продаются. Этот козырь может дать президенту огромные возможности.

После того, как не так давно Джекс показал свою привязанность Президенту, я должен всегда держать его в поле своего зрения. Я буду использовать свои связи, чтобы защитить ее от того, чтобы ее не позиционировали как подругу Рихтера. Не важно, что она Кеннеди — ФБР не сжалится и втянет ее в скандал.

В последнее время Арчер молчит, но его последнее сообщение взрывает мой мозг, когда я задаюсь вопросом, связано ли это как — то между собой.

Во время сегодняшней речи, где Норт положительно отзывается о возобновленных связях с Кубой Кастро и его кабинету министров, я поглядываю на Ксавию. Моя маленькая саба с ее невероятно опасными секретами. Я должен был знать, что Рихтер был другом этой женщины, а не просто кем — то со стороны. Бл*я! Знает ли Джекс, что пресса заинтересована им? Столько вопросов и когда мы останемся вдвоем сегодня вечером, я собираюсь провести беседу по душам с ней.

На протяжении всего вечера, я наблюдаю за горячими спорами, возникающими за нашим столом каждый раз, когда один из президентов формулирует свою точку зрения. Норт и Кастро принимают самое активное участие в беседе и все внимание приковано к ним. Я погружен в свои мысли, продолжая прислушиваться к разговору между Стилманом и Нортом. Их разговор не говорит мне ни о чем, кроме как об их общих благотворительных мероприятиях. Но я также ловлю каждое движение женщины, сидящей рядом со мной. То как Кса ест свой суп, я чувствую как она вытирает салфеткой рот или облизывает капельки с краешков губ.

— Ты не голоден? — спрашивает она меня, когда убирают суповые тарелки и подают основное блюдо.

— Не очень, — шучу я, наблюдая за тем, как она решает, что съесть первым, отмечаю, как она улыбается тем, кто ее окружает, уходя от комментариев по поводу ее отчима и задавая достойные вопросы, которые могут остаться незамеченными, но помогут обойти тему ее семьи.

Меня зовут и я узнаю голос деда Кса. Я начинаю очередную беседу с ним по вопросам внешней торговли, позволяя ему выбрать тему. Я отвечаю на вопросы Стэна, преследуя единственную цель, чтобы он выдвигал свои встречные доводы. Парочка замечаний, и вуаля, Кастро заинтересован нашим разговором. Я замолкаю, слушая и анализируя их беседу, понимая, что эта беседа нравится Кастро, а он в свою очередь развлекает их очередными историями, параллельно задавая вопросы о Ситибанке, словно паук, плетущий финансовую паутину.

Кроме этого, концентрируясь на Кса, ее бабушке и деде, я постоянно обращаю свое внимание на Гавриила Норту, его лицо совершенно ничего не выражает. Всего лишь пару раз он взглянул на Кса и то это был мимолетный взгляд, когда он осматривал сидящих за столом. Он не игнорирует Уорнер, но также и не заходит слишком далеко в его отношении к ней. Будучи посвященным в его садистские наклонности в его подземелье и зная о его желании наблюдать за тем как я трахаю и учу покорности женщину, сидящую справа от

меня, делает ужин в десять раз совсем — не — лезущим — в-горло и я жду с нетерпением, когда же он подойдет к концу.

— Ты не важно выглядишь, — говорит Ксавия, глядя на мое лицо.

— Это все из — за нехватки воздуха. — Я притворяюсь, зацепив пальцем свой воротник, как будто мне душно. Больше всего я озабочен теми несколькими основными игроками, сидящими рядом с нами, пытаюсь раскрыть характер их отношений, у меня нет ничего на них... кроме несварения желудка.

Наконец, мучительный ужин заканчивается, и я беру руку Ксавии, пока все мы идем в танцевальный зал, где играет оркестр морской пехоты. Пакито Д'Ривера выходит на сцену и звуки альтового саксофона музыканта, безусловно, завораживают.

Ксавия слегка покачивается и при тусклом освещении, я вижу изгибы ее бедер, прижимающиеся близко ко мне, тихий стон удовлетворения вырывается из меня, когда она «случайно» задевает мой полу — эрегированный член. Мое плохое настроение сходит на нет и я тяну ее к себе.

— Извините, Мисс Кеннеди? — зовет ее мужской голос позади нас.

Повернув голову, я смотрю на мужчину и горькая ярость начинает душить меня, в то время, когда Норт кланяется моей сабе, протягивая ей руку.

— Не окажете ли Вы мне честь потанцевать со мной?

Фотографы окружают нас потоком вспышек в то время, как я осознаю всю невозможность этой ситуации. Под натиском прессы, она не может отказать ему и этот засранец знает это. Мы с ней обмениваемся долгими взглядами и чтоб меня. Во мне зарождается предупреждение о повышенной боеготовности 5 уровня. В ярости я сжимаю челюсти, чувствуя, будто мои зубы могут раскрошиться в любую секунду.

Джекс стоит рядом со мной. Хлопая меня по спине, он шепчет:

— Улыбнись. Это всего лишь танец.

Глава 19

ПРЕЗИДЕНТ ДОЛБО*Б.

Танцуя с президентом Нортом, я вежливо улыбаюсь в то же время, видя вокруг себя ослепительно яркие вспышки камер несметного количества репортеров. Я пытаюсь слушать его, его безобидные замечания и просто отвечать на вопросы. Деревянным голосом, я отвечаю ему либо «да» либо «нет», вальсируя вдоль танцпола, постоянно напоминая себе, не глазеть на Беннетта.

Это была чудовищно адская ночь. Во время ужина, сенатор Уорнер тарасилась на меня, гоня свою еду по тарелке, и жевала ее, словно это было стекло. Несколько раз с ее губ слетели язвительные замечания, произнесенные себе под нос, но явно направленные в мой адрес. Она сидит в пяти человеках от меня, и я не понимаю, почему она вышла на тропу войны против меня. Кроме того единственного случая, когда я нарвалась на нее, в буквальном смысле, в свой первый день на работе, я не знаю, что ее гложет. Несколько раз я сталкивалась с ней в коридоре на работе и сразу уходила в дамскую комнату. Но сегодня какая — то муха укусила ее за задницу, она даже не пытается это скрывать.

— Я пытался встретиться с Вами в течение довольно длительного времени. Знаете ли Вы об этом? — Норт произносит это и я чувствую, как внутри меня всю передегивает.

— О, пожалуйста, простите мою бабушку, — говорю я автоматически, взглянув на него.

— Грейс тут не при чем, — отвечает он и его пальцы прикасаются к моей нижней части спины. — Я заинтересован в Вас. Я могу помочь Вашей карьере, если Вы позволите мне.

Он не намного выше меня, когда на мне эти экстремально высокие каблуки и первый раз я заметила, когда он смотрел на меня через стол взглядом, выводящим меня из равновесия. Норт не просто смотрит на меня, он пронзает меня своим немигающим цветом топаза взглядом, который неотрывно направлен на меня, как будто он пытается проникнуть глубоко в мои мысли. Какая — то промывка мозгов и я опускаю глаза, надеясь избежать его пугающего внимания.

— Я — я не понимаю, — запинаясь я, но, когда он прижимает свой эрегированный член к моему бедру, я поднимаю глаза обратно, глядя на него, всматриваясь и пытаюсь понять, что это вовсе не то, о чем я подумала.

Глаза Норта подернуты поволокой еще сильнее, чем раньше.

— Неужели? — спрашивает он.

— Нет. Мне не нужна Ваша помощь в моей карьере, — отвечаю я, выгнув свои бедра подальше, настолько далеко, насколько я могу.

Он сильнее обвивает руками меня за талию, все время улыбаясь мне.

— Я никого не хотел обидеть. Но у Вас есть амбиции и Вы не должны застрять в качестве простого сотрудника в мрачном офисе. — Его голос словно шелк. Уверенный. И оказывает противоположный эффект на меня.

Дерьмо! Меня коробит от этого и я дергаю рукой, пытаюсь освободиться из его хватки. Он быстро реагирует на мою попытку бегства, продолжая кружить меня пока мы танцуем. Вместо того, чтобы освободить свою ладонь, я, наоборот, цепляюсь за его руку, чтобы не упасть в грязь лицом.

Если бы он не кружил меня в танце на тот момент, то я бы смогла освободить свою руку из его хватки. Музыка меняется и теперь мы танцуем сальсу в окружении других пар. Я пытаюсь двигаться в соответствии музыке и заставляю свой мозг успокоиться, говоря себе, что скорее всего у президента просто спрятано оружие под одеждой. Я быстро делаю вывод, что это возможно должно быть так и есть. Я слишком остро реагирую, уже не первый раз, но в этот раз, на мне сосредоточены взгляды людей со всего света. Люди вокруг хлопают и Норт подхватывает меня в конце очередного па. Он все контролирует и является исключительным танцором, а когда он смеется, его смех, теплый и располагающий к общению.

Тщательно стараюсь убедить себя, что я действительно, действительно ошибаюсь. Этот мужчина женат. Его жена хорошо образованная, остроумная и является необычайно уважаемой первой леди. Его дети, две дочери, обожают его и совсем не чудачки. Они близнецы: одна работает педиатром, а вторая является лейтенантом ВВС. Обе работающие мамы и являются примером для нации.

У меня перехватывает дыхание. Не от танца, а от моего богатого воображения. Музыка заканчивается и снова эти вспышки камер и аплодисменты людей, стоящих вокруг.

— Вы прекрасный танцор, господин Президент. — Я морщусь от чрезмерного мелькания вспышек этих вездесущих фотографов вокруг.

— Немногим ранее моя жена заставила меня брать уроки. — Он направляет меня в сторону комнаты. — Я удивлен, что Вы так восприимчивы к тому, когда Вас

фотографируют.

— Мне никогда не нравилось быть под микроскопом, — отвечаю я сухо.

— Не сравнится с тускло освещенной комнатой и присутствием в ней правильного человека. Конфиденциальность в правильном доме. Не так ли, Мисс Кеннеди? — Президент Норт наклоняется ко мне, его руки плотно оборачиваются вокруг моей талии.

Пространство вокруг меня сжимается. Я анализирую его слова, эхом отдающимся у меня в ушах, и резко перевожу взгляд обратно на Норта. — Что Вы только что сказали? — Я вероятно не расслышала его.

— Моя сабмиссив не против. Это всего лишь способ, чтобы добраться до Вас. Вы всегда были как приз. Я бы хотел получше познакомиться. И у меня есть идеальное место. Разве сенатор Стоун не передавал Вам мое предложение?

— Какое предложение? — выдаю я. Мои мышцы внутри завязываются в узлы и я чувствую, как холод скользит по моей коже, распространяясь внутри меня.

— Спросите его. — Он машет людям, стоящим вдоль стен.

Теперь я держусь за него.

— Почему бы Вам не ввести меня в курс дела?

Его брови взмывают вверх.

— Я чрезвычайно заинтересован, когда речь заходит о Вас и это совсем не повлияет на мои отношения с Вашими бабушкой и дедушкой, если Вас это беспокоит. Я могу быть очень щедрым и благосклонным к Вашей будущей карьере в Белом доме. В предстоящей избирательной кампании Стоуна. Как говорится, рука руку моет. Я хочу провести одну ночь с Вами.

Таким сраным образом это первое лицо государства пытаться выторговать мою благосклонность лишь бы переспать со мной? Если бы я только могла пнуть ему по его президентским яйцам и меня бы не стали судить за это, как за государственное преступление.

— Этого никогда не будет, господин Президент.

— Разыгрываете из себя «недотрогу». Я люблю принимать достойный вызов. До новой встречи, — шепчет он мне на ухо, нацепив на лицо очаровательно — лживо — противную улыбку. — Спасибо за танец, Мисс Кеннеди.

— Господин Президент... — это все, что я могу выдать из себя. Я проглатываю слова, готовые сорваться с моего языка, в ответ на его, которые звучат как угроза или болезненное обещание, исходящее от президента. В любом случае, это чистой воды дерьмо. У меня есть, что сказать ему на это, но здравый смысл заставляет меня попридержать язык.

Помощник Норта подходит к нему и начинает что — то говорить, больше похоже на то, что у Норта назначена встреча с некоторыми из гостей, с которыми ему надо побеседовать. Господи! Я оступаюсь, в то время как одна из гостей наступает на подол моего платья.

— Простите меня, — извиняется женщина.

— Все в порядке. — Слегка поморщившись, я подбираю подол платья с одной стороны, благодарна за эту небольшую передышку. Находиться на танцполе с этим надутым эгоцентристом — это одно. Сейчас же я должна вернуться к Беннетту и вести себя как ни в чем не бывало, притворяться и не обращать внимание на то, что президент зародил тень сомнений во мне, до тех пор, пока не выясню о каком предложении Норта шла речь. Если я хоть как — то поддамся этому безумию, то мой чересчур мнимый Дом устроит здесь разнос. Быть здесь с Беном требует обдуманых действий совсем не так, как я привыкла обычно

метать молнии.

Не так давно мой ревнивый Дом был на волоске от того, чтобы не наподдавать своему приятелю, сенатору Андерсону. Если он набросится с кулаками на Норта, то его карьере придет конец. Ссоры во время правительственного обеда не забываются. Его арестует Секретная служба и запрет в неизвестном Федеральном учреждении, поэтому я напоминаю это себе, по крайней мере, раз десять, пока мы вместе с Президентом Нортом покидаем танцпол.

Вот ведь дерьмо! Вряд ли может быть хуже, но тем не менее так и есть. Прямо передо мной стоит сенатор Уорнер, преграждая мне путь, на этот раз, скрестив руки на груди и даже не пытаясь скрыть яд, сочащийся из нее.

— Сначала Стоун, — шипит она. — Какого черта ты творишь, ты маленькая суч...

— Анжела, не устраивай сцен, — предупреждает Норт, а затем указывает подбородком в ее сторону. Я так понимаю, это какой — то знак. В подтверждении этого нас, словно облако, окружают темные костюмы, хотя нет, его окружают и сквозь стену из секретных агентов, я вижу, как уводят Уорнер.

Вот проблема и решена. Слова Норта настигают меня и вся правда обрушивается на меня со всей силой. Анжела Уорнер — это «она» о ком он упомянул. Его саба.

Президент больше не говорит ни слова мне, оглядывается и подмигивает мне, прежде чем уйти. Меня окружает небольшое количество людей, гости и несколько агентов Секретной службы. Капельки пота скользят по моей коже, и все, что я хочу сделать — это найти Бена и убраться отсюда. Я окружена толпой, но как — то я умудряюсь выбраться, найдя небольшую прореху во всей этой толпе.

— Наконец — то, — говорит Беннетт, и я понимаю, что он единственный, кому я рада на всей этой вечеринке.

— Эй, — говорю я, подойдя к нему. Мое лицо горит, словно в огне и я надеюсь, что то, что сейчас натянуто на мое лицо хоть как — то напоминает улыбку, которая удовлетворит его.

— Ты в порядке? — спрашивает он низким голосом, сплетая свои пальцы с моими.

— Абсолютно. Просто жарко.

— Похоже, что сенатор Уорнер сказала что — то. Что случилось?

Я пожимаю плечами.

— Я не знаю. Это случилось так быстро.

— Она что —нибудь говорила? Честно. — Его пальцы крепко сжимают мою руку и вдруг пазл начинает складываться. Ее язвительный взгляд на меня сегодня, на работе, в коридоре. Все стало еще хуже в то время, когда я танцевала с Нортом, и то, как она переводила взгляд с Беннетта на меня во время ужина.

— Ты был любовником Уорнер? — Я отвечаю на его вопрос вопросом, даже не подумав, как он не любит, когда я так делаю. Он не отвечает и я вижу, как он вздыхает. Его плечи поднимаются, в то время как его широкая грудь расширяется.

— Да. Думаю, это один из тех разговоров в стиле «нам нужно поговорить», которые ты хотела услышать. Не беспокойся.

Я двигалась мимо него, когда его рука дергается и берет меня под руку.

— Ты хочешь уйти уже?

Не оглядываясь, я говорю через плечо, ощущая, как немеет все мое тело.

— Только захвачу свою накидку.

Шатер для проведения вечеринки оформлен не так, как для проведения обеда. Люди везде и повсюду и дорожки усеяны гостями, СМИ и агентами спецслужбы. К Бену постоянно обращаются люди, желая что — то сказать или просто спросить. В отличие от нас. Мы идем обратно к столу в полной тишине, у меня такое чувство, будто я тащу за собой по полу цементный блок или два.

Когда мы приходим, бабушка улыбается, но выражение ее лица меняется на обеспокоенное, когда она смотрит на меня, пока я беру свою накидку со стула.

— Ты уезжаешь? — спрашивает она недоуменно.

— Да. — Это все, что я отвечаю.

— У нас не получилось достаточно пообщаться. Как насчет обеда или ужина на этой неделе? Мы будем в городе до воскресенья.

Я до смерти устала, зла и не в настроении отпускать умные комментарии.

— Я позвоню тебе.

— Я пыталась позвонить тебе, прежде чем мы приехали... — начинает она.

— Пожалуйста, бабуля, у меня куча работы на Холме. Это вовсе не развлечения и вечеринки. — Я жду, что она начнет как — то возражать или начнет объяснять, что у нее очень плотный график и ей надо знать ответ прямо сейчас. Но этого не происходит.

— Ты ведь не продолжаешь зависать с мистером Рихтером? Не тогда, когда у тебя есть другие интересы, которыми надо заниматься?

— О чем ты говоришь? — Меня словно ударили прямо в самую глубь.

— Просто... он не тот, с кем ты должна сейчас общаться.

Я готова сказать ей, что мы с ним сейчас не в лучших отношениях. Очень хочу. Хотя мы с Джоном и не в ладах, я не хочу, чтобы она винила его. Сделала что — то, что может непосредственно навредить ему.

— Это, наверное, моя вина. Я позволила тебе думать так, потому что мне так надо было. Мы с Джоном никогда не встречались. Мы всего лишь друзья.

— С чего бы это мне думать, что ты встречаешься с геем? — отвечает бабушка в тот момент, когда дед выскальзывает из — за стола, держа в руках бокал с его любимым бурбоном и кока — колой.

— Принцесса, ты великолепно смотрелась, танцуя с президентом.

Собрав весь свой здравый смысл, каким я обладаю, я игнорирую деда, обращаясь к бабушке.

— Ты все знаешь?

— Конечно, да. Я в курсе многих вещей. Все, что тебе нужно сделать, это попросить рассказать тебе правду. Верить или нет, но твой дед и я не сплетники. Мы хотим, чтобы наша семья была счастлива. Мы не раздуваем скандалы. Распространять слухи не лучший вариант. Будь осторожна на этом поприще, дорогая.

— Звучит как угроза, бабуль. — Я бросаю взгляд на Беннетта. Он разговаривает с мужчиной, кем — то из кабинета Кастро.

— Глупость, не так ли. Я обещаю. Позвони мне, Ксавия. — Бабушка похлопывает деда по плечу. — Стэн. Помогите мне, сэр.

Слово «сэр», произнесенное моей бабушкой словно нож, вонзающийся мне в голову. Нет. Совершенно не то значение, в каком я использую его с Беннеттом. Я пытаюсь вспомнить, сколько раз она произнесла его, но не могу мыслить здраво.

— Послушай свою бабушку хотя бы раз. — Резко прерывая мои мысли, дед берет меня

за руку и сжимает. Поддавшись его очарованию, он смотрит на меня холодным взглядом. — Потребовалось достаточных усилий, чтобы ты оказалась здесь. Не ты одна поставила все на карту. Мировая экономика нестабильна. Пора взрослеть, Ксавия. Не упускай эту возможность. — Его слова, словно лед медленно проникают в меня.

Я не могу притворяться, что не потрясена, когда я ищу его лицо и пытаюсь понять, к кому он говорит слово «усилия» и мое место здесь.

— Мистер и миссис Стилман, — говорит Беннетт, стоя рядом со мной. — Это был замечательный вечер.

— Сенатор Стоун, — отвечает дед в то время, когда они с Беном жмут друг другу руки. — Мы крайне впечатлены Вашими результатами и Вашим будущим. Мы поговорили с Вице — президентом и скоро встретимся с Вами.

Это больше похоже на политическую любезность, то же банальное дерьмо, которое я слышала сегодня и я ненавижу эту часть игры. Бабушка слегка обнимает меня, также как и дед. Я чувствую их пристальный взгляд, молча одевая свою накидку. Когда мы прощаемся, у меня нет слов, я растеряна и не могу уйти из Белого дома достаточно быстро.

— Это вовсе не мое воображение, — говорю я Беннетту, когда он въезжает в подземный гараж отеля «Франклин». — Мои бабушка и дед участвуют в каком — то...заговоре.

— Что ты имеешь в виду? — спрашивает он, пока паркует машину на месте, принадлежащему номеру, которым он владеет. Номером, куда он приводил своих саб и я снова мои мысли возвращаются к вопросу, который я задала ему о сенаторе Уорнер и на который он отказался ответить, были ли они любовниками?

— Я не знаю. Это внутреннее чувство.

Снаружи было темно, но внутри меня было еще темнее...тьма со всей ее грязной ложью и грязными секретами, которая лезла из всех щелей быстрее, чем я могла с ней справиться. Я подавляю дрожь при мысли о президенте, моих бабушке и дедушке, возможно, Вице — президенте...сколько еще таких, как они плетут интриги в этой исковерканной политической шахматной партии?

— Если ты не уверена, почему бы нам не поговорить о чем — то конкретном? — Он открывает свою дверь, прежде чем я могу ответить. Что я могу сказать, не разжигая огня?

Открыв мою дверь, он берет мою руку и тянет меня вверх. — Ничего конкретного. В этом и проблема, — отвечаю я.

— Но кое — что всплыло наружу. И ты все еще утаиваешь от меня что — то.

Я не отвечаю ему. Не только я одна утаиваю.

— Правительственные обеды никогда не бывают скучными, разве это не твои слова? — В его голосе проскальзывает издевка. Я смотрю в его задумчивые глаза, в которых появился намек на гнев, в этих его зеленых глубинах. Он медленно моргает и взмах его темных ресниц настолько притягателен, как никогда прежде.

— Было очень сложно. Но пребывание рядом с моей семьей в течение пяти минут может привести к этому. Трудно сказать. — Я напоминаю себе, что совсем не время выдать все мои секреты.

— Но у тебя есть свое мнение, — отмечает он.

Мы подходим к частному лифту и, когда мы останавливаемся перед полированной металлической дверью, я бросаю на него взгляд. По крайней мере, я настолько разгневана, насколько я себя чувствую, гнев для меня как спасательный круг, который держит меня

вместе, а не дает распасться на части.

— Мы можем подождать, пока не поднимемся наверх, чтобы обсудить, что произошло?

— Никаких проблем, как ведь пожелаешь. — Двери плавно скользят, открываясь и Беннетт жестом предлагает мне войти.

Обычно к этому времени он прижимал меня к стене лифта, врываясь своим языком мне в рот, сжимая в кулак мои волосы и предоставляя самое лучшее в моей жизни. Но не сегодня. Мы стоим рядом друг с другом, наши плечи не соприкасаются.

Он приглашает меня выйти из лифта и вот мы стоим перед дверями номера люкс. Внутри меня целый кордебалет, который рвется наружу и жаждет получить ответы на вопросы. Он с силой проводит своей магнитной карточкой, точно такой же, какую он давал мне.

Голосок в моей голове шепчет:

— Сколько таких как ты?

Остановись! Перестань думать о том, сколько раз он делал это. Он открывает дверь и замирает, позволяя мне войти первой. Я обхватываю себя за талию, прохожу вперед, а он, как тень, следует за мной.

Я слышу как стучат наши каблуки по полу. Их звук разрозненно отдается эхом от стен, чем — то напоминая мое сердцебиение, отдающееся в моей груди. Сейчас не время убегать и прятаться. Весь этот хаос — это самое то. Он уничтожает все. Есть только один выход. Все что мне нужно — это смелость, чтобы действовать.

Проглотив комок сомнений, я напоминаю себе, что я не собираюсь быть игрушкой Норта. Я твержу про себя: «Я могу сделать это». Я собираюсь устроить представление на пустом месте. Я приехала в Вашингтон, желая узнать правду. Нужно знать правду! Это путь, мой путь, и я объявлю войну любой ерунде, которая может возникнуть. Пока я иду, я пытаюсь найти то, зачем я пришла или я... мы... все навсегда потеряем. Это настоящая граната, мой шанс, появился наш шанс выложить все начистоту. Обратного пути нет и сейчас как раз время, чтобы снять все преграды. Что есть у меня в качестве оружия? Мой ум, мой инстинкт. Моя способность приспосабливаться.

Мы идем в гостиную и я останавливаюсь около дивана. Пришло время скинуть «бомбу» номер один.

— Во — первых, ты задолжал мне ответ на вопрос. Простое «да» или «нет» без объяснений меня устроит.

— Что произошло сегодня? — спрашивает Беннетт хриплым голосом, когда останавливается позади меня. Его слова ласкают мои обнаженные плечи. До сегодняшнего вечера, было бы так просто притвориться, откинуться назад, потеряться. Я качаю головой, скорее борясь с желанием ответить ему, а не наоборот поддаться ему.

— Ты был или нет Домом сенатора Уорнер? — Обернувшись, я встречаюсь лицом к лицу с ним. Странно, что мой голос не дрожит, хотя внутри меня все вибрирует и плавится.

Его взгляд ловит мой и его глаза расширяются, прежде чем все его лицо становится мрачным. Тень огорчения, смешанная с разочарованием появляется на его лице и я не могу позволить своему желанию смягчить боль от острых как бритвы ответов. Не важно, для него или для меня.

— Ты спрашиваешь, потому что Норт сказал что — то, — резко отвечает он. — Но ты отказываешься рассказать мне все, что произошло.

Я вздергиваю подбородок, делаю вдох, чтобы мои намерения стали непоколебимыми и

встречаюсь с его пламенным взглядом.

— Какое это имеет отношение к твоему ответу на вопрос?

— Да, — отвечает он, ничуть не скрывая.

Не ожидая этого, его простой и прямой ответ сражает меня наповал.

— Ты приводил ее сюда? Трахал ее в этой спальне! Связывал ее и обещал ей то же самое, что обещал мне? Скажи мне правду! — Я наступаю на него, подняв кулаки вверх, но он не поднимает руки, чтобы остановить меня. Я колочу ему в грудь, затем хватаю его за лацканы, глядя на него.

— Она была моей сабой. И ты, мать твою, прекрасно знаешь, что это закрытая тема.

От того, как он говорит, весь мой сдерживаемый гнев увеличивается в геометрической прогрессии.

— Вот что я думаю о вашей закрытой теме! — Я даю ему сильную пощечину. Отпечаток от моей руки расцветает, как огненный цветок на его коже, пока он смотрит на меня с взглядом хищника, в котором присутствует ярость, смешанная с голодом. Он не прикасается к тому месту, где я его ударила. О нет.

Он наступает на меня.

— Ты закончила?

Мое тело наполнено адреналином я еще не закончила со всем этим, когда представляю его с другой женщиной, той женщиной! Все это время, она сновала туда и обратно в его кабинет. Норт говорил о предложении и, вспоминая это, я чувствую как языки жидкого пламени растекается по моим жилам.

— Ты обещал меня Норту? Это какой — то больной план, по которому сначала ты готовишь меня, как ты сделал с ней, а потом отдаешь меня ему?

— Бл*ь, нет! — Бен бросается вперед, хватая меня за плечи и толкает меня назад, пока не прижимает к стене в гостиной. — Я никогда не буду делить тебя.

— Может это тоже закрытая тема, что то, чего ты пытаешься избежать?

— Будь осторожна, девочка. Я сказал, что никогда не буду делить тебя и именно это я и имею в виду. Где, бл*ь, твое доверие, которые ты мне обещала, которое должно быть у тебя ко мне? — Он скользит взглядом вниз к моей груди, прежде чем его дымчатые глаза снова поднимаются обратно к моим. — Может быть, ты единственная, кто сыта всем по горло!

— Я? — Недоверчиво кричу я. — Тогда скажи, какого хера, и что за сделку вы заключили? Не ври мне. Я хочу знать, что президент Норт планирует и почему это касается моей бабушки и деда.

Мгновенье мы оба смотрим друг на друга и я вижу смятение в его глазах.

— О чем ты говоришь?

— Продолжаешь играть? — Я не могу поверить, что я положила все свое доверие к его ногам. — Норт сказал мне. Ладно. Он может быть отвратительный и лживый сукин сын, но, по крайней мере, он сказал, что вы оба планируете и замышляете кое — что вместе. Когда ты решишь рассказать мне правду, тогда я выслушаю тебя. До тех пор держись от меня подальше.

— Норт гребанный лжец! — взрывается он. — Ты не представляешь, насколько он развратен.

— Я думаю, что я знаю! — Я настолько зла, что отталкиваю Беннетта и проношусь к двери.

— Кса, подожди!

Я чувствую его тепло, когда двигаюсь мимо него, со столика при входе я хватаю маленькую статуэтку. Она сделана из мрамора и я запускаю ее в него. Фигурка прилетает ему в лодыжку и он запинается. Меня не еб*т. По крайней мере сейчас он не пытается остановить меня... ему не удастся. Я забыла, что мне надо вызывать лифт.

Беннетт приближается ко мне с выражением чистой ярости.

— Стой. Там. Где. Стоишь! — рычит он.

Сделав шаг назад, я качаю головой и отчеканиваю каждое слово:

— Поцелуй. Меня. В. Зад. — И затем я бегу мимо лифта к лестничному пролету.

Я пробегаю первый этаж. Моя грудь вздымается, а мысли находятся в беспорядке, я мчусь через холл, остановившись только тогда, когда я уже далеко за пределами входа в отель.

Глава 20

ПОЛНОЕ ФИАСКО.

Несколько часов я ворочалась в своей постели, крутась и мучая себя. Наконец — то наступает утро, а я лежу и обнимаю свою подушку. Я поднимаюсь на локте, чтобы взглянуть на часы. Боль от спазма в шее пронзает мою голову. Просто, бл*ь, здорово. Я не сомкнула глаз и мое тело ощущается, словно я пробежала марафон через ад и обратно. Бен звонил и писал мне всю ночь, но я не могу пересилить себя и поговорить с ним.

— Перестань мне звонить! — Я слышу, как кричит Брук, а потом что — то ударяется о стену в ее комнате.

Боже, я так понимаю ее чувство. Думаю, что мы с Брук одинаково можем кидать вещи, когда расстроены. Я слышу топот ног по деревянному полу, пересекающие комнату за дверью рядом с моей.

Раздается ее смех с привкусом горечи, до жути пугающий в тишине раннего утра.

— Вот именно, ублюдок. У тебя нет права голоса. Ничегошеньки. Не тогда, когда ты женат и являешься отцом двух детей. Все, что тебе нужно знать... я ненавижу тебя! Будь ты проклят, Дерек!

До аборта Брук остается несколько часов и слышно, как она спорит с отцом ребенка. Дерек? Она никогда не говорила о нем... так ведь? Я прокручиваю в голове цепочку из образов мужчин, с которыми она встречалась, но я не могу ничего припомнить. Грохот. Еще один удар раздается из ее комнаты, затем я слышу ее всхлипывания, которые превращаются в вопли. Святое дерьмо!

Я бросаюсь к ее двери. Она закрыта... я дергаю за ручку. Она заперта.

— Брук. Ты в порядке? — обеспокоенно спрашиваю я.

— Отлично! Со мной все, бл*ь, прекрасно, — плачет она.

— Я могу помочь тебе? — Я прислоняю голову к дверному косяку.

— Я собираюсь принять душ. Ты можешь сделать нам чаю?

— Договорились! — Я отпускаю дверную ручку. Да, все, что мне нужно — это что — то сделать. Затем я останавливаюсь, разворачиваюсь и возвращаюсь. — Держись. Ты не можешь повлиять на все. Помнишь?

— Черт! Ты права, — говорит она и открывает дверь. — Эй! Ты вообще спала?

На мне надето платье, но оно все мятое.

— Да, пыталась. Я не могла заставить себя переодеться.

Она запускает обе руки в волосы, качая при этом головой.

— Мы отличная парочка. Да ведь?

— Два сапога пара, — отвечаю я и грустно улыбаюсь.

У меня звонит телефон.

— Привет, — говорю я, когда вижу, что это Джон. От Беннетта больше нет ни единого сообщения. Он перестал звонить около пяти и я выжата как лимон.

— Прости за вчерашнее, — бормочет он. — Мне нет оправдания. У меня крыша поехала.

— Давай просто забудем об этом.

— Ну и как все прошло? — спрашивает он.

— Мы говорим о прошлой ночи? — Я приняла душ, переделалась и заполнила себя кофеином ... сейчас легче скрывать свои бушующие эмоции.

— Абсо — блять — лютно, да. Кстати, ты, случайно, не спрашивала Стоуна о возможности дать мне интервью? Чувак реально горяч. Тем более, сейчас вы встречаетесь. Я рассказал про это своему редактору и она только «за». Эксклюзив от вас двоих. Что — то вроде один день из вашей жизни! Что ты на это скажешь?

Я ошеломлена и я не могу ему врать.

— Джон... мы не вместе. Уже нет.

— О чем ты говоришь? Фотографии вас двоих смонтированы? Мой редактор в предвкушении и это смогло бы обеспечить мне место за собой в Пост. Больше никакого фриланса. Я получу двойную выгоду.

Мое сердце сжимается еще сильнее, когда я слышу разочарование в его голосе.

— Все кончено. В понедельник я напишу заявление на увольнение. Все очень плохо.

— Ты с ума сошла? Ксавия, не глупи. Что случилось? Мир ведь не рухнул, да ведь? Если он что — то сделал, бл*ть, насколько же плохо это может быть? Только взгляни на этого мужчину! Он потрясающе красив и хочет, чтобы ты была рядом. Не будь дурой. Возьми себя в руки. Черт, хоть раз ты можешь подумать о ком — то, кроме себя самой?

Его слова подобно удару в грудь со всего маху. Я сглатываю, чувствуя, как мои глаза наполняются слезами.

— Мне жаль, что ты так считаешь.

— Нам надо поговорить, — выдает он и вся сила слов накрывает меня. Тех слов, которые Беннетт повторял мне снова и снова.

— Я не могу.

— Почему? Ты боишься, что я могу вразумить тебя? Слушай, я сейчас приеду.

— Нет. Не надо!

— Что за черт в тебя вселился? — Он снова повышает голос, готовый сорваться.

Я не могу сказать ему, куда мы с Брук собираемся, поэтому я прикрываю ее.

— Я собираюсь к врачу. Я не очень хорошо себя чувствую.

— Не очень хорошо себя чувствуешь. Сегодня же выходной. Какой врач сегодня работает? — требует ответа он.

Я слышу шаги Брук в коридоре и кратко отвечаю Джону.

— Частная клиника. Ладно. Слушай, я должна идти. Позвоню тебе позже.

— Ксавия. Б...! Не смей «динамить» меня!

Я не могу поверить, что у нас ним возникла эта перепалка. Мне ничего не остается как повесить трубку.

— Пока, Джон. Как я уже сказал ранее. Поговорим позже. — Я швыряю мобильник в сумку и, закрыв глаза, начинаю считать.

— Я готова, — заявляет Брук, прежде чем я дохожу до пяти.

— Ты уверена? — Я спрашиваю ее, стараясь засунуть свои чувства подальше. — У тебя еще есть время передумать.

Она подходит к журнальному столику. На ней надеты штаны для йоги и свободная футболка, ее волосы забраны в высокий хвост. Она останавливается и прикасается к одной из увядших роз.

— Как нельзя «да» за последнее время. Не волнуйся. Я в полном порядке.

— Просто хочу удостовериться. — Я делаю глубокий вдох, заставляя свои мысли перестать роиться у меня в голове.

— А ты? — спрашивает она, поворачиваясь и встречая мой взгляд.

— Подумаешь, немного нервничаю.

Всю ночь, мои мысли были вокруг Беннетта. Мое последнее воспоминание о нем преследует меня с того самого момента, когда мои ноги, запинаясь бесчисленное количество раз, уносили меня от него. Сейчас у меня в голове крутится огромное количество вопросов, я же покинула гостиничный номер, не получив правды. Самый большой и самый волнующий меня вопрос — смогу ли я жить дальше, без того, что было между нами? Я не смогу объяснить этого никому. Кто в здравом уме сможет понять, что у меня потребность в диком сексе? Мне необходим дикий публичный секс. Я молю о нем. Он не просто нужен мне, я расцветаю, дрожу вокруг его члена. Наша грубая первобытная связь слишком большая, слишком темная и взрывоопасная.

Я готова сделать все, что угодно, лишь бы остановить свои безудержные мысли. Я гляжу на стену, желаю биться снова и снова об нее изо всей силы, но сомневаюсь, что это поможет мне. Вцепившись в диван, я концентрируюсь и сосредоточиваюсь на том, что будет со мной и моим гребанным будущим. За последний месяц с момента встречи с Беннеттом, моя жизнь перевернулась с ног на голову и я и не представляла, что она пойдет под откос. Но так оно и есть.

— Давай сделаем это. — Брук надевает свои очки, что означает, что она готова отправляться в путь.

Я беру свою сумку с ноутбуком с подушки рядом со мной и задаюсь вопросом, зачем я тащу работу с собой. Работа? Она под большим вопросом. Беннетт не нанимал меня, это сделало федеральное правительство, но в конце каждого месяца по каждому отделу в офисе сенатора подаются отчеты. Включая и мой отдел. Ничего сверхъестественного, просто куча форм, которые дала мне Нора. Мое последнее официальное назначение. Я беру книжку в мягкой обложке с журнального столика. Книга Брук. — Не возражаешь, если я одолжу ее?

— Конечно, нет.

Всяко лучше, чем бесцельно размышлять. Я замираю. Дерьмо. Меня осеняет. Но если я не пройду стажировку, то я не смогу определиться с темой диссертации, я очень сомневаюсь, что смогу найти другую работу на Капитолийском холме, если случится этот облом. Даже если бы я могла, я не хочу случайно наткнуться на Беннетта. Это не обычный разрыв отношений — скорее всего это похоже на закулисную игру с несколькими плохими

актерами. Вице — президент и ее кампания. Больной президент с его безумным предложением, которое Бен отказывается по — честно обсудить. Джон — неужели я подрываю нашу дружбу? И, конечно же, мои бабушка и дедушка, которые успеют запрыгнуть на подножку уходящего поезда в ад. Похоже на то, что я выдернула чеку у гранаты и может пострадать все больше и больше народу, только в финале я буду в официальном черном списке Вашингтона. Супер, Кса. Действительно, супер!

Кто играет за меня? Хотелось бы мне знать, кто мой отец. После этого признания факта, глубоко сидящая боль внутри меня, которую я подавляла, наполняет меня до предела. Слезы подступают к глазам и нет смысла останавливать их, пытаюсь сморгнуть.

— Эй, ты в порядке? — Брук останавливается и приближается ко мне, встав передо мной.

— Я просто устала и чувствую себя совершенно глупо.

— Ты мало чего сказала, когда я приехала за тобой. Хочешь поговорить сейчас? У нас будет долгий путь. Это отвлечет меня от того, что скоро произойдет.

Секунду я стараюсь подавить боль, взмывающую вверх, выпуская воздух из легких с легким шипением, но мой подбородок начинает дрожать. Почва уходит у меня из под ног. Ох ты ж бл* Я не могу сама себе помочь. Боль последних недель и вся моя жизнь застают меня врасплох. Не слезы льются из моих глаз, а поток горя прорывает плотину. Я падаю, словно прыгнув без парашюта головой вниз. Боль разрывает меня пополам как рваная молния и все, что я могу сделать, это быстро падать.

Эмоционально сломленная, я понимаю, почему это настолько больно. Я смотрю на Брук. — О черт! Я в полном дерьме.

— Да. Вот это я и подумала. — Она крепко меня обнимает. — Так что сделал Стоун?

Я пообещала Беннетту, что я никогда и никому не расскажу о его драгоценном и частном клубе, но какая, на хер, разница! Сжав руль руками, я рассказываю Брук о своем недавнем путешествии в мир жесткого и дикого секса. И что это иногда все происходило в комнате, где присутствовали и другие люди, не спрашивай меня, кто они, они смотрели, как мы с Беном занимались этим часами. И тогда, когда я не могу остановиться, я выкладываю все грязные подробности о том, как он шлепал меня, связывал, но опускаю подробности о том, как я отсасывала ему, находясь на сцене.

— И вы двое работаете вместе? — Она задыхается, выражение ее лица — это смесь из пораженного и испуганного. — Это само по себе необычно.

Я качаю головой.

— К сожалению, это не все. Я умоляла его трахнуть меня на работе. Я говорила, умоляя его, чтобы он засунул в меня свой член. Кричала во все горло, выдавая разные непристойности... самые грязные словечки, в то время как он тянул меня за волосы и шлепал меня по заднице. Разве это не сумасшествие?

— Если бы я не знала хорошо тебя... — фыркает Брук. — Я бы сказала, что тебе промыли мозги.

— Нет. Я хотела этого. Он предложил мне и я согласилась. Я не могу объяснить это, ни с кем, кроме Беннетта я не чувствую свободы.

Ирония быть связанной, скованной наручниками и с кляпом во рту ощущается, как будто впервые в своей жизни мной полностью владеют. Я настолько жива и наполнена ощущениями. Брук не осуждает меня, она просто сидит на пассажирском сидении, сохраняя

выражение, которое отражает весь спектр ее чувств, начиная с шока от насилия до желания дать мне пять.

— Матерь Божья! Я хочу посетить ваш клуб. Ты можешь провести меня? — спрашивает она. — Знаешь, когда я выздоровею. Не в таком состоянии, как я сегодня.

— Это не мой клуб, — поправляю я ее, но я не верю ей. — Ты бы действительно пришла в Дом, если бы у тебя был шанс?

— Если это хотя бы наполовину настолько безумно, как ты говоришь, скорее всего, да. Я совсем не против того, чтобы меня отшлепали по заднице, если это заставит меня звучать также, как ты. Живой, на пике возбуждения и без всяких наркотиков.

Спустя час, мы сидим на стоянке медицинского учреждения, которое больше напоминает частный спа — салон. Мы приехали из Вашингтона в причудливый городок в штате Вирджиния, и с каждой милей, я все больше и больше рассказывала ей.

Я беру свою сумку с заднего сиденья.

— Я не знаю, что я собираюсь сейчас делать. Меня внесут в черный список на Холме.

Брук хватает меня за руку и трясет.

— Никогда этого не будет! Поверь мне. Твои бабушка и дед могут потянуть за кое — какие политические ниточки, но мой отец является самым великолепным кукловодом. Он нам поможет.

— Спасибо, — шепчу я.

Мы входим в двухэтажное здание с широкими окнами, огромными соответствующими пальмами и окрашенными в зеленый цвет стенами подходящей по цвету кожаной мебелью. Персонал одет в светлую пастельного цвета униформу, они говорят вполголоса, пока Брук проходит первоначальный осмотр, заполняет форму и предоставляет ее персональные данные, которые, как обещает ее консультант, останутся конфиденциальными. Я подписываю документы, в качестве лица, которое отвезет ее домой и будет ответственной за нее, когда ее выпишут. Мы выходим из кабинета и нас ведут в отдельную комнату. Медсестра заходит и говорит Брук, чтобы она сняла с себя всю одежду. Она дает ей чашку, чтобы та помочилась в нее, а также сообщает Брук, что доктор скоро будет здесь, чтобы осмотреть ее.

— Я подожду тебя там, — сообщаю я, указывая на небольшое помещение, находящееся рядом с ее палатой и имеющее диван и телевизор.

— Не уходи, — говорит она и, когда я смотрю на нее, она выглядит мертвенно — бледной.

— Что случилось? — спрашиваю я, подходя к ней.

— Я — Я — Я просто... черт, это безумие.

— Здесь нет ничего безумного за исключением того, что произошло прошлой ночью. О чем ты думаешь?

Теперь она плачет, я беру ее за руку и она фыркает:

— Вот, дерьмо.

Медсестра возвращается и пытается успокоить Брук.

— Вам просто надо принять успокоительное. Это помогает. Я пойду, возьму и вернусь к вам.

Когда медсестра уходит, я смотрю в темные глаза Брук.

— Всего лишь одно слово, — я говорю ей.

— Боже, я запуталась. — Она закрывает глаза и прикусывает нижнюю губу.

Я обнимаю ее, обхватив ее руками, и всем сердцем желаю, чтобы она не разрывалась пополам от неуверенности. Отпустив ее, я наблюдаю, как она с трудом открывает глаза, наполненные слезами. Она моргает, медленно выдыхает и слезы потоком льются по ее щекам. Я вытираю их, но они все сильнее и сильнее начинают бежать.

— Гореть мне в аду за это? — спрашивает она слабым голосом.

— Конечно, нет. Но это один из моментов, где неважно, что другие подумают о тебе.

Наружная дверь открывается и Брук застывает. Внезапно на ее лице появляется выражение я — собираюсь — пнуть — тебя — под — зад и заставляет меня подумать, что она вот — вот закричит.

— Что ты хочешь? — рывкает она.

Определенно она говорит это не медсестре, я поворачиваюсь и замираю.

— Детка, не делай этого. — В комнату входит мужчина и он не похож на тот тип мужчин, которых обычно «цепляет» Брук. Он огромный, будто товарняк. Загорелый. Блондин. И молодой. Я бы очень удивилась, узнав, что ему немногим чуть больше тридцати. Это должен быть Дерек. Женатый мужчина с детьми.

И он ужасно выглядит.

— Не возражаешь, если я схожу и выпью чашечку кофе? — Говорю я Брук, переводя взгляд с нее на мужчину.

Он кивает мне, затем переводит свой взгляд обратно на нее, сделав шаг, как будто он приближается к испуганному зверьку, готовому сорваться прочь от него. Стоит ли мне предупредить его, что она может врезать?

— Не уходи далеко. Пожалуйста, — шепчет Брук.

— Хорошо. Я буду здесь недалеко. По ту сторону двери. — Я выхожу из ее палаты и иду к выходу с настежь открытой дверью.

Выйдя в коридор, я вижу как медсестра разговаривает с другим медицинским работником. — Ты можешь поверить в это? Дерек Вулф здесь.

Другая женщина хихикает. Довольно неприятно.

— Я хочу подсунуть ему что —нибудь, чтобы он мог подписать это. Думаешь, он оставит свой автограф на моем планшете с бумагами?

— Почему нет? Давай сфотографируемся с ним. — Медсестра выуживает свой сотовый из кармана униформы.

Когда они подходят к двери, я скрещиваю руки на груди.

— Могу я чем — то помочь вам? — Спрашиваю я суровым тоном, переводя взгляд с одной женщины на другую.

— Я всего лишь хочу дать пациентке успокоительное. — Медсестра хочет обойти меня, но я преграждаю ей путь. Она намного ниже меня, поэтому я наклоняюсь, чтобы посмотреть ей в глаза.

— Пациентка пока не в настроении. Вы можете прийти попозже? — Обе женщины смотрят на меня так, будто я сошла с ума.

— Ну, мы не должны выбиваться из графика, — выплевывает слова медсестра. — У меня нет времени играть в игры.

— Мисс Тейт необходима минутка. Я сомневаюсь, что несколько минут нарушат ваш график.

— Пожалуйста, отойдите в сторону, — настаивает медсестра. — Или я позову охрану. Теперь моя очередь настаивать.

— Совсем не время включать режим «фанатки» и сходить с ума по Вульффу. Я слышала, о чем вы двое говорили. — Должно быть, подействовал мой гневный взгляд или у нее было достаточно мозгов, чтобы не продолжать дальше эту перепалку.

Я закрываю дверь перед их носом на защелку. Садясь, я откидываюсь назад и смотрю в потолок. Покачивая ногой, я слышу приглушенные голоса Брук и Дерек Вульфа. Я не слышу точно о чем они говорят, но мне достаточно того, чтобы задаться вопросом о том, кто он такой. Кроме того, что он — красавчик, женат и сейчас находится здесь.

Вынув свой телефон, я начинаю гуглить его и просто обалдеваю! Ладно, отец ребенка Брук известен. Он является лучшим режиссером этого года, покоровившим Голливуд и выходит в первых строчках, когда «забываешь» имя Вульфа. Он начинал в качестве каскадера Брэда Питта, затем начал режиссерскую карьеру после того, как женился на дочери крупнейшего продюсера, одного из тех, кто спас кинокомпанию MGM [Прим. пер. — «Metro — Goldwyn — Mayer»; сокр. «MGM», — американская компания, специализирующаяся на производстве и прокате кино— и видеопродукции] от банкротства. Последний боевик Вульфа заработал в этом году в прокате миллионы долларов, войдя в первую пятерку списка самых кассовых фильмов.

Дверь открывается и Брук и Дерек выходят, держась за руки.

— Ну и? — говорю я, вставая с дивана. — Все хорошо?

— Ксавия, это Дерек Вульф.

— Приятно познакомиться, — говорит он глубоким голосом, пожимая друг другу руки.

Брук смотрит на меня, затем на Дерек и улыбается. — Я не буду... делать аборт. Мы собираемся пожениться.

— Похоже, вы уверены в этом. Гораздо более уверены в вашем будущем. Что ж. — Я продолжаю, — я необычайно рада за вас двоих... троих!

— Спасибо за заботу о ней. — Дерек тянет Брук в свои объятия. — Она сказала мне, что ты та, кто помогала ей, когда я не мог этого сделать. Я твой должник, Ксавия.

— Так и поступают друзья. — Широко ухмыляюсь я.

— Ты можешь отогнать мою машину обратно к нашей квартире? — спрашивает она. — Я уезжаю в Лос — Анджелес, а вернусь во вторник. Как раз к занятиям.

— Можешь даже не просить меня. — Я хватаю свою сумочку и, остановившись около стойки регистрации, я объясняю медсестре ее решение.

— Нужно будет заполнить кое — какие формы. И возврат денег займет некоторое время, — отвечает женщина за стойкой, глядя на нас поверх очков, выглядя не слишком довольной.

— Детка, мы опоздаем на рейс, если задержимся здесь, — Дерек надевает солнцезащитные очки и тянет ее за руку. — Пусть оставят деньги себе.

— Я разберусь с этим. — Я поправляю ремешок сумки на плече. — Идите. Вы ведь не хотите опоздать на рейс.

— Цены тебе нет, Кса. — Брук обнимает меня, крепко сжимая в своих объятиях, и я вдыхаю, немного дрожащим голосом.

— Ксавия, скоро встретимся и поболтаем. — Дерек оттаскивает Брук дальше от стойки.

Я наблюдаю, как они выходят в холл, а затем на улицу. Солнечный свет очерчивает их силуэты на фоне яркого света. Брук оборачивается и машет мне и у меня возникает резкое чувство боли в сердце, меня наполняет прилив радости за нее. Она пила настолько сильно, что облажалась и накосячила по полной программе, и только благодаря своему огромному

состоянию, она сможет пережить эту огненную бурю, которая разразится, если все происходящее станет известно и сможет спалить ее. Но она как кошка, у которой девять жизней, и из всех, кого я знаю, она единственная, кто всегда приземляется на ноги.

Полчаса спустя, я чувствую, что мой мозг затуманен от выпитого количества кофеина и слишком малого количества сна. Я направляюсь к выходу и убеждаю себя, что буду чувствовать себя лучше, когда я что —нибудь поем и немного вздремну. Выйдя наружу, я будто в стену врезаюсь от навалившейся на меня жары и на какой — то момент я не могу сообразить, где я припарковала машину. Парковка забита и я крепко сжимаю брелок, не обращая внимания ни на что и ни на кого вокруг, кроме как ищу моргающие фары автомобиля, означающие, что двери разблокированы.

— Мисс Кеннеди! — Кто — то зовет меня и я оборачиваюсь, думая, что я забыла что — то, что относится Брук.

У меня перед глазами начинают мелькать вспышки.

— Почему вы решили прервать беременность?

— Что? — переспрашиваю я, совершенно ошеломленная. — Я не ...

Женщина шагает ко мне.

— Какой у вас срок?

— А Сенатор Стоун тоже здесь? — На меня обрушивается еще один вопрос, а затем еще кто — то выкрикивает: — А он знает?

Мелькает еще больше вспышек, а затем несколько человек тянутся своими микрофонами к моему лицу, задавая меня вопросы.

— Без комментариев, — отвечаю я автоматически, зажатая ими со всех сторон. Я иду в ту сторону, где, как я думаю, находится машина Брук, но я не могу прорваться сквозь этих репортеров или ту тучу фотографов, которые, как мне кажется, вырастают из — под земли. Откуда они берутся и почему они считают, что я буду делать аборт? Главное правило контроля последствий — не давать повода. Любая реплика или частично выхваченная фраза будут использованы или неправильно истолкованы. Частичная правда — это худшая форма лжи.

Откуда — то позади меня раздается голос мужчины.

— Много ли времени заняла процедура аборта?

Ничего не видя вокруг, я перехожу на полу — бег, когда замечаю машину Брук, и крепко сжимаю брелок. Удары моего сердца отдаются у меня в ушах, когда я открываю водительскую дверь. Репортеры толпятся вокруг меня и я спотыкаюсь, падая на переднее сиденье. Я вцепляюсь руками в руль, пока вокруг мелькают вспышки. На секунду я замираю, но затем захлопываю и блокирую дверь. Мои руки трясутся так сильно, сжимая ключ, что я не могу вставить его в замок зажигания.

Внутри машины пекло. Черт, я не могу просто сидеть здесь. Я закрываю глаза, отгородившись от взглядов толпы, которая окружила машину, я не могу ничего поделать с их вопросами, взглядами или ослепляющими меня вспышками фотокамер. Делая глубокий вдох, я стараюсь заглушить смутение и гнев, которые расползаются по моему телу, как будто огнедышащие змеи. Разгоряченная, потная и раздраженная, я делаю еще один глубокий вдох.

Открыв глаза, я вставляю ключ в замок зажигания. На этот раз двигатель «ревет» и я зря время не трачу. Посигналив им в качестве своего последнего предупреждения, я включаю заднюю и разворачиваюсь.

Довольно быстро я приезжаю к своему дому и не могу поверить своим глазам. Около

здания я сталкиваюсь с похожей ситуацией от которой я только что смогла убежать. Репортеры со съемочными группами снуют туда и сюда вдоль тротуара. Парочка таких даже выходят из вестибюля. Как будто находясь в замедленной съемке, я вижу, как их головы поворачиваются в мою сторону. Бл*я! Я не собираюсь здесь оставаться и вжимаю педаль газа в пол.

Но куда я могу поехать? Из всех возможных мест, куда я могу податься, есть только одно место, которое приходит мне на ум. Офис. Мой пропуск позволяет мне находиться там круглосуточно

Я добираюсь очень быстро и облегченно выдыхаю, когда вижу, что перед подъездом к зданию Сената никто не толчется. Я паркую свою машину и вхожу в пустой коридор, ведущий из гаража. Мои ноги скользят по гладкому мраморному полу. Дежурный охранник улыбается, проверяет мои документы и советует мне не утруждать себя слишком сильно работой.

Поездка в лифте на четвертый этаж проходит быстро, но вызывает болезненные ощущения. Мой живот скручивает в узел, пока я иду по коридору. Мой взгляд скользит по желтым табличкам, размещенным на стенах коридора, и я провожу пальцами по одной из них на кабинете Беннетта, моргая, чтобы убрать резь в глазах. Когда я открываю дверь в свой кабинет, слабый и знакомый запах его одеколona, витающий в приемной, вызывает покалывание у меня на коже. Аромат становится все интенсивнее, когда я прохожу мимо его дверей и мое сердце начинает грохотать все сильнее с каждым шагом, который я делаю по ворсистому ковру. Я стою на пороге своего кабинета и вглядываюсь в его дверь. Трудно поверить, что прошло всего лишь несколько недель, а такое чувство, будто прошла целая вечность.

Тяжело вздохнув, я поддаюсь искушению и берусь за ручку его двери в кабинет и открываю ее. Я не должна входить, если я хочу сохранить свое душевное равновесие. Меня омывает запах его одеколona, смешанный с легким ароматом кожаной мебели. Моя кожа покрывается мурашками, а соски становятся как камушки. Что — то напоминающее вид сексуального рефлекса и мои глаза снова начинают гореть от слез. Я моргаю, выходя, чувствуя, что слезы вот — вот хлынут и хлопаю дверь. Ой, бл*я!

Как мы могли так ошибаться? Один сраный ужин и моя неустойчивая Вселенная разлетелась на куски.

Я вхожу в свой кабинет, чувствуя головную боль размером со штат Монтана. Боль, похожа на вспышки молнии, пронзающие правую часть головы и проигнорировать ее просто невозможно.

— Добро пожаловать в Капитолий, Мисс Мигрень, — шепчу я, протягивая руку к бутылке ибупрофена в своем ящике стола. Я беру две таблетки. Воды нет. Круто.

Черт! Очень плохо. Должно быть у меня обезвоживание, потому что во рту суше, чем в пустыне Мохаве. Я не смогу проглотить таблетки, чтобы они не застряли у меня в горле. Я кашляю, как кошка, у которой в горле застрял комок шерсти. Слезы льются ручьем из моих глаз и я бегу в мини — кухню, где есть чайник и холодильник. Хватаю бутылку воды, с треском открываю крышку, и глотаю так жадно, что капли воды стекают у меня по подбородку. Когда я заканчиваю, я вытираю рот рукой. Настоящая леди, Кса.

Я прикрываю рот, когда к горлу подкатывает отрыжка, так я хотя бы не выгляжу как полная неудачница. Пока нет. Насколько далеко я зайду? Вопрос остается без ответа. По крайней мере я могу завершить ежемесячный отчет, сделать его копии и уйти. В моем

кабинете практически нет моих вещей, которые мне надо собрать, напишу заявление об увольнении, уйду сегодня и никогда не вернусь.

В углу стоит пустая картонная коробка и я беру ее, возвращаясь в свой кабинет. Скоро журналисты выпустят свои статьи. Я прямо предвижу их заголовки. Этого будет достаточно для того, чтобы пресса начала свою истерию. Не важно, даже если это огромная журналистская ошибка, скандал будет сотрясать Капитолий, не важно, что это ложь. Уровень дерьма, который обрушится на Холм начинает четко вырисовываться у меня в голове и мой желудок сводит от дурного предчувствия.

У меня на столе жужжит телефон и я беру его. Это Беннетт, я закрываю глаза, молясь, чтобы у меня появились силы. Я не собираюсь отвечать ему так же, как и раньше.

Но когда я читаю текст: «Ты придешь сегодня вечером?»

Что — то внутри меня щелкает!

Он, бл*ь, серьезно? Мое апатичное состояние превращается в бешенство и я печатаю, «Ты в своем уме! Нет, я не собираюсь присоединиться к тебе в Доме после прошлой ночи. Ты вообще чокнулся?»

Моментально от него приходит ответ, «Детка, пожалуйста. Я знаю, я много раз говорил это, но нам надо сесть и выяснить все, что произошло. Бегство...разве мы не проходили через это, Кса?»

Я качаю головой, глядя на экран и набираю ему ответ. «Совсем недавно. Не звони мне. Не пиши мне. Я не часть какой — то игры, в которую ты играешь. Я не твоя марионетка. И не кто — либо еще!!!»

Черт! Сажусь в свое кресло, держа телефон и чувствую, как он жужжит. Но это не Бен — это Брук. Я коротко отвечаю

— Эй.

— Черт возьми, что случилось? Ты во всех новостях. Б...я, Кса, мне так жаль.

— Да ничего, — фыркаю я.

— Это дерьмо разрушит тебе карьеру. Из — за меня тебя обвинят в этом. Дерек в бешенстве. Мы никуда не летим. Ты где?

— В офисе. Но не смей откладывать свои планы. Слушай, со мной все будет в порядке.

— То, что готовится к печати и в интернете — все это фальшивка и я не могу поверить, что за всем этим беспорядком стоит Джон.

Джон?

— Что он собирается делать с этим?

— Собирается делать? Ксавия, он журналист, он тот, кто первый обнародовал эту новость. Он дал интервью на камеру и его выложили на YouTube! Мы учились вместе с этим козлом, ему все верят.

Я стою, чувствуя желание что — либо сделать, а не просто спрятаться. Это чушь... Джон. Он по уши...

— Он журналист. Я уверена, что его просто вынудили. Ты ведь знаешь, как это бывает.

— Когда дело касается его, ты обычно закрываешь на все глаза. Я говорю тебе, он тот, кто разболтал всю эту историю и рассказал всем, что ты была в клинике. Он рассказывает такие вещи, вываливает всякое интимное дерьмо. Он также говорит о том, что не может поверить в то, что Стоун мог обойтись так с тобой. Говорит, что у него есть сенсационная новость...что сегодня утром ты позвонила ему, и сказала, что едешь в клинику. Этот гандон записал ваш разговор. Ты действительно ему сказала это?

Реальность обрушивается на меня. У меня подгибаются колени. Джон стоит за всем этим. Черт, черт...черт побери!

— Я сказала это, но чтобы защититься. Можешь называть меня идиоткой.

— Не буду. Мы ему доверяли и он чертовски облажался, если думает, что это ему прокатит. Я собираюсь найти его и он должен будет понять что к чему. Он сделает полное опровержение. Плюс клевета. Заявление о клевете — это дерьмово. Мы поймем его и встретимся с ним в понедельник в суде. Даже не волнуйся об этом. Я с тобой.

Облокотившись на угол стола, я слабо улыбаюсь.

— Я ни на секунду не сомневалась.

— Мы можем приехать в офис?

Я гляжу на стену.

— Я не знаю, могу ли я получить разрешения для посетителей в выходные.

— Тогда заканчивай там уже и возвращайся в квартиру. Ты мой первый клиент и мы должны поработать над нашим делом.

— Нууу, тебя еще не допустили к практике юридической деятельности.

— Это ерунда. У меня достаточно адвокатов, которые могут проконсультировать и поверь мне, мы хорошо юридически оснащены, чтобы справиться с этим. К вечеру я сделаю так, чтобы историю Джона изъяли, а он принес извинения. Я у тебя в долгу, Кса. Намного больше, чем ты себе можешь представить!

Глава 21

ПОМЕТЬ МЕНЯ.

Все внутри меня заволкло кроваво — красным. Этот цвет стоит у меня перед глазами, когда я ковыляю в сторону балкона. Гнев сжигает все мои чувства. Я чувствую ярость. Я чувствую себя одиноким. Мир перестает вращаться. По сути, моя Вселенная сжимается, чтобы в итоге взорваться подобно сверхновой. Пожирающая мои мысли злость достигает уровня чистой ярости. Мою грудь разрывает. Я смотрю на экран телефона. На сообщение перед глазами, на то, которое Кса отправила мне прошлой ночью, до того, как она убежала и прислала его несколько минут назад.

— Я не часть какой — то игры, в которую ты играешь. Я не твоя марионетка. И не кто — либо еще!!!

В тот момент, когда Габриэль Норт пригласил ее на танец, я должен был вытащить Ксавию отсюда и увезти ее подальше от Белого Дома. Ни для кого не секрет, что этот уб*к — самый большой сукин сын на планете. То, с каким чувством самоудовлетворения он совершает все, всегда было явным признаком того, что он всегда прикрывает чью — то спину — свою спину. Хотя я не могу достоверно утверждать. Я должен был поделиться с Кса по поводу своих подозрений насчет ее бабушки и деда, хоть у меня и нет достаточных оснований. На самом деле во всем происходящем можно винить только одного человека — это меня. Если бы да кабы. Все это дерьмо собачье.

Крепко обхватив перила балкона, я вглядываюсь в дымку, нависшую над городом из — за летней жары и окутавшую Вашингтон, она отражает мою внутреннюю мглу, которая душит меня. Уже поздний вечер и дом Кса совсем не далеко. Всего лишь двадцатиминутная пробежка, но моя покалеченная вчерашним происшествием лодыжка не позволит мне

сделать это, или можно потратить пять минут, поехав на машине, если не будет пробок. Я нахожу ее номер телефона на своем сотовом, затем нажимаю «вызов» и слушаю длинные гудки на том конце. Я посылаю еще одно сообщение. И еще одно. После очередной моей мини — тирады, она точно не ответит на мои звонки и смс. Это один из тех дней, когда безумие внутри меня, спрятанное глубоко, выходит наружу.

Пошло все на х*й. Ковыляя внутрь, прохожу мимо журнального стола, хватаю ключи и свой официальный сенаторский телефон. Прихватив с собой оба телефона и настроившись ни за что не отступать, я готов сделать все, что понадобится, чтобы заставить Кса все понять. Игры... я не играю в игры с ней. Я пойду на все. Я люблю ее. Это откровение поражает меня. Стоя перед дверью, я с усилием пытаюсь вздохнуть. Неужели я самый большой осел в мире?

Возможно, но я окончательно и бесповоротно влюблен в Ксавию. Так сильно, что чувствую себя размазней. Мне просто нужно заставить ее понять, что она первая женщина, которую я полюбил, в ком я когда — либо нуждался.

Если и сожалеть о чем — то, так только не о том, что единственная женщина, без которой я не могу жить, собирается бросить меня. Я открываю дверь, двигаюсь, не останавливаясь, пока не оказываюсь за рулем своей машины. Находясь в гараже, мои мысли крутятся только лишь в одном направлении — мне нужно найти ее. Мой телефон издает сигнал и когда я опускаю взгляд, я вижу, что это Вице — президент. Я отключаю звук на телефоне. Если я поговорю с Вирджинией, то я выплесну на нее все, добавив масла в огонь и сказав ей, чтобы она отправлялась к черту. Моя жизнь катится в тартарары и она причастна к этому хаосу. Мой телефон издает сигнал о том, что она оставила сообщение. Выезжая из гаража, я выуживаю свой телефон.

«Чрезвычайное происшествие. Нам нужно встретиться. Дело касается белого дома.»

Да, отстойно быть ей. Останавливаюсь на красный свет и прокручиваю свои сообщения, которые пришли на мой рабочий телефон. Обычный поток сообщений от сотрудников, но потом я вижу сообщение от Джекса. «Тебе лучше посмотреть новости».

Прокручиваю дальше.

Есть сообщение от Ноя, два от Итана. Чуть пониже сообщение от Тори. Бл*я, даже Уэс прислал мне сообщение. Пять Домов из клуба прислали мне нейтральные сообщения. Все говорили мне посмотреть новости.

Но мое внимание привлекает сообщение от Арчера. «Позвони мне. Я был прав насчет кузена».

У меня возникает еще больше вопросов. Колин Стиллман сделал нечто чудовищное и это связано с новостями. Какого хера здесь происходит?

Сзади меня сигналиит автомобиль и я переключаюсь на первую, в поисках места, где припарковаться и выяснить к чему такая спешка. Нажав на значок с иконкой «новости» на своем телефоне, искать долго мне не приходится, прежде чем я вижу свое имя... и имя Ксавии и фотографии, а потом всплывает надпись... АБОРТ.

Всего лишь одно слово, которое погружает в хаос мысли в моей голове. Она сделала аборт. Мой ребенок.

Я замираю. Я в шоке. Такое ощущение, будто мои мысли были полностью выпотрошены, а моя память переформатирована. Это случилось, когда мы первый раз трахались и у нас порвался презерватив. С тех пор мы никогда не использовали защиту. Она сказала, что на таблетках — но Господи. Мы так жестко трахались и, если уж кто бы и мог забеременеть от меня, то это была бы только она одна. Так, как я пытался добиться ее, то да,

действительно есть вероятность того, что это случилось. Но она бы все равно сказала, а не стала сразу действовать. Я открываю свой браузер и пролистываю ее фото за фото, где она изображена выходящей сегодня из какой — то частной клиники в штате Вирджиния.

Она одна. Почему с ней нет ее соседки? Как такое может быть, вчера вечером она была на правительственном обеде, а сегодня делает аборт. Я никак не могу понять, почему Кса делает это.

Моя следующая реакция на все это, что это сфабрикованная чушь собачья. Неужели это Норт таким образом хочет нас поиметь? Я должен найти Ксавию. Леденящее чувство настолько велико, настолько глубоко засело во мне, что я чувствую, как пульс стучит у меня в висках. Я знаю, что держу в руках сотовый, и как будто свидетель аварии, который не может отвести глаз, открываю главную новость в Вашингтон Пост.

Я читаю имя автора под статьей, мне интересно узнать, что за урод подставил нас. Автор статьи Джон Рихтер. Я еще раз перечитываю имя автора, глядя на слово «Рихтер», до тех пор, пока это слово не выжигается на сетчатке моих глаз. Журналист, который написал эту статью — друг Кса. Человек, который возил нас в Бостоне. Это он, кто обнимает ее на фотографии, которую она носит в своем бумажнике. Если бы автор был кем — нибудь другим, любым другим человеком, бл*ть, я бы ни за что не поверил во всю эту историю.

Но это он. Джон Рихтер. Его имя врезается в мое подсознание каждый раз, когда я мысленно повторяю его.

Мысль о том, что это спланированная средствами массовой информации клевета, состоящая из чистой воды лжи, распалась на куски.

Зачем Рихтеру нести всю эту чушь?

Я не звоню Джексу. Или кому — либо из конгрессменов, связанных с Домом. Я не звоню Вице — президенту. Я включаю телефон, набирая единственный номер того, кто может помочь.

Голос Арчер рычит в трубку:

— Ну, говори. — на секунду я теряю дар речи. Он был недоступен и сейчас я собираюсь узнать от него всю правду.

В итоге я прихожу в себя.

— Я получил твое сообщение.

— У меня появились кое — какие новости. От частных источников, — отвечает он менее веселым тоном. — До того, как все это произошло.

— Где ты был?

— Ты не захочешь знать, но я снова в зоне доступа. Что ты хочешь от меня?

— У тебя есть что — то существенное на Колина Стиллмана?

— Дерьмо. Я не был уверен, но теперь у меня есть доказательства. Двоюродный брат и журналист. Они любовники. Не важно, когда я впервые откопал на них информацию, что они вместе, но еб*ть. Факт налицо. Отследив и собрав всю информацию, я понял, что они встречаются почти год. У них есть кое — какой сторонний бизнес. Что — то вроде шантажа, в основном это связано с ее семьей. Но в прошлом месяце они вместе обрабатывали одного воротилу из Нью — Йорка. Шантажировали его угрозой рассказать все его жене. Крайне откровенными фотографиями. И всем, что с этим было связано.

— И ты все это узнал... но как?

— Записи телефонных разговоров. Смс — ки. Электронные письма. Черт, даже Тамблер [Прим. пер. — Тамблер — сервис микроблогов, включающий в себя множество картинок,

статей, видео и gif — изображений по разным тематикам и позволяющий пользователям публиковать посты в их тамблелог] ссылается на этих мудаков. Ссылки относятся к довольно интересным сайтам. Я подумал, увидев новости сегодня, что ты будешь звонить, поэтому и решил выйти на свои источники. Я все еще пытаюсь выяснить, что еще там есть.

От этого говна мне становится немного лучше. Предатели, оказывается, были ближе, чем мы с Кса себе представляли, а сейчас они приводят свой бесподобный план мести в действие.

— То, что написано в Вашингтон Пост правда?

Какое — то время Арчер молчит. Я слышу, как он выдыхает на другом конце.

— Это не входило в мои задачи в поиске информации. Я не знаю. Хочешь, чтобы я узнал? Медицинские записи, скорее всего, хранятся на интернет — сервере. В облачном хранилище. Если нет, то этот городок недалеко от Вашингтона.

— Ты рядом?

— Я могу появиться часа через полтора. Что мне делать с братом? Я у него на хвосте.

— Займись им. Я хочу выбить всю информацию из него. И Рихтера тоже. — Моя жестокая и темная сторона, которая, я поклялся никогда не выйдет наружу, вырывается полностью готовая на немислимые вещи.

— Ты уверен? Если ты откроешь эту дверь...

— Просто сделай это. — Я сканирую улицу в поисках вариантов. Нет ни единого. Моя работа защищать Ксавию, даже если это означает уничтожение тех, кто причинит ей вред. Так оно и будет. Мне нужно найти ее прямо сейчас. Услышать это все от нее, а не гнаться за Кса, вооруженной так называемыми фактами. Ради чего? — Постарайся не перегибать палку. Я перезвоню тебе. В ближайшее время.

Когда мне было четыре, надо мной надругались. Я был растоптан. Разрушен. Только с ней я был настоящим. Только с Кса я позволил боли из моего прошлого просочиться в настоящее. С ней я позволил пелене притворства, в которую я однажды завернулся, пасть. Пока я не встретился с ней, я был будто заморожен по отношению к окружающему миру, с ней я ожил и теперь живу. Без Кса я снова скачусь по наклонной. Буду подвергнут пыткам. Буду мертв.

Нет смысла жить без нее.

До меня это доходит только сейчас. Работать на автопилоте. Быть фальшивкой. Подделкой. Политическим роботом. Это намного хуже, чем быть мертвым, это жизнь в заточении.

Я отъезжаю от обочины. Не спрашивайте меня, как случилось, но я припарковываюсь напротив дома Кса и мне пох*й, что снаружи огромная толпа. Пробираясь сквозь репортеров, я киваю швейцару, когда он приветствует меня.

— Добрый день, сенатор Стоун.

Он отводит взгляд. Слишком быстро, но все, что меня волнует — это чтобы меня никто не останавливал. И никто не перекрыл мне доступ к лифтам. По крайней мере, моя маленькая саба не дала строгих инструкций, запрещающих мне вход в ее дом.

Поднявшись к ее квартире, я жду секунду перед тем как позвонить в дверь. Я прислушиваюсь, но за дверью тишина. Весь коридор окутан оглушающей тишиной. Я звоню снова и жду. Мое сердцебиение отдается отбойным молотком у меня в ушах, становясь все громче, быстрее, когда в итоге ничего не происходит. Никаких звуков шагов. Ни мерцания света в дверном глазке. Ни фига.

Я беру изящный металлический дверной молоточек и слегка ударяю им. Несколько раз. Без фанатизма. Это даже близко не похоже на то, что у меня внутри. Бл*я. Снова нет ответа и я уже на грани того, что готов впасть в омут безумия.

Капелька пота струится у меня по лбу. Я поднимаю кулак, ощущая весь вес и силу всей той хери, которая творится со мной в последние двадцать четыре часа и я обрушиваю всю мощь на дверь. Я колочу по ней бесконечно долго, пока не чувствую, что готов вот — вот взвыть как сумасшедший прямо здесь в коридоре.

— Бл*ь, — говорю я себе под нос и слышу, как открываются двери несколькими квартирами дальше.

— Какого черта! — говорит женщина.

Мой мозг не работает. Я не могу вымолвить и слова, поэтому заставляю себя хотя бы установить зрительный контакт.

— Я могу вам помочь? — спрашивает она.

— Нет. Моя девушка больна.

— Брук? — Выражение лица девушки меняется с раздраженного на озабоченное.

— Ксавия Кеннеди, — говорю я ей.

Сразу же, в ее взгляде снова появляется злоба.

— ...Ооо, так вы тот сенатор. Стоун. Не думаю, что Ксавия хочет видеть вас. На самом деле, вам лучше уйти или я вызову полицию. Вас даже не было в клинике. Я читала, как ей пришлось пройти через это в одиночку.

— Подождите. Не верьте всему, что вы читаете. Это нечто иное как чистой воды ложь! — Я сжимаю кулаки, борясь с тем, чтобы держать себя в руках.

— Фотографии не лгут, сенатор Гандон. — Она заходит обратно в свою квартиру, громко хлопнув дверью.

Бляяаяя*ь. Я не могу остаться здесь и рвать и метать. Мне нужно придумать план получше. Я не верю, что Кса находится внутри квартиры и мне достаточно легко отследить ее сообщения. Я набираю Арчера.

— Мои ребята уже прихватили одного. — Говорит он, понизив голос.

— Прекрасно. Мне надо узнать, где находится абонент. — Я разминаю шею и пересылаю ее номер телефона ему.

— Я уже занимаюсь этим. Можешь подождать?

— Конечно, перезвони мне. Мне нужно уйти отсюда, где я нахожусь. — Я вижу служебную лестницу и иду к ней. Оказавшись на первом этаже, я выхожу через противопожарную дверь и оказываюсь в переулке. Там, где я поцеловал Кса, пока мы с ней беседовали.

Я быстро дохожу до своей машины. Игнорирую СМИ с каменным выражением на лице направленном на лобовое стекло. На стекле приклеен талон и я срываю его. Журналисты спрашивают меня об аборте Кса, вспышки камер непрерывно мерцают и я сминаю талон в руке. Я готов взорваться, б...я, но сдерживаюсь, чтобы не проронить и слова. Когда я открываю свою дверь, швыряю скомканную бумажку на пассажирское сиденье, чувствуя, как грохочет мое сердце.

У меня звонит телефон. Это Арчер и я отвечаю ему, пока отъезжаю от дома Кса.

— Что нового?

— Она в здании Сената. По крайней мере, ее последние сообщения были оттуда. Ее подружка звонила ей.

— Ты уверен, что она там? — Зачем Кса быть на работе? В этом нет смысла или все — таки есть, если вся эта история как раз то, что я подозреваю. Продажное фуфло.

— Информация проверенная. Дважды. Телефон зарегистрирован на имя Ксавии Стиллман Кеннеди. Она как раз там, у тебя в офисе. Я буду прослушивать ее линию и если она куда — нибудь поедет, я дам тебе знать.

— Я твой должник.

— Конечно. Все, что угодно. Я пришлю тебе счет.

Я двигаюсь к месту назначения и, как однажды обмолвилась Кса, заезжаю в гараж. Затем в другой. В тот, куда я несколько лет подряд заезжал и выезжал, в этот раз это важно. Быстро проезжаю. Собственно говоря, этаж Сената пуст, но все — таки я вижу автомобиль, стоящий на месте, выделенном для моего пресс — секретаря. Это черный Range Rover, точно такой же, как на фотографиях.

Совсем немного времени у меня уходит, чтобы взлететь по ступенькам вверх и вот я стою перед очередной дверью.

Мой кабинет. Моя любовь. Оба этих термина переплетаются между собой. Я мог бы проклянуть то, что случилось, но быть у этого порога — это то, где я должен быть. Это наш с Кса момент.

Я открываю дверь и вхожу в приемную. Это все тоже пространство, за исключением присутствия легкого аромата ее духов, легкого намека на смесь цитрусовых и цветов, который вызывает воспоминания у меня в мозгу. Мышцы плеч сжимаются, а потом и сами руки, когда в памяти всплывают ее губы, мягкость кожи и звуки ее вздохов, когда я целую ее. Держу ее. Занимаюсь с ней любовью.

Меня тянет к моему кабинету и боль в груди разрастается, когда я вижу луч света, льющийся из — под двери ее кабинета. Когда я подхожу к двери, у меня пересыхает горло, но я тут же останавливаюсь. Немного помедлив, я люблюсь Кса, которая держит записную книжку, одну из многих, которые у меня есть. Она наклоняется вперед, кладя ее обратно на полку.

Я вхожу и она поднимает голову. Наши взгляды встречаются. Сталкиваются. Ее невероятно кристально синие встречаются с моими, ощупывая мое тело.

Легкий вздох вырывается сквозь ее полуоткрытые губы. Полные губы, которые принадлежат женщине, преследующей меня в моих снах.

Она метит меня надписью «Кса».

Она владеет моей душой.

Боль искажает ее лицо. Ее ресницы трепещут, а глаза уже не светятся тем известным мне блеском, подернутые замешательством, но у нее есть такая власть надо мной, что может поставить меня на колени. Вид ее дрожащего подбородка ударяет меня прямо в грудь. Глубоко пускает корни в меня. Меня тянет к ней.

— Не надо, — говорит она и такое чувство, что она сейчас упадет. — Оставь, бл*ь, меня.

Слова. Я не слушаю ее, а медленно продвигаюсь вперед, пока не достигаю ее стола. Это больше, чем просто кусок дерева и горстка гвоздей, которые разделяют нас и я вот — вот схвачу ее. И еще я вижу невероятную дилемму. Я не хочу загонять ее в угол.

Я знаю, что это такое и это хреново.

— Просто поговори со мной. Я обещаю, это все, что я хочу. Пять минут, Кса. Разве ты не можешь уделить мне пять минут, детка?

— Ты видел эту историю? — спрашивает она.

— Я не верю в это. Ты не способна на что — то подобное. — Я выпрямляюсь и медленно подхожу к ней.

Она делает шаг назад, но ей не куда деться. Пока я обхожу вокруг стола, я смотрю ей в лицо и она стоит настолько близко, что все, что я могу сделать, чтобы сдерживать себя — это смотреть. Каждая клеточка внутри меня кричит, что она та единственная. Она моя.

Ее глаза наполняются слезами.

— Джонатан Рихтер... парень, который подвозил нас... о боже. Я была такой идиоткой. Я не знаю, кому верить.

Ради нее, когда я встречусь с этим ублюдком, я преподам ему невероятно жестокий урок того, что значит разрушить доверие.

— Позволь мне помочь. — Я протягиваю к ней руку. — Кса. Я никогда ничего не делал, что могло бы навредить тебе. Я клянусь могилой своей матери, я бы никогда тебя ни с кем не стал делить. Норт солгал. Прошлой ночью ты спросила про твоих бабушку и деда. Я должен был поделиться своими подозрениями. Ты права, что — то назревает. На данный момент у меня нет ответов. Ты должна понять, на Холме есть люди, которые смотрят на мир и готовы делать все для кого угодно, чтобы получить то, что они хотят. Все слишком обесценено. Они продают себя... еб*ь, они украдут все что угодно, чтобы остаться здесь. Быть здесь. Это не то, что я хочу, до тех пор, пока дело не касается тебя и ты не становишься частью сделки. Мы можем уйти. Сегодня. Скажи только слово.

— Ты сделаешь это? Уйдешь? — Ее лицо напрягается, наполненное болью и все это из — за моей жажды владеть ей.

Тотчас, я вижу что я сделал. Правда ошарашивает меня и я чувствую, как стены вокруг меня начинают сжиматься.

— Я бы. Или... — я сглатываю и понимание озаряет меня, взрывается внутри меня. Я не могу заточить в клетку единственного хорошего человека, который повлиял на мою жизнь.

Я не могу «связывать» Кса.

Я не могу владеть ее душой.

Но я не могу не любить ее. Этого достаточно, чтобы освободить ее.

— Или ты можешь бросить меня. Я не хочу, чтобы ты так поступила, но я бы предпочел видеть тебя за сотни миль отсюда, если это будет означать, что ты будешь счастлива. Разорвать твою связь со мной и этой жизнью. Подальше от этой тьмы, которая живет во мне.

— Беннетт, я не хочу уходить от тебя. — Ее голос звучит невероятно мягко, сладко, а изысканная мука пронзает мое сердце, одновременно разрывая и излечивая меня. — Я хочу то, что у нас есть, — шепчет она, подходя ко мне, в то время как я двигаюсь к ней, окутывая ее своими объятьями.

У нас с ней настолько буйные и нетривиальные отношения, насколько они могут быть. Боль переплетается с удовольствием, грех с сексом. Ее горящий, небесно — синего цвета взгляд, полон невыплаканных слез, которым она смотрит на меня, словно я часть ее. Кса... Я невероятно сильно люблю ее и я никогда не говорил ей этого. После того, как меня похитили, я никогда и ни одному человеку не говорил, что я люблю его. Мое сердце замерзло... онемело, пока эта женщина не вошла в мою жизнь и не поставила меня на грань и теперь я на краю, и как раз наступило время, чтобы рассказать все начистоту.

Наклонив ее за подбородок, я изливаю свое сердце, произнося:

— Я люблю тебя, Кса.

Может ли человек воскреснуть от того, как другой человек смотрит ему в глаза? Если это так, то сегодня я переродился. Находясь в ее руках и то, как она пропускает мои волосы сквозь свои пальцы, дергает, плачет, улыбается. Я склоняю голову, прижимаясь лбом к ее, обхватывая руками ее за бедра. Я уверен, с ней я свободен.

— Вы всегда знаете, что сказать. Не так ли, Сенатор?

Я поднимаю взгляд и смотрю в ее глаза.

— Не совсем. Я должен был сказать тебе это раньше. Детка, ты нужна мне в моей жизни.

— Насколько сильно, сэр?

— Настолько, чтобы признать, что ты мой лучик света в испорченном мире. И это вовсе не уловка, чтобы залезть тебе в трусики. Это правда.

— К твоему сведению, это даже хорошо, что ты хочешь залезть мне в трусики. — Она прижимается своими губами к моим и ее поцелуй — это ответ на мой вопрос.

Позади нас слышится шум, доносящийся из приемной.

— Давай, шевелись, ублюдок!

— Дерьмо, похоже, что Брук устраивает там разнос, — говорит Ксавия, дергая меня за руку.

Мы оба направляемся к двери ее кабинета и сталкиваемся с ее подружкой и незнакомцем, волочащим Рихтера за воротник. Под одним его глазом виднеется синяк, который начинает уже опухать, а около губы тонкая струйка засохшей крови, этот уб*к не понимает, как ему повезло от того, что он избежал Арчера, который хотел его схватить.

— Хотите поговорить с ним? — спрашивает Брук.

Кса вздрагивает.

— Господи, ты слегка перегнула палку.

— Не — а. Он вполне согласен с этим. Я сказала этому тупому идиоту, что я удостоверюсь, что он больше не напишет ни одного слова, если не пойдет с нами. Он согласился, что расскажет тебе все в лицо, все точь — в-точь, что он сделал.

— Позволь мне поговорить с ним, — отвечает Кса тихо. — Пожалуйста.

— Что ты хочешь знать? Все грязные подробности? — огрызается Рихтер.

— Зачем ты это сделал? — спрашивает она. — Зачем быть таким лицемером?

— Лицемерие... я не один такой. Это город двойных стандартов. Все вы здесь только по одной причине. Это все из — за Брук. Ее вечеринка, на которой вы выступаете в качестве ее маленьких питомцев. Бл*я, Кса. Когда дело касается ее, ты становишься никем иным как человеком, кто нуждается в подачках. Вы двое — не друзья. Это позволяет ей чувствовать себя хорошо..., словно она делает что — то, чтобы поможет делу. Ирония в том, что Кеннеди слишком эксцентричные для любого мыслящего человека. Но какое это имеет значение?

Кса подходит к нему и хватает его за руку.

— Имеет! Мы с тобой были друзьями, и это...это дерьмо, которое ты вывалил — это плохое оправдание тому, что ты сделал. Как ты мог разрушить нашу дружбу, как будто она ничего не значит?

Он усмехается над ней.

— Мы не друзья. Не настоящие.

— Так получается, что... ты просто использовал меня? Это твоя отмазка! — кричит она на него и я уже готов вступить за нее. Нет, не стоит. Я напоминаю себе об этом снова. Мое время для этого засранца скоро наступит.

— Ты все правильно поняла, милочка. Всех кого — то да используют. Особенно твою семью. Это также касается и тебя, принцесса. Ты использовала меня с момента нашей встречи. Я не твоя шестерка, Ксавия. — выплевывает он.

— Никто никогда не говорил, что ты ей являешься. — Она тычет ему пальцем в грудь и он пятится назад, тут же парень, который пришел с Брук, приближается и хватает Рихтера за горло, применяя к нему удушающий захват.

— Придурок, — рычит чувак, — если она хочет выбить из тебя дерьмо, то ты должен смириться с этим. Поэтому, стой смирно.

— Мы закончили, — говорит измученно Кса. — Для меня ты умер, Джон. Ты сам выкопал себе могилу. Я сомневаюсь, что какая — либо из газет захочет иметь с тобой дело.

— Все из — за тебя! — рычит он.

— Нет, Джон. Это все из — за твоей жадности. Твоей извращенной жажды денег и наживы, статуса и власти.

Он вырывается и набрасывается на нее.

— Я не единственный с извращенным чувством морали.

Недолго думая, в ответ я толкаю его, становясь между ними, но в тот же момент Кса задыхается от боли, как если бы этот уеб*к наконец задел ее за живое. Ей надо оборвать все связи с этим хуесо*м и есть только один способ сделать это. Знает ли она, что этот мудака спит с ее двоюродным братом.

— Следи за языком, Рихтер, — предупреждаю я его.

— Или что? Я знаю, что ты продажный, Стоун. Вся эта популярность. Почему Белый Дом не займется тобой. Что, интересно, есть в твоём развратном шкафу, сенатор Перекасти Поле?

— Заткнись, мать твою! — кричит Кса, приближаясь к нему, замахнувшись кулачками.

— Давай. Ударь меня, — насмехается он над ней. — Я и твою задницу притащу в суд вместе с задницами этих двух дебилов. У меня тоже есть свои собственные способы.

— Только попробуй, — смеется Брук. — Я постараюсь, чтобы сегодня же вечером тебя арестовали по множеству обвинений.

Мои планы на счет Рихтера были точно такими же. Он прав. Ни Кса ни я не сможем вырубить этого сукина сына в присутствии множества свидетелей. Я обхватываю Кса за плечи, притягивая ее обратно к себе, разворачивая ее так, чтобы защитить ее своим телом, но тут же чувствую, как она начинает дрожать, понимая, что злость внутри меня уже не сдержать.

— Позволь мне, — шепчу я в ее волосы. — Оставайся на месте.

Я кружу, обрушивая удар справа в лицо Рихтера, а он начинает горько смеяться. Следующий удар я наношу ему в живот. Он врезается в стену, обрывая картину в рамке, которая падает на пол и он падает следом.

Я смотрю на него с нескрываемой злостью.

— Закрой свою поганую пасть. Ксавия, этот так называемый журналистский источник связан с твоим кузеном. Он не просто знакомый Колина — он спит с ним в буквальном и переносном смысле. Они затевали это очень давно и недавно приступили к активным вымогательствам по отношению к его последнему любовнику — адвокату из Мидтауна. Вероятно, поэтому твой брат появился в Гарварде. У этого ублюдка полностью отсутствуют моральные устои. Их просто не существует.

Он вскидывает голову и смотрит на меня.

— Как ты узнал об этом?

— Ты и мой двоюродный брат — идиот — любовники! Как ты мог шантажировать Митча? — требует ответа Кса.

Он опускает голову.

— Этот придурок изменил своей жене. Колин и я просто преподали ему урок.

— Ваш дерьмовый самообман — это полная туфта. Это не может быть правдой, только потому, что ты так думаешь! — Она отходит от него.

Глаза Рихтера мечут кинжалы, когда он поднимается с пола.

— Не делай вид, что ты возмущена. Не я один здесь такой неправильный. Есть в чем покопаться! Если ты думаешь, что я не знаю все об особо секретных тайнах, которые хранятся в Вашингтоне, то ты ошибаешься! Возможно, я и промахнулся на этот раз, но я докопаюсь до всей этой лжи и дерьма, которое сокрыто. Когда наступит этот день, увидим, что ты скажешь на это, Мисс всезнайка. А наступит он очень скоро и все грязное белье Капитолия будет вывалено наружу!

Дерек направляется к нему, чтобы схватить его, но Ксавия шепчет ему:

— Отпусти его. — Покачав головой, она смотрит в сторону. — Я больше никогда не хочу видеть его снова.

Я обхватываю ее руками, сдерживая желание прижать ее к своей груди, будто защищая ее от всей той боли, которую этот идиот причинил ей. Прижимая Кса, я наблюдаю за тем, как один из ее ближайших друзей, тот, кто предал ее, разворачивается в негодовании и проходит мимо Брук и ее молодого человека. Он понятия не имеет, что его ожидает.

— Ну, что ж. Пусть, бл*ь, идет на все четыре стороны. — говорит Брук, когда Рихтер скрывается за дверью без лишних слов. — Кстати, охранник внизу просил позвонить ему. У него наши права. Кса поглядывает на меня.

— Беннетт, это Дерек Вулф.

— Или более известен, как скоро — стану — мужем. Я уверен, что мы с вами будем часто встречаться, — отвечает Дерек, протягивая руку.

Глава 22

ЕРУНДА ПРО ДЗЕН ДХАРМУ.

— Что случится, если мы не появимся сегодня вечером? — Я прижимаюсь к Беннетту пока мы стоим, оперевшись на перила его балкона. Мгновение мы смотрим друг на друга. Его глаза ничего не выдают и мой пульс ускоряется.

— Это не твоя забота. — Неожиданно, он обхватывает меня за подбородок и обрушивается своими губами на мои. Он целует меня в своей обычной подчиняющей манере, овладевает моими губами и я сдаюсь. Чувствуя, как вспышка пламени разгорается внутри меня, я смакую тепло, которое исходит от его тела. Мы как две бури, встретившиеся вместе. Желая получить больше, я впиваюсь пальцами в его каменные мышцы рук, он же в ответ прижимает сильнее к себе меня.

— На вкус ты великолепная, — говорит он, нежно прикусывая меня за нижнюю губу.

— Ммм, ты не хочешь идти? — Мои губы покалывает, когда я отпускаю его бицепсы, а он отступает немного. Он наливает мне еще вина перед тем, как ответить мне. Я внимательно смотрю на него и мне не терпится узнать, чем же эта хрень со СМИ

закончится.

— Ну и? — Спрашиваю я, вцепившись в перила.

— Клуб закрыли, — наконец произносит он, решительно глядя на меня. Тем же самым взглядом, который творит невероятные вещи с моими внутренностями. — На какое — то время, — добавляет он, целуя меня в нос.

— Из — за меня? — Я пытаюсь проглотить неприятный комок, который подкатил из ниоткуда у меня к горлу. Любой другой нормальный человек был бы в восторге от услышанного, но я нет.

Он качает головой, скользя подушечкой пальца по моим губам.

— Не совсем так. Это не то, что ты могла подумать, — бормочет он, затем выпрямляется и опустошает свой стакан.

— Сейчас совсем не время умалчивать что — либо, — говорю я ему.

— Я и не умалчиваю. — Он подмигивает мне, ставя свой стакан на стол рядом с шезлонгом.

— Что ты делаешь? — Я смотрю, как он снимает рубашку и вытирает ей выступившие капельки пота, усеивающие его загорелую и широкую грудь.

— Малыш, давай не будем беспокоиться о Доме. Я прорабатываю этот вопрос по своим каналам, но, естественно, Вице — президент везде сует свой нос. Норт может поцеловать нас в зад, он больше потеряет, чем кто — либо из нас и, вероятно, ему надо напомнить об этом факте.

Я смотрю на него, открыв рот.

— Ты ведь не собираешься пойти против него. Так ведь? — Все мое тело греет мысль о том, как Беннетт, в своей властной манере пойдет против Норты.

— Я не собираюсь играть ему на руку. — Мышцы на его челюсти дергаются.

— Что это значит?

— Доверься мне. — Он наклоняется и целует меня. — Мы находимся не в том положении, чтобы давать еще больше поводов для слухов. Нас будут преследовать и это будет до тех пор, пока наши имена не будут кристально чистыми в глазах прессы. Одно дело таскать Рихтера по судам, другое дело — сделать что — то глупое и быть пойманным. Давай закроем глаза на то, что он устроил нам в отместку своими обвинениями. Наши адвокаты будут заниматься СМИ, а я по своим каналам буду прорабатывать информацию, выясняя, какое отношение имеют твои бабушка и дедушка ко всему этому. До тех пор, пока пыль от произошедшего не осядет, никто с Холма не станет рисковать и раздувать грандиозный скандал.

Скандал. Я замираю при одном только этом слове. Настоящий скандал и я хмурюсь.

— Ты расскажешь мне все, что узнаешь, каким образом мои бабушка и дед причастны ко всему?

— Абсолютно все. Что еще тебя беспокоит?

После всего, что мы пережили и насколько надуманно, чем есть на самом деле, Дом с Беннеттом были для меня самым безопасным местом. Местом, где я чувствовала, как разные стороны меня сливаются воедино.

— Я просто не представляю клуб как нечто злое. Конечно, есть риск...

— Старайся не использовать Дом, как путь к бегству.

— Я не думаю о нем как о пути к бегству. Для меня он скорее как приют, — говорю я ему, но он прав.

Он упрямо отказывается обсуждать предложение Норта, кроме как заявляет, что, в конце концов, на президента найдут управу. Я по — прежнему с трудом воспринимаю мысль о том, как Джон и Колин додумались до того, чтобы добраться до меня в Вашингтоне и отомстить мне, начиная вынашивать идеи своей новой авантюры в виде шантажа, выбирая для этого цели с Холма. В свете всего, что случилось, перерыв между нашими посещениями клуба будет не значительным. Не тогда, когда мы все еще есть друг у друга и у нас есть взаимная потребность к жесткому сексу. Грубому. Извращенному.

— Это основная причина, по которой существует клуб, но не может не быть побочных эффектов, — отвечает он, глядя на меня и его взгляд становится отрешенным.

— Подобно тем, что это может быть местом, где можно спрятаться? — Спрашиваю его я в упор.

— Точно.

Бен фыркает, а я тяжело вздыхаю. Разрастающаяся боль и гнев, которые поглощают меня, служат катализатором к моему отступлению и желанию сбежать, на что он абсолютно верно указал. И если есть хотя бы кое — то, что мы с ним почерпнули сегодня — так это необходимость знать правду. Что — то, что мы жаждем знать и о чем мы стараемся умалчивать.

Это наша слабость и то, над чем мы оба можем работать. Но только вместе.

Я сжимаю перила еще крепче.

— Хорошо, я слышу, о чем ты хочешь промолчать и не сказать мне, но это слишком очевидно, чтобы проигнорировать. Я согласна жить здесь и сейчас. Быть здесь и вся эта прочая хрень учения Дзэн [Прим. пер. — Основной целью дзэн является проникновение в истинную природу ума. Исследователи учения, практиковавшие дзэнскую медитацию, указывают, что сутью учения является «невыразимое», которое невозможно объяснить теоретически или изучить как священную доктрину].

— Это больше, чем просто пункт в списке. Я хочу, чтобы ты была здесь со мной. И сегодня тоже и даже, когда все это утихнет. Вот, держи. — Он протягивает мне связку ключей.

— Ты хочешь меня здесь? С тобой?

— Когда угодно и столько, сколько я смогу получить. Тебе выбирать.

— Это огромный шаг. — Я смотрю на брелок в руке, в то время как мое сердце барабанит в груди. — Надеюсь, ты не устанешь от меня.

— Этого никогда не случится.

Я перебираю в руках три ключа на серебристом колечке. Один из них напоминает мне ключ от моего ошейника. Тот, что связывает нас вместе... но на самом деле он означает намного, намного больше.

— Увидим. — Отвечаю я спокойно, убирая ключи.

Он берет свой мобильный и протягивает его мне:

— Выбери музыку. Пришло время раздеваться.

Я смотрю на его обнаженную грудь и провожу пальцем вдоль к середине.

— Нууу, от этого предложения я не смогу отказаться.

— Хватит зря терять время, — рычит он, проводя своей щекой по моей, пока я пролистываю огромную музыкальную подборку.

— О, вот эта. Она идеально подходит. — Одобрительно киваю я, когда начинает звучать песня — «Южное небо» Boys and Bear [Прим. пер. — Австралийская инди — рок — фолк —

группа]. Он утыкается носом мне в шею, обняв меня за талию и в самый разгар мелодии, я чувствую себя в раю.

Это первый раз, когда я оказываюсь в квартире Бена и она вполне себе такая холостяцкая. Ультрасовременная с глянцевыми поверхностями, даже его балкон — это что — то из разряда высокотехнологичного. В отличие от большинства мест, которые я видела, его квартира превосходно оформлена. Превосходство [Прим. пер. — Автор использует игру слов, употребляя «excess» в значении «превосходство» и псевдоним героини, который она использовала в клубе «Мисс Иксесс» — также может переводиться, как «Мисс Превосходство»]. Хорошо, может так оно и есть и я его муза, и я улыбаюсь про себя.

Роскошь — есть. Высокотехнологичность — надо перепроверить. Начиная от невидимого глазу звукового оборудования и заканчивая холодильником для вина с контролем температуры. Все в его квартире от освещения, сигнализации и даже музыки доступно через приложение на его телефоне. Такое чувство, будто в его теле живет чужак, но чужак в теле красавчика. И в каком теле. Мне понадобится много дней и ночей, чтобы изучить это тело, запомнить каждый его жесткий, словно камень, сантиметр... подобно словам в той песне, которая звучит, я чувствую, будто готова ожить.

— О чем ты думаешь? — Он поднимает мою руку и целует ладонь.

— Я готова... это тот самый день, как говорится в песне.

— Эта песня, — шепчет он в мои волосы, когда встает позади меня. — я добавил ее в плейлист, когда мы приземлились в Вашингтоне и я довез тебя до твоей квартиры.

— Это было месяц назад, — замираю я, произнося это в то время, как он обхватывает мочку моего уха своими губами и начинает посасывать.

— Будто прошла вечность, — отвечает он, и я киваю, соглашаясь с ним.

Я обхватываю его ладонями, путешествуя вдоль его гладких, мускулистых рук, а он обнимает меня и сильнее прижимает к себе. Мы таем друг в друге подобно теплой карамели. Я сплетаю свои пальцы с его и покачиваюсь рядом с ним, смакуя необычайные ощущения, которые он рождает во мне. Снова.

— Беннетт, — произношу его имя, замолчав, чувствуя, как внутри меня начинает бурлить целая гамма эмоций, эмоций, которые я старалась держать в узде и прятать подальше. Все одновременно навалилось на меня и я больше не могу сдерживать свои чувства.

Разворачиваюсь в его объятиях и опять, глядя в его глаза, у меня перехватывает дыхание, когда мы смотрим друг на друга. Но в этот раз я не собираюсь упускать шанс. Я протягиваю и скольжу пальцами по его челюсти, покрытой щетиной, слегка ощущая ее колючие волоски под кончиками пальцев.

Слова эхом отдаются у меня в голове, эхом в каждом ударе моего сердца и желание произнести их становится все сильнее и сильнее.

— Черт, я так сильно люблю тебя! — выдаю я.

Он так смеется, что в его глазах появляется блеск и заставляет мои нервные окончания покалывать, словно через меня прошел разряд электричества.

— Вы заставили меня понервничать, Мисс Кеннеди. Я думал, что моя необузданная любовь к вам была безответной.

— Ты бы мог спросить? — Я прижимаюсь губами к его обнаженной груди, смакуя древесный аромат его одеколona исходящий от него и мягкость его теплой кожи под моими губами. Его сердце бьется сильно и глухо, пока я скольжу по его груди, останавливаясь

только, чтобы щелкнуть языком по его соску, который сморщивается в ответ.

Издав стон, он сжимает в кулак мои волосы, нежно потягивая их.

— На этот вопрос не так уж и легко ответить. Это опасная ситуация и начиная с сегодняшнего дня, я бы предпочел, чтобы ты приходила ко мне добровольно. В нашей жизни не должно быть принуждения.

— О, неужели? Даже совсем маленького принуждения не будет? — Поддразниваю я его.

В глубине души, я понимаю, что он находится на распутье, доверяя свою любовь мне. Не должно быть ни малейшей капли насилия или жестокого обращения, через которое он прошел. Будучи человеком, который смог удерживать свое прошлое на привязи, он впустил меня внутрь, и сейчас мы с ним находимся в точке, где наши отношения открытые, сложные и уязвимые. Мы влюблены. Невероятно сильно влюблены.

Он наклоняет голову, его зеленые глаза поблескивают в вечерних лучах света.

— Ты хочешь сказать, что это то, что ты хочешь?

Адреналин заполняет мою кровь, вызывая боль похоти, которую он разжигает во мне и мое дыхание становится учащенным. Но я не показываю это ему, оставаясь спокойной, закрывая глаза. — Ну, возможно я хочу этого не каждую секунду каждого дня, но вероятно это именно то, с чем вы меня недавно познакомили. Это правда, Сэр. Мне нравится подобное. Что означает небольшой кусок веревки между двумя любящими людьми? Тут шлепнуть, там поцеловать. И не забывайте о достоинствах трости, особенно когда мой рот используется наилучшим способом, Мастер.

— Ты хоть представляешь, каким твердым я становлюсь, когда эти фразы вылетают из твоего великолепного и трахабельного ротика? Покажи мне то, чего я хочу. Сейчас же, красотка. Самодовольно, он выгибает бровь, глядя на меня, а я улыбаюсь, медленно открывая его взгляду кожу сантиметр за сантиметром.

— Ммм, — шепчу я, проводя руками вверх по своей груди, достигая выреза блузки. Расстегнув ее и спустив бюстгальтер вниз, я прикасаюсь к соскам, которые сейчас похожи на камушки, жаждущие ощутить его рот на себе. Но вместо того, чтобы, подойти ближе, я делаю шаг назад, затем еще один. Двигаясь в этом танце, в действительности я не ухожу от него, а наоборот приближаюсь к нему. Он мой огненный круг и я берегу то, что принадлежит мне.

— Вы это имеете в виду? — Кокетливо спрашиваю я.

— Детка, ты прекрасна. Невероятно искушенная. Но ты заплатишь, девочка, если будешь продолжать дразнить меня. — Его зрачки расширяются, когда его взгляд опускается с моего лица к груди.

— Кто дразнится? — Я предлагаю ему свою грудь, обхваченную пальцами. — Все только для вас.

— То, как твои розовые соски тянутся ко мне, заставляет меня желать поскорее трахнуть этих красоток. — Он приближается ко мне, мышцы его тела напрягаются, что заставляет меня провести руками по его рельефному прессу вверх, к не менее скульптурным плечам. Когда он прикасается ко мне, я издаю низкий стон удовольствия.

— Пожалуйста, — умоляю я его.

Испустив мрачный смешок, он начинает гладить кожу груди, лаская мои соски.

— У меня есть кое — что для тебя. — Из кармана, он достает тонкий черный кожаный шнурок, к которому прикреплены крошечные зажимы.

Я смотрю, как он прикрепляет один зажим на мой сосок, потом другой, и я прикусываю губу от растекающегося внутри меня возбуждения, отдающегося покалыванием в каждой груди.

— Бен, — резко произношу его имя.

Он наклоняется и облизывает кончиком языка каждую мою вершинку, дразня меня, пока удовольствие не вспыхивает во мне и не начинает отдаваться у меня между ног. Я издаю голодные звуки, обхватив пальцами его лицо, и изгибаюсь, когда он начинает сосать мои вершинки, взяв их в свой горячий рот. Подняв голову, он прокладывает дорожку из поцелуев от моей груди к шее, оставляя след на ней и заставляя меня растаять.

— Боже! — Я издаю стон.

— Как насчет краткого осмотра моей квартиры? — спрашивает он, одарив меня своей невероятно сексуальной и уверенной ухмылкой, пока тащит меня к выходу с балкона.

— Да. Было бы здорово. — Мою грудь сдавливает чувство вины от того, что я вижу, как тень боли мелькает на его лице в момент, когда он наступает на поврежденную лодыжку. — Сожалею о случившемся с твоей лодыжкой.

На этот раз он издает еще более мрачный смешок и выражение его лица светится похотливым весельем.

— Да неужели?

— Да. Как я могу загладить свою вину? Просто скажи...

Он прижимает палец к моим губам.

— Тссс. Не волнуйся. У меня есть планы на тебя. — Он ведет меня в гостиную, но потом останавливается и разводит руки в сторону. — На восток или на юг?

— Ааа. Твоя квартира L — образной формы?

— Наша квартира и к слову, да, L — образная. — Его глаза приобретают блеск хищника, когда он опускает свой взгляд к моей груди, а потом еще ниже.

— Какое бы направление мы не выбрали, оно все равно приведет нас в спальню. — Я улыбаюсь, когда он указывает на восток, а затем проводит ладонью по своей растущей выпуклости у себя в штанах. Мне всегда нравились спальни, в которых видно было восходящее солнце, а теперь у меня есть еще и мужчина, для которого утренний секс лучше, чем будильник. Да. Это идеальное сочетание.

Он переплетает наши пальцы и ведет меня за собой. Мы проходим мимо гостевой спальни, кабинета и комнаты с закрытой дверью.

— Сюда вход запрещен, — говорит он, заговорщически ухмыляясь, и мне сложно понять, шутит он или нет. Я не спрашиваю его, почему туда нельзя, когда вижу перед собой двойные двери, которые он открывает, представляя моему взору великолепную ванную.

— У тебя талант создавать современное, просторное и элегантное. — Интерьер его спальни соответствует всему остальному интерьеру в его квартире.

— Будь как дома, — говорит он мне, провожая дальше вглубь комнаты.

Мое внимание притягивает его кровать. Она огромная и располагается прямо в центре комнаты, а камин и гостиная зона находятся в стороне. Я останавливаюсь в дверях его гардеробной, оглядывая ряды аккуратно развешанных и сшитых на заказ костюмов. То же самое и с его рубашками, развешанным по цветам. Джинсы, свитера, футболки — все это аккуратно сложено и вместе с ботинками, размещено на полках. Его гардероб необычайно огромный, безупречный и хорошо спланированный — именно такой, какой я и ожидала увидеть у Дома.

Повернувшись, я иду обратно в спальню и останавливаюсь рядом с прикроватной тумбочкой. Я зачарованно смотрю на серию снимков, мелькающих на цифровой рамке. Словно кусочки мозаики, а на самом деле — это части одной фотографии. Это единственная фотография, которую я увидела у него в квартире. Ошеломленно, я смотрю, пока не появляется последний кадр, черно — белый силуэт двух людей.

Ошибиться невозможно, но все — таки я спрашиваю:

— Это мы?

— Да, — заверяет меня он, разворачивая и обнимая. Целуя меня, поглощая, он обхватывает меня за голову, вторгаясь своим языком в мой рот. Его губы настолько теплые и уютные, а его руки блуждают по моему телу, спуская блузку с моих плеч вниз по моим рукам. Он ласкает мою грудь, прикусывает мою нижнюю губу, и в перерывах между поцелуями, спрашивает меня: — Из — за кого ты становишься невероятно дикой... возбужденной... мокрой?

— Из — за тебя. Только из — за тебя, — стон срывается с моих губ в его.

Беннетт не тратит время зря. Он стягивает мою юбку, трусики и блузку вниз по моему телу, пока одежда не оказывается в кучке около моих ног. Затем расстегивает мой лифчик и, когда я делаю шаг из своей сброшенной одежды, кидает его в кучу на полу. — Туфли не снимай, — командует он, разглядывая мои ярко — синие босоножки с ремешками.

Он кладет свою руку мне на бедра, приподнимая меня вверх и делает несколько шагов, прежде чем бросить меня на кровать. Расстегнув молнию на джинсах и скинув их, он освобождает свой член, его глаза приобретают еще более хищный блеск.

— Иди сюда, — произносит он требовательным тоном, кивая в сторону края кровати, одновременно поглаживая рукой по своей эрекции. — Возьми его. Оближи мою головку.

— С удовольствием. — Я погружаю его возбужденный член в свой рот. В тот момент, когда я провожу языком вдоль его щели, он издает низкий стон и я чувствую, как выделяются капельки предэякулята. Я сосу его, мурлыча от ощущения его на своем языке. Так здорово.

Он крепко удерживает меня за голову и начинает врезаться в мой рот, ударяясь о заднюю стенку горла. Я расслабляю челюсть, чтобы он мог податься в меня еще глубже, в то же время чувствую, как нарастает возбуждение в моей киске. Он трахает мой рот, и я становлюсь невероятно скользкой, жаждущей его, одновременно начиная усиленно работать головой.

— Остановись. — Он наклоняется вперед, приподнимая вверх мое лицо, легко скользя пальцами по моей щеке и глядя на меня сверху.

— Я хочу большего, — шепчу я, извиваясь.

— И я дам тебе это. — Раздается его низкий смех. — Хранитель моих тайн, я люблю тебя, Кса.

Он с силой прижимается своими губами к моим, проглатывая мои стоны, а я еще крепче впиваюсь пальцами в его сильные руки, нуждаясь в нем. Он медленно отстраняется от моих губ, двигаясь вдоль челюсти, посасывая ее и оставляя небольшую отметку на ней, меня слегка пошатывает и у меня кружится голова от ноющей необходимости в нем. Опуская руки вниз, я оборачиваю пальцы вокруг его члена, и смотрю, как ладонью он сжимает одну мою грудь, а другую обхватывает губами. Медленно, круговыми движениями языка он обводит чувствительную плоть, зажатую зажимом. Дернув за соединяющий оба зажима шнурок, он вызывает небольшой укол боли, которая отдается в моей груди и я кричу, крепко обхватывая

его возбужденную плоть. Я сжимаю его член в кулаке, а он снова повторяет тоже самое с моим вторым соском, заставляя меня извиваться от невероятного удовольствия.

Поймав меня за руки, он убирает их от своего члена.

— Ты собираешься заставить меня кончить?

— Ты мне нужен! — Я ничего не могу поделать с этим. Я так сильно хочу его, что запускаю пальцы в его густые темные волосы и дергаю их, чувствуя, как он царапает меня, оставляя отметины на моей коже.

Бен опускает меня на кровать, грубо разводя мои ноги в стороны и я выгибаюсь от эротичной атаки его рук, отправляющих искры удовольствия от моих лодыжек до того места, где начинаются мои бедра. Забравшись на кровать, он еще шире разводит мои колени, обнажая мою мокрую и истекающую влагой киску, а выражение его лица отражает настоящую первобытную похоть. Поглаживая пальцами вдоль входа в нее, он раскрывает складочки и издает звук, полный хищного удовлетворения.

— Покажи мне, как нравится тебе, — приказывает он мне.

Я ласкаю себя, представляя, как его пальцы порхают по моей скользкой плоти, прохожусь пальцем от входа в мою киску до клитора, вычерчивая замысловатый узор и выгибаясь на кровати.

— Вот так?

— Черт! Кса, продолжай.

Двигаясь быстрее, сильнее, я глажу себя, сжимая мышцы живота, когда начинаю чувствовать, что внизу зарождается ощущение приближающейся разрядки.

— Пожалуйста, — стону я и умоляюще прошу его.

— Когда —нибудь я сфотографирую тебя такой. Нас трахающихся, — произносит он и его зрачки расширяются, меняя свой цвет с изумрудного на цвет темной лесной зелени. — Детка, я люблю твою киску. Она великолепна. Я хочу, чтобы ты полностью делала эпиляцию для меня. Всегда.

— Это может быть взаимным? — Я смотрю, как его толстый член появляется и исчезает у него в руке прямо над моей киской.

— Конечно, да, — Он прикасается головкой к моему набухшему клитору.

Я начинаю хныкать, вращая бедрами и потираясь о свои пальцы, трахая себя, широко раздвинув ноги.

— Я уже близко, — шепчу я.

— Еще рано. — Он поднимает мою руку, беря мои влажные пальцы в рот, заменяя мои пальцы своими. Одним резким толчком он вводит в меня большой палец. — Обьезжай меня, детка.

Беннетт врывается в мою киску, затем останавливается только лишь для того, чтобы добавить еще два пальца и затем, действительно начинает вколачиваться в меня. Дрожь безудержного блаженства проходит сквозь меня, когда он, трахая меня, дотрагивается до моей точки «Джи». Он тоже должен кончить. Я протягиваю руку, оборачивая пальцы вокруг его эрекции, наслаждаясь ощущением его кожи в моих руках, одновременно жесткой и шелковистой. Я издаю низкий стон, который зарождается глубоко внутри меня в тот момент, когда мы оба прикасаемся друг к другу и возносимся за грань чувственности. Коснувшись пальцами его головки, я собираю с нее выделившуюся жидкость и смакую его вкус на своей коже.

Он бормочет мое имя:

— Ксавия. Впусти меня.

Его голос отдается эхом в моей голове, в моей крови, в моем сердце, которое бьется, словно шепчет о любви и похоти, о силе и доверии. Окунув мое тело своим, он закидывает мои ноги на свои широкие плечи, слегка толкаясь одновременно своим членом в мою киску.

Он нависает надо мной, смотрит на меня сверху напряженным взглядом.

— Отдайся мне. — Его приказ рокочет у него в груди и я чувствую вибрацию, которая льется из его тела в мое, заставляя меня задыхаться от удовольствия и боли.

— Так будет всегда, — обещаю ему я, поглаживая его членом свой клитор, сжимаясь от ощущения умопомрачительного удовольствия. Я нуждаюсь в нем. Его вкус, его твердость, его ярость. Все внутри меня пульсирует и стучит.

Беннетт накрывает мои губы своими. Горячий, влажный, требовательный — мы жаждем друг друга настолько сильно, что слова моментально слетают с губ, наше дыхание становится быстрым, и мой голод, почувствовать как он владеет мной, выходит из под контроля.

— Ты вся моя, — рычит он, и тут же безжалостно входит в меня всей своей пульсирующей длиной.

Моя киска сжимается, клитор начинает пульсировать, а бедра извиваться, ударяясь об него. Еще один мучительно долгий толчок и он оказывается глубоко во мне, а я хнычу, произнося его имя. Жестко Бен качает бедрами, полностью загоняя свой член в меня на всю длину.

С дрожью в голосе я произношу:

— Я люблю тебя.

— Малышка, я итак очень глубоко внутри тебя, но ты хочешь еще больше. — Его глаза цвета дымчатой лесной зелени держат меня в плену.

Обхватив его, я сжимаю бедра, выгибаясь вверх и вниз, двигаясь по всей его длине. Я покачиваюсь, беспрестанно трахая его член. Он обхватывает мою задницу, врываясь, вколачиваясь в меня. Грубо. И глубоко.

— Сэр, я настолько сильно хочу вас. Пожалуйста, дайте мне то, что мне нужно!

Он слегка касается пальцами кожи вдоль моей шеи, соблазняя меня запретным удовольствием, сжимая горло большим и указательным пальцами. Да. Вот так. Он дразнит и пробует одновременно, в то время, как я издаю стон и молю о большем.

Я обнимаю его за плечи, удерживая его рядом, говоря ему шепотом о том, что он делает со мной. Море ощущений проносится сквозь меня, становясь все сильнее каждый раз, когда он вводит свой член в меня снова и снова. Наши губы встречаются, языки танцуют бешеный танец, а наши тела двигаются вместе в чистом и настоящем блаженстве. В момент, когда он овладевает моим телом, мое дыхание становится затрудненным, тяжелым от удовольствия. Внезапно он убирает руку с моей шеи, но отчаяние мольбой срывается с моих губ.

— Не отпускай. Пожалуйста. Мне надо это.

— Не сейчас, — приказывает он, опустив мои ноги. Он мягко переворачивается на спину, заставляя меня оседлать его бедра, насаживаясь на его член.

Грубо сжимая меня, он приподнимая мои бедра вверх и вниз, двигая по своей эрекции. Мои груди дико подпрыгивают, настолько дико, что я прижимаю пальцы ним. Безжалостно, он насаживает меня, заполняя меня ощущением дикого восторга. Горячие волны друг за другом пронесаются сквозь меня все сильнее, быстрее, пока я объезжаю его член, чувствуя его. Он сносит мне крышу.

— Боже... ты так хорошо ощущаешься, — произношу отрывисто.

Он убирает мои руки от груди, прижимая меня к себе.

— Наклонись ко мне. Я действительно хочу тебя жестко трахнуть.

Раскачивая бедрами, я кладу руки на его мускулистую грудь. Бен приподнимает мою задницу руками и начинает тянуть меня назад и вперед по всей длине своего члена в бешеном ритме, смешивая боль с удовольствием, невероятно сильно и грубо.

Он с силой насаживает меня вниз на свой член и неконтролируемый взрыв эмоций зарождается во мне и слова слетают у меня с языка.

— Беннетт! — Кричу я его имя.

— Ты такая, бля*, влажная, — рычит он сиплым голосом, щелкая большим пальцем по комочку нервов моего клитора.

Изнуряющая похоть разрастается внутри меня, а затем разлетается, ослепляя меня яркой вспышкой.

— Ой. Да. Вот так! — Я поднимаю его руку, размещаю его пальцы у себя на шее и гляжу на него. — Ты знаешь, что хочешь сделать это.

Его зеленый взгляд встречается с моим, гортанный стон ласкает мою шею, я нуждаюсь в нем... нуждаюсь в том, что он может мне дать. Он смотрит на меня и затем медленно кивает. Взяв меня за руку, Бен поднимает нас и снова совершает поворот на 180 градусов. Находясь под ним, я вижу, как он пододвигается вверх, его тело прекрасно, он представляет собой великолепный пример мужчины, мышц и уверенности в себе.

Он целует меня и шепчет у моих губ:

— Дай мне секундочку.

Выйдя из меня, он переворачивается и встает с кровати, направляясь к шкафу. Вернувшись, он держит в руке синий шелковый галстук, внимательно изучая мое лицо, затем скользит взглядом по моему телу.

— Ты уверена, что это то, что ты хочешь?

— Абсолютно да, сэр. — Улыбаясь, произношу я.

Он связывает мои запястья, обернув галстук вокруг деревянного столбика в изголовье кровати.

— Этот вид секса поглощает. Для одних это способ избавиться от страхов, которые сдерживают их мечты. Для меня с тобой, это способ раскрыть, освободить тьму внутри нас. Я обещаю, мы не будем заходить слишком далеко.

— Я верю тебе.

— Только из — за того, что ты просишь, я делаю это, — говорит он, располагая его головку перед моим входом, а затем грубо врывается в меня.

Он обхватывает мою шею своими пальцами. Сперва, мягко надавив, он делает так, чтобы моя киска приняла все, что он может мне дать с каждым толчком, который он совершает. Ощущение, будто я падаю, распалает мои чувства одновременно с тем, как он всаживает свой член в и из меня, и это ничто, как мучительный экстаз. Не останавливаясь, он грубо загоняет свой член глубоко в меня, нажимая пальцами постепенно все сильнее и сильнее на чувствительные точки возле моего горла, на те, которые, кажется только он и способен обнаружить.

С каждым толчком его члена, с каждым движением его бедер, внутри меня начинает разрастаться удовольствие, и этот способ траха невероятно восхитителен. Вдалбливаясь в меня, он создает гармонию сокрушительного блаженства, которое переплетается с

прекрасной болью, пронизывая мое тело, клеймя мою душу.

— Кончай со мной, — мурлычет он, издавая ласковое рычание, опуская свои губы на мои, проглатывая мою мольбу дать мне больше и жестче.

— Это не вероятно, — взываю я к нему.

И так оно и есть. Каждый удар. Каждый толчок. Каждый дюйм. Я начинаю дрожать вокруг него, уносимая волной цунами эротической жажды в то время, как мир вокруг меня темнеет, а мое удовольствием становится все сильнее и сильнее, а его голос заполняет мое сознание.

— Кончай, Кса. Я с тобой. — Еще одна нотка его бархатного голоса, еще одно последнее глубокое проникновение его пульсирующего члена в меня и я возношусь к небесам.

Сокрушительное наслаждение взрывается внутри и меня уносит, смывает волной чистой неги, которая ощущается словно раскаленный огонь, бегущий у меня в венах.

— Я люблю тебя. Всего тебя, — говорю я ему, чувствуя, как пространство вокруг нас разлетается на кусочки.

— Ты моя. Вся моя. — Глаза Бена цвета зеленого леса горят огнем, в то время как я разлетаюсь на осколки от той силы, которую он источает, доминируя надо мной, поглощая меня.

Освобождая меня.

Одни люди могут принять влюбленность как нечто должное — но только не он и ни я. У любви есть своя цена и мы оба это только что поняли. Впустить кого — то — означает одновременно смешать болезненно сладкое, граничащее с горькой болью. Однажды, было проще выстроить стены, запереть эмоции под замок и никогда не позволять другому человеку разрушить вашу тьму. Только не сейчас.

Он трахает меня, не жалея, своим особым способом, прекрасно сочетая невыносимое желание и наивысшую интенсивность — это ключик, которым он открыл путь к моему сердцу. Он владеет огромной частью меня и я больше не боюсь рассыпаться, когда приближаюсь к краю.

— Беннетт, мой! — раскрываю я свой секрет.

— Бля*ь, детка. Ты просто великолепно ощущаешься! — Он вздрагивает, его мускулы блестят, а его тело напрягается надо мной.

На яркой волне удовольствия, мы бросаемся вниз со скалы. Мы вместе в состоянии свободного падения.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ...

Больше книг на сайте - Knigolub.net